

1992-1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

В.П. Курылев

**СКОТ,
ЗЕМЛЯ,
ОБЩИНА
У КОЧЕВЫХ
И ПОЛУКОЧЕВЫХ
КАЗАХОВ**

(вторая половина XIX—начало XX века)

Санкт-Петербург
1998

ББК 63.5

К 93

Монография посвящена наиболее актуальным проблемам номадизма — земельным общинным отношениям у кочевых и полукочевых казахов. Опираясь на обширный материал источников, а также собственных полевых исследований, автор высказывает ряд новых положений, касающихся общих вопросов кочевого феодализма и казахских кочевников, в частности. Особого внимания заслуживают его выводы о тесной связи общины с земельными (пастбищными) угодьями в разные сезоны года, а также предложение автора называть их общины кочевой семейно-родственной и полукочевой семейно-родственной.

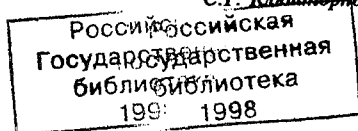
Книга рассчитана на этнографов, историков, экономистов, социологов и специалистов смежных дисциплин

Ответственный редактор

Ч.М. Таксами

Рецензенты:

С.Г. Кляшторный, М.А. Родионов

Утверждено к печати

Ученым советом

Музея антропологии и этнографии

им. Петра Великого (Кунсткамера)

Российской Академии наук

2004127381

Публикация монографии осуществлена
благодаря финансовой поддержке АОЗТ «Орими трэйд»

К 0505000000
ISBN 5-88431-038-2

© В.П. Курылев, 1998
© МАЭ РАН, 1998

В науке существует только один критерий: мнение не должно противоречить строго установленным фактам, но вправе противоречить любым концепциям, сколь бы привычны они не были.

Л.Н. Гумилев

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы кочевого общества, его истории и культуры начиная с его становления и вплоть до упадка, его взаимоотношений и взаимосвязей с оседлым миром постоянно находились в кругу интересов ученых-этнографов. Особое внимание уделялось вопросам общинных отношений, в первую очередь — земельно-общинных. И это понятно, ибо община, представляя собой производственный и социально-бытовой коллектив, неизбежно была связана с землей. Земельные отношения в любом обществе доиндустриального периода находились в довольно сложном переплетении различных форм землепользования. К этому необходимо добавить, что земельно-общинные отношения у кочевников-скотоводов при наличии определенных общих закономерностей имели и отличия как внутри каждого народа, так и в разные периоды его исторического развития. Последнее обстоятельство послужило основной причиной обращения к исследованию земельно-общинных отношений у кочевых и полукочевых казахов, которые в наибольшей степени сохраняли типы скотоводческого хозяйства до недавнего времени.

С хронологической точки зрения мы ограничили наше исследование второй половиной XIX—началом XX в. Это ограничение связано с двумя основными факторами. Во-первых, в этот период со все более возрастающей силой происходило воздействие на традиционные для кочевых и полукочевых казахов формы землепользования порядков, господствовавших в Российской империи, вплоть до объявления царским правительством в реформах 60-х, а затем 80—90-х гг. прошлого века казахских земель собственностью Российского государства с передачей их в бессрочное пользование казахам («Положение об управлении Туркестанским краем», 1886 г.; «Положение об

управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», 1891 г.). Во-вторых, исследования земельных порядков, складывавшихся в этот период в Казахстане под влиянием вышеуказанных причин и на основе господствовавших патриархально-феодалных отношений, позволяют с определенной степенью достоверности представить с максимально доступной детализацией все формы землепользования кочевых и полукочевых казахов в канун Октябрьской революции.

В соответствии с поставленной задачей предлагаемая работа в структурном отношении состоит из четырех глав.

В первой из них в сжатой форме рассматриваются природно-климатические особенности Казахского края, в значительной степени повлиявшие на формирование и развитие определенных типов скотоводческого хозяйства казахов: кочевого и полукочевого. В этой же главе кратко рассматриваются основные признаки этих хозяйств.

Вторая глава посвящена изучению землепользования казахов в период, предшествующий изучаемому, т.е. времени Казахских ханств, так как без этого невозможно правильно понять, на каком фундаменте складывались последующие общинно-земельные отношения. И, наконец, третья и четвертая главы посвящены основной теме, а именно: изучению земельно-общинных отношений соответственно у кочевых и полукочевых казахов в скотоводстве.

Необходимо отметить, что в русской дореволюционной и современной литературе имеется значительное число работ, посвященных исследованию изучаемой нами проблемы, или же в той или иной степени затрагивающих ее. Однако до настоящего времени среди специалистов нет единого взгляда ни на общие процессы исторического развития казахского общества вплоть до оценки его формационного положения (что, впрочем, можно сказать и в отношении других, в прошлом кочевых народов), ни на земельно-общинные отношения. В то же время эта литература содержит богатейший, можно сказать неопределимый банк фактического материала, раскрывающего необычайное многообразие форм землепользования у кочевых и полукочевых казахов в исследуемое время, в том числе по отношению к земельным угодьям, непосредственно связанным со скотоводством: сезонным пастбищам, кочевым путям и сенокосным участкам.

Мы попытались в своей работе выяснить главные закономерности, тенденции развития форм землепользования, показав и отмеченное выше многообразие, иногда даже рискуя перегрузить ее фактическим материалом. Богатство литературы по исследуемой проблеме не позволяет нам не только охарактеризовать все имеющиеся в нашем распоряжении работы, но даже просто перечислить их. Остановимся на наиболее существенных из них.

Одной из первых работ такого рода является труд, подготовленный офицером генерального штаба для раздела «Материалы для статистики и географии России» М. Красовским «Область сибирских киргизов».¹ В этой работе, состоящей из трех частей, дается довольно подробное описание земельных угодий казахов, связанных со скотоводством, хотя большинство сведений о них относится к первой половине XIX в. Ее как бы дополняет книга Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства», где также говорится о сезонных земельных пастбищах казахов Западного Казахстана.² В одной из первых значительных работ о казахах, принадлежащей А. Левшину, приводятся, правда очень кратко, сведения о кочевках и формах землепользования в более ранний период — до начала XIX в.³

Весьма ценной работой по скотоводству казахов в изучаемое нами время является книга А.И. Добросмыслова «Скотоводство в Тургайской области». Основным источником для написания этой работы послужили личные наблюдения в течение двух лет работы в Тургайской области как самого автора, так и его коллег — ветеринарных врачей.⁴ Таким образом данная работа носит характер самого достоверного первоисточника по всем вопросам, которые в ней затрагиваются, в том числе и землепользованию. К сожалению, последнему в ней уделено слишком мало места. Важные сведения о землепользовании у казахов Сырдарьинской области содержатся в монографии Н. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области». Данная работа, как и предыдущая, носит источниковедческий характер, ибо написана в основном на материалах, собранных Г. Вышнегорским во время почти семимесячного пребывания среди казахов и киргизов указанной области.⁵ Ценные замечания по земельным порядкам у кочевых и полукочевых казахов содержатся в трудах А.К. Гейнса.⁶

Большое внимание в дореволюционный период уделялось изучению казахского обычного права, в том числе и по отно-

шению к земельным угодьям. Было собрано и частично опубликовано много фактического материала. Все эти работы вошли в сборник «Материалы по казахскому обычному праву». В нем содержится ряд весьма ценных замечаний по казахскому землепользованию во второй половине XIX—начале XX в. Эти материалы также носят характер первоисточников, однако необходимо учитывать, что собирались они главным образом у казахской феодальной знати.⁷

Большое число фактов по изучаемой нами проблеме содержится в многочисленных статьях о казахах, опубликованных в различных периодических изданиях XIX—начала XX в.⁸ Среди них особо следует отметить статьи Н. Остафьева «Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве»,⁹ Н. Изразцова «Обычное право (“адат”) киргизов Семиреченской области»,¹⁰ Н. Коншина «Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Очерк первый: Киргизы на казахских землях» и др.¹¹

Уникальный и необъятный по объему фактический материал содержится в публикациях экспедиций Переселенческого управления. Условно эти публикации можно разделить на четыре отдельные серии. К первой относятся издания материалов экспедиций, проводимых под руководством известного в России статистика Ф.А. Щербины, в 12 степных уездах Казахского края, которые находились под управлением Степного генерал-губернаторства (г. Омск).¹² Эти издания, по нашему мнению, наиболее ценны, так как в специально выделенной рубрике под названием «Примечания к пообщинным таблицам» приводят краткие сведения по всем обследованным общинным группам, которые зачастую представляют собой кочевую или полукочевую семейно-родственную общину. Как правило, в этих сведениях есть указание на принадлежность к определенному роду, краткая характеристика всех видов сезонных пастбищ и их принадлежность, форма пользования сенокосными участками и т.д. По некоторым уездам дается также довольно подробное описание ряда волостей.¹³ Вторую серию публикаций материалов экспедиций Переселенческого управления составляют издания повторного обследования степных уездов Казахстана.¹⁴ Материалы по исследованию казахского землепользования в Сырдарьинской области содержат публикации третьей серии. К сожалению, вопросы землепользования казахов в них освещены значительно более сжато, а также отсутствуют данные по

отдельным таблицам.¹⁵ Зато они имеются в публикациях материалов обследования казахских хозяйств в Семиреченской области, которые входят в четвертую серию работ.¹⁶

Надо сказать, материалы, собранные во время экспедиций Переселенческого управления, легли в основу работ, полностью посвященных вопросам землепользования у казахов или же так или иначе затрагивающих эту проблему. Среди них в первую очередь необходимо назвать труды Л.К. Чермака о формах казахского землепользования,¹⁷ П.П. Румянцева,¹⁸ А.А. Кауфмана¹⁹ и др.

Богатейший фактический материал публикаций Переселенческого управления стал одним из основных источников для нашей работы. В то же время мы не смогли согласиться с некоторыми теоретическими положениями, выдвинутыми в них, о чем и указывается в соответствующих местах работы.

Существует богатая советская литература по патриархально-феодальным и тесно связанным с ними земельно-общинным отношениям у кочевых скотоводческих народов. Однако среди современных исследователей нет единой концепции по этим проблемам. Более подробно мы это рассматриваем во второй главе нашей работы, куда и отсылаем читателя. Здесь же хотелось бы обратить внимание еще на один аспект взаимосвязи между феодальным способом производства и землепользованием, который, с нашей точки зрения, до последнего времени вообще не затрагивался.

Как известно, понятие феодализма (сущность феодального способа производства) основано на сочетании крупного землевладения феодалов и мелкого индивидуального хозяйства производителей-крестьян, эксплуатируемых путем внеэкономического принуждения. Подчеркнем, что крестьяне при феодализме имели на свои участки земли такие же законные права, как и сами феодалы.²⁰ И все же вплоть до настоящего времени многие вопросы, связанные с феодальной земельной собственностью, продолжают оставаться дискуссионными. Так, некоторые исследователи считают, что при феодализме вообще не было поземельной собственности, а были лишь владение и пользование землей.²¹

Мы остановимся только на одной, совершенно не разработанной проблеме, а именно: на самой тесной связи между феодальной земельной собственностью и развитием феодализма, с одной стороны, и различием плодородия почвы — с другой.

Некоторые исследователи считают, что наличие свободных земельных массивов оказывало негативное воздействие на генезис феодализма, его развитие, ослабляло его действие, и даже, согласно некоторым авторам, препятствовало возникновению феодальной земельной собственности, а следовательно, и самого феодализма. М.В. Калгаров пишет об этом следующее: «Превращение аллода в зависимое владение через коммendaцию можно считать главным путем развития феодального землевладения в России. Но это был более медленный и затяжной путь развития, чем тот путь, по которому шло развитие феодального землевладения на Западе. Там исчерпание земельных фондов принудило уже в VIII в. Карла Мартелла, как указывает Энгельс, перейти от пожалования в аллод к пожалованию в условное владение землей, что сразу вело к образованию феодальной иерархии и феодальных отношений. В России земля хоть и жаловалась, но почти до конца XV в. исключительно в вотчину, т.е. в аллод. Да иначе и не могло быть при наличии больших земельных просторов. Вот почему феодализм в России не получил своей законченной формы, как на Западе, не только в X, XI вв., но и XV столетии, когда на Западе он клонился уже к своему упадку».²² Итак, основную причину замедленного развития феодализма в России автор видит в наличии больших свободных земельных массивов. То же самое можно сказать по отношению к кочевым обществам. Так, некоторые исследователи считают, что у кочевников, в силу специфики их производства, не было и не могло быть феодализма. Например, Г.Е. Марков утверждает: «Анализ фактического материала показывает, что у кочевников отсутствовала феодальная собственность на средства производства и по большей части отсутствовали феодальные производственные отношения».²³

Другие авторы считали, что у кочевых народов были неразвитые феодальные отношения, которые основывались на частной собственности только на скот. Известный казахский исследователь С.Е. Толыбеков пишет об этом следующее: «Кочевое общество казахов в XV—XVIII вв. в своих основных чертах характеризовалось кочевым скотоводством с большим радиусом кочевания, частным скотовладением при общинном владении пастбищем, патриархальным рабством и полуфеодальной эксплуатацией, родоплеменным устройством с калымом и многоженством, выражавшими поработненное положение женщин, военно-племенным полуфеодальным государ-

ственным образованием в виде кочевого ханства с данью и данническими отношениями, непрерывной грабительской внешней и внутренней войной, неписаным обычным правом, культом предков и скота. Все эти явления были между собой связаны и в совокупности определяли достигнутый уровень развития кочевого скотоводческого общества как патриархально-феодального». ²⁴

И, наконец, третья группа исследователей считает, что в кочевых обществах развивались в той или иной степени феодальные отношения, вернее сказать, патриархально-феодальные, в силу сохранения в целости многих функций кочевой общины. Эти отношения, как и у оседлых народов, были основаны на частной собственности на землю и скот как основные средства производства, конечно, с особенностями, характерными для кочевого хозяйства. Автор также придерживается данной точки зрения.

В качестве одного из основных аргументов сторонники отсутствия феодальной земельной собственности у кочевых народов указывают, как уже отмечалось выше, на наличие больших свободных земельных пространств у этих народов. Так, например, Г.Е. Марков в отношении туркмен сообщает, что «ни на колодцы, ни на пастбища частной собственности в полном смысле этого слова не возникло. В ней просто не было нужды при наличии больших свободных пространств». ²⁵ То же самое он утверждает по отношению к казахам, ссылаясь при этом на дореволюционного автора П.П. Румянцева. Последний, основываясь на неопубликованных данных, писал, что «при полном господстве кочевого быта признаки землепользования, собственно говоря, отсутствуют. Киргизы (казахи — В.К.) и лето и зиму перегоняли скот с места на место, переноса с собой и свои жилища-юрты. В это время земли было так много, что прав собственности на нее не существовало». ²⁶ На отсутствие феодальной земельной собственности у казахов из-за обилия свободных, незанятых земель ссылается и С.Е. Толыбеков. «Нельзя не согласиться, — пишет он, — с мнением С.Л. Фукса о том, что наличие свободных земель, могущих служить сезонным пастбищем, было серьезным препятствием для превращения земли, пастбищ в монополию ханов и султанов и основное орудие феодальной эксплуатации». ²⁷

Представляется, что подобные рассуждения не раскрывают полностью содержание данного явления, и, в связи с этим,

приводят к отмеченным выше ошибочным заключениям. Действительно, в Казахстане, а также во многих других странах, например, в Киевской Руси, в период возникновения и развития феодализма наличествовали свободные, незанятые земли. Однако это не должно было кардинальным образом влиять ни на зарождение феодальных отношений, ни на их развитие, а, следовательно, и на зарождение и развитие феодальной земельной собственности. Это становится очевидным, если учитывать следующее важное и объективно существующее обстоятельство: в природе различные участки земли отличаются друг от друга своим плодородием, иногда очень существенно. Иначе говоря, имеются как лучшие по плодородию земельные участки, так и худшие. Естественно, первые были и более производительными в результате наличия определенной естественной силы, которой обладает, как это доказал К. Маркс, только земля. К этому необходимо еще добавить, что только земля имеет двойную монополию: во-первых, как объект хозяйства, и, во-вторых, как объект собственности. Для доказательства позволим себе обратиться к разъяснению этого положения К. Марксом на примере фабрик, из которых одни работают с помощью паровых машин, а другие — естественных водопадов. «Стоимость товара, произведенного при помощи водопада, меньше потому, что для его производства требуется меньшее общее количество труда, именно меньше того труда, который входит в производство в овеществленной форме, как часть постоянного капитала. Труд, применяемый при этом, производительнее, его индивидуальная производительная сила больше, чем производительная сила труда, применяемого в большинстве фабрик такого же рода. Его большая производительная сила обнаруживается в том, что для производства той же массы товаров требуется меньшее количество постоянного капитала, меньшее количество овеществленного труда, чем на других фабриках, да кроме того требуется и меньшее количество живого труда, так как водяное колесо не нуждается в топке. Эта большая индивидуальная производительная сила применяемого труда уменьшает стоимость, а также издержки производства и, следовательно, цену производства товара. С точки зрения промышленника дело представляется таким образом, что для него издержки производства товара меньше... Так как издержки производства его товара меньше, то и его индивидуальная цена производства меньше... Избыток над этой разностью (т.е. раз-

ностью между его низкой ценой производства и более высокой общей ценой производства — В.К.) предполагает продажу продукта не по цене производства, регулируемой рынком, а дороже... Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, то есть тем избытком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек. Водопад — такой естественный фактор производства, на содержание которого не требуется труда.

Но это не все. Фабрикант, работающий при помощи паровой машины, тоже применяет естественные силы, которые ему ничего не стоят, но которые делают труд производительнее и, поскольку они благодаря этому удешевляют производство жизненных средств, необходимых для рабочих, увеличивают прибавочную стоимость, а потому и прибыль, которые, следовательно, совершенно так же монополизированы капиталом, как и общественные естественные силы труда, возникающие из кооперации, разделения труда и т.д. Фабрикант оплачивает уголь, а не способность воды изменять свое физическое состояние, переходить в пар, не упругость пара и т.д. Эта монополизация сил природы, то есть обусловливаемого ими повышения производительности рабочей силы, присуща всякому капиталу, применяющему паровые машины. Но с добавочной прибылью фабриканта, использующего водопад, дело обстоит иначе. Повышенная производительная сила применяемого им труда вытекает не из простого факта применения естественной силы, отличной от капитала и труда, присоединенной к капиталу. Она возникает из большей естественной производительной силы труда в связи с использованием естественной силы, но не такой естественной силы, которой, как, например, упругостью пара, может располагать всякий капитал в данной сфере производства, то есть не такой естественной силы, применение которой разумеется само собой, раз капитал вообще применяется в этой сфере, а такой естественной силы, которую можно монополизировать, которой, как водопадом, могут располагать лишь те, кто может располагать особыми участками земли вме-

сте со всем тем, что находится на их территории. Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому, как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определенной затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т.п., а с определенными природными условиями определенной части земли. Фабриканты, которым принадлежат водопады, не допускают фабрикантов, у которых нет водопадов, к применению этой естественной силы, так как земли, тем более земли с источниками водной силы, — ограничены... Владение этой естественной силой составляет монополию в руках ее владельца... Эта естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землей».²⁸

То же самое, что было доказано благодаря этой весьма затянувшейся, но, по нашему мнению, необходимой цитате, можно сказать и в отношении различия плодородия земли, т.е., что есть очень плодородные земли, обладающие большой естественной производительной силой, и есть менее плодородные, а иногда и совсем неплодородные.

Совершенно закономерно считать, что высокое плодородие отдельных участков земли — это те самые дополнительные естественные производительные силы, которые проявляются, во-первых, только при хозяйствовании на этих участках, и во-вторых, в том, что число таких участков всегда было ограничено. Поэтому на них всегда возникала монополия, а, следовательно, и борьба за них, несмотря на то, что рядом были свободные, но менее плодородные земли.

К сказанному необходимо добавить, что при скотоводстве, особенно при кочевом скотоводстве в аридной и полуаридной зонах решающее значение в оценке земли, т.е. пастбищ, приобретала не столько сама земля, сколько наличие на ней источников воды для водопоя скота. П.П. Румянцев выразил это очень четко: «В это время земли было так много, что прав собственности на нее не существовало, и если между отдельными родами происходили споры за право кочевания на известной территории, то дело шло не о земле, а исключительно о водных источниках, которыми степь не богата и которые, поэтому, ценятся весьма высоко».²⁹ Перед нами убедительный при-

мер борьбы, или, как сказано, споров за лучшие участки (в данном случае за пастбища с водоемом), причем борьбы, происходившей в то время, когда земли было много. Автор явно противоречит себе, когда считает, что определенного обособления земли в это время не существовало. На самом деле она фокусировалась на те участки земли, где имелись колодцы, вернее сказать, сами колодцы находились в собственности одного хозяйства, общины или рода.

Приведем еще одно свидетельство автора середины прошлого века, т.е. периода, когда казахи еще не испытывали никакого земельного стеснения. «Иной (казах — В.К.) лет десять, как бросил зимовку, обеднев от падежа, баранты или других причин, однако же когда-нибудь да поправит свое состояние, возвращается на прежнее зимнее стойбище, а оно, понятно, уже занято другим, потому что все удобные в этом отношении местности в степи наперечет».³⁰ Подобных примеров можно привести много. Сошлемся для краткости только на то, что говорят наши оппоненты. С.Е. Толыбеков, например, пишет: «Со времени образования своего кочевого ханства и вплоть до завершения добровольного присоединения казахских жузов к России казахские племена и роды постоянно враждовали между собой».³¹

Борьбу за лучшие пастбища можно было наблюдать и у других кочевых народов. Так, Г.Е. Марков, ссылаясь на немецкого исследователя Якоба, пишет об арабах: «Хорошие пастбища приходилось защищать».³² То же он говорит о монгольских кочевниках: «Нередко из-за лучших мест вспыхивали ссоры, и если стороны не приходили к согласию, то кому-то приходилось искать себе новые пастбища».³³ И, наконец, он же приводит пример по кочевникам Тибета: «Исследователь Тибета М. Германис... утверждает, что пастбища принадлежали племенам, между которыми они были поделены, так как при экстенсивном скотоводстве кочевники нуждались в больших просторах, — между племенами шла борьба за лучшие пастбища».³⁴

На основании сказанного выше можно сделать следующее заключение. При объективной ограниченности земли вообще и ограниченности выбора лучших по плодородию или другим каким-либо качествам земельных участков всегда шла борьба за лучшие ее участки, вне зависимости от наличия других, более худших по качеству участков, даже если последних было

много. Это же, в свою очередь, приводило к тому, что земельные отношения, в том числе феодальные, формировались только в расчете на лучшие земельные угодья, которые в первую очередь монополизировались, т.е., иначе говоря, становились собственностью. Даже при больших земельных площадях в расчет принимались лишь лучшие участки, и, следовательно, постоянно наблюдалась относительная земельная теснота, относительная к лучшим участкам, их нехватка. Это порождало захват в первую очередь лучших земель, а затем и борьбу за них. Захват же земель, как об этом сообщает К. Маркс, приводит к собственности на нее: «Отношение к земле как собственности всегда опосредствовано захватом (мирным или насильственным) земель».³⁵

Итак, наш основной вывод заключается в том, что на генезис и развитие феодализма и соответственно феодальных земельных отношений не могло оказывать негативного влияния наличие свободных массивов ввиду действия объективного закона различия плодородия и качества земли.

Закончив на этом несколько необычное для введения теоретическое отклонение, укажем на основные источники нашей работы. К ним относится, прежде всего, как уже отмечалось, богатейший фактический материал, содержащийся в публикациях экспедиций Переселенческого управления, которыми были охвачены почти все уезды Казахстана. Много ценных данных почерпнуто из документов, хранящихся в различных архивах нашей страны, Казахстана и Узбекистана. Одним из основных источников являются материалы полевых исследований автора в 1971—1988 гг. в Кызыл-Ордынской, Гурьевской, Мангышлакской, Тургайской, Павлодарской, Джамбулской, Чимкентской и Восточно-Казахстанской областях.

Пользуясь случаем выразить искреннюю благодарность своим многочисленным информантам, в рассказах которых оживала повседневная жизнь казахов до их принудительной седентаризации и коллективизации в 30-х годах нынешнего столетия.

В целях более полного освещения поднимаемых в данной работе положений фактический материал располагается, как правило, в следующем порядке: сначала данные письменных источников, затем — архивные и, наконец, материалы полевых исследований автора. По мере возможности фактический мате-

риал дается по основным регионам Казахстана (Западный, Северный, Южный и Восточный).

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов // Материалы для статистики и географии России. В 3 ч. СПб., 1868.

² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.

³ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч.3.

⁴ Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.

⁵ Гродеков Н. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области // Юридический быт. Ташкент, 1889. Т.1.

⁶ Гейнс А.К. Собр. лит. тр. Т.2. СПб., 1898.

⁷ Материалы по казахскому обычному праву. Сб.1. Алма-Ата, 1948.

⁸ «Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО», «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», журналы: «Военный сборник», «Современник», «Сибирский вестник», «Вопросы колонизации», в памятных книжках отдельных областей Казахского края, а также некоторых газет на местах.

⁹ Остафьев Н. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Омск, 1895. Кн.18, вып.2.

¹⁰ Израцов Н. Обычное право («адат») киргизов Семиреченской области // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. Вып.1—5.

¹¹ Коншин Н. 1)К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние // Памятная книжка Семипалатинской обл. Семипалатинск, 1898; 2)Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской обл. Очерк первый: Киргизы на казахских землях // Там же. 1901. Вып.V.

¹² Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (в дальнейшем — МКЗ). Т.1: Акмолинская обл., Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898; Т.2: Атбасарский уезд. Воронеж, 1902.; Т.3, ч.1: Акмолинский уезд. СПб., 1907; Т.11: Омский уезд. Омск, 1902.; Т.12: Петропавловский уезд. Чернигов, 1908; Т.4: Семипалатинская обл. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903; Т.6: Каркаралинский уезд. СПб., 1905; Т.8: Зайсанский уезд. СПб., 1909; Т.9: Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905; Т.10: Семипалатинский уезд. СПб., 1909; Т.5: Тургайская обл. Кустанайский уезд. Воронеж, 1903; Т.7: Актюбинский уезд. Воронеж, 1903.

¹³ См., напр.: МКЗ. Акмолинская обл., Акмолинский уезд. Прим. к пообщинным таблицам. С.3—123.

¹⁴ Киргизское хозяйство в Акмолинской обл., Кокчетавский уезд. Повт. обсл. 1907 г. СПб., 1909. Т.1.

¹⁵ МКЗ. Сыр-Дарьинская обл., Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911; Чимкентский уезд. Ташкент, 1910; Ташкентский уезд. Ташкент, 1911; Перовский уезд. Ташкент, 1912; Казалинский уезд. Ташкент, 1913.

¹⁶ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева. Т.1, вып.1: Лепсинский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1911; Т.2: Копальский уезд. СПб., 1913; Т.3: Джаркентский уезд. СПб., 1912; Т.4: Верненский уезд. СПб., 1913.

¹⁷ Чермак Л.К. 1)Формы киргизского землепользования // Сибирские вопросы. 1908. № 23—24, 39—44; 2)Киргизское хозяйство в степном крае //

Район железной дороги Петропавловск—Спасский завод в экономическом отношении. СПб., 1912.

¹⁸ Румянцев П.П. 1) Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910; 2) Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем // Вопросы колонизации. 1909. № 5.

¹⁹ Кауфман А.А. 1) К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907; 2) Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.249; Т.23. С.729.

²¹ Калгаров М.В. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962. С.299—430.

²² Калгаров М.В. Указ. соч. С.400.

²³ Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С.306.

²⁴ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. С.374.

²⁵ Марков Г.Е. Указ. соч. С.226.

²⁶ Там же. С.142.

²⁷ Толыбеков С.Е. Указ. соч. С.365.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25, ч.II. С.191—196.

²⁹ Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. С.52.

³⁰ Красовский М. Указ. соч. СПб., 1868. Ч.3. С.19.

³¹ Толыбеков С.Е. Указ. соч. С.250.

³² Марков Г.Е. Указ. соч. С.255.

³³ Там же. С.59.

³⁴ Там же. С.296.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, ч.I. С.473.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ КАЗАХСТАНА И ОСНОВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТИПЫ У КАЗАХОВ

Широко раскинулся Казахский край: он занимает территорию от низовий р. Волги на западе до гор Алтая на востоке (около 3 тыс.км) и от Западно-Сибирской низменности на севере — до мощных хребтов Северного Тянь-Шаня на юге (несколько менее 2 тыс.км). Казахстан расположен в середине великого степного пояса Евразии на почти равном расстоянии от Атлантического и Тихого океанов. Благодаря этому климат края сухой и резко континентальный. На крайнем севере Казахстана расположены лесостепи, переходящие к югу к смешанным разнообразно-злаковым степям, а к юго-западу — к полупустыням и пустыням.

Большим разнообразием отличается рельеф Казахстана. Здесь наряду с необозримыми низменностями, обширными плоскими впадинами, плато и низкогорными массивами имеются высокогорные районы с заоблачными горными вершинами, покрытыми вечными снегами. Так, одно из самых низких мест Евразийского материка расположено в западной части Казахстана: это впадина Карагие на п-ове Мангышлак, лежащая на 132 м ниже уровня моря, а мощные горные хребты на юге и юго-востоке страны достигают 5 тыс.м.

Основную часть территории Казахстана занимают Прикаспийская, Туранская и Западно-Сибирская низменности и плато: Бетпак-Дала, Устюрт, Эмбинское, Общий Сырт и Тургайское. Особо следует отметить расположенный в центральной части Казахстана обширный район Казахского мелкосопочника шириной от 40 до 100 км и длиной более 1 тыс.км, соединяющегося на востоке с горными системами Алтая, Саура и Тарбагатай, а на западе как бы переходящего в невысокие горы Мугоджары и южные отроги Урала. Издавна этот район казахи называют Сары-Арка.

Казахский мелкосопочник представляет собой в основном отдельные гряды сопок и невысоких горных хребтов, из которых наиболее значительны горы Улутау и Кокчетавские на западе и Кызылрай, Каркаралинские, Чингизтау и другие — на

востоке. Таков же по строению поверхности п-ов Мангышлак с невысокими горами, состоящими из двух параллельных хребтов: Актау и Каратау.

Южные и юго-восточные окраины Казахстана состоят из мощных горных хребтов, отделяющих его почти непрерывным поясом: на востоке это южные цепи Алтая (собственно Южный Алтай, Рудный Алтай и Калбинский хребет), к юго-востоку от него последовательно возвышаются хребты Саура, Тарбагатая и Джунгарского Алатау, на самом юге — северные цепи Тянь-Шаня (хребты Кетмень, Заилийский Алатау, северная часть хребтов Киргизского и Таласского Алатау). Северо-западные отроги Тянь-Шаня состоят из более низких гор (Чу-Илийские и Каратау). Горные области Казахстана занимают приблизительно одну десятую часть всей его территории и отличаются своеобразными природно-климатическими условиями.

Климат Казахстана континентальный. Для него типичны резкие колебания температуры (суточные и годовые), летняя жара и зимняя стужа, сухой воздух и незначительное количество осадков. Из-за быстрого охлаждения и нагревания суши переходы от зимних морозов к знойному лету и наоборот очень непродолжительны. В эти короткие весенние и осенние сезоны казахские степи представляют собой незабываемое зрелище. В апреле земля, увлажненная быстро растаявшим под весенними лучами солнца снегом, покрывается роскошным зеленым ковром с яркими цветами. В мае растительность достигает своего высшего расцвета... Но это продолжается недолго. Солнечные лучи становятся все более жгучими и уже в июне степь начинает желтеть, особенно в южных районах. Лето в Казахстане сухое и жаркое. Солнце на безоблачном небе сжигает все растения, дождя нет, многие речки и мелкие озера пересыхают. Поэтому казахи-скотоводы в это время уходят со своими стадами далеко на север края. В июле и августе южные степи безжизненны... Все снова изменяется осенью: спадает жара, идут дожди, и природа вновь оживает: все кругом покрывается зеленью. Но это ненадолго. В середине октября наступает суровая и длинная зима с частыми буранами и гололедей — бичом для казахских скотоводов. Бураны ослабляют скот, разгоняют его по степи, и он становится жертвой голода, стужи и хищных зверей. Еще страшнее — гололеды, когда после непродолжительной оттепели морозы сковывают землю

крепкой коркой льда. Тогда казахский скот, пасущийся круглый год на подножном корму, остается без пищи и большей частью погибает от истощения.

Такова общая характеристика природы Казахстана. Остановимся кратко на его климате, реках и озерах, почвенно-растительном покрове и основных природно-ландшафтных зонах.

При наличии огромных открытых пространств большое влияние на климат оказывают ветры. Летом здесь преобладают ветры западного направления. Они несут с собой раскаленный воздух, насыщенный пылью и мелким песком. Зимой над казахской степью господствуют холодные северные и северо-восточные ветры. Лишь иногда над нею проносятся, особенно в южной части, теплые потоки воздуха с юго-запада. Тогда устанавливается малооблачная погода с температурой воздуха в долинах и предгорных равнинах до 10—16° тепла.

В горах атмосферные процессы значительно отличаются от равнинной части Казахстана. Здесь направление ветра, распределение осадков, температура и влажность воздуха зависят главным образом от расположения, формы и степени поднятий горных хребтов, поэтому климат в горах очень разнообразен.

Для Казахстана характерны большие суточные, сезонные и годовые колебания температуры воздуха. Среднегодовая температура во всех равнинных местах положительная, а в горах выше 2.5—3 тыс.м — отрицательная. Самый холодный месяц — январь. В это время морозы в Северном Казахстане достигают минус 50—55°. В то же время в южных районах нередко небольшие морозы прерываются оттепелью, а последующее похолодание приводит к гололедице.

Теплее всего в Казахстане в июле. В это время столбик термометра нередко поднимается на севере края до 38—40°, а на юге — до 45—50°.

В горных районах Казахстана температура воздуха, как было сказано выше, в значительной степени зависит от высоты, направления склонов и их рельефа. Например, летом с подъемом на каждые 100 м температура падает в среднем на 0.6°. Зимой температура на внешних склонах горных хребтов понижается на 0.3—0.4° на каждые 100 м подъема. На южных склонах на 5—9° теплее, чем на северных во все сезоны года. Поэтому издавна у казахов наиболее ценными зимними пастбищами считались южные склоны гор.

Влажность воздуха невелика. Она резко уменьшается в летнее время, особенно в период суховея, что приводит к засухе. Для всей равнинной части Казахстана характерен недостаток влаги, особенно в полупустынях и пустынях. Здесь в год выпадает всего от 100 до 300 мм осадков, в горных же районах — от 300 до 800 мм. Однако распределение влаги в горах Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау, Саур-Тарбагатая и Алтая происходит неравномерно.

Неодинаков и снежный покров и время его залегания в степях. Если на севере снег покрывает землю на 15—30 см и лежит до 120 дней в году, то на юге его толщина невелика и очень неравномерна, причем во время оттепелей нередко происходит полное таяние снега. К сказанному нужно добавить, что в различные годы количество выпадаемого снега резко колеблется, и в многоснежные зимы его выпадает в 2—3 раза больше, чем обычно.

В горах западные и северо-западные склоны хребтов покрыты снегом больше, чем восточные и южные. Мало снега также в защищенных от ветра котловинах и горных равнинах.

Реки Казахстана распределены очень неравномерно, хотя можно отметить, что в равнинной его части густота речной сети уменьшается по мере продвижения с севера на юг. В бассейне Северного Ледовитого океана впадает такая известная река, как Иртыш с притоками Ишим и Тобол. Они находятся в северо-восточной и восточной части края. К этому же бассейну относятся реки Уба, Ульба, Курчум и другие притоки Иртыша, берущие начало в горах Алтая, а также реки, не достигающие Иртыша: Селеты, Шидерты, Уленты и др. Бассейн Каспия включает р. Урал с притоками, Эмбу, Сагиз, Уил, Большой и Малый Узень и небольшие речки, стекающие с Эмбинского плато. Аральскому морю принадлежат реки Южного и южной половины Центрального Казахстана, прокладывающие себе путь в полупустыне и пустыне. Среди них в первую очередь необходимо отметить р. Сырдарью и ее приток Арысь. Район среднего течения Сырдарьи уже в период средневековья носил название Туркестан и имел большое значение для хозяйства казахских скотоводов (во-первых, как богатое зимнее пастбище для скота и, во-вторых, как место соприкосновения и обмена кочевников с древним оседло-земледельческим районом). К востоку и северу от Арала имеется ряд озер, в которые впадает немало рек и речек, среди них наиболее значительными явля-

ются Чу, Сарысу, Тургай, Ирғиз и др. К Балхаш-Алакольской группе озер принадлежат реки юго-востока Казахского края, так называемого Семиречья: Или, Каратал, Лепса, Аксу и др. Как правило, эти реки берут начало в горах Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау. В Центральном Казахстане озера Каракол и Тенгиз имеют свои небольшие бассейны.

Для ведения хозяйства в условиях засушливого климата Казахстана большое значение имеют источники питания водой этих рек. Так, реки равнинной части края, в том числе Ишим и Тобол, питаются главным образом за счет таяния снегов и весенних дождей, а поэтому многоводны только весной. Реки же Иртыш и Или с многочисленными притоками, стекающими с гор, имеют смешанный характер питания, т.е. снего-дождевой и ледниковый. В результате они многоводны не только весной, но и летом, что позволяет использовать их воду для орошения полей. Такой же смешанный характер питания у Урала, Эмбы, Сагиза и Тургай. К осени количество воды в них уменьшается почти в 10 раз, а зимой они часто промерзают до дна.

В полупустынях и пустынях Казахстана много рек с соленой и горькой водой. Зато вода рек, берущих начало с ледников Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и Алтая (Или с притоками, Каратал, Лепса и др.), — пресная и пригодна как для орошения, так и для питья.

Озера — богатство Казахского края. Самые крупные из них называют даже морями: Каспийское и Аральское. К другим крупным озерам относятся Балхаш, Алаколь, Зайсан, Тенгиз. Всего в крае несколько тысяч озер. Однако, во-первых, уровень воды в них резко колеблется как по сезонам года, так и от года к году (нередки случаи полного высыхания мелких озер), во-вторых, вода в них, особенно в Прикаспийской низменности, соленая и даже горько-соленая. Зато в горных озерах вода всегда пресная и прозрачная, как, например, в озере Маркаколь на Алтае.

Как реки, так и озера с их низкими берегами, поросшими камышом и другими растениями, имеют большое хозяйственное значение для казахов-скотоводов. Камыш — один из основных источников питания скота в зимнее время, а камышовые заросли — прекрасное укрытие от холодных зимних ветров и буранов. Поэтому долины рек, а также берега озер считаются наиболее подходящими местами для зимовки. В то же время

реки, особенно в засушливых районах Казахстана, где возможно только поливное земледелие, являются основными источниками орошения.

Грунтовые и подземные воды, главным образом в полупустынях и пустынях Казахского края, — зачастую единственные источники водоснабжения, однако добыча их довольно трудоемка, так как залегают они на значительной глубине. На Устюрте, например, нередко можно встретить колодцы глубиной до 100 м.

Богат и разнообразен Казахский край своим почвенно-растительным покровом и животным миром. Достаточно сказать, что здесь произрастает около 5000 видов высших растений. Среди них — более 2000 видов многолетних и около 850 видов однолетних трав, из которых более 500 видов идет на корм скоту, а около 150 являются пищевыми и жиромасличными растениями. Фауна Казахстана насчитывает более 450 видов птиц и 150 видов млекопитающих.¹

Огромную площадь (от р. Волги до Джунгарского Алатау) занимают сухолюбивые виды растений, произрастающие на каштановых, серо-бурых и сероземных почвах. Каштановые почвы, занимающие более одной трети всей поверхности края (37%), распространены в северной части Казахского мелкосопочника, Прикаспийской низменности и Тургайского плато, т.е. входят в основном в степную природную зону. Они пригодны для поливного земледелия, а также являются хорошими осенне-весенними пастбищами, на которых растут в основном различные ковыли и типчак.

Бурые и серо-бурые почвы свойственны полупустыням и северным окраинам пустынь Казахстана (32% всей поверхности), однако они, как правило, солонцеваты. На них растут полукустарники в основном двух групп: полынные и солянковые. На юге края много эфемеров и эфемероидов. Из солянковых полукустарников характерен сарсазан на мокрых солончаках и баялыч на территории Казахского мелкосопочника, а также буюргун и кокпек. Все они растут вместе с полынями. Часть из них — основа зимней пищи скота, который у казахов-кочевников находился круглый год на подножном корму.

Черноземы в самой северной части Казахстана (7.2% всей площади) являются лучшими пахотными землями в условиях неполивного земледелия и прекрасными летними пастбищами с пышной разнообразной растительностью. Летом сюда прико-

чевывали с юга (из полупустынь и пустынь) сотни тысяч казахских хозяйств со своими стадами. Большую ценность как летние пастбища представляют субальпийские и альпийские луга в горах Алтая, Саур-Тарбагатай, Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня.

На территории Казахстана, особенно в южных его районах, имеются большие массивы песков: Прикаспийские и Приаральские Каракумы, Большие и Малые Барсуки, Кызылкумы, Сары-Ишикотрау в южном Прибалхашье и др. Значительная часть этих песков состоит из движущихся барханов и почти лишена какой-либо растительности. Иное представляют собой так называемые неподвижные пески, покрытые, правда редкой, но питательной для скота зеленью, особенно весной, осенью и зимой. Эти места в песках Кызылкумов, Больших и Малых Барсуков, Сары-Ишикотрау и ряде других считались наравне с горами и долинами рек и озер одними из самых удобных для зимних кочевий казахов-скотоводов.

На основании физико-географических условий специалисты-географы Казахстана выделяют в нем четыре основные ландшафтные и природные зоны: лесостепную, степную, полупустынную и пустынную. Для горных районов края характерна высотная зональность.²

Лесостепная зона расположена на самой северной части Казахстана и представляет собой в основном плоскую равнину (южные окраины Западно-Сибирской низменности). Климат этой зоны сухой и теплый. Среднегодовое количество осадков — от 250 до 300—400 мм, причем большая часть их выпадает летом (60%). Зима длинная (с конца октября до начала апреля), со средней температурой воздуха в январе минус 19°, и самой низкой до минус 40°. Однако даже на небольших возвышенностях снег почти полностью сдувает ветер, что позволяет содержать здесь скот круглый год на подножном корму. Весна короткая (1.5 месяца) с резкими колебаниями температуры. Лето длится около трех месяцев. Средняя температура в июле 18—19° тепла. В конце августа быстро наступает осень. Она, как и весна, отличается неустойчивой погодой.

Речная система в лесостепной зоне развита слабо, реки, в основном, мелкие, с весенним половодьем, пересыхающие летом. Зато здесь есть много пресных и слабосоленых грунтовых вод, которые легко достать, так как они залегают на глубине 3—10 м. Много озер, которые, однако, летом часто пересыха-

ют. Вода в них, как правило, на запад от р. Ишим — пресная, а на восток — соленая. Берега озер и рек покрыты тростником и окаймлены кустарником.

В лесостепи доминируют, особенно по берегам рек, вейниковые, мятликовые и пырейные луга, представляющие собой прекрасный летний корм для скота, а также сенокосные угодья.

Степная зона, как и лесостепная, имеет в основном равнинный характер. Она занимает около одной трети всей территории Казахского края (30%). Южная граница этой зоны начинается в районе города Уральска, огибает горы Мугоджары, пересекает северную часть Тургайского плато, затем проходит южнее озер Тенгиз и Кургальджин между 50 и 51° с.ш. Климат степной зоны более континентальный, чем в лесостепи. Количество осадков в год уменьшается до 200—300 мм, а влаги за лето испаряется в 3—7 раз больше. Возрастает температура воздуха — в июле в среднем она равна 18—22°. Вообще лето сухое и жаркое, дождей почти не бывает. Зима же в степи довольно суровая — самая низкая температура падает до 50° мороза. Снег держится 140—160 дней, но залегает неравномерно, достигая наибольшей толщины 30 см. Случаются оттепели, во время которых земля почти полностью оголяется от снега, а затем, с наступлением морозов, промерзает на глубину до 1.5—2 м. В этот сезон года бывают сильные ветры, переходящие в непродолжительные по времени, но весьма разрушительные по силе пыльные бури.

По казахской степи протекает одна из крупнейших рек Азии — Иртыш с притоками Тобол и Ишим. Другие реки, такие как Селеты, Шидерты и Тюндюк, как правило, впадают в бессточные озера, которых насчитывается здесь несколько сотен. Наиболее значительные озера — Тенгиз, Кургальджин, Каракол, Селетытениз и Кушмурун. В пределах Казахского мелкосопочника большинство озер имеет пресную воду, а также устойчивый режим, тогда как на северо-западе степей Казахстана небольшие озера летом пересыхают. Грунтовые воды залегают на глубине 10—20 м, причем на территории мелкосопочника они, как правило, пресные, а в других местах — солоноватые и соленые.

В северной части зоны расположены разнотравно-злаковые степи, а на юге — сухие типчаково-ковыльные. Здесь в весеннее время растут также разные эфемеры и эфемероиды

(мятлик луковичный, пустынная осока и т.д.). Степи края представляют собой хорошие весенние и летние пастбища, а также пригодны для неполивного земледелия.

Полупустынная зона Казахстана простирается довольно широкой полосой с запада на восток и включает в себя среднюю и южную части Казахского мелкосопочника, Тургайское плато и северную окраину Прикаспийской низменности. Южная граница ее довольно извилиста и пролегает между 47—48° с.ш. Почти вся поверхность полупустыни представляет собой слегка волнистую равнину с небольшим понижением к югу.

Для полупустыни характерен сухой и резкоконтинентальный климат. Осадков выпадает мало (не более 280 мм на севере и 150 мм на юге), в то время как испаряемость влаги превышает количество осадков на севере в 7 раз, а на юге — в 15—18 раз. Зима довольно холодная (в январе средняя температура на западе 12° холода, а на востоке до минус 20°). Снежный покров достигает толщины в 10—20 см, причем покрывает землю неравномерно. Здесь нередки, особенно в западных районах, оттепели с последующей гололедицей. Лето жаркое и сухое. На западе средняя температура воздуха в июле 23—25° тепла, а на востоке днем температурный столбик нередко поднимается до уровня 40—45° в тени. Весна и осень короткие. Но в эти сезоны выпадают дожди, и полупустыня на короткое время превращается в сплошной зеленый ковер.

Большая часть рек полупустыни Казахстана полноводны лишь в весеннее время, а летом почти пересыхают. Самые крупные из них — Сарысу, Аягуз, Тургай, Уил, Сагиз и др. В районе Тургайского плато довольно много озер. Самое крупное из них — Челкар-Тенгиз, однако вода его горько-соленая и непригодная для питья. Подземные воды залегают глубоко и тоже часто бывают солеными. Например, в местах между Уралом и Эмбой колодцы имеют глубину 100—120 м.

Основная растительность полупустыни — типчако-полынная и полынно-солянковая на засоленных почвах и солонцах. Массивы песков покрыты местами белой и песчаной полынью со степными злаками. Так как зимой снега выпадает мало, эти полынные и солянковые травостой охотно поедаются скотом (овцами, козами и верблюдами). Земледелием же здесь можно заниматься только при условии искусственного орошения.

На юге и юго-западе зона полупустынь переходит в пустыню, которая занимает почти половину всей территории Ка-

захстана (47%). Она представляет собой широкую ленту (шириной до 900 км), простирающуюся с запада на восток почти на 3000 км.

В пустынях Прикаспийской низменности, Приаралья и Южного Прибалхашья много места занимают пески. Глинистые же участки пустыни почти водонепроницаемые и после даже редких весенних дождей превращаются в своеобразные «озера» — такыры (глубиной в несколько сантиметров). В начале лета они высыхают. Такыры являются подчас единственными источниками воды для водопоя скота казахов, кочующих весной с юга на летние пастбища, расположенные на севере края, в степной и лесостепной зонах. Солончаковые пустыни — соры представляют собой мелководные соленые озера, которые летом пересыхают и становятся непроходимыми.

Осадков в пустыне выпадает самое большое от 100 до 200 мм в год. Сухость и высокая температура воздуха летом (до 40—45°) создают днем нестерпимый зной, сильные ветры иссушают почву, поднимают в воздух лессовую пыль, создавая характерную для этих мест мглу. Зима же довольно теплая, снега выпадает мало (до 5—10 см толщиной), причем он держится на севере самое большее около 120 дней. Зимой, особенно на юге, часты потепления до плюс 10—15°, при которых снег полностью сходит. Весна и осень, как и везде в Казахстане, короткие, причем небольшое количество осадков выпадает в весеннее время.

В пустынях Казахстана протекают (транзитом) крупные реки: Сырдарья, Или, Каратал, Лепса и др. Как правило, они берут начало в высокогорных районах и поэтому имеют пресную воду и полноводны в течение почти всего лета. Эти реки дают живительную влагу пустыне. Воду из них берут не только для питья, но и для орошения полей, садов и виноградников. Это отчасти является причиной того, что даже такие полноводные реки, как Чу, Сарысу, Талас и другие бесследно исчезают в песках. Грунтовые воды залегают глубоко и настолько солены, что непригодны для питья. Лишь у подножия гор Казахского мелкосопочника, а также у гор Каратау и Актау на Мангышлаке грунтовые воды выходят на поверхность в виде родников, часть из которых имеет хорошую пресную воду.

В пустынях расположены крупнейшие озера Казахстана: Каспийское, Арал и Балхаш, причем кроме Каспия, вода в этих озерах не очень соленая и даже пригодна для питья.

Нельзя не отметить происходящую в последние годы трагедию — катастрофическое усыхание Аральского озера, которое резко ухудшило экологическую обстановку вокруг него.

Около двух третей всей поверхности пустынь Казахского края представляют собой естественные угодья из эфемеровых, полынно-солянковых, злаково-полынных и полынных растений, из которых весной продуктивны эфемеровые, а зимой — полынно-солянковые. Эти растения, хотя и редко расположены, являются неплохим зимним кормом для казахского скота. Земледелие же возможно только при условии искусственного орошения и встречается, как правило, вдоль крупных рек. Одним из таких мест был в средневековье, например, район Туркестана (среднее течение р. Сырдарьи), где около городов располагались земледельческие оазисы, берущие воду для орошения в основном из Сырдарьи, а все остальное пространство занимали зимние кочевья казахов-скотоводов.³

Для гор Казахстана характерна так называемая высотная зональность. Она начинается с предгорных пустынь (в Джунгарском Алатау и Тянь-Шане) с однообразной растительностью из полыни и солянок. Весной здесь изобилие эфемерных злаков, которые используются для корма скота в весенне-осенний и зимний периоды.

Пределы Алтая, Саур-Тарбагатая, Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня на высоте от 600—800 до 1200—1400 м занимают полупустыни с полынно-ковыльно-солянковой и полынно-эфемерово-солянковой растительностью, расположенной, как правило, разреженно.

Поймы крупных рек (Чу, Таласа и др.) занимают «тугай» (заросли) из тополя, ивы, лоха, облепихи, таволги и т.п. Это — прекрасные пойменные луга. Весь этот район горной полупустыни казахи-скотоводы использовали под весенне-осенние и зимние пастбища.

В Саур-Тарбагатае, Джунгарском Алатау и на Тянь-Шане есть высокие сырты с умеренным климатом и богатой степной растительностью — хорошим кормом для скота. Выше сыртов расположена лесо-лугово-степная зона, где на склонах гор растут хвойные и лиственные леса, на открытых местах переходящие в богатое разнотравье, а еще выше — в субальпийские и альпийские луга. Они служат прекрасными летними пастбищами.

В связи с этим в горных районах казахи-скотоводы со своими стадами по мере наступления летней жары поднимались высоко в горы, а к зиме спускались в долины.

Даже из этого краткого физико-географического обзора Казахстана видно, что в нем есть все условия для развития как земледелия, так и скотоводства. Однако первое из этих занятий, особенно в южных районах, возможно только при искусственном орошении. Скотоводство же требует при экстенсивной форме его ведения (т.е. использовании в течение круглого года подножного корма) дальних перекочевов, причем, как видно из вышеизложенного, зимние пастбища, как правило, расположены на юге, в основном в полупустынях и пустынях края, а летние — на севере, в лесостепях и степях.

В соответствии с этим в Казахстане с древнейших времен развивались и кочевое скотоводство, и орошаемое земледелие. Последнее — в районах Семиречья и среднего и нижнего течения Сырдарьи. На основании археологических данных бесспорно доказано, что уже в эпоху поздней бронзы население Центрального Казахстана занималось пастушеским скотоводством и земледелием.⁴ Очевидно увеличение поголовья скота и рост населения явились причиной хозяйственного освоения пустующих земель полупустыни. Уже к концу эпохи бронзы часть племен оставляет речные долины Центрального Казахстана и осваивает оазисы пустыни и полупустыни, где единственным источником водоснабжения были колодцы.⁵ В это же время происходит процесс перехода от оседлого, пастушеского скотоводства сначала к яйлажному, или отгонному, с небольшими переходами с одного пастбища на другое, а затем — к кочевому. Одновременно с этим в южных районах продолжало развиваться поливное земледелие.⁶ Таким образом, по авторитетному мнению казахских археологов, переход к кочевому скотоводству в Центральном Казахстане произошел в X—IX вв. до н.э., а в Западном, Северном и Восточном Казахстане оно возникло несколько позднее — в IX—VIII вв. до н.э.⁷ В следующий период и так называемое скифско-сакское время (VII—III вв. до н.э.) кочевое скотоводство получило отчетливые и законченные формы в Центральном Казахстане. В это же время племена усуней в Семиречье (Южный Казахстан) имели скотоводческо-земледельческий тип хозяйства и вели полукочевой образ жизни.⁸ Важно отметить, что в данном случае ар-

хеологические материалы находят подтверждение в письменных источниках.⁹

Ко времени III в. до н.э. — IV в. н.э. (усуньский период) относятся археологические материалы, полученные в результате раскопок на северных склонах горы Каратау. Они свидетельствуют о том, что в этом районе, как и в других местах среднего течения Сырдарьи, местное население занималось скотоводством и поливным земледелием.¹⁰ Поливное земледелие в сочетании со скотоводством усуньских племен было сосредоточено главным образом в долинах рек Чу и Таласа.¹¹

Пожалуй нет необходимости доказывать, что в так называемое тюркское время (VI—XI вв. н.э.) на территории Казахстана продолжали развиваться как кочевое скотоводство, так и орошаемое земледелие. С этого же времени здесь «начинают складываться феодальные отношения».¹² Свидетельством тому являются многочисленные археологические материалы, а также данные письменных источников, которые послужили основой большого количества исследований по истории населения Казахстана тюркского периода.¹³ Кочевое скотоводство продолжало развиваться в крае как в монгольский период (XII—XV вв.), так и в последующие столетия. Однако надо отметить, что начиная с этого периода развитие земледельческих оазисов в Казахстане было значительно ослаблено в результате монгольского нашествия и последующих феодальных междоусобиц.¹⁴ Еще более разрушительным было джунгарское нашествие (конец XVII—первая половина XVIII в.), в результате которого почти все районы Казахстана скотоводческо-земледельческого направления были разграблены.¹⁵ В итоге, в период позднего средневековья и вплоть до присоединения Казахстана к России в его бескрайних степях господствовало в основном кочевое скотоводство, хотя, конечно, определенная часть казахов, главным образом по среднему течению р. Сырдарьи и в Семиречье, а также по долине Иртыша и у оз. Зайсан вела полукочевой образ жизни и занималась земледелием, «однако земледелие и здесь сочеталось в большей или меньшей степени со скотоводством и сопутствовало ему».¹⁶

Процесс присоединения Казахстана к России был довольно длительным и продолжался с первой трети XVIII в. (присоединение казахов Младшего жуза, а затем Среднего) вплоть до конца первой половины XIX в. (присоединение казахов Старшего Жуза). В результате этого присоединения и

колонизации многих районов Казахского края казачеством, а позднее и крестьянами-земледельцами, переселившимися из западных областей России, возникли новые факторы: социально-экономические и политические, под влиянием которых в значительной степени стал изменяться весь хозяйственный уклад жизни казахов. Последний же, как известно, был самым тесным образом связан с характером общинных отношений.¹⁷ Это побуждает нас, хотя бы в общих чертах, осветить основные типы хозяйства у казахов изучаемого периода, т.е. периода присоединения Казахстана к России, и дать характеристику их главных признаков.

Согласно имеющемуся в нашем распоряжении литературному, архивному и полевому материалу у казахов второй половины XIX—начала XX в. существовало три основных типа хозяйства: кочевое, полукочевое и оседлое.¹⁸ По своему характеру казахское скотоводство было экстенсивным, так как все виды скота у казахов основной корм получали в виде подножного, т.е. во время пастбы на пастбищах. Это в свою очередь, требовало огромных пастбищных пространств, которые и имелись в Казахстане. Особенности природных условий Казахстана, а именно: сочетание зон широких степей, обширных полупустынь и пустынь, определили наиболее характерную для казахов форму кочевания — меридиональную. Суть ее состоит в том, что, как правило, они кочевали летом со своими стадами на север, в бескрайние степные просторы края, а зимой опускались на юг, в песчаные полупустыни и пустыни, на которых в зимнее время сохранялась трава и было мало снега. Об этом еще в конце прошлого века писал А.И. Добросмыслов: «Ранней весной, как только начнет оживать природа, они (казахи — В.К.) поднимаются со своими стадами и домашним скарбом, идут к северу. В разгар лета они приходят на летовку, где проводят месяц—полтора, а затем идут обратно, вслед за осенью. После того как пройдут дожди, выжженные солнцем пустыни юга оживают и скот находит себе на них пропитание».¹⁹

Кочевое скотоводство у казахов было связано с пастбищной системой, т.е. круглогодичным содержанием основной массы скота на подножном корму. Этот признак кочевого скотоводческого хозяйства является, по нашему мнению, основным. Он оказывал существенное влияние на все стороны жизни скотоводов-кочевников. Во-первых, круглогодичное содер-

жание скота на пастбищах в условиях Казахстана строго определяло состав стада и виды домашних животных. Ими могли быть только те, которые способны тебеневать, т.е. доставать зимой на пастбище корм из-под снега. Это, в первую очередь, лошади, а затем овцы и козы. Они и составляли основную массу стада у кочевников. В качестве транспортных животных казахи-кочевники содержали верблюдов. Так, почти все казахи большого родоплеменного объединения Адай, жившие на п-ове Мангышлак, были кочевниками. Их стада состояли только из овец, лошадей и верблюдов.²⁰ Даже в настоящее время в казахских хозяйствах этого района стадо состоит только из овец, лошадей и верблюдов, так как животноводство здесь основано на отгонно-пастбищной системе с круглогодичным содержанием скота на подножном корму. Во-вторых, при круглогодичном содержании скота на подножном корму кочевание носило характер производственного процесса, при котором сезоны года выступали как определенные стадии, отличающиеся друг от друга количеством перекочевов в течение сезона, длиной перекочевки за один день, а также различием основных хозяйственных задач, стоящих перед кочевниками-скотоводами в каждый период.

В южной части Казалинского уезда, например, наибольшее количество перекочевов (27) кочевыми хозяйствами совершалось весной. Однако в этот период одна дневная перекочевка не превышала по длине больше 8 км, так как скот был еще очень слаб после зимней голодовки, а также потому, что в это время происходит у овец окот.²¹ В остальные сезоны года дневной кочевой путь увеличивался в два-три раза. Количество перекочевов летом падало до минимума: скот пастись на обильных кормах пастбищах. Адаевцы, например, летом совершали 2—3 перекочевки на недалекое расстояние.²² Осенью количество перекочевов снова возрастало. Так, кочевая группа Лавакбалдары рода Сабытай у адаевцев в течение осени совершала 30 перекочевов.²³ При этом осенние перекочевки считались на Мангышлаке самыми трудными, потому что, во-первых, из-за отсутствия воды нужно было останавливаться на ночь только у колодцев; во-вторых, в это время года на Устюрте и Мангышлаке свирепствовали пыльные бури, во время которых скот часто погибал. Зимой же число перекочевов снова падало до 3—4 в месяц, так как, например, в южной части Казалинского уезда скот казахов-кочевников пастись в саксаульных лесах. Саксаул

служил ему кормом и одновременно защищал от холодных ветров.²⁴

Из пяти тысяч хозяйств кочевников, принадлежащих к роду Баганалы родоплеменного объединения Найман, около полутора тысяч хозяйств зимой занимали сначала пастбища по нижнему течению Сарысу — в области озер Ащиколь, затем одна часть перекочевывала в придарьинские тугаи между Перовском и Джулеком, занимая их по обе стороны реки и даже выкочевывая в пески Кызылкумов, а другая часть зимовала в причуйской пустыне и близ западных оконечностей горы Каратау. Остальные хозяйства баганалинцев кочевали зимой по северо-восточным склонам горы Улутау.²⁵

Значительно отличались сезонные кочевания по своим хозяйственным задачам. Весенний период был в этом отношении самым напряженным и ответственным. Во-первых, нужно было так организовать пастьбу, чтобы исхудавший за зиму скот быстро окреп и нагулялся, во-вторых, в это время производилась весенняя стрижка овец, и, в-третьих, весной происходила окотная кампания.

Организация успешного нагула скота была основной задачей летнего периода. Кроме того в начале лета, как правило, производился отбор самцов-производителей и кастрация скота. Летом же в хозяйствах заготавливали молочные продукты на зиму.

На осень падала случайная кампания и осенняя стрижка овец. Последняя одновременно сопровождалась производством войлочных кошм для юрт и других изделий из шерсти.

Все внимание кочевых казахов зимой было направлено на сохранение поголовья скота. У них существовали свои, выработанные веками приемы и методы зимней пастьбы. С.Е. Толыбеков сообщает, что «пастьба овец (зимой — В.К.) очень сложна, она имеет сорок тонкостей и приемов».²⁶

Различные условия выпаса скота в разные сезоны года, особенно летом и зимой, требовали четыре вида различных пастбищ: зимних, весенних, летних и осенних.²⁷ Хорошими летними пастбищами считались такие, где было много сочных трав и имелась вода для водопоя скота. Как правило, летние пастбища были расположены в просторных степных районах Казахстана. Совсем иные требования предъявлялись к зимним пастбищам, так как главным становилась возможность добывания скотом корма из-под снега. Особенно ценились, как уже

отмечалось выше, зимние пастбища, расположенные на южных склонах невысоких гор и холмов, мало покрытые снегом песчаные полупустыни и пустыни юга Казахстана с хорошей травой, выросшей после осенних дождей, а также прибрежные заросли камыша рек и озер.

Круглогодичный выпас скота на пастбищах вызывал необходимость совершать перекочевки в течение всего года. Это же, в свою очередь, приводило к тому, что при кочевом скотоводстве население не имело возможности жить в постоянных жилищах. У казахов-кочевников изучаемого периода их заменяла переносная войлочная юрта. Прототип такой юрты был уже у далеких предков казахов — кочевых племен сакского времени (в VII—III вв. до н.э.). Однако в это время наряду с ней на зимних стоянках кочевников сохранялись еще постройки из саманного кирпича. В последующие же века, т.е. в усуньское время, юрта стала основным типом жилища кочевников-скотоводов.²⁸

Для экстенсивного кочевого скотоводства были характерны также перекочевки на большие расстояния, которые достигали иногда тысячи и более километров. В одном из архивных документов написано, что «киргизцы, кочующие летом около вершин рек Тургая, Терсакана и реки Сарысу, избегая зимнего холода, в сие время года переходят в пески к реке Сыр-Дарье»,²⁹ т.е. они проходят весной и осенью кочевой путь более 500 км. Хозяйства казахов-кочевников Караузякской волости Кызыл-Ордынского уезда Сырдарьинской губернии еще в 20-х годах нашего столетия совершали летом перекочевки на летние пастбища в Кустанайском округе, проходя со стадами в один конец от 800 до 1000 км.³⁰

Во второй половине XIX—начале XX в. кочевые хозяйства казахов занимали на западе и на юго-востоке п-ова Мангышлак и Бузачи, бассейн р. Эмбы и Мугоджарские горы, плато Устюрт, пески Большие и Малые Барсуки, степи Тургайского плато, среднее и нижнее течение Сырдарьи, пески Приаральские Каракумы, пески Кызылкумы, пустыню Бетпак-Дала, пески Муюнкумы и Сары-Ишикотрау в Южном Прибалхашье.³¹ По свидетельству С.Е. Толыбекова, кочевой образ жизни вело 0.8—1 млн. казахов, или же около одной четверти всего населения края.³² Занимали же они, как это видно из вышесказанного, огромное пространство. Однако это были преимущественно пустыни, полупустыни и полынные степи.

Наиболее распространенным в изучаемый период типом хозяйства было полукочевое скотоводство, для которого характерна пастбищно-стойловая система содержания скота. Ее сущность заключается в том, что в течение весны, лета, осени и частично зимы скот содержался на подножном корму, т.е. как при кочевом скотоводстве, и только в наиболее неблагоприятное зимнее время (сильные морозы, ветры, снега и гололед) домашних животных оставляли в стойлах и кормили сеном. Иначе говоря, если казахи-полукочевники в течение трех сезонов года (весной, летом и осенью) кочевали, то зимой они, как правило, оставались на одном месте — зимней стоянке, расположенной на зимнем пастбище. В Кокчетавском уезде, например, «овцы в течение шести зимних месяцев не более месяца не выгоняются в разное время на пастбища да некоторые месяцы и вообще при суровой погоде подкармливаются вечером двумя-тремя охапками сена на сотню голов... Наконец, рогатый скот выгоняется при хорошей погоде и хороших подножных кормах от одного до двух месяцев за зиму в те дни, когда позволяет погода и состояние кормов; остальное же время, оставаясь в загонах, они довольствуются большей частью объедьями от другого скота и реже настоящим сеном».³³

Сенокошение, таким образом, было одним из существенных признаков полукочевого скотоводческого хозяйства у казахов. Так, в одной из публикаций Переселенческого управления по этому поводу говорится: «Сенокошение начинается с момента прекращения зимних кочевых, с момента образования постоянных зимовок».³⁴ Для казахов-скотоводов конца XIX—начала XX в. сенокошение было новым явлением, которое, однако, быстро распространялось под влиянием русских переселенцев.

Другим важным признаком полукочевого скотоводства являлось занятие в той или иной степени земледелием. Иначе говоря, хозяйство казахов-полукочевников носило комплексный характер, как это отмечает в одной из своих работ Т.А. Жданко.³⁵ Комплексный характер полукочевого хозяйства качественно отличает его от кочевого. Это, по нашему мнению, показывает, в первую очередь, необоснованность предложения Г.Е. Маркова объединить в общих рамках одного хозяйственного типа кочевые и полукочевые хозяйства.³⁶

Как свидетельствуют археологические, исторические и этнографические материалы, земледелие было известно казахам

давно.³⁷ Но земледелие, как и сенокосение, стало развиваться у казахов особенно интенсивно под влиянием русских. А.А. Кауфман еще до революции писал: «В уездах Перовском и Казалинском, где 20 лет тому назад... числилось всего 8000 десятин киргизских посевов теперь (т.е. в начале XX в. — В.К.) таковых числится более 100 тысяч десятин. Толчок в этом направлении дал небывалый “ждут” 1892 г., а также влияние русских поселений».³⁸ О влиянии крестьян-земледельцев, переселившихся в Казахстан из центральных областей России, на развитие у казахов сенокосения и земледелия указывает большое количество архивных документов второй половины XIX—начала XX в. Для краткости приведем лишь один характерный пример. 70 казахских хозяйств Котуркульской волости Кокчетавского уезда просили в 1883 г. перевести их на оседлость и дать им «крестьянское звание с наделением земли для хлебопашества и сенокосными участками»,³⁹ Другой причиной интенсивного распространения среди казахов земледелия в изучаемый период было относительное затухание, после присоединения Казахстана к России, межродовой вражды, которая зачастую вынуждала казахские аулы часто менять места кочевков. «Нормальные условия для киргизской оседлости и для занятия земледелием, — говорится о казахах Казалинского уезда, — создались лишь с завоеванием края русскими, когда только туземное население и могло начать более спокойную жизнь».⁴⁰

С сенокосением и земледелием полукочевых казахов самым тесным образом связаны изменения в составе стада по сравнению с кочевыми хозяйствами. Они заключались в том, что в стаде полукочевника довольно значительное место занял крупный рогатый скот.⁴¹

В отличие от кочевого хозяйства, где скот имеет главным образом значение источника существования и средства передвижения, у полукочевых казахов скот, особенно крупный рогатый, приобрел новое качество основной рабочей, тягловой силы. Это привело даже к тому, что в некоторых районах Казахстана, где земледелие было более или менее развито, появился новый тип баев, которые сдавали скот, особенно быков, в аренду беднякам, не имевшим своего рабочего скота для пахоты.⁴²

Повышение доли крупного рогатого скота в общем поголовье связано с сокращением длины летних перекочевков полукочевых хозяйств. Так, казахи Уральского уезда, у которых

крупный рогатый скот занял главное место в составе стада, только в исключительных случаях выходили за пределы своих волостей. Дальше 60—70 верст не кочевали даже самые богатые из них, обыкновенно же кочевание ограничивалось 15—20 верстами.⁴³ Сокращение радиуса кочевания было связано у полукочевников не только с появлением в их стаде крупного рогатого скота, который мало приспособлен для длительных и длинных перекочевок, но и с тем, что они занимались земледелием, а посевы были расположены, как правило, в районе зимних стоянок. Там же находились обычно и сенокосы.⁴⁴

Для полукочевого скотоводческого хозяйства казахов второй половины XIX—начала XX в. было характерно наличие как переносного жилища — юрты, которой пользовались во время перекочевки весной, летом и осенью, так и постоянного жилища на зимней стоянке. «С изменением формы хозяйственной жизни, — говорилось в одной из работ о казахах Казалинского уезда, — изменился внешне и хозяйственный аул, вместо юрт появились постоянные жилые постройки, приспособленные для жилья в зимнее время (зимовки)». ⁴⁵ Кроме жилых помещений казахские усадьбы имели в большинстве случаев загоны для скота. В Павлодарском уезде, например, каждая казахская зимовка имела всегда несколько отдельных хлевов, которые находились под одной крышей и были предназначены для разных видов животных, а иногда, большей частью у баев, и для скота различного возраста.⁴⁶

Постоянные жилые постройки появились у казахов недавно. В Каркаралинском уезде их стали делать в середине прошлого столетия,⁴⁷ в Лепсинском — в первой половине XIX в.⁴⁸ и т.д. «Процесс перехода к полuosедлости, — пишет этнограф-казаховед В.В. Востров, — к постоянным зимним жилищам шел с запада на восток под непосредственным влиянием русского населения». ⁴⁹

Для полной характеристики полукочевого скотоводства у казахов изучаемого периода необходимо сказать, что один из основных видов домашних животных — лошади содержались в большинстве случаев круглый год на подножном корму. Это было вызвано главным образом тем, что полукочевое хозяйство в зимний период постоянно пребывало на одном месте — в зимовке, и, следовательно, площадь доступных и неиспользуемых вокруг нее пастбищ довольно ограничена. Лошадям же нужны, особенно зимой, большие пространства для пастбы. В

связи с этим, особенно при наличии большого поголовья скота, лошадей, как правило, казахи-полукочевники отправляли в отгон под надзором своих или наемных пастухов. «Самое трудное время для содержания скота — зима. В это время часть скота, особенно лошадей, приходится отпускать в отгонные табуны (“косы”)». ⁵⁰ В некоторых районах Казахстана в зимний отгон отсылались не только лошади, но и другой скот. Например, в Лепсинском уезде овец и коз отгоняли на зиму в приозерные долины Балхаша и Сасыккуля, а также в ущелье гор Алатау (горы Тахты). ⁵¹ Значительные табуны лошадей и стада овец отправляли в отгон на зиму приалтайские казахи, причем они делали это из-за того, что зимних пастбищ близ их стоянок не хватало. ⁵²

Здесь наблюдаются элементы другого типа скотоводческого хозяйства — отгонного, при котором со скотом уходят на дальние пастбища только пастухи.

Большая социально-экономическая дифференциация, характерная для всего казахского общества второй половины XIX—начала XX в., оказала существенное влияние на формирование скотоводческого хозяйства.

Среди казахов, ведущих кочевой образ жизни, это приводило к тому, что хозяйства, имеющие мало скота, а также не имеющие его совсем, были вынуждены в лучшем случае кочевать в одном ауле со своими богатыми родственниками, которые их снабжали под видом родовой помощи скотом и за это требовали ряд определенных услуг. В худшем же случае беднякам приходилось или наниматься пастухами и другими работниками в байские хозяйства, ⁵³ или же прекращать кочевание и заниматься земледелием.

В полукочевом скотоводстве социально-экономическое расслоение приводило к довольно четкому разделению этого типа хозяйства на два вида. К первому из них относились байские хозяйства, имеющие много скота. Они совершали летом перекочевки на дальние и более просторные летние пастбища, так как для их обширных стад пастбищ вблизи зимовок не хватало. Другой вид составляли хозяйства со средним и малым количеством скота, которые использовали для летнего выпаса ближайшие к их зимовкам пастбища. ⁵⁴ Таким образом получалось, что полукочевые хозяйства баев использовали для своих многочисленных стад все четыре вида пастбищ: зимние, весен-

ние, летние и осенние, тогда как остальные хозяйства летними пастбищами уже не пользовались.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении материалам полукочевое скотоводство было наиболее широко распространенным типом хозяйства в Казахстане в изучаемый период и в большей или меньшей степени бытовало почти во всем крае, исключая, пожалуй, п-ова Мангышлак и Бузачи, где основная масса населения вела кочевой образ жизни и лишь незначительная часть, не имевшая скота или имевшая его очень мало, была оседлая и занималась земледелием.

Отличительной чертой казахских хозяйств оседлого типа второй половины XIX—начала XX в. было, во-первых, отсутствие перекочевок даже летом, а, во-вторых, второстепенное значение скотоводства, причем имевшийся скот употреблялся главным образом как тягловая сила при земледельческих работах.

В изучаемый период оседлых хозяйств, особенно в северных, степных областях Казахстана, было сравнительно немного. Их доля к общему числу казахских хозяйств колебалась в пределах 1.5—10%. Однако процесс оседания у казахов в этот период происходил довольно интенсивно. Так, в Павлодарском уезде в 1897 г. было всего 3.2% оседлых хозяйств, а через 13 лет, т.е. в 1910 г. их стало в два раза больше (6.5%).⁵⁵

Оседание бывших кочевников и полукочевников Казахстана во второй половине XIX—начале XX в. самым тесным образом было связано с их обеднением. На оседлость переходили те хозяйства, которые имели мало скота или которые по тем или иным причинам потеряли его (джут, эпизоотия, барымта и т.д.). На Мангышлаке, например, оседали только те хозяйства, которые не могли самостоятельно кочевать из-за нехватки скота. Они были вынуждены заниматься земледелием⁵⁶ или наниматься рыбаками к русским и туркменским рыбопромышленникам, или же батраками (т.е. пастухами) в богатые байские хозяйства.⁵⁷ Последнее можно сказать и о всех других районах Казахстана. Например, в Петропавловском уезде около двух третей всех оседлых казахов (77%) были батраками.⁵⁸

Иная картина наблюдалась в Семиречье и Туркестане. Здесь, как отмечали еще дореволюционные исследователи Казахстана, имелись все условия для занятия поливным земледелием. Ввиду этого оседлых хозяйств было довольно много. В Лепсинском и Копальском уездах оседлые земледельческие хо-

зяйства составляли одну треть, в Верненском их было 20.7%.⁵⁹ Еще выше была доля оседлых земледельческих хозяйств в Сырдарьинской области.

Итак, в Казахстане в изучаемый период бытовало три основных типа хозяйств. Однако в силу ряда факторов, и в первую очередь природных, социально-экономических и исторических условий, наиболее распространенным было полукочевое скотоводство, которое имело комплексный характер.

И еще. Природно-климатические условия Казахстана позволяли казахским кочевникам, как впрочем и всемномадам великого пояса степей Евразии, содержать все виды скота, приспособленные к кочевому образу жизни. Это обстоятельство, как отмечает А. Хазанов, выгодно отличает евразийский номадизм от кочевничества в странах Ближнего Востока, в котором преобладал, как правило, один вид животных, например верблюды.⁶⁰ Наличие разных видов животных позволяло лучше и полнее использовать степные пастбища, а животным с разной биологической характеристикой адекватно реагировать на стихийные бедствия, эпизоотии и другие неизбежные последствия кочевого образа жизни. Таким образом, наличие разных видов скота в каждом хозяйстве повышало его стабильность.

¹ Чупахин В.М. Физическая география Казахстана. Алма-Ата, 1968. С.68, 70.

² В специальной литературе эти зоны разделяются еще на подзоны. См: Чупахин В.М. Природное районирование Казахстана. Алма-Ата, 1970.

³ Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII веках // Казахстан в XV—XVIII веках: Вопросы социально-политической истории. Алма-Ата, 1964. С.19—20, 28, 43.

⁴ Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С.198.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.261.

⁷ Там же. С.263—264; Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960. С.137.

⁸ Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С.78.

⁹ Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С.5—23.

¹⁰ Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962. С.7.

¹¹ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т.1. С.41.

¹² Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С.88—97.

¹³ Там же. С.55.

¹⁴ Пищулина К.А. Указ. соч. С.7; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Е. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С.42; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

¹⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. ... С.107—109.

¹⁶ История Казахской ССР... С.154.

¹⁷ Бартольд В.В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов // Соч. Т. V. М., 1968; Дахшлейгер Г.Ф. Оседание и традиционные институты бывших кочевников (на примере казахского народа). М., 1973. С.3.

¹⁸ Курылев В.П. 1) Опыты скотоводческого хозяйства у казахов (вторая половина XIX—начало XX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 166—172; 2) Об основных типах скотоводческого хозяйства у казахов // Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв. Материалы к ист.-этногр. атласу. Алма-Ата, 1980. С.81—93.

¹⁹ Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области... С.14.

²⁰ Курылев В.П. Кочевая группа западных казахов-адаевцев // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М., 1974. Ч.1. С.82—83.

²¹ Радышева И. Киргизское равнинно-кочевое хозяйство // Типы хозяйств Туркестана. Ташкент, 1924. С.14.

²² Курылев В.П. Кочевая группа... С.87.

²³ Там же. С.89.

²⁴ Радышева И. Указ. соч. С.14.

²⁵ Центральный государственный архив Республики Казахстан (в дальнейшем ЦГА РК), ф.64, оп.1, д.4468, л.35.

²⁶ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С.536.

²⁷ Необходимо отметить, что деление пастбищ на сезоны существовало у казахов-кочевников уже в XV—XVII вв. См.: История Казахской ССР... С.152.

²⁸ Там же. С.38, 45.

²⁹ Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (в дальнейшем — Отдел рукописей РНБ), ф.1000. Собр. един. пост. 1950, оп.20, д.3, л.17.

³⁰ ЦГА Республики Казахстан (в дальнейшем — ЦГА РК), ф.696, оп.1а, д.61, л.1—2.

³¹ Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. Оренбург, 1923. С.180; Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казакстана // Казаки. Антропологические очерки. Л., 1927. Сб.2. С.86; Курылев В.П. Кочевая группа... С.82; МКЗ. Т.2: Акмолинская обл., Атбасарский уезд. Воронеж, 1902. С. VI, XXV—XXVI; Т.6: Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Атбасарский уезд. Повт. обл. 1909 г. СПб., 1910. С.30; Чермак Л.К. Киргизское хозяйство в степном крае... С.218—219; Радышева И. Указ. соч. С.14; Толыбеков С.Е. Указ. соч. С.496; МКЗ. Т.5: Тургайская обл., Кустанайский уезд. Воронеж, 1903. С.3; Добросмыслов А.И. Указ. соч. С.337—340; Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Т.2: Копальский уезд. СПб., 1912. С.195.

³² Толыбеков С.Е. Вопросы экономики и организации кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX—начале XX в. // Тр. Ин-та экономики АН КазССР. Алма-Ата, 1957. Т. II. С.4.

³³ МКЗ. Т.1: Акмолинская обл., Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898. С.91.

³⁴ МКЗ. Т.12: Акмолинская обл., Петропавловский уезд. Чернигов, 1908. С.202.

- 35 Жданко Т.А. Проблемы полуседлого населения Средней Азии и Казахстана // Сов. этнография. 1961. № 2. С.57.
- 36 Марков Г.Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // Сов. этнография. 1973. № 1. С.102.
- 37 Древняя культура Центрального Казахстана... С.198, 259—261; Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней... С.78; Археологические исследования на северных склонах Каратау... С.7; Валиханов Ч.Ч. О хлебопашестве // Собр. соч. Т.1. Алма-Ата, 1984. С.185.
- 38 Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903. С.135.
- 39 ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.4057, л.37.
- 40 МКЗ. Сыр-Дарьинская обл., Казалинский уезд. Ташкент, 1913. С.39.
- 41 Кранихфельд В.П. Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде // Памятная книжка и адрес-календарь Уральской обл. на 1898 г. Саратов, 1898. С.105.
- 42 Полевые материалы автора (в дальнейшем — ПМА) 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.919, л.22, 38.
- 43 Кранихфельд В.П. Указ. соч. С.100.
- 44 ЦГА РК, ф.25, оп.1, д.2755, л.3; Аргынбаев Х. Некоторые особенности хозяйства казахов Копальского уезда Семиреченской области (в конце XIX—начале XX в.) // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973. С.156.
- 45 МКЗ. Сыр-Дарьинская обл., Казалинский уезд. Ташкент, 1913. С.16.
- 46 Материалы по обследованию хозяйств и землепользованию киргиз Семипалатинской обл. Т.1: Павладарский уезд. Повт.обсл. СПб., 1913. С.74.
- 47 МКЗ. Т.6: Семипалатинская обл., Каркаралинский уезд. СПб., 1905. С.54.
- 48 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства... Лепсинский уезд. СПб., 1914. Т.1. С.338.
- 49 Востров В.В. 1) Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (историко-этнографический очерк) // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии. Т.3: Этнография. Алма-Ата, 1956. С.27; 2) К истории развития оседлого жилища у казахов // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961. С.180—197.
- 50 Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. Омский уезд. Повт.обсл. 1908 г. СПб., 1910. Т.2. С.61.
- 51 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства... Т.1, вып.1: Лепсинский уезд, Киргизское хозяйство. СПб., 1911. С.339.
- 52 Руденко С.П. Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки. Антропологические очерки. Исследования 1927 г. Л., 1930. С.20—21.
- 53 Курылев В.П. Кочевая группа... С.83—84.
- 54 ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.918, л.13.
- 55 Материалы по обследованию. Семипалатинская обл., Павлодарский уезд. Повт.обсл. 1910 г. СПб., 1913. Т.1. С.9.
- 56 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.965, л.33—34.
- 57 Там же, д.964, л.58—59, 70—72.
- 58 МКЗ. Т.22: Акмолинская обл., Петропавловский уезд. Чернигов. 1908. С.4.
- 59 Материалы по обследованию... Т.1: Лепсинский уезд. СПб., 1911. С.294; Т.2: Копальский уезд. СПб. 1913. С.144; Т.4: Верненский уезд. С.91.
- 60 Khazanov A. Ecological Limitations of Nomadism in Eurasian Steppes and their Social and Cultural Implications // Asian and African Studies. 1990. № 24. P.2—4.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У КАЗАХОВ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

(XVIII — первая половина XIX в.)

Прежде чем перейти к изложению содержания данной главы, необходимо объяснить кажущийся, на первый взгляд, неожиданным выход за основные хронологические рамки исследования: вторая половина XIX—начало XX в. Связано это со следующими обстоятельствами. Земельные отношения кочевых и полукочевых казахов изучаемого периода будут нами проанализированы в соответствующих главах наряду с другими аспектами общинных отношений, связанных с хозяйственной деятельностью населения и его основными типами хозяйства: кочевым, полукочевым и оседлым. Однако предлагаемый анализ этих отношений невозможен без исследования хотя бы в самых общих чертах аграрной структуры, существовавшей в Казахстане накануне и в период присоединения его к России, т.е. той структуры, которая явилась исходным моментом, исторически сложившейся основой, на которой развивались земельные отношения в казахском обществе в изучаемое нами время. Это необходимо сделать еще и потому, что в литературе до настоящего времени имеются две противоположные точки зрения на отношение к земле кочевников-скотоводов вообще, и казахов в частности, в период феодализма.

Большинство исследователей считают, что у кочевых скотоводческих племен и народов, в том числе и у казахов, земля была, как и в оседло-земледельческих обществах, основным средством производства. Из этого закономерно вытекает положение о том, что в любом кочевом скотоводческом обществе с патриархально-феодальными отношениями, не исключая и казахов, существовала крупная феодальная земельная собственность.¹

Другая группа исследователей придерживается мнения, что при господстве кочевого скотоводства основным средством производства был скот, а не земля, и следовательно, для ко-

чевников-скотоводов даже в период феодализма характерно отсутствие крупного феодального землевладения, а основой эксплуатации трудящихся была частная собственность на скот.²

И, наконец, есть исследователи, считающие, что для номадов феодализм не был характерен вообще, и, следовательно, в кочевых обществах отсутствует феодальная собственность на средства производства.³

Из сказанного видно, что, несмотря на огромное научно-теоретическое и практическое (например, для ряда современных номадов Африки и Зарубежной Азии) значение проблем патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов и наличие большого числа серьезных фундаментальных работ, этот вопрос до настоящего времени остается дискуссионным. В значительной степени это объясняется скудостью и односторонностью источниковедческой базы, большим своеобразием соотношения землепользования и землевладения у кочевников-скотоводов, в результате чего трудно вычленить границы феодального и общинного землевладения. Отсюда возникает сложная, но весьма заманчивая задача попытаться произвести анализ всего многообразия форм земельных отношений и связанной с ними феодальной иерархии, которые бытовали у казахских кочевников-скотоводов как накануне, так и во время присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.), т.е. в период, когда последняя еще не успела оказать влияние на развитие кочевого общества казахов.

Не ставя перед собою цели окончательного разрешения этой сложной проблемы, хотелось бы, опираясь на уже сделанные наукой за последние десятилетия достижения, более тщательно сопоставить их друг с другом. Эти попытки, по нашему мнению, смогут привести к определенным результатам при выполнении следующих условий: во-первых, привлечения доступных нам письменных источников по истории казахов XV—XVIII вв., во-вторых, дополнительного архивного материала, и, наконец, в-третьих, материалов собственных полевых исследований. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы такого рода относятся только к казахам. В связи с этим сразу же оговоримся, что соответствующие соображения и выводы будут также касаться только казахского номадизма. Кочевое общество казахов, по крайней мере в послемонгольское время, имело свои особенности (о них будет сказано ниже), отличающие его от некоторых других кочевых скотоводческих народов фео-

дального периода. Это оправдано еще и тем, что одно из основных условий изучения патриархально-феодальных отношений у кочевников вообще заключается в необходимости исследования отдельных кочевых обществ в их конкретно-исторической обстановке.⁴

После всех этих несколько затянувшихся, но необходимых предварительных замечаний, перейдем к теме непосредственного исследования.

Почти все исследователи общественного строя казахов (не только сторонники существования у них крупного феодального землевладения, но и их противники) бесспорно признают, что в казахских ханствах накануне и в период присоединения Казахстана к России имелась определенная социальная группа, которая обладала правом распоряжения кочевками и пастбищами подвластных им казахских родов. Л.П. Потапов, открывший дискуссию о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана на упоминаемой выше объединенной научной сессии в Ташкенте, сформулировал этот тезис так: «...Монопольное распоряжение кочевьями, пастбищами и другими землями вело фактически к частной собственности кочевой знати на эти земли».⁵ Против «распоряжения кочевьями, пастбищами» никто, по существу, не возражает. «Кочевание регулировалось представителями власти, — отмечает В.Ф. Шахматов, — ханами, султанами. Руководители родов, а иногда ханы и султаны давали указания, когда начинать кочевку, какие пути выбирать. Они же решали вопрос о спорных пастбищах и т.д. Это распределение кочевых путей и пастбищ между родами было неизбежным и необходимым условием пастбищно-кочевой системы; в противном случае вся система кочевания была бы нарушена, начался бы хаос в землепользовании, что привело бы к хищническому истреблению пастбищ и гибели скота».⁶

Своеобразным «водоразделом» служит вторая часть этого тезиса, которая заключается в том, что при условиях господства кочевого скотоводческого хозяйства право распоряжения пастбищами и кочевками было фактическим отражением крупной феодальной земельной собственности. «Содержанием права феодальной собственности являлись те правомочия, которые принадлежали только феодалам по владению, пользованию и распоряжению пастбищами и скотом. Совокупность всех этих правомочий составляла право феодальной собствен-

ности. Среди этих правомочий право распоряжения служило основным и решающим элементом права феодальной собственности». ⁷ К сожалению, ни в данной статье, ни в своей монографии, специально посвященной феодальным земельным отношениям у казахов, ⁸ А. Еренов ничем не обосновал этот важный тезис. Это дало возможность В.Ф. Шахматову возразить ему, что байство узурпирует лишь функцию общины в области *регулирования* (подчеркнуто нами — В.К.) землепользования, хотя земля по-прежнему оставалась общинной собственностью. ⁹ Мы сознательно подчеркнули слово «регулирования», так как в условиях кочевого скотоводства без этого действительно невозможно успешно вести хозяйство. ¹⁰ Однако под правом распоряжения пастбищами и кочевками подразумевалось не только регулирование ими в соответствии с хозяйственными нуждами, этим правом кочевые феодалы пользовались в своих политических и экономических интересах, что и превращало его в «основной и решающий элемент феодальной собственности». Относительно этого положения имеется весьма четкое определение К. Маркса: «Земельная собственность предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли». ¹¹ Собственно говоря, знаменитая в истории казахов откочевка в Моголистан в середине XV в. двух казахских султанов Гирея и Джанибека с подвластными им родами — носила именно такой характер. ¹²

«В то время в Дашт-и-Кипчике владычествовал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирай-хан бежали от него в Могулистан. Исанбуга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Могулистана». ¹³ В следующем факте воля кочевого феодала, его политическая заинтересованность при выборе кочевий и пастбищ для своих подчиненных выражена еще более ярко. «В то время, хотя Касим-хан (сын Джанибек-хана — В.К.) еще и не принимал титул хана, власть его уже была настолько велика, что никто и не думал о Бурундук-хане (сыне Кирай-хана — В.К.). Но он (Касим-хан) не хотел находиться поблизости от Бурундук-хана, потому что, если быть вблизи и не соблюдать должного уважения, означало бы возражать хану, а повиноваться же ему душа не лежала, потому (он) и старался держаться подальше (от хана). Бурундук-хан находился в Са-

райчуке; Касим-хан же (откочевывал) и, отдаляясь от него, по-
дошел к границам Могулистана и избрал своим зимовьем Ка-
ра-Тал». ¹⁴

Много примеров подобного характера можно найти в архивных документах, относящихся по времени к первому этапу присоединения Казахстана к России, т.е. к периоду с 30-х годов XVIII в. по 20—30-е годы XIX в. В 1785 г., например, хан Младшего жуза Нурали сообщает, что его брат Айчувак-султан со своим сыном Гизгали-султаном, находящиеся в Оренбурге в качестве заложников, направили письма «в каждый киргиз-кайсацкий род, а особливо в Табынской и в Чиклинской, к детям своим и к Ерали султану... в коих писали: ежели де они отсель, т.е. из Оренбурга освободятся, то от них российскому народу ни малейшей приязни быть не может, и сколько возможности их найдется, мстить не оставят... и чтоб табынский народ с россиянами не сообщался и в близости не находился, а откочевал бы в даль. Вследствие чего дети его, Айчувака, и последующия им Табынского и Таминского родов киргиз-кайсаки вверх на вершины Эмбы и Темира рек и далее откочевали...» ¹⁵ В 1764 г. хан Среднего жуза Абулмамбет при поддержке влиятельного Аблай-султана «послал Абулфеиз-султана с тем, чтобы кочующих при китайских границах киргиз-кайсаков, не давая им никакого послабления, согнать к кочевью, к ево, Аблаевой ставке». ¹⁶ И еще один пример, относящийся к более позднему времени, — середине XIX в. Из распоряжения начальника Алатавского округа видно, что казахи Старшего жуза рода Суван по воле и желанию своего султана перекочевали в 1861 г. на зиму в данный округ и, таким образом, остались без зимовок, так как последние обычно находились у них в Китае. ¹⁷

Такого же мнения о характере права распоряжения пастбищами и кочевьями придерживаются и другие исследователи. ¹⁸

Ошибочным является утверждение, что при экстенсивном кочевом скотоводстве земля не может быть основным средством производства, так как к ней не прилагается труд человека, а, следовательно, здесь нет крупной феодальной земельной собственности. «Земля при кочевом скотоводстве использовалась, — пишет С.Е. Толыбеков, — в своем естественном состоянии как всякая полезная вещь природы». ¹⁹ И дальше он уточняет: «...Кочевники, не имея условий для обработки земли,

лишь снимали с нее «сливки» путем использования готового растительного снежного (? — В.К.) покрова почвы и не давали ей ничего». ²⁰ Однако сам же С.К. Толыбеков противоречит этому положению, когда пишет дальше, что «кочевое скотоводство, всегда сопряженное с *упорной борьбой* (подчеркнуто нами — В.К.) со стихийными силами природы в степи, было подвержено их отрицательному влиянию». ²¹ Действительно, вряд ли нужно говорить о том, какой большой труд затрачивали кочевники-скотоводы во время перекочевки, при сооружении и ремонте глубоких колодцев в безводных местах, а также при организации водопоя скота, в борьбе со стихийными бедствиями (засуха летом, сильные холода и снег, бураны и гололед зимой). С. Зиманов совершенно справедливо отмечает, что все это «было не под силу отдельным индивидуумам и требовало усилий коллектива». ²²

Противоречит себе С.Е. Толыбеков, когда в одном месте утверждает, что «при полном кочевом образе жизни использование пастбищ носило хищнический характер, который выражался в очень быстром их истощении», ²³ а в другом — «кочевание и стоянка аулов в разные времена года были различными стадиями целесообразно организованного выпаса, ухода и выращивания скота. Каждая стадия кочевания имела свою специфику и свое целевое назначение по временам года, вытекающее из требований производственной жизни как момент определенного процесса производства и воспроизводства. Поэтому само кочевание казахов было формой производственной деятельности людей, вылившейся в стройную систему передвижения массы населения в определенное время года в определенном направлении на известной хозяйственной территории с конкретными почвенно-климатическими условиями». ²⁴ В своих критических заметках о книге С.Е. Толыбекова И. Васильченко оставалось лишь сделать логическое заключение из этого высказывания: «Перекочевки имеют целью не только обеспечить кормом и водопоями скот, но восстановить плодородие использованных пастбищ, дабы иметь возможность вернуться к ним в соответствующий сезон следующего года». ²⁵ Н.Э. Масанов также весьма убедительно доказывает, что земля, вернее пастбищные угодья, были одним из основных средств производства, без которого вообще не могло существовать скотоводческое хозяйство. ²⁶ «Скотоводческое хозяйство кочевников было необходимым звеном в жизнедеятельности степных, по-

лупустынных и пустынных ландшафтов, определяя динамику произрастания травостоя и опосредуя обмен веществ различных элементов данной системы». ²⁷

Изложенное выше позволяет считать, что в период казахских ханств (XV—XVIII вв.), а также во время присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.) у кочевников-казахов существовала крупная земельная собственность, которая выражалась в праве определенной социальной группы феодалов распоряжаться пастбищами и кочевками находящихся в их подчинении казахских родов. В этом заключается одна из основных особенностей феодализма у кочевников-скотоводов вообще, и у казахов в частности. ²⁸

Закономерно возникает вопрос — из кого состояла эта социальная группа кочевых феодалов, которой принадлежало право распоряжения пастбищами? Чтобы полнее ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к истории Казахстана раннефеодального периода, а также в монгольское время. Исследователи считают, что на территории Казахстана феодальные отношения начинают складываться со второй половины I-го тысячелетия н.э. ²⁹ Однако это развитие происходило весьма неравномерно. И если в Семиречье и Южном Казахстане в XII в. уже существовали, особенно в земледельческих оазисах с оседлым населением, довольно развитые феодальные отношения с крупной земельной собственностью (институт икта), то в степных районах, в Дешт-и Кипчак, у племен кимаков и кипчаков, которые в основном были кочевниками, эти отношения в X—XII вв. только еще начали складываться и ко времени монгольского завоевания их родовые вожди и военачальники еще не успели превратиться полностью в родовую знать — феодальную аристократию. В результате этого в монгольский период (XIII—XV вв.) в тех районах Казахстана, где уже существовали феодальные отношения, местная знать в основном слилась с военно-феодальной аристократией завоевателей. В степных же районах Казахстана, где по существу еще не было своих местных феодалов, утвердилась власть ханов и султанов (торе), которые считались потомками Чингисхана. Чингисиды сохраняли за собой власть над кочевыми родами, а, следовательно, и право распоряжаться кочевьями и пастбищами их, и после распада Золотой Орды. То же самое имел в виду А. Еренов, когда писал, что казахские ханства XV—XVII вв. получили «наследство» от Золотой и Белой орд и государства

тимуридов несомненно более развитые общественные отношения, чем от более ранних государственных образований.³⁰ Дальше он уточняет это положение: «Господствующей формой земельной собственности во всем Казахстане к XV в. выступала феодальная земельная собственность в виде ханско-султанских владений — уделов, внутри которых существовали вассальные владельцы — беки, тарханы и др».³¹ Аналогичное мнение высказывает Т.И. Султанов, хотя он считает, что султаны-чингисиды распоряжались пастбищными угодьями (улусами) на правах бенефиция (икты или ленных владений) как принадлежащие к царственному роду, который был верховным собственником земли.³²

Анализ письменных источников XV—XVII вв. и архивных материалов XVII—XIX вв. позволяет нам с полным правом считать, что это положение в основных чертах сохранилось у кочевников-скотоводов как в период казахских ханств (XV—XVIII вв.), так и во время присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.). Так, Шади в своей стихотворной хронике «Фатхнаме» пишет:

В своем *владении* (подчеркнуто нами — В.К.) выделил
благородный (Касым-хан)...

В приятном месте стоянку, подобную раю.³³

В выдержке из «Тарих-и Рашиди» Мухаммад Хайдара, ставшей хрестоматийной, рассказывается о встрече правителя Могулистана Султана Саид-хана с казахским ханом Касимом в 1513—1514 гг. на реке Чу. «Лето уже подходило к концу. Казахи *по распоряжению Касим-хана* (подчеркнуто нами — В.К.) двинулись на зимовки. Касим-хан заявил хану, что поход на шайбанидов в это время представит трудности, ибо жители степи в это время должны подумать о зимовках».³⁴

Хотя письменных источников по истории Казахстана XV—XVII вв. относительно мало, в них можно найти достаточное число фактов, свидетельствующих о том, что казахские ханы и султаны, обладая правом распоряжаться пастбищами и кочевками, были крупными земельными собственниками. Сошлемся только на одного автора. Ибн Рузбихан в своих «Записках бухарского гостя», написанных в 920 г.х.* (1514—1515 гг.), дважды упоминает о том, что казахские султаны являются собственни-

* Годы хиджры (г.х.) — мусульманское летоисчисление со времени переселения пророка Мухаммада и его сторонников из Мекки в Медину.

ками пастбищных угодий. Так, описывая летние пастбища казахов в Дешт-и Кипчаке, он сообщает: «Вследствие множества скота и нужды в пастбищах они (казахи — В.К.) занимают всю эту обширную степь, и каждый из их султанов имеет в своем владении и подчинении определенную местность этой области». ³⁵ То же самое автор говорит о зимних пастбищах казахов: «В каждом известном улусе есть (свой) полновластный султан из потомков Чингисхана, который со своим народом пребывают в какой-либо местности... Султаны сидят там до сих пор еще со времени Юги-хана и Шибан-хана и пользуются пастбищами». ³⁶ Добавим к этому предание, о котором сообщила Т.А. Жданко в своем выступлении на Объединенной научной сессии в Ташкенте. В нем говорится, что представители каракалпакских родов обратились к казахскому хану Таваккулу (время правления 1583—1598 гг.) с просьбой дать безземельным каракалпакам пастбища в урочище Улутау. Хан дал им эти земли, а правителем к ним направил своего сына. Однако через несколько лет они убили присланного султана-правителя. Тогда хан отобрал у них дарованные земельные угодья. ³⁷

Неизбежный для определенного периода феодализма рост феодальной раздробленности был для Казахстана, наряду с другими политическими, экономическими и географическими факторами, очевидно одной из основных причин разделения казахского общества на три больших этнотерриториальных объединения (или союза) племен: — Старший, Средний и Младший жузы, которые в русских источниках, архивных документах и дореволюционной литературе назывались ордами. ³⁸ В то же время не исключено, что три жуза казахов являются отголосками традиции дуальной (триадной) организации казахских племен в прошлом, что, впрочем, было характерно для многих кочевых обществ. ³⁹ Как правило, во главе каждого жуза стоял хан, а в некоторые периоды истории Казахстана ханов было даже больше.

Право распоряжения пастбищами и кочевьями в период казахских ханств (XV—XVII вв.) в результате сложившейся традиции продолжало оставаться за ханами и зачастую лишь номинально им подчиненными султанами. М.П. Вяткин писал по этому поводу: «Классовое положение султанов в казахском обществе определялось прежде всего тем, что распоряжение основным условием производства — землей — находилось в их руках». ⁴⁰ В другой большой работе он отмечал также, что

«узурпация общинных земель (султанами — В.К.) выступала в своеобразной форме присвоения знатью права распоряжаться районами кочевков».⁴¹ К сожалению, М.П. Вяткин был не до конца последователен в вопросе о характере земельных отношений у казахов, так как утверждал, что «материальная основа феодальной эксплуатации — частная собственность на землю — в условиях кочевого хозяйства сложиться не могла».⁴²

Право распоряжения кочевьями и пастбищами ханы и султаны в основном сохранили и в период присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.). Довольно многочисленные свидетельства тому мы находим в письменных источниках и архивных документах того времени. Так, в описании родоплеменного состава казахов, составленного в 1747 г. М. Тевкелевым, сказано, что в Среднем жузе сильный род Аргын состоит из 16 родов: «В сих родах владельцами Барак-султан и Аблай-султан». 9 родов кипчак того же жуза владельца не имеют, а владельцем трех родов увак-гирей был сын Абулхаир-хана — Ирали-султан.⁴³ Эти сведения дополняет сообщение Джанбек-Тархана в 1749 г., что в Среднем жузе под ведомством Аблай-султана находятся аргинцы из семи родов, а он (т.е. Джанбек-Тархан — В.К.) у них старшина. «Найманы же, де,— сообщает он дальше,— за отлучкою Барак-султана, может быть не выберут ли себе другого кого из султанов... а гирейцы, де, склонны Аблай же султану».⁴⁴ В этом же году султан Барак сообщает Оренбургскому губернатору, что сан (т.е. 10 тыс. человек — В.К.) казахов Кунгратского рода Среднего жуза вступили в российское подданство, а его, Барака, «ханом и владельцем себе приняли».⁴⁵ В 1761 г. султан Айчувак писал своему брату Нурали-хану (в то время Нурали был ханом Младшего жуза — В.К.), что «отец их Абулхаир-хан, Семиродских киргиз-кайсак (т.е. рода Жетыру — В.К.) ему, Айчуваку, в особое правление благословил и над ними ево точным владельцем учредил».⁴⁶

Во многих случаях султаны сохранили за собой право распоряжения кочевьями и пастбищами подчиненных им казахских родов вплоть до введения царским правительством в Казахстане в 20—30-е годы нового административного устройства. Это видно, например, из сведений, собранных в 1822 г. о казахах Младшего жуза Януфрием Ярцевым. Он пишет, что в роде Джакаим племени Чикли, или Чикти, крупного рода Алимұлы имелось шесть колен. В первом из них (Кулумбет) правил сул-

тан Туича Сайпаков, главный бий — Юлдубай; во втором (Бирдунгул) — султан Теуп Каибов, бий — Тулубай; в третьем (Туржунбай) — султан Сарагап Аблазы ханов, бий — Дунан; в четвертом (Баймбет — колене малочисленном) султана нет, бий — Берды ходжа; в пятом (Кумумбет) — султан Буря Тявкеев, бий — Джабу; в шестом (Асан) — султан Муса Тявкеев, бий — Юламан. В роде Кичкине того же племени Чикли, или Чикти, в колене Чинай — султана нет, бий — Сайты; Джулчура — тюря Абулхаир Саппаков (отрасли Сыгаевой); в колене Асан — тюря Исан Джулбарсов (отрасли Сыгаевой); в колене Куттук — тюря Иса Тавкеев и т.д.⁴⁷

У казахов-найманов Среднего жуза, кочевавших в юго-восточной части Казахстана приблизительно в середине XVIII в., владельцем рода Байжигит был султан Санияз, а его сын Камбар подчинил себе в конце XVIII в. другую часть восточных казахов и правил ими приблизительно до конца первой трети XIX в.⁴⁸ Вся восточная часть гор Манрака (вплоть до оз. Зайсан и берегов Черного Иртыша) казахи называли Камбаровыми землями.⁴⁹

Помимо права распоряжения кочевьями подвластных родов султаны имели в своей собственности отдельные, очевидно довольно большие по площади, участки земли — пастбища, на которых пасся их собственный скот. Другим казахам, за исключением тюленгутов, было запрещено кочевать и пасти скот на этих пастбищах.⁵⁰ Такие запретные места, как известно, издавна существовали у тюркских народов и монголов.⁵¹ Сохранились они как во время казахских ханств (XV—XVII вв.), так и в период присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.). Т.И. Султанов, основываясь на изучении таджикско-персидских и тюркских источников, отмечает, что «каждый из казахских султанов имел в своем владении определенный район из общей территории степей. Так, местность Кар-Абдал и ее окрестности являлись основными владениями Джаныш-султана, его брата Таныш-султана и сына Ахмад-султана, причем юрт Джаныш-султана отстоял от Кара-Абдала на расстоянии десяти дней пути в зимнее время в сторону Сыр-Дарьи, а юрт Таныш-султана находился в непосредственной близости от “центра зимних кочевий казахов” Кара-Абдала. Кишлак Верховного хана казахов Бурундука и Касым-султана находился где-то на берегах Сыр-Дарьи в местности Аб-и Сыр».⁵²

Ссылный поляк Я. Янушкевич участвовал в качестве чиновника в составе экспедиции, возглавляемой пограничным начальником генералом Н.Ф. Вишневым, которая принимала в 1846 г. в русское подданство казахов Старшего жуза. В своих дневниках и письмах Я. Янушкевич сообщает, что «долина Ой-Джайлю (приблизительно в районе северных предгорий центральной части Джунгарского Алатау — В.К.) была кочевьем султана Буленя из рода Аблая». ⁵³ В другом месте он отмечает, что в районе притока реки Каратал — Егину расположены кочевья родных дядьев (султана — В.К.) Барака, которые очень были богаты. Он подчеркивает: «Они кочуют отдельно от своей волости и их окружает видимо-невидимо туленгутов различных родов». ⁵⁴

О наличии пастбищ, находящихся в частной собственности султанов (торе), на которых пасся их скот, а также скот их тюленгутов, указывают материалы полевых исследований. Выше уже отмечалось, что восточная часть горы Манрака принадлежала султану Камбару, причем в урочище Койтас — осенне-весенние пастбища. Там же пасли свой скот тюленгуты Камбара. Приблизительно 200 лет тому назад владельцем у казахов-киреев был торе Когедай. У него были пастбища (в настоящее время на этом месте расположены поселки Каратал, Улькен Каратал и Когедай), на которых никто не имел права пасти скот кроме его тюленгутов. ⁵⁵ Торе Кулеке руководил казахами рода Тортуул из найманов. Он владел землями в районе нынешних поселков Куаныш и Рожково, а торе Даир — в долине р. Жарлы (здесь имеется поселок Даирово на месте его могилы). ⁵⁶

Изложенный выше материал свидетельствует о том, что высшая феодальная аристократия казахского кочевого общества, состоявшая из ханов и султанов, сохранила за собой как право распоряжения кочевьями и пастбищами подчиненных им казахских родов вплоть до окончательного присоединения Казахстана к России в середине XIX в., так и имела собственные элитарные угодья. Однако это совершенно не означает, что их общественное положение оставалось неизменным в течение всего этого длительного времени.

Уже в монгольский период (XIII—XV вв.) произошло, очевидно, превращение глав и военачальников отдельных казахских родов, которые назывались у казахов биями, в родовую феодальную знать. Однако в отличие от ханов и султанов, ко-

которые были по своему происхождению чингисидами и считались потомками «золотого рода» Чингисхана, бии по своему происхождению были казахами, и каждый из них, как правило, принадлежал к тому роду, который он возглавлял. К концу XVII в. политическое и экономическое влияние биев усиливается в результате перехода к ним судебных функций из рук третейского суда аксакалов, т.е. старейшин. В XVIII в. положение родовой знати казахов-биев еще более упрочилось. Этому в значительной степени способствовали так называемые законы хана Тауке (время его правления: 60-е годы XVII в. до 1715/18 гг.), в которых нашло отражение стремление хана усилить свою власть над непокорными султанами путем возвышения роли биев. По этим законам судебные функции были закреплены только за ханом и биями, тогда как раньше они принадлежали хану и султанам. Кроме того бии получали право наряду с султанами участвовать в съездах феодальной знати.⁵⁷

Бии имели в своих руках власть над управляемыми ими родами и выполняли роль степных судей. Пожалуй, наиболее полная характеристика звания бия дана в одном из архивных документов, подписанном в 1759 г. канцлером В. Воронцовым: «Звание бий и старшина присуждается у них таким людям, которые из кочующих вместе одного рода и улуса киргизцев других летамы старея и проворнея, почему такие бии и старшины прочим с ним обще кочующим и предводителями бывают, при походах их, так же и в соглашении и советовании и по прочим их делам некоторую знатность имеют: но как однако же биев или старшинской между ими касакками не наследованной и по смерти такого бия или старшины, доставляет по большей части постороннему человеку, старшему летамы других или хотя иногда и сыну прежнего бия и старшины».⁵⁸

Очевидно, уже в период казахских ханств, т.е. в XV—XVII вв., наиболее влиятельные бии начали присваивать себе право распоряжения пастбищами подвластных им родов (т.е. право, которое по выработанным в течение веков общеправовым нормам принадлежало только ханам и султанам). Однако тогда это были исключительные случаи. Собственно говоря, в письменных источниках XV—XVII вв., имеющихся в нашем распоряжении, можно найти только одно-два указания на то, что бии были владельцами. Так, Шади в «Фатх-наме» сообщает, что Махмуд-султан (младший брат Мухаммад Шайбани-хана — В.К.), когда бежал из плена Касим-хана и скитал-

ся в степи, нашел приют в местности, имя владельца которой было Кушчи-узбек.⁵⁹ Второй факт приводит Масуд бен Усман Кухистани в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани». Он пишет, что Абу-л-Хайр-хан пожаловал управление Узгентом (крепость на Сырдарье между Сыгнаком и Джендом — В.К.) Ваккас-бий мангыту.⁶⁰

Бии имели уже в те времена определенный вес и влияние, так как они, как правило, упоминаются в письменных источниках в числе приближенной феодальной свиты — «мулазимов» того или другого хана. Так, в одном месте «Шайбанинаме» Бинаи говорится, что «в то время мулазимов у хана (Мухаммад Шайбани-хана — В.К.) было не более ста человек. Вот имена бахадуров: из дурманов — внук Йа'куб-бека — Ахир-Заман-бек и его братья Шайх-Салих-бек, Урус-бек и Джан-Вафа-мирза; из кушчи — Даулат-Ходжа-бек и Йа'куб-кукельташ; из уйгуров — Хуш-Амад-аталык и Канбар-Али; из найманов — Хаджи-Вали; из джуркунов — Ураз-бахадур; из йети-мингов — Тайран-бахадур; из чагатаев — Фаррух-бахадур, Тангри-Берды, Айкым-Берды и Дарвиш-Мухаммад; из ички — Ходжа-Асил; из баджиров — Джагир и Чалбаш-бахадур и из асов — Аманлык, Шайхим-бахадур и Сакизак-бахадур».⁶¹

В XVIII—первой половине XIX в. случаев узурпации биями прав распоряжения пастбищами, судя по архивным материалам, становится намного больше. В известной степени в этом сыграла свою роль колонизаторская политика царского правительства, которое стремилось подорвать влияние ханско-султанской феодальной верхушки среди казахов для упрочения своего положения в Казахстане за счет опоры на биев.⁶² Так, в рапорте исполняющего обязанности сибирского губернатора от 11 марта 1763 г. сказано, что в роде Аргын, который «пред всеми многолюдней и храбрейшей», почитается среди казахов Среднего жуза «ныне большую власть содержит старшина их Казбек-бий, которого в этом жузе «за главного судью почитают». Далее объясняется, что «Казбек-бий, которому было тогда 96 лет, так почитается, потому что его отец и предки всегда были биями или судьями... и что в Аргинском роду весьма редко кто из султанов в старшины выбирается, яко то и ныне во всем Аргинском роду, кой состоит из десяти улусов, только два султана состоял».⁶³ Я. Янушкевич в своих дневниках и письмах о путешествии в 1846 г. к казахам Старшего жуза (время присоединения их к России) писал, что султан Сюк Аблайханов

(сын влиятельного в свое время хана Среднего жуза Аблая) был главой казахов-уйсунов, однако совсем поглупел (ему исполнилось 76 лет), и «бий Бейбит из его рода имеет большое влияние и всем заправляет». ⁶⁴

В этом отношении любопытной является просьба бия Тюляка-батыра в 1780 г., в которой он стремится оградить от других казахов и обособить свои сенокосные угодья. Он пишет по этому поводу: «К построенным мне... покоям прикочевывают из степи посторонние киргизцы со своими табунами и травят оные сенокосные места». Дальше он просит русские власти запретить другим казахам это делать. ⁶⁵ Данный документ показывает, с одной стороны, что согласно существовавшим в конце XVIII в. обычно-правовым нормам казахи имели право кочевать на этих землях, а с другой стороны то, что бий Тюляка-батыр, желая превратить их в свою собственность, но не имея на это «законных» оснований и достаточно силы, пытается восполнить это с помощью русских властей.

Попытки баев присвоить себе право самостоятельного распоряжения кочевьями и пастбищами наравне с ханами и султанами рассматривались последними как посягательство на их законные права и сурово пресекались. Историческое предание, связанное с могилой в верховьях р. Терес-Бутак (Центральный Казахстан), содержит рассказ о том, как во времена хана Аблая в этих местах, имеющих «тучные пастбища», мирно кочевали казахи рода Джагабайлы, у них было много животных «и стада их множились». Этого не мог вынести злой хан Аблай. «Давно этот хан просил и требовал себе дани от сынов Джагабайлина и скотом и девушками, но такого позора не хотели нести Джагабайлинцы и провожали посланных хана с простыми подарками». В конце концов, Аблай, «взяв с собой тысячу лучших джигитов»... «разграбил их аулы». ⁶⁶ В этом предании под «сынами Джагабайлина», т.е. сыновьями родоначальника, нужно понимать руководителей этого рода — биев. Это они, в первую очередь, не хотели подчиниться хану Аблаю, за что последний жестоко наказал весь род и подчинил его себе. Аналогичная история была записана нами в 1973 г. у восточных казахов. Согласно народному преданию султан Камбар (о нем уже упоминалось раньше) не мог подчинить себе род Байджигит из найманов до тех пор, пока в нем был жив знаменитый бий Алдияр-батыр. И только после смерти последнего, убив в

жестоком поединке дочь Алдияра по имени Шайлы, Камбар стал управлять этим родом.⁶⁷

Выше мы уже писали о том, что один из энергичных казахских биев пытался использовать авторитет русских властей для укрепления своего положения. Надо отметить, что к этому приему прибегали, как известно, многие казахские феодалы, начиная с хана Абулхаира, и довольно часто. Показательно в этом плане прошение султана Оптая Чингисова в 1832 г. к русским властям, в котором он также пытается укрепить с помощью последних свое положение владельца определенного рода. Он пишет, что в его волости «состоит из нескольких душ род Чиктыбаевский, которым еще управлял покойный отец мой султан Чингиз, а после его смерти перешли *добровольно* (подчеркнуто нами — В.К.) в мое заведывание. Ныне находящийся в означенном роду бий Муйнак настраивал людей тем, чтобы отойти от меня под управление сына султана Сартая. А потому покорнейше прошу... оставить их по-прежнему в моем управлении или предоставить меньшему моему брату Сентекулу или же восьмилетнему моему сыну султану Кушану...»⁶⁸ В этом документе как бы в концентрированном виде представлена эволюция положения высшего слоя феодального класса у казахов — султанов-чингисидов. Если раньше казахи добровольно подчинялись султанам как своим владельцам, то с течением времени они уже отказывались это делать. Первый этап этого отказа заключался в том, что недовольные по каким-либо причинам своим султаном казахи переходили к другому султану. Следующий шаг в этом направлении состоял в том, что казахи переставали вообще признавать над собой власть султанов. В этом отношении показателен пример с западными казахами родоплеменного объединения Адай, которые кочевали в основном на п-ове Мангышлак. Если в 1822 г., судя по сведениям Януфрия Ярцева, их правителем был султан Джантыр Нуралиев,⁶⁹ то уже во второй половине XIX в. султанов среди них не было.⁷⁰

Эволюция положения султанов-чингисидов как представителей феодальной верхушки, монопольно распоряжавшихся кочевьями и пастбищами казахов, довольно часто прослеживается на материалах исторических преданий восточных казахов. «Раньше, — говорится в одном из этих преданий, — казахи представляли, что самый справедливый — торе (султан — В.К.)».⁷¹ Те роды, у которых не было своего торе (султана),

приглашали их к себе или же просили хана назначить им такового. «Байжигит и Жумук (название двух родов найманов — В.К.) просили, чтобы им дали для справедливого решения всех вопросов торе». ⁷² Затем, однако, положение султанов несколько поколебалось и им уже приходилось силой (как, например, это сделал султан Камбар) подчинять себе казахов. И кончилось это все тем, что казахи стали открыто протестовать против господства султанов-чингисидов. Дело доходило даже до убийства последних. Так, в одном из записанных нами исторических преданий восточных казахов, которое так и называется «Как народ от торе избавился», рассказывается о том, как был убит торе Когедай. ⁷³ В этом рассказе имеется еще один необычайно важный для нас эпизод, который раскрывает взаимоотношения между султанами и простыми казахами. У казахов за убийство человека платили штраф — кун, а за убийство хана или султана — семь кунов. ⁷⁴ Таким образом за убийство торе Когедая нужно было платить семь кунов. Тогда бий Назар, представитель рода, который должен был платить кун, на суде биев по этому поводу заявил: «Мы заплатим (семь кунов — В.К.) в том случае, если торе оставят землю и уйдут отсюда, а если они останутся среди казахов, то заплатим казахский кун, т.е. один кун». ⁷⁵ По другой версии на этом суде бий Ултарак заявил казахам-киреям, у которых Когедай был владельцем: «Мы без торе живем, можете и вы жить без него. Возьмите за торе 1 кун как за простого казаха. Если не согласны, мы заплатим 7 кунов, но тогда землю освободите». ⁷⁶

Приведенные примеры достаточно убедительно показывают, что влияние ханско-султанской феодальной прослойки в казахском кочевом обществе падало. Этот процесс особенно усилился начиная с первой половины XIX в. Так, в журнале чиновников колыванских заводов Поспелова и Бурнашева, составленном во время их пребывания в Казахстане в 1802 г., сообщается, что «в Большой орде достоинство ханов ташкентским владельцем совсем уничтожено, и киргиз-кайсаки управляются биями (судьями) или старшинами под властью самого владельца». ⁷⁷ То же самое мы видим в сообщении 1803 г.: «Султаны, происходящие от ханских детей, — пишется в нем, — и быв прежде народными руководителями, в сие время также ввергались в пренебрежение... Родоначальники, султаны и хан, не имея сил обуздать своеволие и привести народ к себе в повиновение, с частью семей своих приблизились к ли-

нии (русских укреплений — В.К.) под покровительство России, а роды, разделяясь с новыми биями, удалились в степи, где и живут сейчас без всякого согласия». ⁷⁸

В приведенных нами ранее сведениях о казаках Младшего жуза, собранных в 1822 г. Януфрием Ярцевым, можно было увидеть, что владения султанов стали значительно мельче. Действительно в XV—XVII вв. и даже в XVIII в. султаны владели большими родоплеменными объединениями казахов, насчитывающими несколько десятков тысяч хозяйств. Так, по сообщениям Ибн Рузбихана в XVI в. Казахское ханство включало в свой состав около 20 улусов, каждым из которых руководил султан, в свою очередь около 20 улусов составляли 3 укрупненных улуса, во главе которых в начале XVI в. стояли сыновья Джанибек-хана: Касым-султан, Джаниш-султан и Таниш-султан. ⁷⁹ По расчетам Т.И. Султанова, каждый улус насчитывал приблизительно 10 тыс. хозяйств, т.е. около 60 тыс. человек, а укрупненный улус — до 400 тыс. и более. ⁸⁰ Султан Аблай был владельцем трех родов: в первом насчитывалось 6 тыс. семей, во втором — 10 тыс. семей и в третьем — 4 тыс. семей». ⁸¹ В начале XIX в., по упомянутым выше сведениям Януфрия Ярцева, видно, что султаны имеют под своим управлением самые мелкие роды, которые в этих сведениях называются «коленами». К этому нужно добавить, что многие из этих «колен», по имеющимся сведениям, управлялись уже не султанами, а биями. ⁸²

Бии, получив, по «Жеты Жарга», или же так называемым законам хана Тауке право судебной власти, широко использовали эти функции для укрепления своего положения и влияния. Однако это влияние в некоторой степени было подорвано введением в 1822 г. «Устава о сибирских киргизах», согласно которому должность биев как судей была объявлена выборной с последующим утверждением государственной властью. В результате этого в ряды старых биев, которые представляли собой родовую феодальную знать, влилось, выражаясь современным языком, новое поколение. В основном это были наиболее «уважаемые» среди казахов люди, т.е. богачи. Весьма образно об этом сказано в рапорте чиновника Александровского: «...Значение биев теперь зависит не от достоинства их собственных голов, а от количества голов ихнего скота». ⁸³ С.З. Зиманов делает совершенно справедливый вывод, что «звание бия становится атрибутом экономически преуспеваю-

шего казахского феодала». ⁸⁴ Собственно говоря, бии по своему положению тесно смыкались с другой социальной группой феодального класса у казахов — с баями, к характеристике которых мы переходим.

Уже в период казахских ханств, т.е. в XV—XVII вв., у казахов-кочевников существовала определенная группа феодалов, которая называлась баями. Согласно Ибн Рузбихану, баем называется всякий «влиятельный богач», владелец большого количества скота. ⁸⁵ По мнению С.К. Ибрагимова, к их числу относятся те из ханских приближенных, которые названы по их собственному имени без титула, просто с указанием родовой принадлежности. ⁸⁶

С.Е. Толыбеков считает, что слово бай в значении богатый бытовало среди кочевых племен, впоследствии вошедших в состав казахского народа, еще до монгольского нашествия. ⁸⁷ С этим нельзя не согласиться, так как имущественное неравенство, которое, как известно, возникло в среде кочевников-скотоводов в весьма отдаленное время, в период феодализма неизбежно должно было перерасти в социальное неравенство. Н.Г. Апполова отмечает, что богатую верхушку казахских аульных общин в XVIII—первой половине XIX в. составляли баи, которые были самой многочисленной группой эксплуататорского класса. ⁸⁸ Однако эта группа феодалов не обладала правом распоряжения пастбищами и кочевьями, как султаны, т.е. не являлась земельным собственником. К сожалению, в письменных источниках, как и в архивных документах, которые имеются в нашем распоряжении, почти нет никаких указаний на этот счет. Например, в рукописи Я. Гавердовского указывается только, что байские хозяйства — богатые. ⁸⁹ Материалы же полевых исследований свидетельствуют о том, что баи не были земельными собственниками. Так, во время нашей экспедиции 1973 г. в Восточный Казахстан один из информантов говорил: «У казахских баев земли не было, ее не давали в енши». ⁹⁰ У бая не было своей отдельной земли, она принадлежала всему роду». ⁹¹

В период присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.) некоторым наиболее выдающимся казахским феодалам из среды биев и баев, которые в русских документах обозначались собирательным термином «старшины», царское правительство за особые заслуги присваивало звание тархана. Первым был удостоен такого звания в 1743 г.

Джаныбек-батыр, который «между всеми старшинами Средней и Малой орд самый знатный и почти с ханом равную силу имеет».⁹² В указе по этому поводу сказано, что тарханство означает «служиваго и от податей свободного человека» и что «достойнейшим старшинам для примера прочим» можно его жаловать.⁹³ Впоследствии многим казахским феодалам за усердную и верную службу правительство присвоило звание тархана. Так, в 1821 г. были возведены в тарханское достоинство бии Аманчи Сангрыков и Жанбырчи Саламасов за участие и усердие во время похода на Бухару.⁹⁴ В 1831 г. тарханство было присвоено старшине Балтакировского рода Бикбулату Бекболову⁹⁵ и т.д. Однако тарханское звание, за исключением первого тархана — Джаныбека-батыра, не было наследственным.⁹⁶ Об этом свидетельствует ответ русских властей в 1844 г. на просьбу известного бия, управляющего Аргинским родом Чеченя Мусина о присвоении ему тарханства, которое имели в свое время его прадед — Джанибек, дед — Даутбай и отец Муса. В этом ответе сказано, что «тарханское достоинство... есть не потомственное».⁹⁷

Термин тархан имеет древнее происхождение. Он встречается у кочевых племен уже в древнетюркское время. В монгольский период это звание широко присваивалось за особые заслуги военным, гражданским и духовным лицам, а также жителям определенной местности. Имевшие тарханские грамоты (ярлыки) освобождались от налогов и наделялись рядом привилегий, им, например, прощались первые девять преступлений. Как правило, и в те времена тарханство было личным и лишь изредка потомственным (до десятого колена, а иногда и навечно).⁹⁸

В литературе существует мнение, что казахские ханы не присваивали звания тархана. Так, С.З. Зиманов пишет, что «до XIX в. (т.е. до хана Джангера казахов Внутренней орды — В.К.) казахские ханы своей властью не могли присваивать звания тархана».⁹⁹ Это явное недоразумение. Достаточно сослаться на два документа, так называемые «грамоты из Сыгнака». В одном из них, относящиеся к середине XVI в., т.е. ко времени, когда в сырдарьинских городах, в том числе и Сыгнаке, правил казахский хан, сказано, что Абу-л-гази Абдар-Рахим-хан-бахадурсултан повелевает считать тарханом Сират-Шайх-накиба. В другой грамоте (первая половина XVII в.) казахский хан предлагает считать тарханами шейхов — потомков Аллама-ий Сыг-

наки.¹⁰⁰ Следовательно, казахские ханы унаследовали от предыдущих правителей среди многих других общественных институтов право присвоения своим подчиненным звания тархана.

Данным правом пользовался, как известно, хан Внутренней, или Букеевской орды Джангер, который раздавал тарханство преданным ему представителям родовой знати для укрепления своей власти. Так, в 1842 г. он сделал тарханом старшину из Таминского рода Исенбая Ходжабекова.¹⁰¹ За время своего ханства Джангер наградил званием тархана довольно много «знатных» биев. Только в одной Таловской части орды в начале второй половины XIX в. насчитывалось 125 тарханов.¹⁰²

Важно подчеркнуть, что звание тархана, присваиваемое как русским правительством, так и казахскими ханами, не было связано с земельными пожалованиями и давалось исключительно представителям казахской феодальной верхушки — биям и баям. Из этого следует, что тарханы по отношению к земельной собственности были в таком же положении, как и остальные феодалы из родовой знати, которые не имели этого звания. То же самое полностью относится и к старшинам, так как ими назывались в русских документах того времени те же самые бии и бай.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод: у казахов-кочевников накануне и во время присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.) существовала определенная феодальная иерархия, что, впрочем, характерно для любого общества периода феодализма.¹⁰³ При этом хан являлся правителем в пределах всего ханства; султаны, бывшие по отношению к нему вассалами, владели в пределах улусов, т.е. объединений ряда больших родов, из которых составлялось ханство. Для родовой знати биев и баев, наиболее многочисленной прослойки класса феодалов у казахов, султаны уже выступали как сюзерены. Эти представители родовой знати распоряжались в пределах своих родов и более мелких родовых подразделений. Однако между ханами и султанами, с одной стороны, и баями и биями — с другой, существовали существенные различия, несмотря на то, что все вместе они составляли один господствующий в казахском кочевом обществе класс.¹⁰⁴

Первое и основное различие между ними заключалось в том, что только ханско-султанская знать, стоящая на высшей

ступени феодальной иерархии, монопольно пользовалась правом распоряжения пастбищами и кочевьями подвластных им казахов. Родовая же феодальная знать, состоящая из биев и баев, этого права не имела.

Возникает вопрос, на каком основании, каким орудием пользовались бии и баи в казахском кочевом обществе для эксплуатации трудящихся масс кочевников-скотоводов? Ответ можно найти, если еще раз вернуться к вопросу о средствах производства в кочевом феодальном обществе вообще, и у казахов-номадов, в частности. Почти все исследователи, занимающиеся этой проблемой, считают, что при господстве кочевого скотоводства, в отличие от оседло-земледельческих районов, важную роль в качестве средства производства наряду с землей играл скот. С.З. Зиманов пишет по этому поводу: «Вряд ли является правильным признание в качестве средства производства при феодализме только земли или только скота».¹⁰⁵

Во всех исследованиях подчеркивается, что у номадов периода феодализма земля была основным средством производства, а скот — важным, но не основным средством производства.¹⁰⁶ Так, в редакционной статье, подводящей дискуссию о характере патриархально-феодальных отношений у кочевых народов в журнале «Вопросы истории», сказано, что «земля была основным средством производства, однако и скот являлся важным средством производства».¹⁰⁷

Анализ изученных нами источников, позволяет полагать, что в казахском кочевом обществе вплоть до окончательного присоединения Казахстана к России (середина XIX в.) основное средство производства, т.е. земля, находилась в руках высшей феодальной аристократии (ханов и султанов) и была их главным орудием эксплуатации трудящихся масс кочевников-скотоводов, а для родовой феодальной знати (биев и баев) таким орудием в первую очередь являлся скот. Это, естественно, нельзя понимать в буквальном смысле, т.е. что у ханов и султанов не было скота, а родовая знать не имела никакого отношения к земле. Очевидно нет нужды говорить о том, что как ханы, так и султаны были одними из самых крупных собственников скота у казахов. Для них основой эксплуатации трудящихся масс кочевников-скотоводов была крупная феодальная земельная собственность, которая монопольно принадлежала им. В связи с этим Н.Г. Апполова писала: «Классовое положение султанов — представителей наследственной титулованной

аристократии, «белой кости», определялось прежде всего тем, что они имели право распоряжаться кочевьями. В условиях хозяйственного обособления крупных кочевых районов это феодальное право султанов представляло собой не только право собственности на землю на обширной территории, где кочевали подвластные ему роды, но и право регулирования кочевий биев и батыров, находящихся в сфере воздействия их власти». ¹⁰⁸

Мы хотели бы подчеркнуть, что у наиболее многочисленной группы эксплуататорского класса, т.е. биев и баев, основным орудием эксплуатации казахов того рода, в состав которого они входили сами, был скот. Именно через него они имели прямое отношение к земле, занимая лучшие и большие участки пастбищ, которые находились в совместном пользовании всего рода или его подразделений. В связи с этим уместно напомнить высказывание К. Маркса о том, что «отношение к земле и скоту, как средствам производства, представляет неразрывную связь... У пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — на овец, например, — это одновременно и собственность на луга, на которых они передвигаются». ¹⁰⁹ Иначе говоря, родовая знать, обладая большим поголовьем скота, фактически захватывала большую и лучшую часть пастбищ, которые находились в общем пользовании всех членов рода. Данное обстоятельство, как и то, что баи и бии, находясь во главе своих родов, занимались регулированием использования пастбищ (первоначально исходя действительно только из хозяйственных нужд) всех членов рода, открывало в дальнейшем им путь для узурпации этих пастбищ в свою собственность. ¹¹⁰ Этот процесс, как уже отмечалось выше, начался еще в период казахских ханств (XV—XVII вв.) и особенно усилился в период присоединения Казахстана к России (XVIII—первая половина XIX в.).

В тесной связи с отмеченным разделением средств производства на землю и скот, а также на основании того, что для ханско-султанской аристократии главным орудием эксплуатации была земля, а для байско-бийской знати — скот, различалась и феодальная рента, которую получал каждый из этих основных слоев эксплуататорского класса казахского кочевого общества. Первые получали в основном продуктовую ренту в форме налога на землю (зякет, сугум и т.д.), вторые — главным

образом отработочную ренту.¹¹¹ Биям, исполнявшим судебные функции, полагался еще «бийлик», т.е. 1/10 часть иска.¹¹²

Наиболее распространенным видом отработок у казахов, как впрочем и у ряда других кочевых народов, был «саун», т.е. отдача биями и баями своего скота на выпас с правом дойки беднякам на определенный срок. По истечении этого срока последние должны были вернуть хозяевам этот скот, но уже с приплодом, причем падеж скота от различных стихийных бедствий не принимался во внимание. Таким образом баи и биі обеспечивали на весьма выгодных условиях не только уход за своим многочисленным скотом, но и сохранность его. Это обстоятельство отметил еще И.Г. Георги, который писал, что баи делали таким образом «табуны свои как бы вечными».¹¹³

Другое различие между ханско-султанской феодальной группой, с одной стороны, и байско-бийской родовой знатью — с другой, заключалось в том, что первые составляли высший и привилегированный слой феодальной аристократии, считались чингиссидами, т.е. потомками «золотого рода Чингисхана». Это положение отмечают многие исследователи. Так, видный историк Казахстана М. Вяткин писал: «Казахский союз с начала своего возникновения... унаследовал от предшествующей эпохи аристократию «белой кости» — потомков Чингисхана. С первого упоминания о казахах мы во главе казахских общин видели представителей этой аристократии — Жанибека, Гирея, Касима и др.».¹¹⁴ Еще более определенно по этому поводу высказывается Н.Г. Апполова. «Султаны уже в силу своего происхождения, — пишет она, — являлись чуждым элементом в казахском обществе, представляя собой потомство монгольских и золотоордынских ханов».¹¹⁵

Необходимо сразу же оговориться, что положение султанов-чингисидов, в частности их происхождение, в связи с задачами данной работы рассматривается только в социальном аспекте. В этническом же отношении они, безусловно, давно смешались с казахами и ничем от них не отличались.

О знатности султанов-чингисидов у казахов рассказывается в записанном Г.Н. Потаниным историческом предании: «В настоящее время у казахов считаются самыми родовитыми те ханы, которые ведут свой род от Чингисхана. (Согласно преданию, Чингисхан был зачат ханской дочерью от солнечного луча, за что она была изгнана из ханского дома. Ее спас богатырь Домбаул, женился на ней и она родила еще четырех сыно-

вей — *В.К.*). Те же ханы, которые ведут свой род от сыновей Домбаула, считаются уже ниже, а те, которые не могут довести свое происхождение до сыновей Домбаула, считаются просто самозванцами». ¹¹⁶

Вторая группа, была самой многочисленной среди казахских феодалов, однако составлявшие ее би и баи наравне с простыми казахами входили в определенную кочевую общину, которая, как это отмечает М. Вяткин, Н.Г. Апполова и другие, находилась в зависимом положении от султанов. ¹¹⁷

Одна из основных прерогатив бия — судебное звание — не была наследственной. «Не следует думать, — писал по этому поводу Ч.Ч. Валиханов, — что звание биев было у казахов когда-либо наследственным. Бий Чорман — сын богатого и знатного киргиза (казаха — *В.К.*) карджасского рода, но не бия... Мы знаем много киргиз (казахов — *В.К.*), которых отцы были известными биями, но которые сами не носят этого звания». ¹¹⁸

Ханы и султаны в отличие от родовой знати были сформировавшимся сословием — классом феодалов у казахов. «В рабском и феодальном обществе, — писал В.И. Ленин, — различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также особыми сословиями». ¹¹⁹ Особое юридическое место султанов, как высшей аристократии, заключалось в том, что только они могли быть ханами у казахов. «В ханы избирают только султанов, которых достоинство, как мы видим, есть наследственное». ¹²⁰ Согласно казахскому обычному праву, которое «представляло собой по своей сущности феодальное право, а по своей форме — патриархально-феодальное», имело силу закона, ¹²¹ султаны обладали существенными привилегиями перед остальными казахами. За убийство султана, как уже указывалось выше, налагался с виновного «кун», т.е. плата за кровь, в семь раз больше обычного. В отличие от казахов султаны не подвергались смертной казни. За обиду или нанесение побоев простому казаху (не публично) с султана ничего не взыскивалось, если же кто «султана обидит словом или замахнется, но не ударит, тот платит штраф 9-ть разных скотин, а ежели ударит, то 26 скотин и верблюда, или отсечь палец». ¹²²

Султаны представляли сословно-замкнутую группировку и заключали браки в основном только между собой. Так, в ра-

порте от 5 ноября 1846 г. чиновника особых поручений д'Андре о собранных им сведениях о казахских обычаях сказано, что «самолюбие не позволяет пренебрегать дальнейшим султанским потомством и посему киргизка (казашка — В.К.) султанского происхождения не может выйти замуж за простого ордынца, а непременно за киргизца (казаха — В.К.), происходящего от белой кости. Но султану простую ордынку взять в жены себе дозволяется». ¹²³ Однако, по сообщению А. Левшина, последнее не очень поощрялось, различались «султан чистой белой кости, потому, что он происходил от Хана, как по мужской, так и по женским линиям; а этот смешанной белой кости потому, что мать его из простого народа». ¹²⁴ И последнее — только ханы и султаны имели право держать тюленгутов, которые находились в зависимости от них и выполняли различные обязанности (помогали в делах правления, были воинами, слугами, пастухами султанских стад и т.д.). ¹²⁵

Инородческое происхождение (в социальном аспекте) султанов-чингисидов (высшей феодальной аристократии), монопольное обладание ими как правом быть избранными в ханы, так и правом распоряжения пастбищами и кочевьями, а также принадлежащее только им право иметь при себе тюленгутов, были, по нашему мнению, специфичны только для казахского кочевого общества, отличали его от других кочевых скотоводческих народов периода феодализма. Эта специфика возникла как результат определенной конкретно-исторической обстановки, которая сложилась в степных районах Казахстана со времени монгольского завоевания.

Перейдем теперь к земельным отношениям рядовых казахов-кочевников — шаруа, которые были основными производителями казахского кочевого общества. Для большинства из них (исключения составляли тюленгуты) зависимое положение от феодалов, иначе говоря внеэкономическое принуждение, которое являлось одной из основных черт феодальной экономики, осуществлялось через их непререкаемую принадлежность к общине (роду). Известный исследователь кочевого хозяйства В.С. Батраков отмечал, что при отсутствии оседлости и прикреплении непосредственных производителей к земле их заменяла традиционная привязанность к роду, переросшая в феодальную крепость. Таким образом род вместе с его пастбищами и кочевьями становился своеобразным феодалом, а иерархия родов и родовых особенностей совпадала у кочевников с иерар-

хией кочевых феодалов.¹²⁶ Полностью разделяя данную точку зрения на род (общину) как своеобразный инструмент внеэкономического принуждения рядовых кочевников-скотоводов, мы добавим, что последние были привязаны к роду не только традицией, но и многими другими нитями, главными среди которых были военно-политические, хозяйственно-экономические и, наконец, идеологические.

Как известно, при феодализме непосредственные производители, несмотря на то, что земля была собственностью феодалов, обладали правом пользования («владения») ею, что и позволяло им вести собственное хозяйство.¹²⁷ У казахов таким субъектом пользования землей было не отдельное хозяйство (каждое хозяйство имело в своей собственности скот), а община (род), т.е. для них было характерно общинное землепользование. Важно подчеркнуть, что это бесспорно признается всеми исследователями казахского кочевого общества.¹²⁸

«Места зимовок и кочевков, — писал И.И. Крафт (один из дореволюционных авторов), — а также обработанные земли считались принадлежащими роду по праву фактического владения и давности».¹²⁹

Наличие общинного землепользования у казахов многократно подтверждается как архивными документами, так и материалами полевых исследований. Из рапорта чиновника Форта № 1 (Казалинск) от 15 февраля 1863 г. видно, что казахи родов Джакаим и Дюрткора (Семенова отделения) кочевали с давних времен зимой без споров «на полуостровах Кук-Арал, Чубар-Арал, Кук-Тырнак. Они занимали огромные пространства земли и не имели надобности оспаривать друг у друга кочевье».¹³⁰ В упоминаемой нами ранее записке Я. Ярцева (1822 г.) сказано, что казахи рода Джакаим зимние кочевья имели в Малых Барсуках, на Каракуме близ р. Сыр (Сырдарья — В.К.). Летнее пастбище джакаимовцев находилось в верховьях р. Иргиз, а также на территории между р. Орью и Биш-Тамаком. Род Булякчура зимой кочевал в песках Барсуки и при устье р. Эмбы, а летние кочевья имел по р. Илеку и трем рекам Берды и т.д.¹³¹

В Центральном Казахстане казахи рода Жомок, входившего в родоплеменное объединение Баганалы (найманы Среднего жуза), кочевали зимой вместе по южным отрогам гор Улутау. Другие хозяйства баганалинцев не имели права занимать эти земли. Исключение составляли лишь роды Сейит, Тней, Эжем

и Балкышы, так как они были наиболее близкими роду Жомок и все вместе составляли крупное родовое объединение — Актаз. Летом же все баганалинцы кочевали вместе, но и здесь было известно место каждого рода. На летнем пастбище допускалось временное перемещение хозяйств, особенно при перекочевках. Когда же все окончательно останавливались на лето, каждый род занимал свое место.¹³² Все роды объединения Тюрткора (алимулы Младшего жуза) имели свои летние и зимние пастбища, и остальные не могли без разрешения там находиться.

Границы родовых земель различались, как правило, по известным могилам, памятным местам и урочищам и т.п. Так, кочевья рода Матай находились на урочище Маркабай мазар, вокруг озер Садырбай и Джубай (15—20 км южнее города Казалинска).¹³³

Приведенные примеры еще раз подтверждают общепризнанное мнение ученых о том, что у рядовых казахов, ведущих кочевой образ жизни, было общинное землепользование. Таким образом, для кочевого феодального общества накануне и в период присоединения Казахстана к России (вплоть до 60-х годов XIX в.) было характерно переплетение крупной феодальной земельной собственности, выражавшееся в праве высшей аристократии (султанов-чингисидов) распоряжаться пастбищами и кочевьями подвластных родов (в это время данное право все больше и больше начинает присваивать и самая многочисленная группа казахских феодалов — бии и баи), с общинным землепользованием у рядовых казахов.

Как известно, время окончательного присоединения к России совпало с проведением в последней ряда буржуазных реформ, которые способствовали развитию капитализма.

В.И. Ленин указывал на две стороны развития русского капитализма: вглубь и вширь. Развитие капитализма вширь захватывает во второй половине XIX в. огромную территорию, в том числе и Казахстан. Последний из вассально-зависимого от России государства становился ее колонией. «В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечива-

ют ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь», — писал В.И. Ленин.¹³⁴

Одним из способов превращения Казахстана в колонию были реформы 1867—1868 гг. В 1867 г. было издано «Временное положение об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской Облациях», которые вошли в состав вновь созданного Туркестанского генерал-губернаторства, а в 1868 г. было утверждено «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств». Главной целью этих реформ было объединение подвластных России народностей под одно управление, устранение от власти местной аристократии, ослабление родовых начал. На основе этих реформ в Казахстане была введена единая административная система управления, были затронуты вопросы судебного делопроизводства, народного образования и т.д. Важно отметить, что этими реформами все земли огромного Казахского края были объявлены государственной собственностью и передавались в пользование казахских общин. Таким образом, царское правительство лишило казахских феодалов, в первую очередь ее аристократическую верхушку в лице ханов и султанов, права распоряжаться по своему усмотрению пастбищами и кочевьями, т.е., иначе говоря, ликвидировало крупные феодальные землевладения. Исключение составляли лишь те земельные участки, которые были пожалованы царем ханским потомкам. Реформами отменялись и все остальные права и привилегии сословия султанов, и они наравне с другими казахами были причислены к «сельским обывателям», т.е. крестьянам. Царизм был вынужден пойти на эти чрезвычайно крайние для него меры, во-первых, потому, что значительная часть наиболее влиятельных султанов заняли к этому времени враждебную политику по отношению к России, другая же часть султанов почти полностью потеряла свое влияние на казахов; во-вторых, объявление всех казахских земель государственной собственностью открывало перед царским правительством свободный путь для дальнейшей колонизации края. Однако в сознании рядовых казахов-кочевников эта отмена частной земельной собственности как бы узаконивала привычную для них форму земельных отношений — общинное землепользование. Таким образом, в начале второй половины XIX в. была официально ликвидирована крупная феодальная земельная собственность, и феодалы-землевладельцы в лице султанов

лишились своих привилегий и были приравнены к остальным казахам. Это не означало, однако, что реформами 1867—1868 гг. в Казахстане коренным образом были изменены феодальные отношения. Как султаны, так и би и бай продолжали оставаться обладателями огромных стад скота, который, как отмечалось выше, был одним из важных средств производства феодального кочевого общества и орудием эксплуатации рядовых кочевников-скотоводов.

Как раньше би и бай, а теперь и приравненные к ним султаны — крупные скотовладельцы — заполняли все лучшие участки общинных (родовых) пастбищ своим скотом, превращая их на практике в свою собственность. Мало того, кочевые феодалы продолжали использовать на основе обычного права, укоренившегося среди казахского народа, право распоряжения пастбищами и кочевьями, особенно в районах, отдаленных от русских административных центров. Собственно говоря, произошло только окончательное слияние позиций двух групп казахского эксплуататорского класса — аристократической верхушки — султанов-чингисидов, или «белой кости», и родовой знати — биев и баев из «черной кости».

Таковыми, в самых общих чертах, сложились земельные отношения у казахов-номадов ко времени окончательного превращения Казахстана в колонию России.

¹ *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934; *Толстов С.П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развитие феодального общества. М., 1938; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая орда и ее падение. М.; Л., 1950; *Потанов Л.П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы истории. 1954. № 6; *Башарин Г.П.* 1) История аграрных отношений в Якутии. М., 1956; 2) О патриархально-феодальных отношениях в Якутии конца XVII—первой половины XIX в. // Вопросы истории. 1955. № 3; *Златкин И.Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. № 4; *Зиманов С.З.* 1) О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 12; 2) Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958; 3) Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960; 4) К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане // Вестн. АН КазССР. 1951. № 4; *Эфендиев М.М., Першиц А.И.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 11; *Еренов А.* 1) К вопросу права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане // Вестн. АН КазССР. 1953. № 3; 2) Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961; Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казах-

стана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955 (Доклад Л.П. Потапова «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана», а также выступления А.К. Карыева, Н.Е. Омелина, В.С. Батракова, А. Еренова, И.Я. Златкина, А.Н. Насонова, А.Б. Турсунбаева, Т.А. Жданко, А.Н. Бернштама, М.Б. Ахинжанова, Н.Г. Апполовой, С.З. Зиманова, С.М. Абрамзона и др.); *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960; *Семениук Г.И.* Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974; *Масанов Н.Э.* 1) Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984; 2) Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экономические аспекты номадизма. Автор. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1991 и др.

² *Токарев С.А.* 1) Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.; Л., 1936; 2) Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945; *Шахматов В.Ф.* К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане // Вестн. АН КазССР. 1951. № 7; 2) К вопросу о разложении казахской пастбищно-кочевой общины в XIX—начале XX в. // Вестн. АН КазССР. 1958. № 9; 3) Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; 4) Патриархально-феодальные отношения в Казахстане: Вопросы зарождения, специфики и эволюции. Доклад вместо автореферата на соискание ученой степени докт. ист. наук по совокупности опубликованных работ. Алма-Ата, 1962; *Толыбеков С.Е.* 1) О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. № 1; 2) Вопросы экономики...; 3) Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; 4) Кочевое общество казахов...; Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период... (Выступления С.И. Ильслова, В.Ф. Шахматова, С.Е. Толыбекова); *Турсунбаев А.* Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967; *Трубецкой В.В.* Переход к оседлости кочевников Ирака. М., 1964.

³ *Марков Г.Е.* Кочевники Азии...

⁴ О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения) // Вопросы истории, 1956. № 1. С.80.

⁵ *Потапов Л.П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов... С.21.

⁶ *Шахматов В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община... С.33.

⁷ *Еренов А.* К вопросам права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане... С.44.

⁸ *Еренов А.* Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961.

⁹ *Шахматов В.Ф.* Материалы объединенной научной сессии... С.22.

¹⁰ Как известно, Ф. Энгельс указывал на два возможных варианта складывания классового общества: либо путем непосредственного отчуждения прибавочного продукта, либо через монополизацию общественной должностной функции (*К. Маркс, Ф. Энгельс.* Соч. 2-е изд. Т.20. С.183—185). По мнению исследователей, второй путь, т.е. через монополизацию общественных функций, во всемирно-историческом развитии встречается чаще. *Куббель Л.Е.* Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С.258.

¹¹ *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Соч. Т.25, ч.II. (Капитал, т.III, ч.II). С.165.

¹² Дата откочевки Гирея и Джанибека в Моголистан уточняется в работе Т.И. Султанова — 863(1458—1459) или 864 г.х. (1459—1460). (Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982. С.114).

¹³ Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди // Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969. С.195.

¹⁴ Там же. С.223.

¹⁵ Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.). М.; Л., 1940. Т.4. С.49.

¹⁶ Казахско-русские отношения... С.668—669.

¹⁷ ЦГА РК, ф.3, оп.1, д.501, л.16.

¹⁸ Так, Г.И. Семенюк пишет в своей работе о распоряжении пастбищами, что это право есть «проявление личной воли казахского хана». См.: Семенюк Г.И. Проблемы истории кочевых племен и народов в период феодализма... С.61; Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. ... С.93—94.

¹⁹ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С.95.

²⁰ Там же. С.106.

²¹ Там же. С.579.

²² Зиманов С. Общественный строй казахов... С.33.

²³ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С.92.

²⁴ Там же. С.579.

²⁵ Васильченко И. Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов // Вопросы истории. 1974. № 4. С.195.

²⁶ Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана... С.125—130.

²⁷ Масанов Н.Э. Специфика общественного развития кочевников-казахов... С.19.

²⁸ Для меня важно было рассмотреть вопрос о феодальной земельной собственности у кочевых казахов, так как наличие этой собственности в земледельческих оазисах Казахстана у оседлого населения ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Характеристика различных социальных групп казахского кочевого общества, исходя из основных задач данной работы, будет ограничена их отношением к земле.

²⁹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С.84, 85.

³⁰ Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений... С.61.

³¹ Там же. С.54.

³² Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. ... С.94.

³³ Шади. Фатх-наме // Материалы по истории казахских ханств... С.60.

³⁴ Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди // Материалы по истории казахских ханств... С.227.

³⁵ Фазлалла ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Перевод, предисловие и приложения Р.И. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М., 1976. С.93.

³⁶ Там же. С.94.

³⁷ Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана... С.105.

³⁸ Первые известия о разделении казахов на жузы содержатся в русских источниках. Если раньше считалось, что об этом впервые было сказано в донесении М. Тевкелева, посетившего в 1731 г. казахов Младшего жуза, то в настоящее время первое упоминание о казахских жузах отодвигается на 115 лет раньше, так как в сообщении Т. Петрова и И. Куницина, относящемся к

1616 г., говорится: «И будучи проводили, что в Калмыцкой земле ныне в подданстве и в их послушание Казачья Большая орда да Киргизская орда...». См.: «Расспросные речи в Посольском приказе служилых людей Т. Петрова и И. Куницина о поездке в Калмыцкую землю...» Цит. по кн.: Материалы по истории казахских ханств... С.243.

³⁹ О механизме превращения дуальной организации в триадную путем выделения привилегированной группы, как правило, освобождающейся от несения податей и выполняющей определенные обязанности и занимающей центральное место между правым и левым крылом, см.: *Карагодин А.И.* Дуальная организация у приволжских калмыков // Сов. этнография. 1984. № 5; более подробно о жузах см.: *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX—начало XX в.). Алма-Ата, 1968. С.8—19; *Муканов М.С.* Этническая территория казахов в XVIII—начале XX в. Алма-Ата, 1991. С.5—7.

⁴⁰ *Вяткин М.П.* Батыр-Срым. М.; Л., 1947. С.243.

⁴¹ *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941. С.111.

⁴² Там же.

⁴³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках... С.407.

⁴⁴ Там же. С.469.

⁴⁵ Там же. С.489.

⁴⁶ Там же. С.616.

⁴⁷ Отдел рукописей РНБ. Меньшая орда Киргиз-Кайсацкая. Сведения, собранные Януфрием Ярцевым о киргизских родах и султанах. Шифр: КП 1950 / оп.20, д.30, л.77—78.

В этой рукописи весьма образно объясняется слово тюря (торе — В.К.): «Тюрею же именуется всякий сын хана, или султана, или каждый аксюк (ак сук, т.е. «белая кость» — так назывались часто в русских документах чингисиды в отличие от других казахских феодалов из «кара сук»). Более подробно об этом будет сказано ниже — В.К.), не имеющий никакого управления и власти в делах народных и не начальствующий каким-либо племенем или даже коленом» (Там же, л.94).

⁴⁸ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.973, л.43—45.

Важно отметить, что полевые материалы о султанах Камбаре, собранные мной в 1973 г., подтверждаются рядом архивных документов. Так, плац-майор Сноснягин в своем донесении (1800 г.) сообщает, что он беседовал о Китае с казахом Аксары Джюменовым «ведения султана Камбаре, а кочевье имеет в границах китайских гор при урочище горы Манрака». См.: ЦГИА (СПб.), ф.1264, оп.1 (54), д.366, л.19. В другом архивном документе 1830—1831 гг. по поводу жалобы кокандцев о взыскании долгов с султана Камбара говорится, что русские власти не могут оказать им в этом деле помощь, так как Камбар тогда не состоял в русском подданстве (ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.687, л.2).

⁴⁹ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.973, л.45.

⁵⁰ О тюленгутах см.: *Курылев В.П.* К вопросу об институте тюленгутов у казахов // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. С.3—30.

⁵¹ *Бартольд В.* К вопросу о погребальных обрядах у турок и монголов // Соч. Т.IV. М., 1966. С.377—398.

⁵² *Султанов Т.И.* Основные вопросы истории казахского народа в XV—XVII вв. по персидско-таджикским и тюркским источникам. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. С.6.

⁵³ *Янушкевич Я.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966. С.88.

⁵⁴ Там же. С.142.

⁵⁵ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.972, л.8, 26.

⁵⁶ Там же, л.10, 26, 44.

⁵⁷ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979. Т.2. С.334—341. Интересно отметить, что эти так называемые законы хана Тауке, или «Жеты Жаргы» («Семь установлений») были выработаны на основании совещания, собранного им в урочище Куль-Тобе Сырдарьинской обл. с участием семи знатных биев из разных владений его ханства (*Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы... С.24. *Словохотов Л.А.* Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905. Вып.15. С.43). По другой версии хан Тауке собрал для совета трех знатных биев — Тюля-бия из Старшего, Казбек-бия из Среднего и Айтэк-бия из Младшего жузов и утвердил с ними некоторые законоположения (*Спасский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сибирский вестник. СПб., 1820. Ч.9. С.185—186).

⁵⁸ Архив внешней политики России, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1759; д.8, л.11.

⁵⁹ *Шади.* Фахт-наме // Материалы по истории казахских ханств... С.84.

⁶⁰ *Масуд бен Усман Кухистани.* Тарих-и Абу-л-Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств... С.159.

⁶¹ *Бинаи.* Шайбани-наме // Материалы по истории казахских ханств... С.110—111.

⁶² *Бекмаханова Н.Е.* Царское правительство и институт султаната в Среднем жузе в XIX в. // Изв. АН КазССР. Сер. общест. 1968. № 2. С.34—40.

Такую же политику ранее проводили казахские ханы, которые пытались, опираясь на биев, ослабить позиции султанов. По сути дела в так называемых законах хана Тауке бии в ряде случаев приравнивались по положению ко султанам. Так, хан, султаны и бии должны были ежегодно собираться осенью «в середине степи, для рассуждения о делах народных». Судейские права признавались только за ханом и биями.

⁶³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках... С.647—648.

⁶⁴ *Янушкевич Я.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям... С.105.

⁶⁵ Гос. архив Омской обл. РФ, ф.1 (1780 г.), д.224, л.17.

⁶⁶ *Кастанье А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910. Вып.12. С.74.

⁶⁷ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.973, л.44—45.

Отметим, что одним из косвенных доказательств достоверности этого события может служить наличие в настоящее время в районе северо-восточных отрогов горы Манрак небольшого населенного пункта Чайбулак, рядом с которым находится могила Шайлы.

⁶⁸ ЦГА РК, ф.338, оп.1, д.741, л.1, 5.

⁶⁹ Отдел рукописей РНБ. Меньшая Орда Киргиз-Кайсацкая... Л.89.

⁷⁰ *Турсунова М.С.* Казахи Мангышлака во второй половине XIX в. (вопросы социально-экономической и политической истории). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. С.4.

⁷¹ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.974, л.2.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, л.4—5. В настоящее время на месте могилы этого торе расположен поселок, который носит название Когедай.

⁷⁴ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей... С.171.

⁷⁵ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.972, л.9.

- ⁷⁶ Там же, л.5.
- ⁷⁷ Казахско-русские отношения в XVII—XIX веках... С.149.
- ⁷⁸ Там же. С.157.
- ⁷⁹ *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани*. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя)... С.121, 132, 135 и др.
- ⁸⁰ *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. ... С.81.
- ⁸¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVII веках... С.155.
- ⁸² Отдел рукописей РНБ. Меньшая Орда Киргиз-Кайсацкая... Л.77 и сл.
- ⁸³ Материалы по казахскому обычному праву... С.95.
- ⁸⁴ *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов... С.198.
- ⁸⁵ *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани*. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя)... С.92.
- ⁸⁶ *Ибрагимов С.К.* «Михман-наме-йи Бухара» Рузбихана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв.... С.146.
- ⁸⁷ *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов... С.503—511.
- ⁸⁸ *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи... С.70.
- ⁸⁹ Отдел рукописей Института истории АН СССР: Я. Гаввердовский. Обзорение киргиз-кайсацких степей. № 34329, ч.II, л.105.
- ⁹⁰ Енши — надел, которым наделял отец женатых сыновей у казахов. Он состоял обычно из скота. Более подробно об этом см: *Аргынбаев Х.А.* Казак халкындагы семья мен неке (тарихи-этнографиялык шолу). Алматы, 1973. 36—40-бет.
- ⁹¹ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.972, л.27.
- ⁹² *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. Приложение. С.10.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.22516, л.15.
- ⁹⁵ Там же, л.12.
- ⁹⁶ *Бижанов М.* Социальные категории казахского общества XVIII в. в трудах русских ученых // Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1960. С.163.
- ⁹⁷ ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2312, л.1, 12.
- ⁹⁸ *Шапшал С.М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Акад. В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию: Сб. статей. М., 1953.
- ⁹⁹ *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов... С.203.
- ¹⁰⁰ «Грамоты из Сыгнака» // Материалы по истории казахских ханств... С.313—319.
- ¹⁰¹ *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды. М., 1889. Вып.I. С.53.
- ¹⁰² ЦГА РК, ф.78, оп.11, д.74, л.115.
- ¹⁰³ *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Немецкая идеология // Соч. Т.IV. С.157.
- ¹⁰⁴ Нужно иметь в виду, что эти различия четко проводятся только в абстрактно-теоретическом плане, тогда как в действительности можно было наблюдать большие отклонения в ту или другую стороны.
- ¹⁰⁵ *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов... С.104.
- ¹⁰⁶ См: «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период»...; *Эфендиев М.М.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 11; *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией... С.24, 67 и др.; *Семенюк Г.И.* Проблема истории кочевых племен и народов периода феодализма...; *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана... и др.
- ¹⁰⁷ О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения) // Вопросы истории. 1956. № 1. С.79.

- 108 *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией... С.69—70.
- 109 *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Вестн. древнего мира.* М., 1940. С.21.
- 110 Эти положения весьма детально разработал в своей монографии Н.Э. Масанов. См: *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана... С.125—130.
- 111 *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов... С.152—154; *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией... С.76.
- 112 Там же.
- 113 *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитавших народов. СПб., 1799. Ч.2. С.131.
- 114 *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР... С.108.
- 115 *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией... С.69.
- 116 Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата, 1972. С.65—66. С этим преданием тесно перекликается рассказ казахского певца по имени Майкут, который приводит в своей работе Н. Гродеков (См: *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы... С.5).
- 117 *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР... С.108; *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи с Россией... С.70.
- 118 *Валиханов Ч.Ч.* Записка о судебной реформе // *Собр. соч.* Т.4. Алма-Ата, 1985. С.87.
- 119 *Ленин В.И.* Соч.Т.6 С.311. Примечание.
- 120 *Левшин А.* Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей... С.168.
- 121 *Культелеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). Алма-Ата, 1955. С.82, 101.
- 122 Материалы по казахскому обычному праву... С.43.
- 123 Там же. С.136.
- 124 *Левшин А.* Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей... С.12.
- 125 *Курылев В.П.* К вопросу об институте тюленгутов у казахов...
- 126 *Батраков В.С.* Особенности феодализма у кочевых народов // Научная сессия АН УзССР 9—14 июня 1947 года. Ташкент, 1955.
- 127 *Поршнев Б.Ф.* Очерк политической экономии феодализма. М., 1956. С.29, 30.
- 128 *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией... С.70; *Шахматов В.Ф.* Патриархально-феодальные отношения в Казахстане (вопросы зарождения специфики и эволюции)... С.17, и др.
- 129 *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей... С.106.
- 130 ЦГА РК, ф.383, оп.1, д.254, л.14.
- 131 Отдел рукописей РНБ. Меньшая Орда Киргиз-Кайсацкая. Л.77 и сл.
- 132 ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.919, л.22.
- 133 Там же, л.7; д.9187, л.46.
- 134 *Ленин В.И.* Еще к вопросу о теории реализации // Соч. Т.4. С.86.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБЩИННО-ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У КОЧЕВЫХ КАЗАХОВ

В изучаемый период, т.е. вторую половину XIX—начало XX в., кочевой образ жизни вели в основном казахи-скотоводы ряда районов юга, юго-запада, юго-востока и центральной части Казахстана на территории, занятой степями, полупустынями и пустынями. Степень распространения кочевого скотоводства резко различалась. Так, если на юго-западе (п-ов Мангышлак и плато Устюрт) почти все казахи вели кочевой образ жизни, то, например, в Центральном Казахстане (Иргизский, Атбасарский, Акмолинский и некоторые другие уезды), кочевники составляли небольшую долю по отношению ко всему населению. Последнее наблюдалось также на юго-востоке Казахского края — в Семиречье (Копальский и Джаркентский уезды), Сырдарьинской области (Казалинский и Перовский уезды).¹ По подсчетам С.Е. Толыбекова, кочевой образ жизни в дореволюционном Казахстане вели около 25% всех казахов.²

Позволю себе напомнить, что кочевое скотоводство у казахов второй половины XIX—начала XX в. носило экстенсивный характер и было основано на пастбищной системе, т.е. круглогодичном содержании скота на подножном корму. Это, в свою очередь, требовало наличия разных по своим качествам и, как правило, довольно обширных по площади сезонных пастбищ: зимних, весенних, летних и осенних. Скотоводы регулярно совершали перекочевки с одного сезонного пастбища на другое. Зимние пастбища в основном находились южнее летних, иногда на довольно большом расстоянии. Такое кочевание принято называть меридиональным.

Для горных районов было характерно вертикальное направление кочевания. «Вся степь, — пишет А. Кауфман, — как бы разбита на длинные и узкие полосы, вытянувшиеся на сотни верст в направлении либо с юга на север, либо от жарких долин на горные летние пастбища; и каждая такая полоса представляет собою обычный кочевой путь, или район кочевой той или иной родовой группы».³

В некоторых случаях кочевникам-скотоводам приходилось совершать большие переходы иногда до нескольких сот километров. Так, например, казахи-кочевники, зимующие зимой в районе р. Чу, проходили более 1000 км, чтобы добраться до летних пастбищ.⁴ «Летом адай и табын, — сообщает А.Н. Букейхан о казахах-кочевниках юго-запада Казахстана, — кочуют на север, делая в один конец 700—900 верст».⁵ Такие же сведения были получены нами во время полевых исследований на Мангышлаке в 1972 г.⁶ Казахи-кочевники Перовского уезда, особенно богатые, были «принуждены искать удобных (летних — В.К.) пастбищ для своих стад далеко на стороне, часто даже за несколько сот верст от кыстау, в Кустанайском, Тургайском, Атбасарском уездах».⁷

Таким образом, при изучении общинно-земельных отношений у кочевых казахов изучаемого периода необходимо разобраться в том, кому принадлежали отмеченные выше сезонные пастбища, основные маршруты перекочевок и расположенные на них водные источники для водопоя скота, главным образом колодцы.

Сезонные пастбища, как уже отмечалось выше, различались по своим качествам, а также требованиям, которые предъявляли к ним казахи-скотоводы, и, следовательно, по-разному оценивались, что сказывалось на характере владения и пользования ими. «Обширный район кочевков, — писал Ч.Ч. Валиханов, — должно считать самым важным и главным условием для скотоводства. Земля, достаточная для кормления целого города, не будет удовлетворять одного киргизского (казахского — В.К.) аула, ибо аул должен иметь особое зимовое место (зимовку) с зимними пастбищами, особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ».⁸

Наибольшую ценность представляли собой зимние пастбища, расположенные вокруг зимней стоянки, — кстау, так как основным условием зимнего выпаса была возможность добычи скотом корма. Эти зимовки должны были в достаточной степени быть укрыты от непогоды. Наконец, зимние пастбища должны были находиться в непосредственной близости от кстау, так как овцы могут проходить в день не более 2—3 км во время пастбы, особенно зимой.⁹

Надо сказать, что в разных районах расселения казахских кочевников в зависимости от местных условий под «кстау» (в дальнейшем мы будем подразумевать под этим словом, как и

под словами стойбище, зимовка и т.п., саму стоянку и прилегающие к ней зимние пастбища) выбирались различные места, так или иначе соответствующие отмеченным выше требованиям.

Кочевые хозяйства Перовского и Казалинского уездов имели зимние стоянки-кстау в бассейне р. Сырдарьи, среди камышовых тугаев, так как камыш, особенно его молодые побеги, служит грубым, но легко добываемым кормом.¹⁰ Здесь издавна казахские кочевники устраивали свои зимние стойбища. Об этом сообщается, например, в «Записках бухарского гостя» Ибн Рузбихана, которые вплоть до настоящего времени являются единственным историко-литературным памятником средних веков, знакомящих нас с бытом и хозяйством казахов начала XVI в. В этих «Записках» говорится: «Местом их (казахов — В.К.) зимовья является побережье реки Сейхун, которую называют рекой Сыр. Как мы объяснили выше, все окрестности Сейхуна покрыты зарослями най (тростника), который по-тюркски называется камыш, богаты кормами для скота и топливом».¹¹ В другом месте Ибн Рузбихан снова указывает, что «казахи располагаются среди камышовых зарослей по берегу Сейхуна вразброс. Между стоянками и зимними их стойбищами иногда бывают далекие расстояния».¹²

Удобной для зимнего выпаса скота считалась пустыня Кызылкум. Она, во-первых, была покрыта довольно густой травянистой растительностью, во-вторых, на ней было много зарослей саксаула, молодые побеги которого служили пищей для верблюдов. Эти заросли защищали скот от холодных ветров. Кроме того, поверхность Кызылкумов холмистая, с глубокими впадинами, в которых даже в самые большие холода не бывает сильных ветров, метелей и буранов. Эти места были прекрасным естественным убежищем скота от зимней непогоды. «Местом для зимних кочевок и отгона скота для киргиз (казахов — В.К.) Казалинского уезда служат пески Кызыл-Кумы. Пастьба скота зимой на обширных пространствах Кызыл-Кумов производится главным образом на площадях, занятых саксаулом. Заросли саксаула защищают кочевников от ветра, а листья его и молодые побеги являются пищей скоту (верблюдам). Зимние кочевки киргиз в Кызыл-Кумах иногда простираются далеко на юг, в пределы Аму-Дарьинского отдела».¹³ Как правило, кочевые аулы останавливались зимой на одних и тех же местах, и скот (в первую очередь, овцы) ноче-

вал на месте, где уже имелся довольно значительный слой навоза. Такое место называлось «кун». Так, кочевые аулы первичного рода Матай родоплеменного объединения Торткора Младшего жуза перезимовывали в саксаульных зарослях, расположенных по левобережью р. Сырдарьи. «Кун — старое место, на котором имеется до метра и больше навоза, поэтому зимовать на нем теплее и суше, оно расположено на вершине холма (15—20 м высоты)». ¹⁴ О необходимости устраивать зимнее кстау на куне указывал С.Е. Толыбеков: «Каждый аул зимой, — писал он, — непременно останавливался на «кóне». Иначе такие виды скота, как овцы, козы и верблюды, могли погибнуть от холода, так как всегда нуждались в сухой подстилке на ночь». ¹⁵

На Мангышлаке, где жили казахи большого родоплеменного объединения Адай Младшего жуза, которые в основном вели кочевой образ жизни, зимние стойбища располагались в полупустынных песчаных массивах. На них росла редкая растительность, на которой снег при ветрах не задерживался. Особенно ценились места с зарослями саксаула, а также низины. Кочевые аулы первичного рода Жанай, например, пасли зимой свой скот во впадине Карагие, а аулы рода Утюлю кочевали в песках Бостанкум, где после осенних дождей вырастала трава. ¹⁶ По этому поводу Н. Ломакин, участвовавший в экспедиции 1870 г. на Мангышлак, сообщал: «...на зимовках аулы располагаются обыкновенно между холмов и местах, хорошо унавоженных (т.е. на кунах — В.К.), причем для защиты скота от снега между кибитками протягивают большие войлоки, за которыми и располагают скот». ¹⁷ То же самое отмечает в своей работе Ф.А. Михайлов: «Зимовкою (кыстау) у наших киргизов (казахов — В.К.) называется площадка в 500—600 кв. сажаней, покрытая слоем перегоревшего верблюжьего навоза и защищенная от северных и восточных ветров. В Мангышлакском уезде имеется до 20 тысяч таких зимовок...» ¹⁸

Кочевые хозяйства казахов Темирского уезда кочевали зимой в песках южнее озер Асматай-Матай и Сам. Отары паслись на пастбищах с растительностью, которая после первых морозов теряла свою горечь и охотно поедалась скотом. Здесь также рос саксаул, молодые побеги которого, как и кустов баялыша, служили пищей для верблюдов. ¹⁹ Ф. Фиельструп пишет, что у казахов-кочевников Западного Казахстана овцы зимой паслись на свободных от снега бугорках, а верблюды поедали

высокие жесткие растения, например, побеги саксаула.²⁰ «Лучшие пастбища для овец, — сообщает В.В. Радлов, — солончаки, а их излюбленный корм — травы *көкпөк* и *джусан*».²¹ Значительная часть кочевников Темирского уезда зимовала в окрестностях Кунграта, в низовьях Амударьи, вдоль побережья Аральского моря. «По словам киргиз (казахов — В.К.), окрестности Кунграта заняты солонцеватыми степями, в растительности которых значительно преобладают кустарники. В качестве наиболее распространенных растений киргизы называют боз-джусан, караборак, жингыл, саксаул, сарсыркын, чингиль и ажрюк. Разливы Аму-Дарьи и побережье Аральского моря заняты обширнейшими зарослями камыша».²²

Густые заросли камыша, расположенные вдоль рек и озер, высоко ценились как зимние пастбища у кочевых казахов. На правом берегу нижнего течения р. Чу находились кстау рода Таракты большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза.²³ Далее уточняется, что казахи этого рода имели зимовки вдоль берега р. Чу на протяжении около 40 км от озера Караколь до Уланбеля. Там было много камыша и травы.²⁴ О казахских родах Таракты и Тома, которые считались искусными скотоводами, вели исключительно кочевой образ жизни и имели зимовки вдоль берегов р. Чу с зарослями камыша, писал в своей работе К. Мынбаев: «Для зимовок подбирались самые удобные места, обычно имеющие естественную защиту от ветров и с обильными зимними пастбищами, а также раньше других мест очищающиеся весной от снега».²⁵

Зимние пастбища — кстау — кочевых казахов Семиречья (Копальский уезд) были расположены в песчаных массивах. «Обширные песчаные степи, — говорится в публикации экспедиции Переселенческого управления по Копальскому уезду, — тянувшиеся от берегов Балхаша до подгорной культурной полосы, представляются на первый взгляд очень мало ценными в смысле хозяйственного использования их. Но на самом деле, с точки зрения кочевника-скотовода, при умелом использовании их, приобретают большое значение. Мало пригодные для выпаса скота в течение лета, эти знойные степи используются, главным образом, как зимнее, раннее весеннее и позднее осеннее пастбища, особенно благоприятные для овец и верблюдов. Полоса песков и пространство, лежащее между песчаными холмами, покрыты редкой высокою и твердою травой. Благодаря этому зимой трава не покрывается снегом и являет-

ся доступной для питания киргизского скота. Самый состав кормовых трав, произрастающих на этой территории, более соответствует питанию мелкого скота. Поэтому здесь выпасаются, главным образом, овцы, козы, отчасти верблюды...»²⁶

В связи со сказанным выше, а также потому, что зимних пастбищ часто не хватало, лошадей объединяли в табуны и отправляли на зиму в отгон — «кос». В течение всего зимнего периода они паслись отдельно от зимовок своих хозяев, как правило, на летних пастбищах — «джайляу». «Так, большие табуны сыр-дарьинских кочевников, — сообщает С.Е. Толыбеков, — в иные годы оставались зимовать с разбивкой на «косы» на территории Иргизского и Кустанайского уездов, где у них находились джайляу».²⁷ Вот как говорится в одной из публикаций Переселенческого управления о таких косах: «Надо пояснить, что словом кос киргизы (казахи — В.К.) называют упрощенную юрту, представляющую просто несколько кольев, поставленных конусом и покрытых войлоком. Таким косом запасаются табунщики, чтобы сварить в нем пищу, укрыться от непогоды; отсюда и весь табун, сопровождаемый пастухами, получил название кос, вероятно отсюда же и русское слово косяк. Итак, косом киргизы называют отгонный табун. Составляются эти косы по чисто хозяйственным соображениям. Лошадям нужны обширные пространства для пастбы, особенно зимой, когда и самый корм груб и малопитателен, да и остается его много неиспользованного, поэтому там, где лошадей много, их очень невыгодно оставлять близ кстау, ибо они очень скоро вытравят все пастбища и тогда придется искать новых пастбищ, и для прочего скота совершать перекочевку, что зимой является весьма неудобным. К тому же не всегда прикставные пастбища являются достаточно удобными для лошадей, ибо в большинстве случаев они представляют горные пастбища с редкой, низенькой травой. Между тем на равнинных летовках и кузеу (осенние пастбища — В.К.) остается обыкновенно немало травы от летней пастбы, да кроме того, некоторые безводные пространства, хотя бы и с недурной растительностью, вовсе не используются летом и представляют прекрасные зимние пастбища для лошадей. Ввиду всего этого киргизы и собирают отгонные табуны, которые выпасываются преимущественно на площадях общего пользования, иногда за сотни верст от кстау своих хозяев. И при этом на некоторые кстау лошади никогда не пригоняются, отгонные табуны таких

аулов, — конечно, это многолошадные, тысячные аулы, — не распускаются (по хозяйствам) круглый год. Такие многолошадные хозяева берут на лето из табуна потребное для кумыса число кобылиц с жеребятами, а на зиму вновь отпускают их в кос. Табуны, составленные из лошадей одного хозяина, встречаются редко, в большинстве случаев они сборные, причем иногда основу коса кладет многолошадный хозяин, он договаривает пастухов и вообще несет все расходы по косу; прочие же присоединяют своих лошадей к этому ядру, договаривая, если это нужно, с своей стороны, необходимое число пастухов и, стало быть, соединяясь с первым хозяином ради взаимных удобств на равных началах, иногда же присоединяя своих лошадей, они снимают с себя заботы о косе и расплачиваются уже с хозяином коса. Бывает и так, что многолошадные хозяева сговариваются и пасут свой кос поочередно. Обычно кос составлялся во время пастбы на кузеу перед выпадением снега или перед переходом на свои зимние пастбища, распускается кос в начале весны, когда начинают жеребиться кобылы; таким образом средний период пастбы косов около 5—6 месяцев... На один кос приходилось около 510 лошадей и 3.3 пастуха, а на одного пастуха приходилось 156 лошадей».²⁸

Казахские кочевники-скотоводы отгоняли своих лошадей в пески Кызылкумов, Больших и Малых Барсуков, Муюнкумов, пустынь Южного Прибалхашья. Значительное количество конских табунов-косов казахских кочевников Западного Казахстана «всю зиму тебенеют на Усть-реке к югу от песков Кошкарата».²⁹

Многие кочевые хозяйства рода Таракты, зимующие, как было сказано выше, по р. Чу, отправляли своих лошадей в кос. Так, хозяйства семейно-родственной группы Туткушбалдары, в каждом из которых было от 10 до нескольких сот лошадей, зимой соединяли их в кос и отправляли на 150—200 км от кстау на урочище, которое называлось Акора́л.³⁰ Другая группа родственных хозяйств от общего предка Нагай объединяла всех лошадей в кос и отправляла в горы. В этой группе овец также зимой отгоняли в урочище Кызылауз, где для них было построено общее помещение — кора, куда их загоняли на ночь.³¹

В последнем случае в отгон отправляли не только лошадей, но и овец. Это было характерно для казахских скотоводческих хозяйств ряда южных уездов Казахстана.³² Объяснить это мож-

но только тем, что у таких хозяйств было недостаточно зимних пастбищ.

Одним из отличий зимних пастбищ от летних являлось следующее. Если для летних пастбищ непременно требовалось наличие водного источника для водопоя скота, то для зимних пастбищ соблюдения этого условия во многих случаях не требовалось: скот вместо воды мог использовать снег. «Для лета прежде всего нужен хороший водопой; трава же везде найдется. Для зимы же водопой не безусловно нужен; скот может обойтись и без него, пользуясь снегом; для зимы нужно пастбище или свободное от снега, или вообще с легко добываемым из-под снега кормом».³³ Многие кочевые скотоводческие хозяйства упоминаемого выше рода Таракты, зимующие вдоль р. Чу, скот не поили, так как он, если хотел пить, ел снег. Сами же люди пили воду, получаемую из снега или же льда с р. Чу, причем, как отмечали информанты, вода в реке была солоноватая, а лед — пресным.³⁴

Конечно, сказанное выше относилось только к тем местам, где зимой, все-таки было достаточно снега. Там же, где его не было или он выпадал редко, на кстау необходимы были водные источники. А так как зимние пастбища казахских кочевников находились, как правило, в песчаных полупустынных и пустынных местах, этими источниками были колодцы.

Так, А.Н. Букейхан сообщает о кочевых казахах Западного Казахстана, что они «почти круглый год весь скот поят из колодца, большинство их очень глубокие — до 30 и 40 саженей (одна сажень — 213.36 см — В.К.). Эти колодцы — шынграу находятся на юге уезда, где адай и табын кочуют зимой, в трудное время года, когда разнообразное стадо нужно поить в холодную или дождливую погоду».³⁵

Сказанное можно подтвердить материалами наших полевых исследований. Приведем лишь один пример. Семейно-родственная группа Миндебайбалдары состояла в 20-х годах нашего столетия из четырех аулов. Эта группа входила в первичный род Кеше из большого родоплеменного объединения Адай Младшего жуза. Зимние пастбища аулов этой группы находились на урочищах Мастек и Каратюбе. Каждый аул имел там свои колодцы. Аул Бесимбая — нашего информанта — состоял из трех хозяйств, главы которых были его родные братья. Каждое хозяйство имело от 60 до 200 овец, 1—3 лошади и 5—10 верблюдов. Этот аул имел три колодца.³⁶

При всем раздолье Казахского края число удобных призывочных угодий ограничено, и поэтому зимние пастбища особенно ценились, их охраняли от потравы в другие сезоны года. Кочевые казахи стремились закрепить за собой лучшие зимние пастбища, из-за этого не раз происходили военные столкновения. Вот как пишет об этом В.В. Радлов: «К зимним стоянкам предъявляются гораздо большие требования, чем к летним, к тому же последние легче найти, особенно в горных районах. И поэтому именно зимние стоянки определяют плотность расселения кочевников и от них зависит благополучие поголовья скота. Не случайно для кочевника богатство какого-то района определяется обилием и удобством зимних стоянок, и можно считать, что все сражения и военные походы киргизских (казахских — В.К.) орд в прошлые столетия были не чем иным, как постоянным стремлением захватить лучшие зимние стоянки».³⁷

Кому же принадлежали эти ценные для казахских кочевников-скотоводов зимние пастбища? Сразу отметим, что в литературе по этому поводу можно встретить прямо противоположные точки зрения, начиная с того, что зимние пастбища — кстау у казахских кочевников никому не принадлежат и в отношении к ним господствует право первого захвата, вплоть до того, что эти земельные угодья принадлежат отдельному кочевому аулу. Так, Р. Карутц, совершивший несколько экспедиций на Мангышлак в первое десятилетие нынешнего века, писал: «Хозяйство номада регулируется безводностью степи и зависимостью от колодцев. Стадо не может оставаться на каком-либо месте дольше, чем там имеется трава и вода; как только и того и другого становится мало, скотовод вынужден отправляться дальше. При этом в пределах известного района господствует полная свобода, каждый может переходить, куда хочет, и из колодца поит тот, кто первый пришел; никаких отмежеваний пастбищ не существует».³⁸ Этому утверждению вторит А.Н. Букейхан, который считает, что адаевский аул и община «не имеют в своем исключительном пользовании никаких земельных угодий».³⁹ О кочевых казахах Уральской и Сырдарьинской областей, которые летом вкочевывали на джайлау, расположенные в Актюбинском и Кустанайском уездах Тургайской области, сообщается, что они «не имеют определенных зимних стойбищ, не имеют, кроме переносных кошменных юрт, никаких построек и круглый год перекочевывают с места на

место. Многие из этих кочевников в иные зимы уходят даже в хивинские пределы и там платят хивинским чиновникам за пользование пастбищами довольно значительные суммы». ⁴⁰ С.Е. Толыбеков также пишет о казаках-кочевниках Сырдарьинской области: «На всей территории песков Кызыл-Кумов передвижение кочевых аулов с «кона» на «кон» и в любом направлении никем не ограничивалось. «Коны» не являлись чьей-либо собственностью. Их занимал тот, кто первый в данный момент находил, т.е. действовало право первого захвата для временного пользования». ⁴¹ Наконец, о кочевниках Семиречья было сказано следующее: «На громадном пространстве песков, между реками Или и Караталом, исследователям Копальского уезда пришлось наблюдать еще одну любопытную форму кочевания. Это, так называемое, «вечное кочевание». Киргизы (казахи — В.К.) этой категории не имеют определенных зимовых стойбищ, нет у них также выработанной из года в год повторяющейся системы в смене определенных пастбищных территорий, и кочевание их происходит по всему пространству между реками Или и Караталом в течение круглого года». ⁴²

Значительный материал по этому вопросу был собран нами во время полевых исследований в период 70—80-х годов. Согласно этим исследованиям зимние пастбища у кочевых казахов, по крайней мере Западного Казахстана (п-ов Мангышлак), на первый взгляд не были закреплены за определенными общинами или группами родственных между собой семей, которые в этнографической науке принято называть семейно-родственными группами. Заслуга открытия и теоретического обоснования этих групп как своеобразной пережиточной формы социального объединения, возникшего в период перехода от большой патриархальной семьи в малую индивидуальную, принадлежит специалистам, изучающим культуру и быт народов Средней Азии и Казахстана: С.М. Абрамзону, Т.А. Жданко и Н.А. Кислякову. ⁴³ Остановимся несколько более подробно на характеристике семейно-родственных групп. «Мы исходим из того, — пишет С.М. Абрамзон, — что основной экономической единицей в условиях патриархально-родового строя и на самом раннем этапе развития феодализма являлась большая патриархальная семья, позднее — малая, индивидуальная семья, продолжавшая, однако, сохранять много черт своей предшественницы. Но наряду с малой семьей появилось более широкое

социальное объединение, имеющее определенные признаки экономического, а в большинстве случаев и территориального единства, в поддержании которого немаловажное значение имели продолжавшие сохраняться родства. В подавляющем большинстве эти объединения представляют собой семейно-родственные группы, состоящие из семей, находившихся в той или иной степени родства и связанных сознанием происхождения от одного, как правило, не столь отдаленного, реального предка. Не случайно каждая такая группа называла себя «детьми одного отца». Нельзя думать, что речь шла действительно о родных братьях, имевших одного отца. Здесь термин «отец», «ата», следует понимать в значении ближайшего предка». ⁴⁴ Подобные группы существовали в изучаемое время, т.е. во второй половине XIX—начале XX в., и у казахов. ⁴⁵ По ходу изложения мы постараемся последовательно раскрыть все черты, свойственные семейно-родственным группам у казахов в земельных отношениях, и таким образом доказать, что они были не только социальными, но и хозяйственно-экономическими объединениями, иначе говоря, представляли собой общину.

Для представления о семейно-родственной группе у кочевых казахов дадим краткое описание одной из них. Эта группа называлась Самалыкбалдары (т.е. «дети» Самалыка). Она была из первичного рода Кеше большого родоплеменного объединения Адай. У Самалыка было четыре сына: Аманкул, Сатыгул, Отегул и Итебай. В свою очередь, у Аманкула было тоже четыре сына: Ербулат, Айтбулат, Жанбулат и Картбай. У Сатыгула был один сын — Бекбулат (отец нашего информанта — Сактапа Бекбулатова). У Отегула было два сына: Насухан и Сармыс, и наконец, у Итебая — два сына: Жиенкул и Койлыбай. В 20-х годах нашего столетия перечисленные выше внуки Самалыка были главами аулов, из которых в основном состояла данная семейно-родственная группа. Всего в группе было 12 аулов, старейшиной — аксакалом — в ней считался Ербулат. Хозяйство Ербулата составляло первый аул. У него было 600—700 голов овец, 30—40 верблюдов и около 50 лошадей. Его овец пас Баужан Онгаров из рода Жары, который жил вместе со своей семьей в этом ауле, имел немного скота, т.е. был койши. Отметим, что род Жары находился в близком родстве с родом Кеше. Второй сын Аманкула — Айтбулат был очень богатым, по-казахски — баем. Он имел более 1000 овец, 30 верблюдов, 3—4 лошади. В его ауле стояло три юрты, так как у него было

три жены. В этом же ауле находилась юрта, в которой жил его пастух — койши Кызылгул Маликов со своей семьей. Он также имел немного скота. Кызылгул Маликов был из рода Береш. Третий аул состоял из семьи третьего сына Аманкула — Жанбулата. Он владел 500 овцами, 10—20 верблюдами, 5—6 лошадьми. Овец у него пас койши Анетбай из рода Жары, который жил со своей семьей в этом же ауле. Отдельный аул составлял младший сын Аманкула — Картбай. Скота у него было немного — 150—200 овец, 10—15 верблюдов и 3—4 лошади. Однако он служил писарем при болусе (волостном управителе), получал жалование. Картбай был грамотным, он знал русский язык, так как учился в России. В следующем ауле жил отец нашего информанта — Бекбулат. Как уже отмечалось, он был единственным сыном Сатыгула — второго сына основателя группы — Самалыка. Будучи середняком, он имел 200 овец, 20 верблюдов и 2—3 лошади, скот пас сам. В 1927 г. он умер, оставив хозяином юрты и аула тринадцатилетнего сына — Сактапа (вести хозяйство ему помогала мать). Старший сын Отегула — Насухан был самым богатым в семейно-родственной группе, имел двух жен, причем жил со второй из них — Айтжан в отдельном ауле. Он оставил себе 1000 овец, 50 верблюдов, 250 лошадей, а 700 овец, 50 верблюдов и 250 лошадей выделил своей старшей жене — байбиче, которую звали Жанбала. У нее был свой самостоятельный аул. В 1918 г. Насухан справлял годовые поминки — ас — по своему отцу и затратил на это около 800 овец и 10 лошадей. Пастьбой овец Насухана занимался пастух — койши из рода Жары, а лошадей — табунщик-жылкышы из рода Кеше. Пастух Мухамат Тулегенов из рода Жары пас овец Жанбала, а табунщик Избасар Отелиев — лошадей. Кроме этого в аулах Насухана и Жанбала жили несколько семей из родственников его матери — консы, которые присматривали за хозяйством их, заготавливали дрова, готовили еду и т.п. На зиму Насухан и Жанбала объединяли своих лошадей в один кос и отправляли пастись на урочище Тюп-Караган. Младший брат Насухана — Сармыс был болусом, т.е. волостным управителем. У него было немного скота: 200 овец, 10—20 верблюдов и 1—2 лошади. Но зато он мог, если ему было надо, под разными предлогами, как отмечал информант, в любой момент получить от других казахов своей волости много скота. Сармыс жил со второй женой — токал, которую звали Рухия. Старшую жену — Балташ — он выделил в отдельный

аул, дал ей 200 овец, 10—20 верблюдов и 1—2 лошади. В аулах Сармыса и Балташ жило еще несколько семей консы. Они помогали вести хозяйство. Жиенкул и Койлыбай были сыновьями Итебая. Жиенкул жил в отдельном ауле и имел 500 овец, 20—25 верблюдов и 100 лошадей. В его ауле жила также семья пастуха его овец. В другом ауле жил старший женатый его сын — Эбдимут, который имел 200 овец, 15 верблюдов и 50 лошадей. Вместе с ним жили 2 семьи консы, которые ухаживали за его скотом. И, наконец, в последнем ауле жил Койлыбай с двумя-тремя семьями консы. Он был довольно богатым, имел 700 овец, 25 верблюдов, 30 лошадей. Зимовали все аулы семейно-родственной группы Самалыкбалдары на п-ове Бузачи, на урочищах Киякты, Шебир, Тушикудук, Кызан и Акшимрау. Выбор места зимовья зависел от урожая трав на этих урочищах. Скот зимой поили из колодцев, например, в Акшимрау было у них два глубоких колодца — шимрау. Летом аулы Самалыка откочевывали на север и доходили до р. Эмбы. На их джайляу также были колодцы: на урочище Кызымшек — 2, Арыстабуга — тоже 2, Уали — 3 шимрау. Они принадлежали Отегулу, Итебаю и Ербулату, однако скот из них поила вся группа. Из-за того, что в группе было много скота, все хозяйства и аулы перекочевывать одновременно не могли. Сначала снималось 2—3 аула, а потом и другие, причем первыми уходили те, у кого было много скота. Иначе говоря, первыми уходили два аула Насухана, за ними — аул Айтбулата, а потом все остальные. Поить скот летом помогали друг другу. Помогали также делать зимой кора — укрытие для скота от ветра, чистить его. И здесь кора первому ставили самому богатому.⁴⁶

Итак, в семейно-родственной группе Самалыкбалдары зимние пастбища находились в разных местах, и кочевники выбирали то из них, в котором в этом году был наилучший травостой. Во впадине Карагие пасли зимой скот аулы семейно-родственной группы Кобжасарбалдары из рода Жанай. Если там в какой-либо год травы было мало, они уходили в другие места.⁴⁷ В этой же впадине, а также на урочищах Жарма, Карамендыбас, Корган, Ералы выпасали зимой скот аулы семейно-родственной группы Кенджесарыбалдары рода Сугурали.⁴⁸ На урочищах Кызыладыр, Узень находились зимние пастбища хозяйств семейно-родственных групп Туленбалдары рода Жамбоз и Лавакбалдары рода Сабытай.⁴⁹

Остановимся пока на этом. Из сказанного можно было бы сделать вывод, что у кочевых казахов в изучаемое время отсутствовали постоянные зимние пастбища. Однако не будем спешить и еще раз внимательно разберемся с уже приведенными данными, а также рядом других, имеющихся в нашем распоряжении.

Даже уже в высказывании Р. Карутца отмечается, что «хозяйство номада регулируется безводностью степи и зависимостью от колодцев». В другом месте своей работы он еще раз подчеркивал прямую зависимость перекочевков кочевников-скотоводов как от состояния травостоя, так и от наличия колодцев. «Состояние трав и содержание воды в колодцах регулируют передвижение аулов в пределах более или менее больших областей». ⁵⁰ Иначе говоря, уже нет произвольного кочевания, оно регулируется безводностью пастбищ и зависит от колодцев. Если же обратиться к сообщению А.Н. Букейхана о том, что адаевские аулы и община не имели в своем исключительном пользовании никаких земельных угодий, то необходимо отметить, что в этой фразе нет упоминания об источниках водопоя скота. В то же время он сам отмечает, что «почти круглый год весь скот поят из колодца, большинство их очень глубокие: до 30 и 40 сажень. Эти колодцы-шинграу находятся на юге уезда, где адай и табын кочуют зимой». ⁵¹ Итак, перед нами прямая связь пастбищных угодий кочевых казахов с колодцами. На значении этой связи более подробно мы остановимся позднее, а пока нам важно отметить ее существование. Представляется, что эту связь упускают из виду С.Е. Толыбеков, А.Н. Букейхан и другие исследователи. В наших же полевых материалах неоднократно указывается на то, что как зимние, так и летние пастбища кочевых казахов-адаевцев связаны с использованием колодцев. Так, четыре аула семейно-родственной группы Миндебайбалдары из рода Кеше пасли свой скот отдельно зимой и летом, ибо на всех вместе воды в колодцах не хватало. Их зимние пастбища находились на урочищах Мастек, Каратюбе, где каждый аул имел 2—3 глубоких колодца-шимрау. В ауле отца информанта, например, было три таких колодца. ⁵² На урочищах Жармыш, Куркуреуак и Узень зимой пасли скот хозяйства семейно-родственной группы Сарыкаскабалдары из рода Монал. Каждый аул этой группы пас свой скот отдельно, причем они находились на расстоянии от 2

до 5 км друг от друга. Из-за колодцев на кстау у них были частые столкновения с туркменами.⁵³

В ряде случаев наблюдалось не только обособленное владение колодцами на кстау, но и самими зимними пастбищами. Девять аулов семейно-родственной группы Жаналыбалдары, многие хозяйства которых были богатыми, зимовали на урочищах Кызык, Майлыгул, Кырган и Ушой п-ова Бузачи. Эти места, как и расположенные на них колодцы, принадлежали только данной группе, другие казахи не могли там селиться. Собственно говоря, и в этом случае земля считалась общей, однако колодцы принадлежали группе, и никто не имел права без ее разрешения копать для себя новые колодцы. То же самое наблюдалось и у других семейно-родственных групп: Муратбалдары, Сейтимбетбалдары и т.д.⁵⁴

Мы привели достаточно убедительные данные, свидетельствующие о том, что у кочевых казахов использование зимних пастбищ было тесно связано с наличием на них водных источников для водопоя скота, в первую очередь, колодцев. Постараемся раскрыть механизм этой связи и вытекающие из него формы землепользования казахов-кочевников на самые ценные земельные угодья — зимние пастбища.

Прежде всего, следует остановиться на характеристике самих колодцев и формах собственности на них.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении данным литературных источников, архивных документов и материалов полевых исследований в Западном Казахстане, и в первую очередь на п-ове Мангышлак, где, как известно, основная масса казахских хозяйств вела кочевой образ жизни, имелось два вида колодцев. К первому из них относятся мелкие колодцы («орпа»): самая большая глубина их не превышала 10 м. Их, как правило, копали сразу же на местах стоянок аулов.⁵⁵ «Кочевник копает колодцы, — сообщает М. Леваневский о кочевых адаевцах и табынцах, — число которых иногда доходит до 10 и более. Колодцы эти, не отличаясь особенной глубиной (2—3 сажени глубины и 1.5—2 сажени в поперечнике), дают как ему, так и скоту его холодную пресную воду».⁵⁶ Для копки колодца почти каждый казах имел специальную лопату. «Каждый адай, — пишет А.Н. Букейхан, — имеет железную лопату, носит ее за поясом, а поэтому она у адаев называется не «курек», как у всех казахов, а «бельдеме», т.е. поясная».⁵⁷ Такие, не очень глубокие колодцы, как правило, находились в

общем пользовании всего аула. Довольно подробно о них сообщает Ф. Фиельструп: «Колодцы, называемые таіз или орпа кудук (кудук по-казахски — колодец — В.К.), которые роют на местах, где грунтовые воды близки к поверхности, выкапываются сравнительно быстро и легко самими прикочевывшими, и спора по их поводу не бывает... Эти колодцы группируются по несколько штук, и, на местах, привычно посещаемых стойбищами, образуют довольно значительные поля... Группа, выкопавшая мелкий колодец, сохраняет за собой бесспорное право пользования им в течение первой своей стоянки подле него, а с ее уходом он может быть занят с такими же правами первым пришедшим. Такое положение ничем не отличает пользование мелкими колодцами от норм пользования землей (пастбищами) вообще».⁵⁸

Хотелось бы обратить внимание на еще одну существенную черту этих мелких колодцев. Они в основном носят характер временного, одноразового пользования. «Колодцы или копани роются, — как утверждает М. Леваневский, — кочевником ежегодно тысячами. Раз брошенный колодезь, в большинстве случаев, к дальнейшему пользованию им не годен: стены его обваливаются, вода делается горько-соленой или сильно отзывается сернистым водородом».⁵⁹

Таким образом мелкие, а тем более копани, не оказывали существенного влияния на формы землепользования. Здесь большее значение приобретали сами земельные угодья, т.е. пастбища, на которых можно было быстро выкопать неглубокий колодец с хорошей пресной водой. К таким местам относилась, например, на Мангышлаке долина между невысокими горными хребтами Каратау и Актау. Немало было здесь и родников.⁶⁰ По сообщениям исследователей, неглубокие колодцы с пресной водой часто встречались в песках, где не очень толстый песчаный слой лежал на глиняной подстилке, удерживающей влагу. Эти места весьма высоко ценились кочевниками-скотоводами как зимние пастбища. Их можно было найти в песках Большие и Малые Барсуки, Сам, Каракумы и Кызылкумы.⁶¹ «Южные пески прежде других степных пространств занимались кочевниками-скотоводами под зимовые стойбища и до настоящего времени не утратили этого своего значения».⁶²

Очевидно уже на этом уровне в области землепользования начинают действовать две объективные закономерности. Первая состоит в том, что, ввиду ограниченности пригодных зим-

них пастбищ, существовала чисто хозяйственная необходимость регулирования пользования ими. «Чисто кочевому быту, — пишет А. Кауфман, — сопутствует безусловная неопределенность и общность землепользования... И такая общность и свобода кочевания превосходно уживаются с существованием издавна установившихся, обычных кочевых путей и обычных стоянок, которых из года в год придерживается каждая родовая группа».⁶³ Далее А. Кауфман приводит еще более ценный для нас материал. Он пишет: «Такие обычные пути существуют не только у отдельных, мельчайших кочевых групп, но и у целых родов или более обширных родовых подразделений».⁶⁴ А. Кауфман считает, что установление определенных стоянок и путей существовало и для отдельных мельчайших кочевых групп. По его мнению, первое обособление появляется в отношении зимних пастбищ. «Более определенное обособление появляется, прежде всего, на зимних стоянках. Но и здесь обособление это, в течение долгого времени, сохраняет чисто фактический, хозяйственный характер».⁶⁵

Как считают многие исследователи, такое обособление пастбищных угодий, и в первую очередь зимних, произошло очень давно, скорее всего, с приходом казахских кочевников-скотоводов на новые места. Так, согласно информанту, род Кеше имел зимние стойбища на урочищах Казан, Каратюбе, Мастек, Конурорпа, Бокбас и других (п-ов Бузачи): «Род захватил эти места еще в первый приход адаевцев».⁶⁶ В. Остафьев считает, что такой захват и закрепление кстау произошел в середине XVII—начале XVIII в.⁶⁷

Вторая закономерность заключается в том, что земельные угодья, в данном случае зимние пастбища, различались по своим качествам (более обильный травостой, много колодцев, пресная вода в них и т.п.), причем лучших из них всегда не хватало. Это приводило к захвату последних в первую очередь, борьбу за их перераспределение. Информант Койшыбай Бекбосынов так объяснял это: «Все земли принадлежали какому-либо роду. Если другой род будет на них претендовать, то будет ссора и весь род будет защищать свою землю и колодцы».⁶⁸ Эти положения подтверждаются выводами В. Остафьева: «Роды более сильные, богатые завладевали в то время лучшими и большими участками, которые и сохранились до сих пор, так как право пользования зимовыми стойбищами переходит по наследству от деда к отцу, сыну и находится теперь как бы в

потомственном владении и теперь уже никто другой занять этот участок не сможет. В натуре границ нет, но места зимовых стойбищ поделены в данное время между отдельными родами с замечательной точностью и доступ одного рода в участок другого строго оберегается... затем под влиянием возникающих споров, землевладение суживалось и уменьшалось вследствие колонизации и т.п.».⁶⁹ Мы уже ссылались на утверждение В.В. Радлова, что «все сражения и военные походы киргизских (казахских — В.К.) орд в прошлые столетия были не чем иным, как постоянным стремлением захватить лучшие зимние стоянки».⁷⁰ И далее он дополняет: «Не все зимние стоянки равно хороши, оттого и цена на них разная. Но всякий сколь-нибудь состоятельный киргиз (казах — В.П.) всегда стремится улучшить свою зимнюю стоянку путем прикупа, обмена или аренды».⁷¹ Весьма примечательна в этом отношении история заселения Баян-Аульских гор и окрестностей оз. Джасыбай под зимовки казахами (тогда они вели кочевой образ жизни) рода Айдабул из родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза. По преданию Айдабул имел семь сыновей от трех жен: от первой — Тайкельтыра, Кошегера и Кожакельды; от второй — Каракозы и Аккозы; от третьей — Джангозы и Малкозы. Примерно в середине XVIII в. около 1000 хозяйств рода Айдабул под предводительством Ольджабая, внука Малгозы, в результате упорной трехлетней борьбы с калмыками вытеснили последних с указанных мест. «Вытеснив калмыков, Ольджабай распределил их земли между всеми семью родами, происшедшими от сыновей Айдабула... При дележе земель между айдабульскими родами более сильные роды захватили, несомненно, лучшие земли, лучшие в пастбищном отношении».⁷²

Итак, мы пришли к заключению, что у кочевых казахов зимние пастбища как самые ценные находились в обособленном пользовании отдельных родов, а в ряде случаев и внутри них, т.е. семейно-родственных групп, которые в силу этого можно считать общинами.

Вернемся к колодцам, так как мы рассмотрели только первый вид их — мелкие. Ко второму виду относились глубокие колодцы (до 40—80, иногда 100 м), которые казахи называли «шынграу»/«шимрау». А.Н. Букейхан сообщает: «Колодцы глубже 2 сажень (сажень — 213.36 см — В.К.) называют шынграу. Южнее Мангыстауских гор есть шынграу 30—40 сажень глубиной».⁷³ Один из информантов говорил нам, что шимрау

бывают разные. Есть такие, правда их немного, из которых можно напоить сразу две отары, т.е. около 1500 голов овец, или же 500 верблюдов. Кроме того, в любом месте копают, если там воды не так много, несколько шимрау. Их число может доходить до 50.⁷⁴ «При шынграу имеются каменные, выдолбленные из цельного камня, 10-ведерные корыта-астау. Из шынграу воду достают 5—10-ведерными мешками — месь.⁷⁵ Необычайно трудно было напоить скот. В одном архивном документе об этом говорится следующее: «Для того, чтобы напоить из глубокого степного колодца, добывая воду кожаными ведрами, сотню баранов, требуется не менее часа времени, а для сотни верблюдов и лошадей необходимо уже до трех часов безостановочной работы: добытая вода наливается или в корыто, или в особые углубления в земле, если грунт не имеет большой примеси песку».⁷⁶

Строительство колодцев-шимрау было весьма дорогостоящим мероприятием. Так, например, бай Султан из семейно-родственной группы Атакозыбалдары первичного рода Медет заплатил строителям такого колодца глубиной около 100 м в урочище Узун (плато Устюрт) 100 баранов, 1 верблюда и 1 лошадь.⁷⁷ В семейно-родственной группе Туленбалдары из рода Утюлю Сагындык, у которого было 650 овец, 40—50 лошадей и 10 верблюдов, нанимал копать шимрау глубиной около 30 м на урочище Караторткуль за 40 баранов.⁷⁸ «Шынграу обходится строителю, — отмечает Ф. Фиельструп, — пользующемуся для этой работы наемным трудом, очень дорого».⁷⁹ А.Н. Букейхан уточняет. «Шынграу сооружается, — пишет он в сноске на с.67, — по особому заказу и стоит до 100 крупных баранов. Шынграу копают и астау при них делают особые мастера. Их нанимают богатые».⁸⁰ У нас также имеются сведения, что колодцы копали искусные мастера — «кудукши», которые владели рядом секретов отыскания места под копку колодца.⁸¹

В некоторых случаях кочевники-скотоводы своими силами выкапывали глубокие колодцы. Хозяйства семейно-родственной группы Урусбайбалдары имели 8 шимрау, которые они сообща выкопали и коллективно пользовались ими.⁸²

Пресная вода в шимрау встречалась довольно редко, как правило, она была в различной степени соленой. «Почти все колодцы и шынграу, — сообщает А.Н. Букейхан, — с соленой или горько-соленой... водою. Колодцы и *шынграу* с пресной водой редки».⁸³ Это, в свою очередь, влияло на возможности

пользования колодцами. Добавим к этому, что вода с содержанием солей до 5 и даже 10 г/л пригодна для овец и верблюдов и лишь временно для крупного рогатого скота, а для людей и лошадей совсем не пригодна.⁸⁴ Очевидно это является одной из причин, повлиявших на то, что у западных казахо-кочевников было мало лошадей, а если их было много, то их на зиму отправляли в отгон — кос.

В чем же владении и пользовании находились эти глубокие колодцы? Здесь, как и в отношении зимних пастбищ, существуют разные мнения. Некоторые авторы считают, что у казахских кочевников отсутствовали какие-либо правила пользования колодцами-шимрау. По другим сведениям, они находились в собственности отдельного рода, семейно-родственной группы и даже отдельного хозяйства. Остановимся на этом несколько более подробно.

По данным А.Н. Букейхана, пользование колодцами-шимрау, как и пастбищами, у казахов больших родоплеменных объединений Адай и Табын ничем не ограничено. «Ни пастбища, ни водопой, ни колодцы не находятся в чем бы то ни было исключительном пользовании. Колодцы и пастбища находятся в общем пользовании всего родов адай, также и табын, т.е. всего уезда. Любой аул или община останавливаются на любом месте, где мог бы остановиться и другой аул с таким же правом».⁸⁵ Правда, несколько дальше А.Н. Букейхан, повторив сказанное выше, оговаривается, что преимущество в пользовании колодцем-шимрау принадлежит тому, кто построил его. «Шынграу, как и другие колодцы и водопой-тактыры, как на кочевых путях и реки и речки на северной летовке, находятся в общем пользовании рода адай и табын, т.е. целого уезда, с той только разницей, что при прочих равных условиях шынграу первым пользуется тот, кто заплатил за его устройство, при его отсутствии ближайшие его родственники, при отсутствии же их следующий по родству до самого Адая (18 колено)».⁸⁶

Имеющиеся в нашем распоряжении литературные источники и некоторые архивные данные красноречиво свидетельствуют о том, что не все глубокие колодцы находились в общем пользовании родов. Они могли принадлежать также одной общине — семейно-родственной группе, а иногда и отдельному хозяину. Н. Ломакин еще в 1873 г. писал: «Колодцев здесь (на п-ове Мангышлак — В.К.) очень много и каждый непременно принадлежит или кому-нибудь из отдельных лиц, или целому

поколению». ⁸⁷ И дальше уточняет, что из 127 колодцев только 47 были общими, из них 7 принадлежали всем адаевцам, так как расположены они на большом кочевом пути. ⁸⁸

Любопытные данные в этом отношении содержатся в донесении управителя Мангышлакского уезда от 20 августа 1891 г. «У мангышлакских киргиз (казахов — В.К.), — говорится там, — существует следующий, установленный обычаем порядок пользования водою из колодцев: право пользования колодцами, составляющими частную собственность отдельных лиц, принадлежит их владельцу, затем его родственникам по степени их родства и потом уже всем посторонним туземцам Мангышлакского уезда и другим кочевникам. Если к таким колодцам прикочует постороннее лицо в то время, когда около них находится со стадами их владелец, то если воды в колодцах окажется достаточное количество для водопоя стад, принадлежащих обоим, прикочевавший невладелец может также оставаться у колодцев, в противном же случае он имеет право только один раз напоить свои стада и потом должен откочевать в другое место. Если владелец прикочует к своим колодцам в то время, когда около них находится со стадами постороннее лицо, то последнее может оставаться у колодцев только в том случае, если воды в них будет достаточно для стад обоих кочевников, в противном же случае он должен, напоив свои стада, немедленно перекочевать в другое место. Право пользования колодцами, принадлежащими аулу или поколению, прежде всего, считается за жителями аула или поколения; между ними же преимущественное право пользования принадлежит тому, кто прежде прикочевал к колодцам. Преимущественное право пользования общими колодцами всех кочевников принадлежит также тем, кто прежде прикочевал к ним». ⁸⁹ Итак, судя по этому документу, у мангышлакских казахов-кочевников существовало три вида собственности на колодцы: личная, аульная, или поколенная (очень часто то, что русские чиновники и исследователи называли поколениями, в сущности оказывалось семейно-родственными группами), и всех кочевников уезда.

Имеющиеся у нас материалы полевых исследований позволяют вскрыть истоки ошибочного, по нашему мнению, утверждения А.Н. Букейхана о том, что пользование колодцами у казахов-кочевников ничем не ограничено. Точно знали о принадлежности какого-либо колодца одному хозяину только казахи его аула или семейно-родственной группы. Для предста-

вителей же других аулов или родственных групп (даже одного с ними первичного рода) эти колодцы были как бы уже собственностью всего аула или группы, так как напоить свой скот они могли лишь после всех хозяйств аула или родственной группы владельца колодцев. Например, в семейно-родственной группе Туленбалдары первичного рода Утюлю, состоящей из нескольких аулов, до Октябрьской революции самым богатым был бай Сагындык со своими сыновьями Избасом и Абдекаримом. Все вместе они имели 650 голов овец, более 40 лошадей и около 15 верблюдов. Этот Сагындык был хозяином двух глубоких колодцев-шимрау в районе Сай-Утеса. За устройство одного из них (на урочище Караторткуль) Сагындык заплатил 40 баранов. Другой колодец — Отеш, глубиной около 30 м, — Сагындыку помогли строить другие хозяйства его родственной группы, они дали ему кто лошадь, кто верблюда, а кто победнее — барана для уплаты строителям шимрау. И все равно этот колодец считался собственностью Сагындыка. Обоими этими колодцами могли пользоваться в первую очередь после самого Сагындыка все хозяйства его группы, а уже после них — другие хозяйства.⁹⁰ Вот для этих последних уже было совершенно безразлично, принадлежали ли эти колодцы одному какому-либо лицу или же всем хозяйствам группы. Таким образом, если производить опрос в самой семейно-родственной группе Туленбалдары, то информанты точно укажут на владельца данных колодцев, а если же спрашивать у представителей других семейно-родственных групп, то последние просто скажут, что эти колодцы принадлежали группе Туленов.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы. Использование прилегающих к колодцам-шимрау пастбищных угодий самым непосредственным образом зависело от возможности пользоваться колодцами. Значит, те, в чьей собственности находился колодец (хозяйства или группы родственных хозяйств), являлись владельцами и пастбищ. Однако при отсутствии владельцев колодцев около них (а следовательно и на прилегающих пастбищных угодьях) ими мог пользоваться каждый, кто первый подкочевал. Никто, даже сами хозяева, в этих случаях не могли предъявить претензий. Таким образом, реализация постоянного права собственности на колодцы, а следовательно и на прилегающие пастбища, носила временный характер и осуществлялась только в период нехватки воды. В другое время ими имели право пользоваться все хозяйства. В

этом заключалась, как нам представляется, специфика земельных отношений в кочевом обществе.

Мы рассмотрели случаи обособленного пользования зимними пастбищами у кочевых казахов в зависимости от форм собственности на колодцы, особенно на глубокие. В нашем распоряжении имеются также материалы, которые свидетельствуют, что обособление наблюдается и по отношению к самим зимним пастбищам (как наиболее ценным земельным угодьям). Семейно-родственная группа Туткышбалдары рода Таракты из большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза состояла из 10 аулов. Хозяйства этих аулов имели довольно значительное поголовье скота. В 20-х годах нашего столетия эта группа пользовалась призимовочной территорией, расположенной на урочище Акарал (правобережье нижнего течения р. Чу). Пастбищные угодья между хозяйствами и даже аулами группы не были разделены, однако ни одно хозяйство других групп, даже родственных, пасти здесь свой скот зимой не имело права.⁹¹ Приведем еще один пример по западным казахам. Хозяйства семейно-родственной группы Таякбалдары первичного рода Назар из адаев, входившие в семь аулов, зимой совместно пользовались пастбищами, расположенными на урочище Кары (п-ов Бузачи).⁹²

Приведенных данных, очевидно, достаточно, чтобы считать, что зимние пастбища как наиболее ценные земельные угодья при кочевом скотоводстве в основном находились в обособленном пользовании семейно-родственных групп. Очевидно также, что под упоминаемыми в литературе и архивных документах группами семей (хозяйств) и аулов, в чьем обособленном пользовании находились зимние пастбища у кочевых казахов, можно подразумевать указанные выше семейно-родственные группы, так как постоянно подчеркивалось их родство. Например, А.Н. Букейхан писал, что «адаевский аул в преобладающем большинстве состоит из 2, 3 и 4 хозяйств: он *мелкий*; сыновья или внуки одного лица составляют аул: он *родовой*». И далее в разделе под названием «Скотоводческая община» он пишет: «Два или три родственных пастушеских аула круглый год кочуют вместе, сообща пользуются водопоем, пастбищами...».⁹³ Это сообщение подтверждается архивными данными. Во время подготовки работ экспедиций Переселенческого управления в Казахстане были проведены рекогносцировочные полевые исследования, на основании которых было

решено, что изучению подлежат не административные аулы, а более мелкие единицы — «отдельные аулы, т.е. группы семей (иначе хозяйств), имеющих общее зимнее стойбище».⁹⁴ Дальше поясняется, что «такие аулы, называемые “хозяйственными”, в отличие от упомянутых аульных обществ, или административных аулов, являются, с одной стороны, отдельными населенными пунктами, имеющими постоянное географическое положение (ибо мирные киргизы [казахи — В.К.] зимуют всегда на одних и тех же местах, где имеют постоянные постройки), а с другой — наиболее простыми, так сказать, первичными земельными общинами, обусловленными непосредственным соседством зимних жилищ нескольких семей и общностью зимнего пастбища для принадлежащего этим семьям скота или, по крайней мере, овец».⁹⁵ В специальной работе, посвященной формам казахского землепользования, Л. Чермак писал, что земли, которыми пользовались казахи, можно разделить на две категории: земли общего пользования, т.е. земли, открытые для всех, и земли обособленного пользования, доступные для ограниченного числа лиц — одной группы, причем «обычно же этой последней является группа хозяйств, образующих несколько аулов и связанных между собой более или менее близким родством».⁹⁶ Вряд ли может возникнуть сомнение в том, что описанная Л. Чермаком группа хозяйств, пользующаяся обособленной землей, т.е. пастбищами, состоящая из нескольких аулов, связанных родством, не является семейно-родственной группой. Очевидно, их имел в виду В.А. Тресвятский, когда писал, что «по мере уплотнения киргизского (казахского — В.К.) населения ранее всего начал ощущаться недостаток в зимних пастбищах (кстау), и потому зимовые стойбища первыми поступили в исключительное пользование отдельных групп населения».⁹⁷

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в общинно-земельных отношениях кочевых казахов встречались отклонения от правила, по которому зимними пастбищами пользовались только хозяйства одной семейно-родственной группы. С одной стороны, кстау пользовались хозяйства всего рода, с другой — имелись случаи, когда эти земельные угодья у казахов-кочевников принадлежали более мелким, чем семейно-родственные группы, социальным объединениям — аулам. На это указывают материалы публикации Переселенческого управления по казахам Акмолинского уезда. «Между близкими

родственными аулами (на призимовочной территории — В.К.) не существует определенных пастбищных ограничений; но между чужеродцами, или же дальними родственниками, уже существуют границы... Но даже при отсутствии границ в пастбищах каждый аул приблизительно знает свои пастбища и старается их придержать». ⁹⁸ В материалах наших полевых исследований также встречаются указания на то, что в некоторых случаях пользование зимними пастбищами у кочевых казахов было ограничено пределами одного аула. В семейно-родственной группе Апайбалдары рода Таракты из большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза, состоящей из 16 аулов, призимовочная площадь была разделена между ними. Так же было в родственной группе Кошенбалдары того же рода. Однако, как подчеркивали информанты, если на зимнем пастбище какого-либо из этих аулов было мало травы, он имел право по разрешению хозяев пасти свой скот на пастбищных угодьях родственных аулов. ⁹⁹ Каждый из четырех аулов семейно-родственной группы Миндебайбалдары рода Кеше (адаи) пользовался отдельным зимним пастбищем, вернее сказать, 2—3 глубокими колодцами-шимрау, расположенными на этих пастбищах. Из колодцев, принадлежавших определенному аулу, могли напоить скот хозяйства других аулов этой группы, но только в том случае, если в их собственных колодцах воды не хватало. ¹⁰⁰

Обособление призимовочной территории в рамках одного аула в первых двух случаях (группы Апай и Кошен) произошло, по нашему мнению, в результате того, что на этой территории летом заготавливали на зиму сено (камыш). И хотя хозяйства аулов заготавливали сена очень мало — только для верховых лошадей (остальных лошадей зимой отправляли в отгон — кос), — а также не своими силами (свои пастухи откочевали летом далеко на север, и они нанимали бедняков), одного этого было, очевидно, достаточно для того, чтобы вызвать раздел зимовий между аулами.

Судя по материалам публикации Переселенческого управления, то же самое происходило среди кочевых казахов Атбасарского уезда: «В большинстве случаев сенокосные угодья с давних пор распределены между отдельными аулами с установлением определенных межаульных границ на сенокосных площадях, которые признаются всеми соседними аулами. Но прочностью эти границы не отличаются». ¹⁰¹ Здесь уместно

упомануть замечание Л. Чермака, который писал, что «по мере развития сенокосения среди хозяев замечается все более сильное стремление обособить сенокосы в свое индивидуальное пользование». ¹⁰²

В третьем примере (группа Миндебай) обособление зимних пастбищ между аулами произошло, очевидно, в результате того, что каждый аул имел свои собственные глубокие колодцы-шимрау. Так, в ауле Бисембая было два хозяйства: одно состояло из семей двух родных братьев (самого Бисембая и Седира), имело две юрты и около 200 голов овец, 2—3 лошади и 10 верблюдов, а другое — из семьи Бейтюлю (тоже родного брата Бисембая), имело юрту, 60 голов овец и коз, 2 лошади и 5—6 верблюдов. Эти хозяйства были собственниками трех колодцев-шимрау, находящихся в урочище Мастек и Каратюбе. ¹⁰³

Следовательно, у казахских кочевников-скотоводов во второй половине XIX—начале XX в. наблюдается четко выраженная тенденция обособления наиболее ценных земельных угодий — зимних пастбищ — в рамках отдельных социальных образований: начиная от первичного рода к семейно-родственной группе и, отчасти, к аулу. Приведенные данные позволяют также считать, что основной из них являлась семейно-родственная группа.

Что же представляла собой семейно-родственная группа у кочевых казахов? Ранее мы дали описание состава аулов и хозяйств одной из них, а именно: семейно-родственной группы Самалыкбалдары первичного рода Кеше. Напомним, эта группа состояла из 12 аулов, причем, как правило, в каждом ауле находилось одно хозяйство, глава которого был потомком по мужской линии основателя группы Самалыка в третьем колене. Все они были довольно богатыми, поэтому пастьбой их скота занимались наемные пастухи, которые жили со своими семьями также в их аулах. Кроме этих семей у наиболее богатых хозяйств (аулов) были также семьи, взрослые члены которых обслуживали эти хозяйства: готовили пищу, заготавливали топливо, носили воду и т.п. Такие семьи у казахов назывались «консы», их главы находились в отдаленном родстве по мужской или женской линии, были из родственных роду Кеше родов и т.д. Однако все они были временными в данной семейно-родственной группе, могли меняться. Основной же костяк группы составляли прямые потомки Самалыка. В каждой семейно-родственной группе казахов был свой старейшина —

«аксакал», который совместно с советом — «кенес» — решал все важнейшие вопросы жизни группы. В 20—30-х годах нынешнего столетия аксакалом группы Самалыкбалдары был Ербулат — старший внук Самалыка. В совет входили Насухан — один из самых богатых членов группы; Сармыс, который был болусом, т.е. волостным управителем, и Картбай, работающий у болуса писарем (он был грамотным, хорошо знал русский язык).

Многие хозяйственные дела в семейно-родственных группах выполнялись совместно. Как правило, все аулы группы зимой и летом кочевали вместе. Так поступали, например, семейно-родственные группы Туленбалдары из рода Утюлю, где аксакалом был Текелеу; Атакозыбалдары во главе с аксакалом Берденом, который в 1914 г. умер и его место занял Абдал, Таякбалдары и др.¹⁰⁴ Однако в связи с тем, что в родственной группе Самалыкбалдары было очень много скота, все аулы одновременно кочевать не могли, они делали это по очереди — сначала перекочевывало 2—3 аула, затем следующие. Порядок перекочевков определял совет группы. Первыми обычно перекочевывали самые богатые аулы. Это был аул Насухана и отдельный аул его старшей жены — «байбиче» — Жанбала. За ними перекочевывал аул Айтбулата и т.д.

Как уже отмечалось, одной из самых трудоемких работ летом был водопой скота, поэтому хозяйства одной семейно-родственной группы помогали друг другу. Сообща выполнялась эта работа и у группы Самалыкбалдары. Они помогали друг другу при устройстве зимой укрытия для скота — «кора». И в этом случае первому ставили кора самому богатому, т.е. Насухану. Весеннюю и осеннюю стрижку овец производили поочередно. Сначала стригли тысячу овец у Насухана в течение 3—4 дней, затем у Айтбулата — 2—3 дня, а затем у всех остальных. Во время стрижки хозяин устраивал ее участникам хорошее угощение, резал барана, поил шубатом — верблюжьим молоком, кумысом и т.д. Очень часто жена аксакала группы руководила всеми женщинами, когда проводились различные торжества: свадьба, обрезание, а также похороны, особенно годовые поминки — «ас». Обычно из шерсти осенней стрижки овец женщины сразу же валяли кошмы. Руководила этой трудоемкой работой старшая женщина аула или всей семейно-родственной группы.¹⁰⁵

Хозяйства семейно-родственных групп помогали друг другу при окотной кампании, которая проходила ранней весной.¹⁰⁶

5 Как правило, помогали тому хозяйству, у которого по тем или иным причинам погибал скот. В семейно-родственной группе Кобжасарбалдары первичного рода Жанай хозяйство Агабая во время осенней перекочевки в ноябре 1912 г. из Уила на зимнее пастбище потеряло от холодной пыльной бури около 800 овец. Агабай и его пастух не могли справиться с животными, они все утонули в заливе Байтак. Сам Агабай и его пастух еле спаслись. «Тогда все Кобжасарбалдары помогли ему возместить потерю и собрали столько же почти овец». ¹⁰⁷

Наконец, члены семейно-родственной группы помогали друг другу при уплате калыма. Например, когда Мака из родственной группы Теленбалдары платил калым за своего младшего сына Кулбая, ему помогали скотом аксакал группы Текелеу, который был родным братом Мака, Сагындык, его дядя по отцу, и другие члены группы. ¹⁰⁸ Помощь скотом оказывалась и при поминках. Когда Султан из семейно-родственной группы Атакозыбалдары справлял годовые поминки-ас по своему отцу Кошменбету, то для призов в «байге», т.е. конных скачках, которые обычно проводились на асах, собрали скот все члены группы. Чтобы представить себе, сколько скота нужно было для этого, отметим, что первый приз победителю скачек состоял из 100 овец, 1 верблюда, куска золота и ковра, второй приз равнялся 50 овцам, а самый последний — седьмой — 5 овцам.

Скот собирался со всех членов семейно-родственной группы и при выплате куна — платы за кровь, т.е. за убийство. Точнее, сборы скота для выплаты куна производились среди членов всего первичного рода, но, во-первых, в семейно-родственных группах организацией этих сборов занимался аксакал, а, во-вторых, члены той родственной группы, откуда был убийца, платили больше. ¹⁰⁹

Представляется, что все сказанное о семейно-родственной группе у кочевых казахов изучаемого времени позволяет считать ее общиной. ¹¹⁰ Действительно, перед нами все ее признаки: трудовая кооперация, материальная взаимопомощь по случаю отдельных семейных событий, помощь нуждающимся и попавшим в беду и т.д.

Большинство исследователей считают кочевой образ общиной у казахов группу аулов, которые постоянно совместно кочуют, связаны между собой родственными отношениями, общим землепользованием. «В общем потоке огромной массы народа, — писал С.Е. Толыбеков, — существовали группы

аулов, имевшие устойчивое соседство друг с другом все сезоны года. Такие группы могли образоваться и из совместно кочевывших на определенной территории аулов, которые были связаны между собой близким родством. Некоторые исследователи верно считали совместное кочевание и общие хозяйственные интересы признаками кочевой общины у казахов.¹¹¹ Еще более определенно высказался по этому поводу В.Ф. Шахматов: «Постепенно внутри каждого рода сложились мелкие группы хозяйств, которые совместно проводили зимовку и совершали кочевку. Эти группы были объединены родственной связью, понятием общей принадлежности к роду (руу), тайфа, атабаласы (атабаласы — казахский термин, означающий семейно-родственную группу, — В.К.), но обычно не дальше третьего колена... Число объединившихся в группу кочующих совместно хозяйств было различным, определялось оно, опять-таки, количеством имеющегося в хозяйствах скота. В отдельных случаях это могло быть 5—6 хозяйств, в других — 10—12, а чаще до 50 хозяйств, имущественное положение которых было различным. Они пользовались определенными пастбищами, которые в большинстве случаев не использовались другими хозяйствами. *Эти группы хозяйств, члены которых были объединены между собой родством и соседством и правом совместного владения и пользования одними и теми же пастбищами из сезона в сезон, из года в год, регулируемого обычным правом, и являлись пастбищно-кочевой общиной.*¹¹²

Обычно принято называть общину, как основную структурную единицу кочевого общества, пастбищно-кочевой, или же пастбищно-кочевой «айльной» (аульной).¹¹³ Однако не всех исследователей этот термин устраивает. С.Е. Толыбеков, как на это только что было указано, предпочитает называть общину у казахов просто кочевой, а Г.Е. Марков — общинно-кочевой.¹¹⁴ Н.Э. Масанов в работах по социально-экономической истории казахов предлагает различить два типа (или подтипа) общин у кочевых казахов в зависимости от воздействия ряда факторов. Один из типов он определяет термином «минимальная община», а другой — «расширенная».¹¹⁵

Не возражая против этих названий, отметим, что в них, по нашему мнению, не раскрывается сущность общины в казахском кочевом обществе. Мы предлагаем называть ее кочевой семейно-родственной общиной. В этом названии раскрывается ее функциональная сущность, а именно: то, что она является

кочевой и, следовательно, связана с пастбищами. Это позволяет отказаться от включения в название слова пастбищная. В предложенном названии есть указание на структуру общины: она состоит из семей-хозяйств, родственно связанных между собой по мужской линии. Более того, именно эти семейно-родственные связи цементировали кочевую общину у казахов как единое целое, на этих связях была построена как трудовая кооперация, так и взаимопомощь членов общины. В то же время эти родственные связи не исключали наличия социального и имущественного неравенства между отдельными членами общины, ее хозяйствами (мы могли не раз убедиться в этом на основе приведенных выше примеров). В этом плане кочевая семейно-родственная община у казахов периода второй половины XIX—начала XX в. была аналогична соседской территориальной общине у оседлых народов.¹¹⁶

Итак, возвращаясь к предмету нашего исследования, мы можем с полным основанием считать, что субъектом обособленного пользования зимними пастбищами у кочевых казахов были кочевые семейно-родственные общины.

Несколько слов необходимо сказать о двух других социальных общностях кочевых казахов, которые в ряде случаев также имели в обособленном пользовании зимние пастбища, а именно: первичном роде и ауле.

В этнографической науке уже давно установлено, что родоплеменную структуру, сохранявшуюся у ряда народов Средней Азии и Казахстана (главным образом у кочевых и полукочевых), нельзя приравнивать к понятиям рода и племени первобытнообщинного строя.¹¹⁷ Однако, как утверждает С.М. Абрамзон, анализ реальных отношений, складывающихся в среде кочевников, позволяет выделить некоторые остаточные формы родовой организации, которые в силу ряда причин продолжают существовать.¹¹⁸ К ним он отнес семейно-родственные группы.¹¹⁹ Однако, как нам представляется, к таким формам мы можем отнести условно названный нами первичный род, т.е. основанную на реальном родстве генеалогическую цепочку поколений по мужской линии, которая до недавнего времени, а в некоторых случаях и в настоящее время, регулировала брачные отношения у казахов, т.е., иначе говоря, экзогамный род.¹²⁰ Согласно имеющимся в нашем распоряжении материалам, это был род, насчитывающий, как правило, семь поколений.¹²¹ Данную общность в современной историографии принято на-

зывать кланом или же более часто — линиджем.¹²² И все же мы позволим себе называть эту социальную общность первичным, или экзогамным родом во избежание путаницы, так как это название широко употреблялось в дореволюционной литературе и довольно часто — в современной.

Как нами было установлено, данные первичные роды у кочевых казахов также были субъектами обособленного пользования зимними пастбищами, но только значительно реже, чем семейно-родственные группы.

Что же представлял собой кочевой аул у казахов в изучаемое время?

Некоторое представление о нем можно было уже составить на основании приведенных выше данных. Наиболее характерной особенностью его была малочисленность. Он обычно насчитывал несколько хозяйств или семей. Все авторы единодушно отмечали, что эта малочисленность была жестко опосредована спецификой кочевого производства, а именно: ограниченным количеством поголовья скота, которое можно было пасти на определенной пастбищной территории. С особой силой эта зависимость действовала зимой. Скопление скота сверх меры на одном месте приводило также к нарушению рекреационных процессов травяной растительности, чрезмерному вытаптыванию ее, эрозии почвы и, в конечном итоге, полному исчезновению травы. К этому необходимо добавить, что запас воды в колодцах тоже ограничивал поголовье скота. И, наконец, зимние перекочевки были весьма затруднительны, поэтому кочевые хозяйства старались по возможности сократить количество таких перекочевок или же вообще всю зиму находиться на одном месте. Все эти обстоятельства приводили к тому, что казахские кочевые хозяйства, имевшие достаточно много скота, старались отделиться друг от друга. Основываясь на этом, Н.Э. Масанов вывел закономерность, которая заключается в том, что «скотоводческое хозяйство кочевников существовало как бы в дисперсном состоянии, в виде множества относительно мелких по числу скота хозяйственных организмов».¹²³ С особой силой эта тенденция проявлялась зимой. Однако необходимость трудовой кооперации отдельных хозяйств противостояла этой тенденции. В результате выработался наиболее оптимальный вариант сочетания хозяйств с определенным поголовьем скота, которые и составляли казахский кочевой аул зимой. «Киргизы (казахи — В.К.), — писал А.И. Лев-

шин, — редко кочуют большим числом вместе: ибо стадам их тогда бывает тесно». ¹²⁴ Еще более четко об этом сказано в одной из публикаций Переселенческого управления: «Хозяйственные аулы прежде всего очень мелки по размерам и эта особенность их всецело объясняется тем обстоятельством, что киргизам (казахам — В.К.) кочевникам немислимо было бы жить крупными группами, вследствие невозможности выпасывать значительное количество скота на ближайшем к зимовке пространстве». ¹²⁵ Это обстоятельство отмечает и А.Е. Алекторов: «Киргизы редко живут большим числом в одном месте: стадам их было бы тесно; составляют, так сказать, небольшие общества, общества из нескольких семейств, связанных родством или взаимными выгодами; их маленькие селения называются аулами; количество кибиток в ауле бывает различно: иногда две-три кибитки, а иногда пятнадцать-двадцать». ¹²⁶ Для нас очень важно, что здесь указано о родственных связях между хозяйствами одного аула. Как уже упоминалось (см. с.100), то же самое писал А.Н. Букейхан о кочевых аулах западных казахов-адаевцев. ¹²⁷

Эти данные находят подтверждение в материалах наших полевых исследований. Так, упоминаемая выше семейно-родственная группа Туленбалдары состояла из пяти аулов (см. приложения в конце книги). Каждый аул, в свою очередь, состоял из хозяйств отца и женатых его сыновей или же, после смерти отца, семей родных братьев. Первый аул имел три хозяйства: Текелеу, который был аксакалом всей группы. Он был хозяином юрты, имел 250 голов овец, 20 верблюдов и 25—30 лошадей. В ауле жили отдельными хозяйствами два сына его: Дюзали и Сарбепе, которые по-казахски называются «отау». Каждая семья имела по юрте, по 100 голов овец, 10 верблюдов и 5 лошадей. Иногда на зиму они совместно нанимали пастуха. Второй аул состоял из хозяйств трех сыновей Маки, который был родным братом Текелеу. Первое хозяйство принадлежало Кадырбаю. В нем была юрта, 400 овец, 15 верблюдов и 15 лошадей. Вместе с Кадырбаем жил один из его младших братьев — Соубет, которому в 1917 г. было всего одиннадцать лет. Второе хозяйство принадлежало Амиру, родному брату Кадырбая. Оно состояло из юрты, 100 овец, 10 верблюдов и 2—3 лошадей. Хозяином третьего хозяйства был малолетний Кулбай, самый младший сын Маки. После смерти отца он наследовал его имущество и жил со своей матерью, вдовой Маки. У них

была юрта, 150 овец и 15 верблюдов. Всех овец аула пас наемный пастух — «койшы». Из двух хозяйств состоял третий аул. Главой первого из них был Сагындык, дядя по отцу Текелеу и Мақы. Он был богатым: имел 1000 овец, 20 верблюдов и 30 лошадей. С ним вместе жил его младший сын Эбдикерим, несмотря на то, что у него уже было две жены. Отдельное хозяйство держал Избас — старший сын Сагындыка. Кроме них в ауле жила семья пастуха-койши Атшибая, которая имела свою юрту, 30 овец и 5—6 верблюдов. Подчеркнем, что Атшибай был сыном умершего родного брата Сагындыка. Он пас овец Сагындыка и Избаса. Четвертый аул имел два хозяйства. Главой первого был Оразали — сын родного брата Текелеу — Абдуллы. С ним вместе жил его женатый сын Дарбай. Второй сын Оразали — Аймукен — жил отдельно. Так как они пасли свой скот вместе, наш информант Амир Абдуллаев мог сказать, что у них вместе было 200 овец, 10 верблюдов и 15 лошадей. Интересна судьба самого Амира. Его отец Абдулла умер рано и его вдову взял, согласно казахским обычаям, в жены Мақы, родной брат Абдуллы. В связи с этим Амир жил в ауле детей Мақы. Последний, пятый аул состоял из двух хозяйств: Айтмембета, родного брата Сагындыка, и его женатого сына Жугунуса. Их скот также пасся вместе. У них было 300 овец, 10 верблюдов и 15 лошадей.¹²⁸

Из приведенного примера видно, что в кочевом ауле хозяйств было не более трех. Хотелось обратить внимание на то, что состав хозяйств в аулах менялся в зависимости от изменения количества скота. В семейно-родственной группе Кобжасарбалдары из первичного рода Жанай в ауле Садвакаса — отца нашего информанта Жолдекеша Садвакасова было 4 хозяйства, главы которых были сыновьями Шанкула: Сагызбай, Конур, Саркожа и Садвакас. Последний был младшим сыном и после смерти отца жил вместе с матерью — женой Шанкула. В ауле было также отдельное хозяйство младшей жены Шанкула — Шолтыр — и семья их общего пастуха Коныса из этой же группы. Хозяйства Сагызбая и Конура дважды выделялись в отдельный аул, так как имели по 500—600 овец. Однако каждый раз они теряли их из-за сибирской язвы-топалан и были вынуждены снова присоединяться к аулу Шанкула.¹²⁹

Возвращаясь к непосредственному предмету нашего исследования, напомним, что аул, или как его было принято называть в дореволюционной литературе, хозяйственный аул, в ряде

случаев, правда довольно редких, имел в обособленном пользовании зимние пастбища. Такое использование этих земельных угодий, как правило, было сопряжено с обособлением их и для всей общины. Так подавляющая часть хозяйств общины № 5 Андасовской волости Копальского уезда, принадлежавших к потомству Кенджеке большого родоплеменного объединения Джалаир Старшего жуза, вели кочевой образ жизни: не имели ни сенокосов, ни пашен. «Кстау (этой общины — В.К.) в одной площади обособленного пользования на урочище Джуан-кым; использование — группами хоз. аулов; границы с соседними общинами соблюдаются». ¹³⁰

Заканчивая анализ форм землепользования зимними пастбищами, как самыми ценными земельными угодьями у кочевых казахов, мы еще раз хотели бы подчеркнуть, что, во-первых, основным субъектом этого пользования была кочевая семейно-родственная община. Во-вторых, данные земельные отношения носили характер обособленного пользования в пределах одной общины. И, в-третьих, мы сознательно употребляем понятие обособленное пользование, так как у основной массы казахов периода второй половины XIX—начала XX в., особенно у кочевых казахов, собственность за землю и ее дериваты: владение и пользование не были и не могли быть оформлены законодательно. ¹³¹ Они существовали на уровне обычного права, были закреплены за общиной только по взаимному согласию между ними и в таком виде передавались из поколения в поколение. Обособленное пользование зимними пастбищами у кочевых общин базировалось на критериях давности и традиций. «Рода, кочующие в глубине степей, присоединяют к тому некоторые понятия об овладении местами кочевков, которые по преданию считают своей собственностью, и защищались оружием». ¹³² О праве давности в качестве определяющего момента при распределении пастбищных земельных угодий у казахов сообщает Л.Ф. Баллюзек: «Занятие киргизами (казахами — В.К.) или различными родами их нынешних мест, — писал он, — расположения зимовок, считающихся уже более постоянными, чем летние стоянки аулов, произошло, надо полагать, по тем же правилам, по каким происходит изложенное сейчас распределение летних стоянок, а потому в поземельных спорах из-за зимовок киргизы всего больше принимают в соображение право давности каждого на известный участок». ¹³³

Несколько слов необходимо сказать о самих границах и их особенностях, вытекающих из сказанного выше. В одном из томов публикации Переселенческого управления об этом говорится следующее: «Самые границы также отличаются разнообразием: в иных случаях это горный хребет или течение реки, ручья, в других — это просто ряд урочищ, разграничивающих смежные владения и используемых сообща их стадами; иногда показателями границ служат сопки, выходы камней, одинокое дерево и т.п., иногда же искусственные сооружения в виде кучи камня или ямы. Нередко также пограничными пунктами являются могилы».¹³⁴ О большой неопределенности границ, их неустойчивости мы имеем еще несколько сообщений. Размеры казахских угодий определяются очень неустойчивыми и подвижными границами. Так как каждая община пользуется принадлежащими ей землями в силу фактического завладения на основании обычая и родового начала и никаких размежеваний в этом отношении между казахскими общинами не производилось, их границы не имеют значения меж и межевых признаков, в строгом смысле этих слов. Понятие о казахской границе вытекает из разверстания пастбищ между отдельными общинами по живым урочищам.¹³⁵ По «живым» урочищам разграничивались зимние пастбища у кочевых казахов, кстау которых было расположено в песках. Собственно говоря, там не было границ в нашем понимании этого слова. Принадлежность кстау определялась принадлежностью определенных стоянок-конов определенным хозяйствам и аулам общины. «Общины, зимующие в полосе песков, носящих название “кум” и “конур”, представляют родовые группы, совершающие совместные кочевки летом, а зимой кочующие на определенной территории, на которой каждый аул имеет свои стоянки, так называемые *кон* или *коун*. Территория эта никаких границ с соседями не имеет, равным образом нет границ и между аулами, но вместе с тем она считается принадлежащей известной группе и вытравливание ее другими аулами является правонарушением. Признаками, определяющими принадлежность данной территории той или иной группе, является «кон», т.е. помет, оставленный скотом на зимней стоянке. Когда киргиз (казах — В.К.) хочет указать свое право на данную территорию, то он говорит, что это «мой кон», т.е. помет, оставленный его стадами, указывая таким образом на факт заимки им данной территории».¹³⁶

Самое важное по отношению к границам заключается в том, что их определенность, степень привязанности к местности напрямую зависела от ценности обособляемой площади. Наиболее четкими были границы зимних пастбищ, менее четкими — летних. «Киргизские (казахские — В.К.) понятия о границах также очень условны и растяжимы. Прежде всего границы определяются у киргизов различным образом на различных угодьях. Чем нужнее известное угодье киргизу, тем определеннее границы этого угодья, и наоборот. На призимовочных угодьях границы отличаются большей определенностью, чем на угодьях летовочных».¹³⁷

Представляется, что такая неопределенность границ по сравнению с общепринятой точкой зрения на установление границ, дала повод некоторым исследователям говорить об их отсутствии вообще, как и об отсутствии обособления пастбищ. Очевидно необходимо объяснить, почему мы остановились на понятии «обособленная площадь» (территория, земельное угодье, пастбище и т.п.), широко употреблявшемся в дореволюционной литературе. Дело в том, что вплоть до настоящего времени нет единой точки зрения на характер земельных отношений у кочевых казахов, как, впрочем, и у других кочевых народов. Ряд авторов считают, что кочевые общины у казахов, которые представляют собой небольшие коллективы, сообща эксплуатирующие пастбища, были субъектами землепользования. Так, А. Еренов считал, что «аулы, как и более крупные единицы землепользователей (из общего контекста можно видеть, что под этой более крупной единицей А. Еренов подразумевает общину или же, как он пишет, аульную общину — В.К.), обладали правом пользования известными районами кочевок, на которые не могли претендовать другие субъекты землепользования».¹³⁸ О коллективном пользовании кочевых групп огромными пастбищными территориями пишут также С.З. Зиманов и А.Е. Хаусон.¹³⁹ В то же время В.Ф. Шахматов говорит уже о том, что кочевые общины владели пастбищами. «В Казахстане, — утверждает он, — складывалось и господствовало общинное землепользование и общинное владение землей и существовало до тех пор, пока оставалось господствующим кочевое скотоводство».¹⁴⁰ Н.Э. Масанов прибавляет к понятиям пользования, владения еще и собственность на землю (пастбища зимой) кочевых общин казахов. «Минимальная община (община зимнего периода у кочевых казахов — В.К.) фактически

ки осуществляет функции собственника земли и является единицей землевладения и землепользования одновременно». ¹⁴¹

Другие исследователи считают, что у кочевых казахов вообще не было какого-либо обособленного пользования пастбищами, в том числе и зимними, в рамках одной кочевой общины. ¹⁴² Так, С.Е. Толыбеков писал: «Общинное землепользование выходило далеко за пределы подобных кочевых общин, оно распространялось на всю кочевую территорию ряда крупных родов и племен». ¹⁴³

Представляется, такой разброс мнений отчасти оправдан, так как он в значительной степени соответствует действительному положению, которое сложилось в период второй половины XIX—начала XX в. у кочевых казахов в отношении землепользования и, в первую очередь, в отношении к пастбищам. Именно поэтому мы предпочли для обозначения этих отношений понятие «обособленного пользования» как наиболее емкое, объединяющее в одно целое выявленное нами выше разнообразие общинно-земельных отношений у кочевых казахов. Здесь можно наблюдать полное и устойчивое обособление зимней пастбищной территории одной общины от другой. Как мы уже сообщали, зимние пастбища кочевой семейно-родственной общины Туткушбалдары находились на урочище Аккарал (правобережье нижнего течения р. Чу). Ни одно хозяйство или аул из других общин, даже родственных, не имели права пасти на этом урочище свой скот. ¹⁴⁴ Наряду с этим, мы имеем примеры, когда такое жесткое обособление зимних пастбищ отсутствует. Кстау аулов кочевой семейно-родственной общины Урусбайбалдары находилось на Ауздыбасе. Там же могли пасти свой скот и другие хозяйства первичного рода Кедей, к которому принадлежала община Урусбайбалдары. ¹⁴⁵ Аулы кочевой семейно-родственной общины Туленбалдары зимовали, как правило, на урочище Бостанкум (п-ов Мангышлак). Если же в какой-либо из годов там был плохой травостой или мало воды, аулы проводили зиму на урочищах Тишканкум или расположенном рядом — Сынгыркум. На этих же местах могли пасти свой скот и другие хозяйства первичного рода Утелю, к которому принадлежала и община Тулена. ¹⁴⁶ Приведенные примеры свидетельствуют о разделении владения зимними пастбищами у кочевых казахов от пользования ими. Первое, т.е. владение, являлось прерогативой рода, а второе — пользование — прерогативой одной из его кочевых общин. Другие рам-

ки обособления мы наблюдаем в тех случаях, когда внутри кочевой общины аулы раздельно пользуются зимними угодьями. Здесь уже община выступает в роли владельца, а аулы — пользователя. При обособлении зимних пастбищ на основе использования глубоких колодцев возникло соотношение собственности, владения и пользования. Собственником колодца, и, следовательно, прилегающих пастбищ был тот, кто его выкопал, владельцами — члены его общины, пользователями — все остальные, когда он был свободен.

И последнее, о чем необходимо сказать. Наряду с обособлением лучших земельных угодий в качестве зимних пастбищ в рамках отдельных кочевых общин в ряде мест оставались еще свободные, никем не занятые, т.е. не обособленные, территории, которые в исключительных случаях (неурожай трав, нехватка воды в колодцах и т.п.) использовали как запасные. Уже в приведенном примере по общине Туленбалдары указывалось, что у нее были запасные зимние пастбища. Основное зимнее пастбище кочевой семейно-родственной общины Кобжасарбалдары, расположенное на южных склонах впадины Карагие, практически не было покрыто снегом и на нем оставалась хорошая трава. Если же был неурожай, то скот (главным образом, овец) с пастухами или же недавно выделенными хозяйствами — отау — отправляли в другие места.¹⁴⁷ Зимние пастбища кочевой общины Самалыкбалдары были расположены на п-ове Бузачи: урочища Киякты, Шебир, Тушикудук, Кызан, Акшимрау. Аулы останавливались на тех из них, где была лучшая в данном году трава.¹⁴⁸

Здесь, как и в случаях с глубокими колодцами, мы наблюдаем временную реализацию права обособленного использования кочевой общиной «запасных» зимних пастбищ. Могли ли этими земельными угодьями, когда они были свободны, пользоваться другие общины? К сожалению, у нас нет данных, чтобы ответить на этот вопрос.

Подводя итог анализа форм землепользования зимними пастбищами, мы можем констатировать, что в период второй половины XIX—начала XX в. наблюдалась тенденция обособления этих наиболее ценных земельных угодий в рамках одной кочевой общины — группы казахов, представляющей собой объединение родственных семей по мужской линии.

Совсем иными были требования, предъявляемые казахами-кочевниками к летним пастбищам: во-первых, они должны

были иметь хороший травостой, во-вторых, достаточно воды для водопоя скота. В связи с этим иной была и форма пользования ими. «Выбор того или иного места кочевания, — писал по этому поводу в конце прошлого века Султан Сейдалин, — зависит от того, насколько оно изобилует хорошим кормом для скота и пресною водою».¹⁴⁹ Ч.Ч. Валиханов, противопоставляя условия, предъявляемые к зимним пастбищам, говорил, что они должны быть такие, которые «могут защищать скот от зимних непогод. Для летних кочевков, напротив, — места открытые, привольные и обильные текущими водами или озерами».¹⁵⁰ Любопытно отметить, что почти теми же словами описывает требования, предъявляемые казахами к летним пастбищным угодьям, В.В. Радлов: «Для летних стоянок, напротив, желательно иметь свободные открытые пространства с хорошим водоснабжением — на берегах озер или текучих вод — и вдобавок такие места, где скот будет меньше страдать от насекомых».¹⁵¹ Необходимо отметить, что последнее условие, а именно отсутствие на летовках жалиющих скот насекомых, имеет большое значение при выборе летних пастбищ. Так, в одной из публикаций Переселенческого управления о казахам, живущих в районе рек Чу и Талас, говорится: «Наступающие жары, а также обилие всяких насекомых, появляющихся при спаде весенних вод, гонят киргиз (казахов — В.К.) дальше от прикставных земель, которые обычно находятся вблизи рек».¹⁵² Еще более резко о вреде, причиняемом скоту насекомыми, сказано в одном архивном документе: «Вдоль всего течения Сары-су (реки — В.К.) до Теле-куля (озера — В.К.) в местах, более низких, сырых, особенно поросших тростником, гнездится страшная “суна” (слепень) — бич лошадей и верблюдов, заедающий их нередко до смерти. В аулах близ Теле-куля лошадей на ночь загоняют в юрты, а верблюдов совсем там не держат летом, а гонят на пастьбу подальше от “суны”».¹⁵³

Как правило, летние пастбища казахских кочевников-скотоводов находились на севере края, в степной зоне, для которой было характерно большое разнотравье и наличие большого количества естественных водоемов в виде родников, рек и озер, значительная часть которых имела пресную воду. В тех же местах, где их не было, скот поили из колодцев. «На теплые сезоны прежнее кочевое животноводство, — пишет Б.А. Федорович, — значительно расширяло свои пределы (по сравнению с зимними пастбищами — В.К.), охватывая, где это было воз-

можно, более обильные кормами прилегающие субаридные территории. При этом пределы его заходов на север ограничивались емкостью пастбищ и целесообразностью излишних переходов. Так, в Казахстане на лето прежние кочевники уходили в зону степей и доходили даже до зоны лесостепи, т.е. в те зоны, земли которых впоследствии стали все в большей мере использовать для земледелия». ¹⁵⁴ К вопросу о развитии земледелия в местах расположения летовок кочевых казахов и вытекающих из этого последствий мы еще вернемся, а сейчас рассмотрим основные земельные массивы, на которых располагались летние пастбища казахских кочевников-скотоводов.

Кочевые казахи-адаевцы, имевшие зимние пастбища на п-овах Мангышлак и Бузачи, летом выкочевывали далеко на север (иногда более чем на 1000 км) в богатые травой бассейны рек Эмбы, Кайнара и Сагыза, иногда доходили до р. Уил. ¹⁵⁵ Кочевые казахи юга Темирского уезда из больших родоплеменных объединений Адай и Табын «подходят к северному краю Усть-урта и спускаются в причаганскую равнину, откуда и движутся к Эмбе и далее на летовки средней и северной части Темирского уезда. Отдельные аулы и родовые отделения переходят в Актюбинский уезд. Сравнительно незначительная часть кочевников, простояв некоторое время на Чагане и Каратабане, снова возвращается на Усть-урт, где и стоит все лето на колодцах. Другие и вовсе не спускаются с Усть-урта и летуют или по его северному краю на ключах и колодцах, или в песках к югу от Матай и Сама. Значительная часть кочевников Табынского рода... остается летовать в описанных выше степях между Усть-уртом и Эмбой». ¹⁵⁶

Согласно нашим материалам полевых исследований, хозяйства адаевского первичного рода Бабык кочевали зимой в песках Сам, летом уходили на джайляу до р. Уил. Там же были летние пастбища родов Шигим и Бегей. ¹⁵⁷ За реки Сагыз и Кайнар уходили летом аулы родов Жамбоз, Сабытай, Сугурали, Кеше и другие адаевцы. ¹⁵⁸ «Если часть *адаев* проходит большие расстояния в меридиональном направлении, например, от границ туркменских или кара-калпакских владений до бассейна р. Хобдо, то другие, идя с юга, не заходят севернее р. Эмбы или, проводя летний сезон в бассейне Хобдо, кочуют зимой не южнее Эмбы». ¹⁵⁹

Большие перекочевки на летние пастбища, расположенные на севере от призимовочной территории, совершали казахи-

кочевники Центрального Казахстана и бассейна р.Сырдарьи. Присырдарьинские кочевники имели летовки в Иргизском и Кустанайском уездах Тургайской области. «Пастбищные условия уезда (речь идет о Казалинском уезде — В.К.), в котором наиболее обитаемыми являются долины рек Сыр-Дарьи и Куван-Дарьи, в отношении развития скотоводства, нельзя признать вполне благоприятными. Именно по притокам этих рек, с сетью озер, питаемых разливами Сыр-Дарьи, водится летом столько оводов, слепней и т.п. насекомых, сильно беспокоящих животных, что пастьба скота становится невозможной. Помимо того, призимовочные пастбища с преобладающим в речных долинах камышом мало пригодны для главнейших видов разводимого скота — верблюдов и овец, предпочитающих более сухие пастбища. Все это заставляет киргизов (казахов — В.К.) откочевывать весною на джайлау в Кара-Кумы и дальше в Тургайскую область (Иргизский и Кустанайский уезды) и оставаться там до осени».¹⁶⁰ По сведениям Казалинского уездного начальника, в Иргизский уезд из разных волостей Казалинского уезда каждое лето скочевывают 2893 кибитки и в то же время сами казахи Иргизского уезда в числе 2047 кибиток вкочевывают каждое лето в Актюбинский уезд.¹⁶¹ По тем же причинам кочевники-скотоводы Перовского уезда откочевывали на лето в Кустанайский, Тургайский и Атбасарский уезды.¹⁶² Согласно С.Е. Толыбекову, летние пастбища кочевых хозяйств казалинских, иргизских и перовских казахов располагались на урочищах Сарасай, Мамыт-Кум, Караоба, Карасор, Картбамбет, Ак-Кум, Карашатау, Жабасак, Басыкара и других местах.¹⁶³ Хозяйства большого родоплеменного объединения Баганалы Среднего жуза летом кочевали в районе южных отрогов горы Улутау.¹⁶⁴ «После образования Сыр-Дарьинской и Акмолинской областей, — сообщается в архивном документе, — Баганалинцы начали спускаться своими кочевками все дальше и дальше на юг и в течение 26 лет заняли южные склоны Улутау, среднее и нижнее течение р. Сары-су, пески Моюн-Кум, урочище Джеты-Конур, правый берег р. Чу и оазис озер, откуда спускались в придарьинские тугай, а также в горы Каратау. Незначительная численность Баганалинцев и огромная площадь степей, по которой они рассыпались мелкими аулами, не возбуждало ни жалоб, ни какого-либо неудовольствия со стороны населения Сыр-Дарьинской области, которое, летуя на землях, зачисленных при организации уездов в территорию

Акмолинской области, на основании народных обычаев не считало себя в праве отказывать в кочевках пришельцам с севера». ¹⁶⁵ Далее в этом документе говорится, что таким образом баганалинцы заняли территорию шириной около 200 верст и длиной с севера на юг до 1000 верст. На этой площади располагалось не менее 5000 кибиток — хозяйств кочевников-баганалинцев. Ранней весной они уходили в приишимские степи в «Аргынские места», где кочевали совместно с аргынами, которые круглый год оставались на одних и тех же местах, т.е. не уходили на зимовки куда-либо в сторону, что ясно доказывает богатство и приволье их степей. ¹⁶⁶ Мы специально подчеркиваем, что совместное пользование летовок казахами нескольких больших родоплеменных объединений (в данном случае аргынами и баганалинцами) было обусловлено обширностью и богатством травяного покрова этих пастбищ.

Отметим еще одну их особенность. В упомянутом архивном документе говорится, что к осени баганалинцы покидают приишимские степи и располагаются на зимовки по северо-восточным склонам Улутау и на тех урочищах, где только что летовали кипчаки и таминцы, а часть, до 1000 кибиток волос-тей Айнакульской, Джездинской и Улутавской, двигались дальше на юг, занимали нижнее течение р. Сарысу и область озер. Отсюда они уже зимой частично спускались в придарьинские тугаи между Перовском и Джулеком, занимая их по обе стороны реки и даже вкочевывали в пески Кызылкумы. Другая часть зимовала в причуйской пустыне и близ западных окраинностей Каратау. ¹⁶⁷

Казалось бы, вполне естественным для баганалинцев строго оберегать свои зимовки. Однако, как видим, этого не было. Кстати сказать, об этом говорится и в публикации Переселенческого управления по Кустанайскому уезду. ¹⁶⁸ В ней же дается объяснение данному явлению: «Такое совместное использование различными родами одних и тех же пастбищ не вызывало до начала 80-х годов никаких споров, так как не затрагивало существенных интересов обеих сторон. В самом деле, при первобытном кочевом хозяйстве, которое возможно только при известном избытке пастбищ, при постоянных перекочевках с целью доставления скоту во всякое время года возможно наилучших условий пастбищного питания, скот этот в течение лета вытравляет пастбища очень незначительно и при этом уничтожает на них преимущественно более нежные, мягкие и

мелкие травы. Зимой скот менее разборчив и поедает все, не исключая грубых и твердых трав. Полыни и солонцеватые травы, пока они в соку, очень горьки и могут быть потребляемы как незначительная примесь к другим сладким травам, но после первых же морозов горечь в них значительно пропадает. Вообще грубые и крупные травы, стебли камышей и ветви мелких кустарников, тронутые морозом и смоченные дождями и снегом, делаются мягкими и приобретают особенный вкус. Затем таминовцы и кипчаковцы пребывают на зимних пастбищах баганалинцев всего 3 месяца — Май, Июнь и Июль, между тем, вегетационный период растительности продолжается до конца Сентября; в этом месяце травы значительно поправляются от действия осенних дождей, и возвращающиеся баганалинцы опять находят достаточное количество корма для своего скота. Такие порядки землепользования сохранились во многих местностях». ¹⁶⁹

В районе бассейнов рек Сарысу, Джаман-Сарысу, Атасу и оз. Коктунколь находились летние пастбища рода Таракты (аргыны). Чтобы попасть туда с зимовок, расположенных на правом берегу нижнего течения р. Чу, им приходилось преодолевать расстояния почти в 700 км, причем значительная часть пути пролежала по безводной пустыне Бетпак-Дала. ¹⁷⁰ Вместе с ними там же летом пасли свой скот хозяйства родов Тама и Каракесек из Младшего жуза. ¹⁷¹ Ю. Шмидт, описывая степные пространства правого берега р. Сарысу до Арало-Иртышского водораздела на севере, сообщает, что здесь «обилие подножного корма и воды» обращает эту степь в «обширное пастбище». ¹⁷² По сути дела перед нами — знаменитая Сары-Арка, воспетая во многих казахских эпических произведениях как привольный Казахский край. «Сары-Аркинские степи издавна, — писал К. Мынбаев, — были излюбленным местным стойбищем кочевников-казахов. В этом районе на прекрасных ковалыно-типчаковых пастбищах отлично нагуливаются все виды животных от верблюдов до овец... В Сары-Арка летовали (организовывали джайляу) крупные казахские роды: аргын, найман, тама и другие». ¹⁷³

Адаевцы Мангышлака пользовались летними пастбищами-джайляу в основном совместно с казахами больших родоплеменных объединений: Алимұлы, Табын и др. «Безраздельные хозяева земель, лежащих к югу от Эмбы, *адай* и другие кочевые роды, достигнув более богатых травой равнин, идут к летним

пастбищам на север широким развернутым фронтом, более или менее крупными группами, самостоятельно выбирающими себе пути и удобные попутные остановки. Более многочисленные, смелые и подвижные, чем полуоседлые соседи их в этом районе, они считаются больше с потребностями своего скота, чем с правами других, и расставляют свои кратковременные стойбища и пасут скот на степях, по мнению местного населения, им не принадлежащих. Такое вольное отношение к земле с их стороны поддерживает постоянно недружелюбное чувство к ним со стороны *алимов*, земли которых вдаются в русло обычных путей *кошпили* (кочевников). Неровные эти отношения не мешают, однако, аулам *алимов* располагаться бок о бок с *адаями*, или, может быть, наоборот, последним подкочевывать к первым, где пастбища достаточно обширны для обоих. Пример такого соседства мы имели в урочище Копя на реке Сагызе, одной из крупных летовок (*жайляу*) того района». ¹⁷⁴

Согласно приведенным выше данным, казахи-кочевники во второй половине XIX—начале XX в. владели летними пастбищами совместно несколькими большими родоплеменными объединениями.

Дореволюционные авторы называли казахские летние пастбища землями общего пользования. Так, Л. Чермак говорил по этому поводу, что «первенствующее значение родовое право имеет и в поземельных отношениях. Почти всегда на вопрос, чье это пастбище или вообще угодье, киргиз (казах — *В.К.*) ответит: “Такого-то рода...”. Земли, которыми пользуются киргизы (казахи — *В.К.*), можно разделить на две категории: I — земли общего пользования, т.е. земли, открытые для всех киргизов; II — земли обособленного пользования, доступные для ограниченного числа лиц. К первой категории относятся летние пастбища». ¹⁷⁵

О вольном пользовании летовками пишет и А.А. Кауфман: «Характерными для этого последнего (чисто кочевого быта — *В.К.*) является совершенно свободное, вольное пользование, при полном, в сущности, отсутствии землевладения и некотором лишь, чисто фактическом обособлении стоянок и кочевых путей; и все это, как мы увидим ниже, в теснейшей связи с родовыми группировками кочевников и с формами родового быта». ¹⁷⁶ А.Е. Хадсон так же утверждает, что «теоретически не было постоянной собственности на степные (летние — *В.К.*) пастбища; пользование ими было основано на захвате и праве

первого пришельца».¹⁷⁷ Такого же мнения придерживаются и некоторые современные исследователи (например, Г.Е. Марков писал, что «совершенно свободным было летнее кочевание»¹⁷⁸).

Однако внимательный анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов показывает, что данные утверждения не имеют оснований, по крайней мере по отношению к изучаемому периоду. В это время, как утверждают многие дореволюционные авторы, лично знакомые с местными условиями, летовки казахских кочевников-скотоводов уже были распределены между родами. Тот же Л. Чермак пишет: «Есть летовки, пользование которыми ограничено. Особенно это связано с водоемами, где воды мало».¹⁷⁹

Действительно, если обратиться к материалам, например по западным кочевникам-адаевцам, то нельзя не обратить внимания на то, что их летние кочевки, как правило, привязаны к глубоким колодцам-шимрау, собственниками которых выступали или отдельные хозяева, или кочевая семейно-родственная община, или же — первичный род.

А.Н. Букейхан утверждает, что колодцы, как и другие водопой на кочевых путях и северных летовках, «находятся в общем пользовании рода адай и табын, т.е. целого уезда». В то же время он отмечает, что это пользование происходит «с той только разницей, что при прочих равных условиях шынграу первым пользуется тот, кто заплатил за его устройство, при его отсутствии ближайшие его родственники, при отсутствии же их следующий по родству до самого Адая (18 колено). Один адай свои права на шынграу пояснил, сравнив его с женщиной: «Аель ердень кетседе, ельден кетпес», т.е. «Женщина может уйти от мужа, но не уйдет от рода».¹⁸⁰ Хозяйства первичного адаевского рода Утюлю кочевали летом на урочищах Иманкора и Койкора — холмистой местности между реками Эмбой и Сагызом. Скот там поили из колодцев-шимрау, причем некоторые из них принадлежали определенным кочевым общинам. Например, шимрау Шолтакай принадлежал кочевой семейно-родственной общине Туленбалдары. Из него могли поить скот хозяйства других общин рода Утюлю, но только в том случае, если колодец в данный момент был свободным.¹⁸¹ На урочище Байты, расположенном на безводном плато Устюрт, кочевали летом хозяйства первичного адаевского рода Кожакелен. Скот поили из глубоких колодцев-шимрау. Неко-

торые хозяйства рода были владельцами этих колодцев. Так, в кочевой семейно-родственной общине Курдасынбалдары, насчитывающей около двадцати хозяйств, наиболее зажиточные имели на джайляу Байты свои собственные шимрау. Один колодец был у Махана, имевшего 600 овец, 150 лошадей и 30—40 верблюдов. По одному колодцу было в хозяйствах Кулмышы, который имел 600—700 овец, 5—6 лошадей, 20 верблюдов, и Жутпана, содержавшего 400—500 овец, 2—3 лошади и 5—6 верблюдов. В ауле Курмантая, в котором кроме него самого было еще пять хозяйств его женатых и получивших «енши» (выдел скотом — В.К.) сыновей, вместе было около 1000 овец, 700—800 лошадей и более 100 верблюдов. У этого аула было два колодца. Менее зажиточные хозяева этой общины — Баран, Жайляу, Каиркожа и другие поили свой скот из этих же колодцев, но уже во вторую очередь. И только после них скот могли поить из этих колодцев другие хозяйства и аулы рода Кожакелен.¹⁸² Таким образом, практически получалось, что общины других родов адаевцев кочевать на урочище Байты летом не могли: им бы не хватило воды в колодцах для водопоя скота.

Очевидно, так же из-за колодцев произошло разделение летовочных территорий между первичными родами Матай, Канисбек, Желомак, Шабан и другими большого родоплеменного объединения Торткара, кочующими летом по левобережью Сырдарьи, которое, как отмечает С.Е. Толыбеков, по своим климатическим условиям и растительному покрову было хуже, чем правобережье.¹⁸³ Условные границы между этими родами, по словам информанта Жакуба Басенова (1911 г.р.), на землях, вытянутых с юга на север, были установлены давно. Каждый род имел свои колодцы, которыми и пользовался. На землю других родов можно было приходить только с их разрешения.¹⁸⁴

Значение водопоев скота в обособлении летовочных площадей неоднократно отмечалось в публикациях Переселенческого управления. В одной из них говорится: «Уже на менее просторной северной летовке, расположенной вдоль Ишима и к северу от него, где летует несколько обособленных родов — Керей, Кыпчак, Аргын и Каракиргиз (кыргызы — В.К.), понятие о родовом джайляу более определенное. Каждый из перечисленных родов занимает здесь определенную территорию, определяющуюся впрочем только водопоями. Здесь еще нет

разграничений в пастбище. Но занять летовку чужого рода самовольно уже нельзя. Так, общинно-аульная группа № 59, принадлежащая к Керейскому роду, кстау которой непосредственно примыкает к летовке, площ. № 14, пользуется ею, каждый раз испрашивая разрешение у соседей Канжигалинского рода, который считает эту летовку своей. С уменьшением свободы кочевания усиливается взгляд на летовку как на родовую собственность». ¹⁸⁵

А.И. Добросмыслов считает, что право пользования определенными казахскими родами летними пастбищами основано на давности. «При своем движении (перекочевке на летнее пастбище — *В.К.*) они следуют определенными путями, установленными обычным правом, основанным на давности пользования киргизскими (казахскими — *В.К.*) родами. На том же обычном праве основано и пользование, так называемыми, летовками (летовка по-киргизски жайляу), т.е. местами, которые, кроме пастбы скота, ничем другим не могут быть заняты, как, например, зимовыми стойбищами, пашнями и т.п., а потому каждая летовка находится в пользовании только определенной группы киргиз (казахов — *В.К.*) в большинстве случаев одного рода, вследствие чего и кочевать на ней может только известный род или его отделение». ¹⁸⁶ По мнению В.Ф. Шахматова, обособление пастбищных угодий у казахов происходило в результате увеличения поголовья скота, а также сокращения пастбищ. Становление родовой формы землепользования было основано на захвате. ¹⁸⁷ В другой работе он отмечает, что в середине XVIII в. «завершается сложение пастбищно-кочевой системы с посезонным чередованием в использовании одних и тех же пастбищ родами». ¹⁸⁸

Во второй половине XIX—начале XX в. происходило довольно заметное стеснение казахских кочевников-скотоводов в использовании летних пастбищ в результате образования на их летовках, причем лучших из них, поселений казаков, а затем крестьян-переселенцев из России, а также из-за того, что многие летовочные территории были заняты под зимние пастбища, сенокосные и пахотные угодья казахами, ведущими полукочевой и оседлый образ жизни.

Как известно, образование казахских поселений-крепостей, станиц и хуторов началось с первой четверти XVIII в. Были образованы казахские войска: Уральское, Оренбургское, Сибир-

ское и Семиреченское, которые полукольцом охватили всю северную и среднюю часть Казахстана.

В 70-х годах прошлого столетия началось переселение крестьян-земледельцев из европейской части России. Сначала это движение было стихийным, крестьяне-самоходы самовольно поселялись на казахских землях. Во время проведения Сибирской железной дороги правительством был поставлен вопрос о заселении казахских степей переселенцами-крестьянами. С целью выяснения возможности изъятия у казахов «излишней» земли была организована экспедиция по обследованию казахского землепользования. Для организации всей работы по переселению было создано Переселенческое управление. В результате к 1917 г. в степных районах (Уральская, Семипалатинская, Акмолинская области и Букеевское ханство) у казахов было изъято 40 647 765 десятин земли, из них для Сибирского, Уральского и Оренбургского казачества — 18 106 676 десятин, под переселенческие участки — 16 237 830 десятин.¹⁸⁹ В Семиречье к этому времени было отчуждено свыше 4 млн. десятин, в том числе под казачьи земли и города — 700 тыс. десятин.¹⁹⁰ Около 500 тыс. десятин земли было изъято у казахов Сырдарьинской области.¹⁹¹ Таким образом, у казахов было отчуждено 45 147 765 десятин лучших пастбищных и пахотных земель.

Сотни крестьянских и казачьих селений преградили традиционные пути казахских кочевий. Значительно сократились пастбищные угодья. Это отмечали даже участники экспедиций Переселенческого управления для изъятия «излишков» земли у казахов. Так, П. Хворостанский, вторично обследовавший Кустанайский уезд в начале нынешнего столетия, писал: «В волостях, где произведены изъятия (земель у казахов — В.К.) и землепользование сократилось до норм, выработанных экспедицией, самое распределение хозяйственных угодий совершенно видоизменилось. Так называемые *летовочные пастбища* (джайляу) *сократились до минимальных размеров и играют роль отхожих выгонов казачьих поселений или даже присельных групп с ограниченным скотоводством*».¹⁹² И далее он уточняет: «*Бывшие обширные летовочные пастбища заняты пашнями и покосами, как самих киргиз (казахов — В.К.), так и русских надельных и безнадельных переселенцев-арендаторов из ближайших и из непрерывно растущих новых заимок*».¹⁹³ А. Ашмарин, внимательно изучивший кочевые пути аулов рода Шекты от зимовок до летних пастбищ, отмечает, что многие летовки казахов были

отведены под селения крестьян-переселенцев. Это, в свою очередь, привело к сокращению поголовья скота у кочевых казахов. «В верховьях реки Жаман-Каргала (летовка) в пределах Актюбинского уезда отведены переселенч. ведомством участки № 4, 5 и 14. Ниже по течению — участки № 386, 431, 432. Еще ниже — участки № 417, 418. К югу по кочевому пути — участки № 34, 35, 137, 138, 139, 140. На границе Усилкариевской волости, также на кочевом пути, — участки 144, 145, 146, 147, 148. В Темирском уезде кочевые пути также перерезаны участками. Лишь только скалистые “Мугоджары” и пески “Барсуки” предоставлены киргизам (казахам — В.К.) для целей развития их скотоводства». ¹⁹⁴

К подобным результатам приводило и занятие полукочевыми и оседлыми казахами под зимовки, покосы и пахотные угодья летовочных территорий. «Устройство зимовок, распространение сенокосения и земледелия все больше и больше толкало и толкает северных киргиз (казахов — В.К.) к захвату летовок общего пользования». ¹⁹⁵ Эти обстоятельства приводили к тому, что южные казахи-кочевники сокращали свои перекочевки на северные летовки. Далее Б. Скалов пишет: «Не очень далеко время, когда южные кочевники — адайцы и табынцы — кочевали на рр. Урал, Илек и Хобду. В настоящее время в эти места заходят лишь единичные представители этих родов, имеющие с местными киргизами (казахами — В.К.) близкие родственные связи. Сравнительно небольшой процент южных кочевников переходит на север от р. Уила, большинство летует между рр. Эмбой и Уилом, а весьма значительная часть остается южнее Эмбы». ¹⁹⁶ Необходимо отметить, что пользование летовками на участках, которые были заняты под зимовые стойбища полукочевыми и оседлыми казахами, было обусловлено родственными отношениями. То же самое подчеркивает Ф. Фиельструп, говоря о том, что кочевники из Кызыл-Ордынского уезда приходят на летовки в Кустанайском уезде к своим родственникам. «Двигаясь со своих, свободных от претензий соседей, непригодных для возделывания, южных земель на север, *адаи* пронизывают богатые кормами степи, выискивая, вполне естественно, обильные травой и водой урочища, т.е. именно те, на которых находит для себя наиболее удобным оседать *жатак* («жатак» по-казахски — оседлый, буквально «сидящий» — В.К.). Такое летнее соседство пришлых кочевников с местными полукочевниками, вышедшими на *жайлау*, мы

находим и в других частях Казахстана... Кочевники, приходящие из Кызыл-Ординского уезда на Кустанайские пастбища, встречают здесь своих родовичей и кочуют с ними на одних *жайлау*, не нуждаясь в их призимовочных землях. Таково же положение, вероятно, и в тех местах Акмолинской и Семипалатинской областей, куда прикочевывают *кошпиль* (по-казахски — кочевники — В.К.) с сухих северных берегов Балхаша, идя, во избежание потравы чужих земель, строго определенными путями». ¹⁹⁷

Таким образом, наличие родственных отношений помогало родам кочевников-скотоводов сохранять традиционные места своих летних пастбищ. Если же таких связей не было, кочевые казахи должны были насильно сохранять свои летовки на севере, не считаясь с интересами местных казахов, как уже говорилось в отношении адаевцев, или им приходилось сокращать свои летние перекочевки. «В их (южных казахов-кочевников — В.К.) непосредственном владении, — писал Б. Скалов, — остались только средние отрезки тех мангдаев (мангдай лоб — полоса земли перед лбом, пред глазами), которые некогда в виде узких полос простирались с юга на север от низовьев Амур-Дарьи до Урала и по которым они некогда кочевали на основании прочно установившегося и признанного со стороны других киргизских (казахских — В.К.) родов права». ¹⁹⁸

Данные обстоятельства неизбежно приводили к усилению обособления за определенными родами казахских кочевников-скотоводов летовочных угодий. Эта тенденция подтверждается высказываниями многих дореволюционных авторов. «Каждый род, — писал А.К. Гейнс, — кочует летом по одним и тем же урочищам». ¹⁹⁹ Т. Сидельников также сравнивает протянувшуюся с юга на север полосу отчуждения за определенным родом пастбищных угодий с «мангдаем», т.е. лбом или пространством перед глазами. «Кочевые роды, — сообщал он, — уже издавна должны были придерживаться по возможности одних и тех же путей и урочищ на зимних и летних стоянках. Таким образом, у каждого рода и получилась в конце концов своя сфера влияния в виде длинной, протянувшейся с севера на юг полосы степи — «мангдай». Конечно, у более сильных и влиятельных родов и «мангдай» был лучше и шире». ²⁰⁰ О борьбе за лучшие пастбища, за обладание ими и, следовательно, обособление, сообщает в своих воспоминаниях И. Бларамберг. ²⁰¹

Итак, мы рассмотрели все имеющиеся варианты землепользования кочевыми хозяйствами летних пастбищ в изучаемое время. В основном обособление этих земельных угодий происходило на уровне первичного рода. В этом, по нашему мнению, заключается основное отличие обособления летних пастбищ от зимних, последние, как мы выяснили, ограничивались рамками одной кочевой семейно-родственной общины (группы). Обособление летовок было связано с использованием ими, причем степень интенсивности этого пользования была различной и зависела от ряда обстоятельств.

Одно дело — когда пользование летними пастбищами было жестко скореллировано собственностью находящихся на них водных источников, особенно глубоких колодцев с ограниченным запасом воды, и хозяйства-владельцы этих источников имели неоспоримое право преимущественного использования их, а, следовательно, и близ расположенных пастбищных угодий, другое — когда одно и то же земельное угодье летом служило пастбищем для скота одного рода, а зимой — другого рода. Невольно возникает вопрос: являлось ли это признаком не до конца оформившегося пользования или это была его высшая форма, переходящая во владение с правом разрешения другим, «чужим», хозяйствам пользоваться летовочными угодьями? Представляется, такое посезонное использование пастбищ, как правило основанное на родственных началах, находилось на стадии своего формирования.

Нам также необходимо разобраться, что собой представляла летом казахская кочевая община. По мнению некоторых авторов, она отличалась от зимней, в первую очередь, своими большими размерами. Например, Н.Э. Масанов считает, что летняя община у казахских кочевников-скотоводов была больше, чем зимняя. И, если первую он называет «расширенной», то вторую — «минимальной». «Расширенная община, — пишет он, — могла достигать значительных размеров, иногда даже до нескольких сотен хозяйств, но в основном ее величина, определяемая водными ресурсами среды обитания, составляла объединение 2—3, иногда и больше минимальных общин».²⁰² В состав же зимней «минимальной» общины, согласно Н.Э. Масанову, входило в среднем от 1 до 15 и более хозяйств, причем общины, «располагающиеся в районах с отсутствием отрицательных форм рельефа, — из 11—24 хозяйств».²⁰³ Представляется необходимым обратить внимание на то, что Н.Э. Масанов

основывает свои выводы на данных публикации Переселенческого управления по Петропавловскому уезду, собранных экспедицией летом 1901 г.²⁰⁴ Получается, что он, изучая социально-экономическую историю казахского кочевого общества рубежа XVIII—XIX вв., использует материалы на много более поздние, а также относящиеся в основном к полукочевым хозяйствам (в уезде около одной четверти из них занимались земледелием, почти все, точнее 93.4%, — сенокошением) и даже оседлым — 4.6%.²⁰⁵ Нельзя не отметить, что и в других случаях Н.Э. Масанов использует для подтверждения своих соображений по кочевым казахам рубежа XVIII—XIX вв. материалы конца XIX—начала XX в., т.е. с разрывом около 100 лет. И самое главное, зачастую он оперирует данными не по кочевым, а по полукочевым и даже оседлым хозяйствам. В этом, по нашему мнению, основной недостаток всей, в общем оригинальной и интересной работы Н.Э. Масанова, так как иногда это приводит автора к ошибочным заключениям. К сожалению, необходимо отметить, что этим недостатком страдают многие работы по социально-экономической истории казахского кочевого общества.²⁰⁶

Вернемся, однако, к теме нашего исследования. Если летняя «расширенная», по Масанову, община состояла у кочевых казахов из 2—3 зимних «минимальных» общин или же из нескольких сот хозяйств, то по существу она представляла собой первичный род согласно нашей терминологии. Так например, адаевский первичный род Кожа состоял, по сведениям информанта Шоры Кумантаева (1895 г.р.), из четырех семейно-родственных групп.²⁰⁷

На первый взгляд, как бы все совпадает: первичный род является субъектом обособления летних пастбищ и, таким образом, представляет собой летнюю «расширенную» общину у казахских кочевников-скотоводов.

Если же разобраться более основательно, то обнаружим следующее. Действительно, обособление летовок у кочевых хозяйств казахов ограничивалось в основном на уровне первичного рода. Таким образом, одна из основных функций общины в отношении землепользования распространялась на весь первичный род. Однако все другие функции общины, как например, трудовая кооперация, взаимопомощь в хозяйственных и бытовых делах, как и зимой, ограничивались в пределах одной семейно-родственной группы. Мы имеем большое число

данных, свидетельствующих, например, о том, что пастьба скота (как летом, так и зимой) проводилась сообща хозяйствами одной группы, чаще — аула, а в случаях большого поголовья — даже одного хозяйства. Так, в семейно-родственной группе Кобжасарбалдары из первичного адаевского рода Жанай хозяйства шести аулов зимой и летом пасли скот вместе. Причем в ауле отца информанта — Жолдекеша Садвокасова (1919 г.р.) было в 20-е годы нашего века шесть хозяйств. Одно из них принадлежало старшему в ауле — аксакалу Сагызбаю, который был старшим сыном Шанкула. В его хозяйстве не было овец, зато было около 200 лошадей и 100 верблюдов. Во главе второго хозяйства стояла вдова Шанкула — токал Шолтыр. Вместе с Сагызбаем жил его сын Далабай, который получил енши, но скот содержал вместе с отцом. Третье хозяйство принадлежало второму сыну Шанкула — Конуру. У него было 100 лошадей и столько же верблюдов. Четвертое хозяйство возглавлял третий сын Шанкула — Саркожа. Вместе со своим старшим сыном — Накиманом, который жил в отдельной юрте, они владели 300 овцами, 50 лошадьми и 50 верблюдами. Главой пятого хозяйства был Садвакас. Он владел 400 овцами, 100 лошадьми и 100 верблюдами. Так как он был младшим сыном Шанкула, с ним вместе жила старшая жена Шанкула — Кемпир. Кроме них в ауле жил пастух всех овец аула — Коныс, принадлежавший также к их семейно-родственной группе. Лошадей же всех хозяйств аула пасли сын Сагизбая — Мокен и сын Конура — Закбай. Верблюдов пасли старший сын Садвакаса — Егдыр и старший сын Саркожи — Накиман. Все хозяйства группы по очереди помогали друг другу при стрижке овец. Во время осенней стрижки, которая проводилась еще на джайляу, одновременно делали из настриженной шерсти кошмы «кийиз». Мужчины занимались стрижкой, опытные стригали-кырктыкшы за день могли остричь до 80—100 овец. Женщины в это время валяли войлок. В ауле, где производилась стрижка, устраивали угощение: резали барана, причем его выбирали сами стригали. Его ели, как правило, после окончания работы, а в ее процессе стригалим давали кумыс (кислое кобылье молоко), шубат (кислое верблюжье молоко), ремчик и курт (разновидности сыра). Глава другого аула этой группы — Бегей, который имел до 2000 овец, привлекал для стрижки их еще больше людей. Они работали обычно 2—3 дня. Для их угощения Бегей

резал лошадь.²⁰⁸ Из шести аулов состояла семейно-родственная группа Курдасынбалдары из рода Кожакелен (адаи).

Первый аул состоял из двух хозяйств: семьи главы аула — Махана, у которого было 500—600 овец, 100 лошадей и 30—40 верблюдов, и семьи сына младшего брата Махана Калипе, которого звали Нурла (он работал наемным пастухом у Махана). У Нурлы было тоже немного скота: 40—50 овец, 5 лошадей и 5 верблюдов. Пасли они свой скот отдельно от других членов семейно-родственной группы. Так же отдельно пасли скот два других брата Махана: Жутпан и Кулмыш, так как у первого было 400—500 овец, 5—6 верблюдов и 2—3 лошади, а у второго — 600—700 овец, 20 верблюдов и 5—6 лошадей. В другом ауле этой группы, в котором жил родной брат Махана и Калипе Курмантай со своими женатыми сыновьями, скот всех хозяйств пасся вместе.²⁰⁹ Зимой и летом пасли скот вместе аулы семейно-родственной группы Туленбалдары из первичного адаевского рода Жамбоз. Богатые хозяйства группы, такие, как например, у Сагындыка, у которого было около 1000 овец, занимали пастухов («койши»), как правило, из своего рода Жамбоз.²¹⁰

Мы уже говорили, что члены семейно-родственных групп помогали друг другу при трудоемких хозяйственных работах, например при стрижке овец. В группе Женалыбалдары первичного адаевского рода Есен эту работу начинали с самых богатых хозяйств. От всей группы отправляли караван с шерстью для ее продажи на ярмарках и покупки там мануфактуры, чая, муки, пшеницы, проса и т.п. В семейно-родственной группе Жаналы для этой цели каждый аул выделял по 2—3 человека с 6—7 верблюдами.²¹¹ Джайляу кочевых хозяйств рода Таракты находилось на урочище Жаны Арка в бассейне р. Сарысу. В семейно-родственной группе Туткушбалдары этого рода, состоявшей из десяти аулов, овец стригли все вместе по очереди. На эту работу уходило 3—4 дня. В среднем в течение одного дня стригаль обрабатывал 60—70 овец, но были такие специалисты, которые стригли до 100 голов. Осенью одновременно со стрижкой изготавливали войлок. В августе с джайляу хозяйства группы отправляли 3—4 человека во главе с аксакалом Нуром караван для продажи на ярмарке в Акмолинске шерсти, войлока и других изделий, а также скота: овец, лошадей, верблюдов. Каждое хозяйство давало свой заказ на их продажу. Овцу, например, продавали за 2—3 рубля. На выру-

ченные деньги покупали мануфактуру, чай, муку, булгари (хорошо обработанную кожу, из которой шили сапоги) и другие вещи. Один пуд лучшей муки стоил 15 копеек, 1 метр ситца — 1 копейку, а кусок булгари на три пары сапог — 2—3 рубля.²¹² Караван обычно состоял из 40 верблюдов с грузом из шерсти, войлока, шерстяных веревок и тому подобных материалов, который ежегодно отправляли аулы семейно-родственной группы Лавакбалдары первичного рода Сабытай (адаи). Возглавлял караван аксакал группы Дюсен. Он продавал товары от всех хозяйств группы. Обычно весеннюю овечью шерсть продавали по 16 рублей за один пуд, а верблюжью — за 22 рубля. Дюсен покупал для всех мануфактуру, одежду, булгари, сахар, чай, муку, зерно и крупу. Стрижку скота производили поочередно, причем начинали с тех аулов, у которых было больше овец. Этой работой также руководил Дюсен.²¹³

Во многих кочевых семейно-родственных общинах хозяйства помогали друг другу поить скот из колодцев, а также копать и чистить их. Так поступали, например, хозяйства семейно-родственной группы Самалыкбалдары адаевского первичного рода Кеше. Их летние кочевки находились на урочищах вблизи р. Эмбы: Кызымшек, Уали, Арыстанбуга и др. На каждом из этих мест были глубокие колодцы: на Кызымшек было два шимрау, на Арыстанбуга — два, Уали — три. Они были выкопаны двумя сыновьями основателя группы Саманлыка: Отегулом и Итебаем, а также его внуком Ербулатом, который вплоть до 20-х годов нашего века был аксакалом всей группы. Поить скот из этих колодцев имели право все хозяйства общины.²¹⁴ Кочевые хозяйства семейно-родственной группы Апайбалдары рода Таракты летом располагались на урочищах Жамансарысу, Атайсу, Коктунколь и в бассейне р. Сарысу. Скот поили из неглубоких колодцев (2—3 м), которые выкапывали сообща. В их группе был опытный мастер, определявший место для копки колодца: обычно оно было покрыто густой травой, наклоненной на север, так как считалось, что вода под землей течет на север. Мастера звали Толенбек.²¹⁵

Аулы семейно-родственной общины кочевых казахов на летовках располагались в одном месте. Так, аулы группы Лавакбалдары адаевского рода Сабытай занимали на джайляу места по кругу, в центре которого находились колодцы-шимрау. Располагались они на расстоянии не более 25—30 м от колодца.²¹⁶ Согласно другим сведениям, хозяйства одного аула рас-

полагались на расстоянии 3—5 м друг от друга, а аулы одной группы — от 700 до 1500 м.²¹⁷ Богатые скотом аулы семейно-родственной группы Байбозбалдары адаевского первичного рода Баимбет летом кочевали до Кайнара и Сай-Утеса. Скот пасли отдельно, вокруг глубоких колодцев, которые назывались Шанды-шимрау, так как их делали два бая — сыновья Шанды. Старший сын Кулажат имел двух жен: от старшей жены (байбиче) — четырех сыновей, а от младшей (токал) — одного. Кулажат был хозяином 1800 овец, 80 верблюдов, 400 лошадей. Один из его сыновей — Балтабай — тоже был богатым. Разбогател он следующим образом. Сначала его усыновил Науруз — родной брат Кулажата. У Науруза было около 4500 овец, 150 верблюдов и 800 лошадей. Он вырастил Балтабая, женил его и наделил енши. Потом они поссорились из-за скота, и Балтабай вернулся к отцу — Кулажату. Последний также выделил ему енши. Таким образом Балтабай стал очень богатым.

Хозяйства общины Байбоза помогали друг другу во время стрижки овец, изготовления войлока («кийизов»), при заготовке молочных продуктов. Каждое байское хозяйство этой группы имело 1—2 слуг из консы, т.е. припущенников-бедняков. Скот группы пасли наемные пастухи. Так, у Кулажата было два пастуха овец («койшы»), один пастух верблюдов и один — лошадей. Все они были из рода Береш.²¹⁸

А.Н. Букейхан считает, что кочевая или, как он ее называет, «скотоводческая» община западных казахов постоянно, зимой и летом, состоит из нескольких аулов. В разделе «Скотоводческая община» он пишет: «Два или три родственных пастушеских аула круглый год кочуют вместе, сообща пользуются водоемами, пастбищами, находящимися в общем пользовании всего обширного рода *адай* или *табын*, сообща нанимают конного и верблюжьего табунного пастуха. Как пастушеские аулы, так и составленная ими скотоводческая община не имеют в своем исключительном пользовании никаких земельных угодий, общину объединяет та же скотоводческая цель, которая создала адаевский пастушеский аул и поддерживает его... Адаевский аул или община кочуют *всегда вместе в пути с юга на север* или наоборот, а летом на севере, зимой на юге кочуют *вместе, пока состояние пастбища благоприятствует этому*».²¹⁹ Кочевая община, согласно А.Н. Букейхану, имела постоянный состав, и в нее входили родственные между собой аулы.

И, наконец, отметим, что члены кочевой семейно-родственной общины помогали друг другу при выплате калыма, устройстве свадеб, поминок и т.д. В каждой общине был совет старейших — «кенес», который совместно со своим главой (аксакалом) решал все важнейшие вопросы жизни группы.

Итак, как трудовая кооперация, так и вся хозяйственная и бытовая деятельность у кочевых казахов в период пребывания их хозяйств на летовках была сосредоточена в рамках одной семейно-родственной группы, которая представляла собой семейно-родственную кочевую общину. Это, в свою очередь, убедительно свидетельствует о том, что основной объединяющей силой в таких общинах были родственные связи. Именно на них держались, особенно летом, когда земельные отношения перемещались в более широкое социальное объединение — первичный род, все взаимоотношения.

Из всего сказанного вытекает еще одно важное обстоятельство. Если субъектом пользования летовочными угодьями выступали, как правило, первичные или экзогамные роды, то это значит, что они как определенные социальные объединения, социальные организмы казахского кочевого общества изучаемого времени имели не только надстроечное, но и базисное основание. Иначе говоря, первичные роды казахов-кочевников можно отнести к тем социальным ячейкам, которые С.М. Абрамзон называл «живой» частью родоплеменной структуры. «В целом родоплеменная структура у киргизов, как и у других народов, — писал он, — находилась в стадии распада. Она уже не представляла собой реальной общественной структуры. Условность применявшихся еще понятий “племя”, “род” была вполне очевидной».

Признавая, что род и племя как формы социально-экономической организации кочевников уже давно утратили свое значение, превратившись в надстроечное явление, следует, однако, внимательно проанализировать реальные отношения, складывавшиеся в среде кочевников, и выяснить, не сохранилось ли таких остаточных форм родоплеменной организации, которые по тем или иным причинам продолжали бы существовать, хотя и в видоизмененном состоянии?

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что действительно сохранились некоторые формы объединения кочевников, в основе которых лежали принципы известной общности экономической жизни, тесно переплетавшейся с разными степенями

кровнородственных отношений. К ним относились наиболее мелкие родовые подразделения.

Они выступали уже не только в качестве внешней формы или «оболочки», но и как комплекс живых и активно действовавших явлений патриархально-родового быта. Эти социальные ячейки, «низшие» клеточки общества, были одновременно и остаточной, «живой» формой родоплеменной организации, и своеобразным «пережитком патриархальных семейных общин». ²²⁰

Однако, как показывает приведенный нами материал по кочевым казахам в отношении пользования ими летними земельными угодьями, мы имеем основание причислить к таким «живым» мелким родовым подразделениям не только семейнородственные группы, но и первичный, или экзогамный род. Перед нами именно тот случай, когда в первичном роде «лежали принципы известной общности экономической жизни». Более того, этот род у казахских кочевников выполнял и другие функции, например, при уплате куна (плата за кровь, убийство — В.К.) скот собирался со всех его хозяйств. Об этом свидетельствуют материалы наших полевых исследований и многие другие источники. Согласно сообщению информанта Шегена Кудаманова (1901 г.р.) кун должен платить весь первичный род. В данном случае это был род Жомок большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза. ²²¹

В материалах по казахскому обычному праву, опубликованных военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзком в 1871 г., указывается, что каждый род обязан «платить за всякого члена своего, провинившегося в убийстве, так называемый кун». ²²²

Имелись случаи, когда все члены первичного рода участвовали в расходах при организации поминок, особенно если покойник был почетным, уважаемым человеком. Так было, например, в экзогамном роде Жомок. ²²³

«Другой сложный вопрос — социальная организация кочевого общества, которую часто упрощенно представляют в виде семейнородственной либо генеалогической организации, — отмечает Р.Б. Сулейменов. — В действительности социальная организация охватывала сложную совокупность различных элементов и систем общественных связей». ²²⁴ Соглашаясь с тем, что социальная организация в кочевом обществе представляет собой сложную структуру, отметим любопытное явление

ние: в первичном роде кочевых казахов, как и в семейно-родственной группе, происходило слияние кровнородственных связей с генеалогическим родством, при приоритете первых.

Н.Э. Масанов считает неправильным называть общности более высокого порядка, чем община, «родом», «патронимией» или же «линиджем» на том основании, что последние отражают кровнородственную систему общественных связей.²²⁵ Мы не согласны с ним и считаем правомерным называть стоящую на более высокой ступени, чем семейно-родственная группа, социальную организацию первичным, или экзогамным родом. Ведь если семейно-родственная группа состоит из потомков, отстоящих от своего родоначальника на третьем—четвертом поколения, то первичный род, как правило, — на седьмом.

Упомянутый автор по сути дела объединяет кочевую общину у казахов с их ассоциативной (территориальной) общностью (или первичным родом, по нашему определению) по отношению к земле. Так, он пишет, что расширенная община, т.е. летняя община у кочевых казахов, была «единицей землевладения и землепользования».²²⁶ В то же время у него и ассоциативная общность была «единицей землевладения».²²⁷ Кто же был субъектом землевладения у кочевых казахов в летнее время? Далее, автор утверждает, что данная территориальная общность являлась «фактически собственником пастбищных угодий».²²⁸ С данным положением мы тоже не можем согласиться и отсылаем читателя ко второй главе настоящей работы, где доказывается, что до присоединения Казахстана к России право монопольного распоряжения землей принадлежало чингисидам, т.е. ханам и султанам (торе). Иначе говоря, они были собственниками пастбищных угодий. После же присоединения, как известно, казахские земли были объявлены собственностью российского государства.

Итак, казахская кочевая семейно-родственная община утрачивает одну из своих основных функций: обособленное пользование летними пастбищами, которая переходит к более широкому социальному объединению — первичному роду. В этом и заключается особенность земельных отношений в кочевом обществе (во всяком случае, у казахов).

Время перекочевки с зимнего стойбища на весеннее пастбище назначали аксакалы семейно-родственных общин, как правило, после совещания с главами хозяйств. При этом последние для определения сроков руководствовались традиция-

ми, многолетними наблюдениями за природой, а также за дикими животными. «Местные скотоводы, — рассказывал нам один из информантов, — при определении времени перекочевков следили за сайгой. Если стада их начинали переходить весной на север, значит — и казахам пора собираться и идти на север, на джайляу, иначе, если запоздают, пересохнут «хаки» (временные водоемы — В.К.) со снежной водой на пути на джайляу, и скот нечем будет поить. Это также означало, что холодов уже не будет на севере. Следили также за тем, как сайга начинает уходить на юг осенью, да и сами собираются уходить на кстау. Даже посылают джигитов (молодых мужей — В.К.) следить за этим передвижением».²²⁹ К. Мынбаев вполне обоснованно считает, что «воды такыров (хаков) ранней весной доброкачественнее вод грунтовых колодцев в силу меньшей засоленности. Кроме того, они более доступны и удобны для водопоя большого количества скота».²³⁰

Весенние пастбища — «коктеу» — находились, как правило, на пути движения кочевых аулов на север — на летние пастбища. Обычно их использовали и как осенние пастбища, на которых останавливались кочевники во время перекочевков на свои зимовки. «Территория коктеу в основном являлась осенним пастбищем — куздеу».²³¹

Время пребывания на весеннем пастбище кочевники-скотоводы использовали главным образом для выполнения двух основных задач: быстро поправить исхудавший и обессиленный после зимы скот для перекочевки на дальние летовки и принять приплод и дать молодняку возможность окрепнуть. В соответствии с этим на коктеу должно быть достаточно травы и должно быть тепло для успешного выращивания молодняка. О водопоях в это время заботились мало, так как скот пил воду из хаков, образовавшихся от таяния снега и весенних дождей. Кочевые аулы рода Жанай (адаи), зимовавшие на Карагие (глубокая впадина на Мангышлаке), имели весенние пастбища на правом берегу р. Эмбы, так как там было много воды и травы, а на левобережье этой реки простирались пески Каракумов. Поэтому в начале марта им приходилось уходить с зимовок, чтобы успеть до начала массового окота овец переправиться вброд через полноводную в этот период Эмбу и занять в самом начале апреля свои весенние пастбища. Они оставались на этих местах 20—25 дней на время окота, а затем продолжали кочевку на джайляу. Весенние пастбища первич-

ного рода Сабытай (адаи) находились недалеко от р. Эмбы (около 40 км) или же (в случае плохого состояния скота после зимнего недоедания и неблагоприятной погоды) южнее, на плато Устюрт, причем там аулы останавливались у больших глубоких колодцев-шимрау, которые принадлежали байским хозяйствам этого рода.²³²

«С наступлением весны, в марте, почти все адаевцы, кроме земледельцев, — пишет Белявский, — откочевывают на Устюрт. Они распространяются сначала на запад от Барсакельмес, затем поворачивают на северо-запад до Эмбы, причем наибольшее их число сосредотачивается на берегу залива Цесаревича».²³³

Весенние пастбища кочевников Казалинского, Перовского и отчасти Иргизского уездов находились, как сообщает С.Е. Толыбеков, на правобережье Сырдарьи, так как растительность там весной лучше, чем на левобережье. Крупные скотовладельцы, кочующие с дальних зимних пастбищ в Кызылкумах, спешили переправиться через реку, пока она еще не вскрылась и не начался массовый окот скота. «Обычно аулы останавливались на местностях Уш-Кора, Ешь-Кора, Дадик-Кум, Барша-Кум, Буха, Айтимбет-Дарбас, Жинишке-Кум и других, сохраняя между собой некоторый интервал. Стоянка аулов здесь длилась около месяца. Время коктеу для скотоводов — это не только период массового приплода скота, но и выращивания молодняка до такого состояния, когда он мог проходить со стадом 8—10 км ежедневно. Такую кочевку казахи называли «козы кош», т.е. кочевка на расстояние, проходящее за день ягненком».²³⁴

Кочевые аулы рода Таракты из аргынов, зимовавшие на правобережье нижнего течения р. Чу, использовали в качестве весеннего пастбища-коктеу урочище Балат-тай в пустыне Бетпак-Дала, которое находилось приблизительно на полпути к их джайляу. Здесь они стояли около месяца, производили окотную кампанию.²³⁵ К. Мынбаев пишет, что в восточной части пустыни Бетпак-Дала поздней весной и осенью растительность выглядит пышной и зеленой, так как там грунтовые воды залегают на небольшой глубине (2—4 м). Здесь и располагались весенне-осенние пастбища родов Тама и Таракты. Скот поили из колодцев. Колодцы в восточной части Бетпак-Далы, расположенные при караванных дорогах и тропах, отстоят друг от друга на расстоянии 20—40 км, а в западной части — 35—

50 км. Глубина колодцев в западной части пустыни 7—20 м (редко до 30 м). Так как весной и осенью там дуют восточные ветры (до 6—7 м в секунду), все колодцы сооружены около сопки с западной стороны или в низменных местах.²³⁶

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, в первую очередь, полевых исследований, свидетельствуют, что у кочевых казахов весенние пастбища находились в обособленном пользовании первичного рода. Так, коктеу упоминаемого выше рода Сабытай из адаев принадлежали всем хозяйствам и аулам его.²³⁷ Кочевые общины первичного рода Мидет (адаи) также имели весеннее пастбище на р. Эмбе. Оно находилось в общем пользовании всего этого рода.²³⁸

Всем кочевым хозяйствам и аулам рода Таракты из аргынов, которые зимовали вдоль р. Чу, принадлежали весенние пастбища-коктеу. Они были расположены, как отмечалось выше, на урочище Балат-тау, т.е. в пустыне Бетпак-Дала.²³⁹ Мы уже ссылались на К. Мынбаева при характеристике этой пустыни. Добавим еще следующее: «В силу природных особенностей Бетпак-Далы кочевники-казахи в прошлом использовали ее только ранней весной и поздней осенью при перегонах скота из Сары-Арка (прекрасные летние пастбища в Казахстане — В.К.) в долину реки Чу и обратно».²⁴⁰

В литературе о казахских кочевниках отмечается, что весенние пастбища у них находились в обособленном пользовании отдельного рода. Так, в отношении казахов Копальского уезда говорится, что «каждое коктеу-кузеу стало считаться принадлежащим соответствующим группам (можно предполагать, что эти группы — кочевые общины одного первичного рода — В.К.), на него кочующим. Относительно же прочих, обычно на него не кочевавших групп одного и того же обширного родового союза, постепенно сложилось представление, что они не имеют права пользоваться этим коктеу-кузеу».²⁴¹ И, наконец, Ф. Сластухин пишет, что пастбища, на которых скот пасется весной и осенью, обособляются в пределах землепользования аульной группы хозяйств, но уже в менее строгой форме, чем зимники, и часто находятся в общем пользовании ряда аульных групп, т.е., иначе говоря, — первичного рода.²⁴²

Все сказанное о весенних пастбищах с полным правом может быть отнесено и к осенним — кузеу, куздеу, — так как большей частью они совпадали.

Как правило, кочевники-скотоводы на осеннем пастбище производили стрижку овец, а из шерсти сразу же изготавливали кошмы для юрт, для устройства временных заграждений скота от ветра зимой, а также войлочные ковры — «текеметы» — и другие изделия из шерсти.

Здесь же на кузеу проводилась и случная кампания. В это время кочевники-адаевцы посылали большие караваны верблюдов, груженных шерстью, кошмами и другими шерстяными изделиями, иногда скот на ярмарку в Кунград и Ташауз для обмена их на зерно, муку, чай, сахар, соль, мануфактуру.²⁴³

На осеннем пастбище, как правило, оставались вплоть до наступления зимы и первого снега, так как старались сохранить как можно дольше траву на призимовочной территории: «На кузеу киргизы (казахи — В.К.) остаются возможно дольше, местами до снега, оставляя ближайшие к зимовкам места на самое суровое время года».²⁴⁴

Кочевники рода Таракты большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза уходили с осенних пастбищ с таким расчетом, чтобы во время прихода на кстау, расположенного на правом берегу нижнего течения р. Чу, вода уже замерзла и можно было бы использовать лед как питьевую воду для людей.²⁴⁵ Кузеу кочевников-адаевцев, как и весенние пастбища, находились на плато Устюрт, где они оставались около месяца, до конца ноября—начала декабря, т.е. до зимы. Для них было важно как можно быстрее во время перекочевки с летних пастбищ пройти безводные пески Каракумов, на которых осенью часто бывали пыльные холодные бури, приводящие к гибели скота. Так, в ноябре 1912 г. бай Агабай из семейно-родственной группы Кобжасарбалдары рода Жанай во время перекочевки со своей отарой в 800 овец был застигнут холодной пыльной бурей. Даже вдвоем с наемным пастухом они не смогли остановить овец, и все они потонули в заливе Байтак. Сам Агабай с пастухом еле спаслись.²⁴⁶

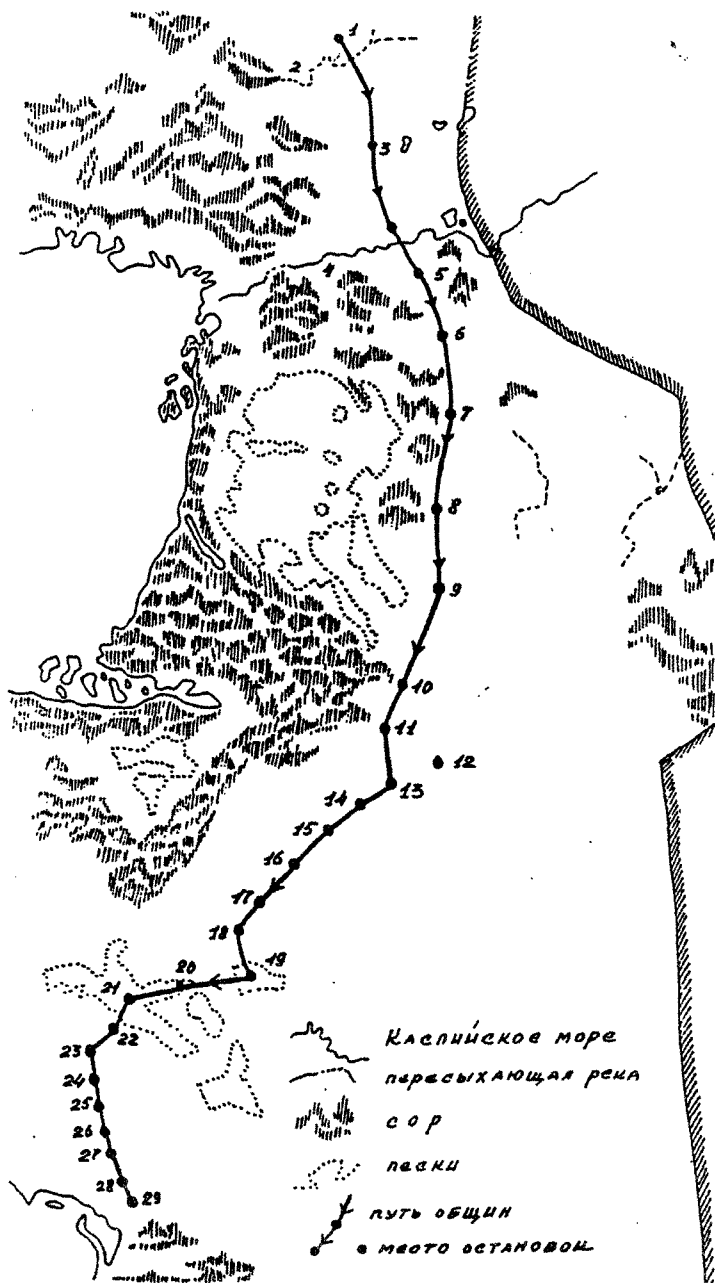
Вообще осенние перекочевки на юг были значительно сложнее весенних, так как нужно было проходить довольно большие расстояния от одного колодца до другого. Кочевая община Лавакбалдары рода Сабытай из адаев в течение 30 дней проходила около тысячи километров, начиная от бассейна р. Кайнар до урочища Узень, расположенного в южной части Мангышлака. Каждая остановка на ночь была связана с каким-либо водным источником, главным образом колодцами, мно-

гие из которых являлись ее собственностью. Этим же путем шли на юг остальные аулы рода²⁴⁷ (см. карту-схему на с.142). Мы уже отмечали, что в пустыне Бетпак-Дала, через которую проходили кочевники-скотоводы, зимующие в долине р. Чу, колодцы отстояли друг от друга в восточной части на 20—40 км, а в западной — 35—50 км. Добавим к этому любопытный эпизод, который сообщает К. Мынбаев. «В прошлом, — пишет он, — один из богатых скотовладельцев Бегулы так поил своих лошадей: молодняк до двух лет — один раз в день, маточное поголовье — через день и крупных байдаков — через два дня на третий. Таким образом он развивал у животных способность к долгим безводным переходам по пустыне и к удовлетворению минимальным количеством воды. Это позволяло Бегулы раньше других откочевывать из Сары-Арка (летовки — В.К.) к реке Чу (на зимовки — В.К.) и тем самым использовать полностью лучшие пастбища (осенние — В.К.) Бетпак-Далы».²⁴⁸

Часто кочевой маршрут проходил рядом с призимовочными территориями других казахов. Так, на 6 из 26 остановок при перекочевках, которые совершали кочевые аулы рода Таракты (аргыны), двигаясь на юг, на зимние пастбища, нельзя было задерживаться больше нескольких дней, так как они находились рядом с кстау других казахов.²⁴⁹

Имеется довольно много архивных документов второй половины XIX—начала XX в., содержащих жалобы кочевых казахов на стеснение их в перекочевках. Приведем несколько примеров. В прошении казахов пяти волостей Каркаралинского уезда от 10 ноября 1888 г. говорилось, что казахи четырех волостей Акмолинского уезда стесняют их при перекочевках весной на летовки и осенью на зимовки. А казахи Акмолинского уезда жаловались на то, что каркаралинские казахи самовольно вторглись в их пределы, «уничтожили их зимовки, разломали дворы и избушки, сожгли приготовленный на зиму лес и чигирь, вытравили пашни и сенокосы».

В июле 1888 г. на урочище Тлейберген состоялся чрезвычайный съезд каркаралинских и акмолинских казахов. На нем было принято решение, по которому каркаралинским казахам разрешалось переходить на летовки в Акмолинский уезд, с условием, чтобы они «кочевали по речкам, ключам и колодцам, свободным от зимовок и пашни, и не производили потраву пашень и покосов, а также подножного корма на выпасках при

зимовках». Однако в 1905 г. акмолинские казахи отказались соблюдать решения съезда, так как были лишены своих летовок, перешедших под русские поселения. Весьма характерным, чисто бюрократическим было решение этого спора между казахами и военным губернатором Акмолинской области, который просто запретил им нарушать и переходить границы уездов.²⁵⁰ Мы уже отмечали, что на кочевом пути рода Шекты (Актюбинский уезд. — В.К.) были образованы переселенческие поселения. В Темирском уезде кочевые пути хозяйств этого рода также были перерезаны переселенческими участками. Все это значительно отразилось на состоянии кочевых скотоводческих хозяйств казахов.²⁵¹

Совершенно неудовлетворительным было в этом отношении принятое в 1886 г. «Положение об управлении Туркестанского края» и в 1891 г. «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской», в которых очень туманно говорилось, что земли, состоящие под кочевыми и скотопрогонными дорогами, представлялись на всеобщее пользование края.²⁵² Споры казахов из-за неупорядоченности пользования кочевыми маршрутами продолжались вплоть до установления советской власти. Так, в 1916 г. между родами Таракты Среднего жуза и Жалаир Старшего жуза произошло вооруженное столкновение из-за нарушения последними кочевого пути рода Таракты.²⁵³

Итак, можно заключить, что кочевые маршруты казахов-кочевников, пролегающие главным образом с севера на юг и обратно, находились в основном в общем пользовании рода. А. Ашмарин писал по этому поводу следующее: «Право кир-

Карта-схема осеннего пути кочевой семейно-родственной общины Лавакбалдары

Названия остановок:

1 — Жантерек (джайляу); 2 — р. Кайнар; 3 — Досы; 4 — р. Эмба; 5 — Есекжал; 6 — Ушкан-булак; 7 — Тортай Кудук; 8 — Кайырапча; 9 — Алтыкулаш; 10 — Букун; 11 — Байкушук; 12 — Тулеп; 13 — Жолбаян; 14 — Уали; 15 — Ишкырган; 16 — Тукубай; 17 — Жанасу; 18 — Борбас; 19 — Жанашы; 20 — Сазды; 21 — Жангызак; 22 — Есекен; 23 — Карабас; 24 — Узень; 25 — Кокжол; 26 — Сартакыр; 27 — Агой; 28 — Тенкей; 29 — Кызыладыр (кстау).

По данным этнографической экспедиции автора на п-ов Мангышлак в 1972 г. (ПМА // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.77—78).

гизского (казахского. — В.К.) рода на определенный кочевой путь, в лучшем случае, — результат добровольного международного соглашения, а в худшем — международной борьбы в течение целых десятков лет. Изменение направлений кочевых путей происходит — или в силу той же родовой вражды, или же в условиях каких-либо иных посторонних вмешательств. В таких случаях киргизы (казахи. — В.К.), оттесненные от своего пути, попадают в положение, граничащее с полной гибелью скота, почему им приходится или силою захватывать путь другого рода или же идти со своими стадами следом за другими, довольствуясь остатками вытравленных пастбищ и теряя отошавший и обессиливший в пути скот». ²⁵⁴

Периоды весенних и осенних перекочевков были для кочевников-скотоводов одним из самых ответственных и тяжелых моментов в их жизни. И хотя, как известно, начало весенней перекочевки связывалось обычно с праздником, сама по себе она несла большие тяготы и требовала от людей полной отдачи сил. Весьма эмоционально о весенней кочевке хозяйств рода Шекты пишет А. Ашмарин: «Переходом песков “Барсуки” заканчивается самая тяжелая часть кочевого пути. Дальше на северо-восток уже река Тебень.

Отсюда не безынтересно будет оглянуться на пройденный путь. На всем его протяжении, 250 верст, нет ни одной речки, только одно пресное озеро “Юмар-Куль”, а затем колодцы, копани и колодцы — пресные, солоноватые, а иногда и сухие. Сколько труда и энергии было затрачено кочевниками для перехода с зимних поселений через эти пустынные пространства. Тысячи могил, кости павших животных — это памятники прошлого, памятники неустанной борьбы со стихией, с природными препятствиями». ²⁵⁵

Интересные сведения о весенних и осенних перекочевках кочевников Сырдарьинской области можно почерпнуть из архивного документа о земельных спорах между казаками этой области и Сарысуйского (Атбасарского) уезда Акмолинской области. В нем говорится, что сырдарьинские кочевники при перекочевке на север и обратно переходят границу Атбасарского уезда в трех главных пунктах: 1) 1000 кибиток Чуйской волости переходят границу в низовьях р. Чу, близ урочища Биш-Кулан, Букомбай и других, здесь же переходят границу часть кочевников Джулекской и Сырдарьинской волостей Перовского уезда. От урочища Биш-Кулан до урочища Джеты-Конур,

которое было одним из лучших летних пастбищ, надо было проходить более 150 верст по пустыне Бетпак-Дала; 2) до 2000 кибиток четырех Кипчакских волостей Перовского уезда переходили границу севернее урочища Телекуль-Тата и озера Ащиккуль и шли до своих летовок на протяжении до 200 верст берегами р. Сарысу, прорезывающей восточную часть пустыни Бетпак-Дала; 3) 500 кибиток других волостей Перовского уезда, пройдя по восточной части пустыни, на протяжении до 200 верст от западной оконечности урочища Телекуль-Тата шли через солончак Арыс-Су и вступали в Атбасарский уезд близ урочища Токкум-Тюкан. Пройдя еще пустынной местностью около 80 верст, они вступали на летовки за урочищем Маман и Дусенбай. При движении они не должны были вытравлять подножный корм зимовок баганалинцев Атбасарского уезда и даже пользоваться водопоями близ них. В дальнейшем баганалинцы назначили им летовки в своем Атбасарском уезде еще на 300—400 верст дальше. Прикочевывать туда сырадарьинские кочевники почти не могут, так как им не хватает ни воды, ни корма. Достаточно сказать, что на пути их на новые летовки было всего три колодца. Чуйские кочевники всегда с трудом пересекали пустыню, хотя на их трех путях было, кроме озер и рек, 22 колодца. «Пустыню всегда проходят они довольно быстро, мелкими эшелонами — аулами, передвигаясь весной со своих зимних стойбищ на р. Чу на урочище Джеты-Конур в течение более двух месяцев, именно выступление первых эшелонов начинается в конце февраля, а заканчивается в первых числах мая. Перекочевка ведется со строгим соблюдением очердей в движении не только аульных обществ, но и отдельных юртовладельцев, потому что всякое замешательство в передвижении грозит гибелью скота от недостатка воды в колодце, к которому подошло слишком много людей и скота».²⁵⁶ В этом же документе описывается кочевой маршрут кипчаков длиной от 250 до 300 верст: «Проходят тоже мелкими эшелонами-аулами, снимаясь с зимовки с половины февраля и заканчивая движение к 1 мая».²⁵⁷ Кипчаки «спешно проходят Иски-Дарьялыкский такыр, пользуясь дождевой и снеговой водой, так как по этой пустыне на путях от 60 до 120 верст не имеется ни одного колодца. В оазисе озер Ащиккуль—Телекуль они подкармливают уставший и обессилевший от бескормицы скот неделю две, а затем отправляются дальше на север, строго соблюдая очереди в перекочевке эшелонов-аулов по причине скудости

весенних кормов, имеющих только вдоль линии р. Сары-Су и ее притоков дельты».²⁵⁸ Из сказанного видно, что казахским кочевникам-скотоводам необходимо было строго соблюдать очередность при перекочевках. Когда в 1894 г. весной чуйцев и кипчаков задержали на границе уездов в причуйской и придарьинской пустынях, они потеряли в мае более 10 000 баранов от клещей, бескормицы, дурной воды и жары.²⁵⁹

О трудностях, с которыми приходилось сталкиваться казахским кочевникам Западного Казахстана во время перекочевков, сообщает в разделе под названием «Кочевка пастушеского аула и скотоводческой общины» А.Н. Букейхан: «Кочевые *адау* и *табын* в течение года кочуют от 60 до 120 дней, при этом треть года (XI, XII, I и II) кочуют на юге в пределах Мангышлакского полуострова и Усть-Урта и треть года (VI—IX) кочуют на *севере* в районе рр. Эмба (Жем), Сагыз, Уил, Хобда. По пути с юга на север и обратно на день или полдня останавливаются на безводных стоянках. Одна община показала безводных стоянок 52, другая — 4. На безводные стоянки воду для людей привозят с прежней стоянки, для чего каждый хозяин имеет 5—10-ведерную бочку с крышкой и краном, или бочку заменяет шкура крупного скота — мешок, называемый *мес*. Во время кочевки должен быть под водой особый рабочий верблюд-водовоз. Весной число безводных стоянок уменьшается: на глинистых плешинах степи и в суходолах накапливается снеговая вода, образуя так называемый *хак*. Благодаря этому весенние кочевки коротки — верст 10 или 15, а осенние длинные — верст 25 или 40».²⁶⁰

Мы сознательно провели столь длинные высказывания, чтобы еще раз подчеркнуть важность кочевых путей и самих перекочевков для жизни кочевников и их скота, ибо многие исследователи, занимающиеся изучением хозяйства и социально-экономических отношений у казахов, в том числе кочевых, вообще обходят вопрос о кочевых маршрутах. Приятное исключение составляет лишь книга о хозяйстве казахов на рубеже XIX—XX вв., в которой есть специальная глава под названием «Направление и протяженность кочевых путей».²⁶¹ Но и здесь мы сталкиваемся с перекочевывающим из одной работы в другую стереотипом о том, что «весенние кочевые караваны отличались праздничностью».²⁶² Конечно, начало перекочевков, особенно весенних, рассматривалось казахскими кочевниками как празднество. Как сообщает Н. Гродеков, оно было связано

с религиозно-магическими действиями и жертвоприношением, направленными на благополучие людей и скота на новом месте.²⁶³ Однако нельзя забывать и о тех трудностях, тяготах и лишениях, которые ожидали их на кочевом пути.

Итак, казахская кочевая семейно-родственная община «теряла» землю не только в летний период, но и в период весенне-осенних пастбищ и кочевых путей. «Пути кочевков, — пишет Н. Гродеков, — определены для каждого рода. Каждый род имеет свои определенные места летних (джайлау) и осенних (куздеу) кочевков».²⁶⁴ При этом община сохраняет свое единство, остается в тех же рамках, что и зимой. Об этом, по нашему мнению, убедительно было сказано при рассмотрении землепользования кочевыми казахами в летнее время.

¹ *Курылев В.П.* Об основных типах скотоводческого хозяйства у казахов // *Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков.* Алма-Ата, 1980. С.86—87. Приложение: карта «Типы казахского скотоводческого хозяйства».

² *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII—начале XX вв. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. С.497.

³ *Кауфман А.* К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С.8.

⁴ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (в дальнейшем — МКЗ). Акмолинская обл.; Т.2: Атбасарский уезд. Воронеж, 1902. Общий очерк уезда. С.27.

⁵ *Букейхан А.Н.* Казаки Адаевского уезда // *Казаки: Антропологические очерки.* Л., 1927. Вып.2. С.26.

⁶ *Курылев В.П.* Кочевая группа западных казахов-адаевцев // *Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.* М., 1974. Ч.1. С.82.

⁷ МКЗ. Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд. Ташкент, 1912. С.27.

⁸ *Валиханов Ч.Ч.* О кочевках киргизов // *Собр.соч.* Т.4. Алма-Ата, 1985. С.106.

⁹ МКЗ. Атбасарский уезд. Общий очерк уезда. С.25.

¹⁰ МКЗ. Сыр-Дарьинская область. Казалинский уезд. Ташкент, 1913. С.27.

¹¹ *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани.* Михман-наме-йн Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976. С.94.

¹² Там же. С.135.

¹³ МКЗ. Казалинский уезд. С.57; Перовский уезд. С.27.

¹⁴ ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.918, л.47; там же, д.919, л.6.

¹⁵ *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов... С.521.

¹⁶ ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.12; там же, д.966, л.18.

¹⁷ *Ломакин Н.* О полуострове Мангышлаке и путях оттуда в разные пункты Закаспийского края // *Зап. Кавказского отдела ИРГО.* Тифлис, 1873. Кн.8. С.9.

- 18 Михайлов Ф.А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Ашхабад, 1920. С.20.
- 19 Скалов Б. Естественнoисторические условия и хозяйство киргиз южных волостей Темирского уезда // Вопросы колонизации. 1910. № 6. С.286.
- 20 Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание... С.87, 89.
- 21 Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С.261.
- 22 МКЗ. Тургайско-Уральский переселенческий район. Темирский уезд. Оренбург, 1912. С.29.
- 23 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.68, 80; там же д.1047, л.12.
- 24 Там же, л.13—15.
- 25 Мынбаев К. Пустыня Бетпак-Дала // За передовую сельскохозяйственную науку. Алма-Ата, 1949. С.397, 403, 457.
- 26 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства... Т.2: Копальский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1913. С.194.
- 27 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С.539.
- 28 МКЗ. Т.6: Каркаралинский уезд. СПб., 1903. С.57, 58.
- 29 МКЗ. Темирский уезд. Естественнoисторический и хозяйственный очерк кочевых волостей юга Темирского уезда... С.34.
- 30 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.80.
- 31 Там же, д.1044, л.30, 31.
- 32 Аргынбаев Х.А., Кауанова Х.А., Ходжаева Р.Д. Пастбищные угодья и их сезонное использование // Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв.... С.66.
- 33 МКЗ. Т.3, ч.2: Акмолинский уезд. Чернигов, 1909. С.103.
- 34 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1047, л.13.
- 35 Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда... С.64.
- 36 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.21, 22.
- 37 Радлов В.В. Из Сибири... С.254.
- 38 Карутиц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910. С.46.
- 39 Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда... С.64, 67.
- 40 МКЗ. Т.5: Кустанайский уезд. Воронеж, 1903. С.7.
- 41 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С.522.
- 42 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства... Копальский уезд. С.195.
- 43 Абрамзон С.М. 1) Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество (Тр. Ин-та этногр. Т.XIV). М.; Л., 1951. С.152—156; 2) К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии // КСИЭ. 1957. Вып.28. С.32—34; 3) Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С.181—197; Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.; Л. 1950. С.80—82; Кисляков Н.А. Очерки семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С.29—34.
- 44 Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи... С.182.
- 45 Кырылев В.П. 1) К вопросу о семейно-родственных группах у казахов // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. Л., 1972. С.39, 40; 2) Семейно-родственные группы у казахов конца XIX—начала XX в. (по некоторым литературным источникам) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С.132—143; Аргынбаев Х.А. 1) Казак халкындагы семья мен неке... 30—33-бет; 2) Семья и брак у казахов. Автореф. дис. ... докт.ист. наук. Алма-Ата, 1975. С.19—22.

- 46 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.967, л.27, 31—34.
- 47 Там же, д.966, л.12, 18.
- 48 Там же, д.967, л.8.
- 49 Там же, д.966, л.54, 58.
- 50 *Каруц Р.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке... С.12.
- 51 *Букейхан А.Н.* Казаки Адаевского уезда... С.64.
- 52 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.21, 22.
- 53 Там же, л.18.
- 54 Там же, л.60, 61.
- 55 Там же, л.5.
- 56 *Леваневский М.* Очерки киргизских степей (Эмбинский уезд) // Землеведение. М., 1894. Кн.2. С.105, 106.
- 57 *Букейхан А.Н.* Казаки Алаевского уезда... С.68.
- 58 *Фиельструп Ф.* Скотоводство и кочевание... С.104, 105.
- 59 *Леваневский М.* Очерки киргизских степей... С.106.
- 60 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.5.
- 61 МКЗ. Казалинский уезд. С.5; Иргизский уезд. Оренбург, 1913. С.V; Темирский уезд. Естественноисторический и хозяйственный очерк кочевых волостей юга Темирского уезда... С.25, 26.
- 62 Там же. Иргизский уезд. С.V, VI.
- 63 *Кауфман А.* К вопросу о происхождении русской земельной общины... С.8.
- 64 Там же.
- 65 Там же.
- 66 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.967, л.89.
- 67 *Остафьев В.* Колонизация степных областей... С.29.
- 68 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.967, л.89.
- 69 *Остафьев В.* Колонизация степных областей... С.30.
- 70 *Радлов В.В.* Из Сибири... С.254.
- 71 Там же. С.225, 256.
- 72 МКЗ. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903. С.120, 121, 123.
- 73 *Букейхан А.Н.* Казаки Адаевского уезда... С.59.
- 74 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.68.
- 75 *Букейхан А.Н.* Казаки Адаевского уезда... С.67.
- 76 ЦГА РК (Дело о прекращении земельных споров между казахами Туркестанского и Чимкентского уездов Сыр-Дарьинской обл. и Сарысуйского (Атбасарского) уезда Акмолинской обл. Ч.2), ф.64, оп.1, д.4408, л.26.
- 77 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.32.
- 78 Там же, л.9, 15.
- 79 *Фиельструп Ф.* Скотоводство и кочевание... С.105.
- 80 *Букейхан А.Н.* Казаки Адаевского уезда... С.67.
- 81 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.5.
- 82 Там же, д.966, л.66.
- 83 *Букейхан А.Н.* Казаки Адаевского уезда... С.67.
- 84 Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М., 1969. С.453.
- 85 *Букейхан А.Н.* Казаки Адаевского уезда... С.67.
- 86 Там же. С.67, 68.
- 87 *Ломакин Н.* О полуострове Мангышлак... С.7.
- 88 Там же. С.42.
- 89 ЦГА РК, ф.40, оп.2 (доп.), д.13, л.100.

- ⁹⁰ ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.13, 15, 16.
- ⁹¹ ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.80.
- ⁹² ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.55.
- ⁹³ *Букейхан А.Н.* Казаки Адаевского уезда... С.64.
- ⁹⁴ Центр. гос. ист. архив (СПб.) (Об организации исследования степных областей), ф.391, оп.1, д.290, л.3.
- ⁹⁵ Там же, л.4.
- ⁹⁶ *Чермак Л.* Формы киргизского землепользования... С.32, 34.
- ⁹⁷ *Тресвятский В.А.* Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. I. Степной край. Пг., 1917. С.65.
- ⁹⁸ МКЗ. Т.3, ч.2: Акмолинский уезд... С.115, 116.
- ⁹⁹ ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1047, л.12; д.1064, л.55.
- ¹⁰⁰ ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.21.
- ¹⁰¹ Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. Т.4: Атбасарский уезд. Повт. обслед. 1909 г. СПб., 1910. С.114.
- ¹⁰² *Чермак Л.* Формы киргизского землепользования... С.36.
- ¹⁰³ ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.21.
- ¹⁰⁴ Там же, л.10, 16, 39, 53, 54.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же, л.15.
- ¹⁰⁷ Там же, д.966, л.14, 15.
- ¹⁰⁸ Там же, д.964, л.8, 19.
- ¹⁰⁹ Там же, л.35; д.966, л.81.
- ¹¹⁰ О семейно-родственной группе у казахов см.: *Курылев В.П.* 1) К вопросу о семейно-родственных группах у казахов...; 2) Кочевая группа западных казахов-адаевцев...; 3) Семейно-родственные группы у казахов...
- ¹¹¹ *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов... С.513.
- ¹¹² *Шахматов В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата. 1964. С.44, 45.
- ¹¹³ *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи... С.197 и сл.
- ¹¹⁴ *Марков Г.Е.* Кочевники Азии... С.311.
- ¹¹⁵ *Масанов Н.Э.* 1) Проблемы социально-экономической истории Казахстана... С.98—107; 2) Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: Историко-экологические аспекты номадизма. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991. С.27—28.
- ¹¹⁶ *Курылев В.П.* К вопросу о термине «кочевая семейно-родственная община» у казахов // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Апрель 1985 г. Л., 1986.
- ¹¹⁷ Впервые это положение сформулировал С.М. Абрамзон в докладе на сессии Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященной проблемам истории родового строя, которая состоялась 15—17 декабря 1949 г. См.: *Жданко Т.А.* Сессия Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященная проблемам истории родового общества (хроника) // Сов. этнография. 1950. № 2.
- ¹¹⁸ *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи... С.180, 181.
- ¹¹⁹ Там же. С.197.
- ¹²⁰ В общетеоретическом плане сошлемся на Д.А. Ольдерогге: «Удобнее всего родом признать то из подразделений, которое характеризуется экзогамией» (см.: *Ольдерогге Д.А.* Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М.

1975. С.12; *Масанов Н.Э.* Специфика общественного развития кочевников-казахов... С.29.
- 121 Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные Семипалатинским областным статистическим комитетом в 1886 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Сб.1. Алма-Ата, 1948. С.243; *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы... С.27; ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.918, л.34; там же (1972 г.) // ф.К-1, оп.2. д.964, л.8 и др..
- 122 Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С.80, 81.
- 123 *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана... С.35.
- 124 *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей... С.24.
- 125 МКЗ. Т.1: Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898. С.62.
- 126 *Алекторов А.Е.* Образ жизни киргизов // Оренбургский листок. 1890. С.16.
- 127 *Букейхан А.Н.* Казаки Адаевского уезда... С.64.
- 128 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.50, 51, 53; *Курылев В.П.* Кочевая группа западных казахов-адаевцев... С.84, 85.
- 129 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2. д.966, л.17, 18.
- 130 Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Копальский уезд. Заметки об отдельных общинах. С.3.
- 131 Напомним, что в рассматриваемый период земли Казахстана были объявлены реформами 1867—1868 гг. собственностью государства. Но при этом были учтены различия в пользовании разных сезонных пастбищ: «Зимовые стойбища представляются в бессрочное общественное пользование каждой волости отдельно, по действительному пользованию и согласно обычаям... Летние кочевки представляются в общественное пользование волостей целого уезда». См.: *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы... С.107—108; *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С.103, 106, 107.
- 132 *Бларамберг И.Ф.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1852. Т.14, ч.3. С.95.
- 133 *Баллюзек Л.Ф.* Народные обычаи, имевшие, отчасти и поныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона // Материалы по казахскому обычному праву... С.213.
- 134 МКЗ. Т.9: Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905. С.16.
- 135 Там же. Т.1: Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898. С.34.
- 136 Там же. Т.2: Атбасарский уезд. Воронеж, 1902. С.61.
- 137 Там же. Кокчетавский уезд... С.6.
- 138 *Еренов А.* Очерки по истории... С.113, 114.
- 139 *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в... С.170; *Hudson A.E.* Kazak social structure. New-Haven, 1938. P.34.
- 140 *Шахматов В.Ф.* Патриархально-феодальные отношения в Казахстане... С.41.
- 141 *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана... С.99.
- 142 *Марков Е.Г.* Кочевники Азии... С.185; *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов... С.513.
- 143 *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов... С.513.
- 144 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.80.

- 145 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.66.
- 146 Там же, д.196, л.12.
- 147 Там же, д.96, л.18, 19.
- 148 Там же, д.967, л.31.
- 149 Сейдалин С. Описание киргиз-кайсацкого народа. СПб., 1884. С.14.
- 150 Валиханов Ч.Ч. О кочевках киргизов... С.107.
- 151 Радлов В.В. Из Сибири... С.254.
- 152 МКЗ. Район реки Чу и низовьев реки Таласа. Ташкент, 1915. С.51.
- 153 Архив Географического общества СССР (Путевые заметки по Туркестану. 1910 г.), ф.65, оп.1, д.29, л.57.
- 154 Федорович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973. С.207, 208.
- 155 Курьев В.П. Кочевая группа западных казахов-адаевцев... С.83; Руденко С. Очерки быта казаков бассейнов рек Уила и Сагыз // Казаки. Антропологические очерки. Л., 1927. Вып.3. С.7,8; Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда... С.66; МКЗ. Темирский уезд. Естественноисторический и хозяйственный очерк кочевых волостей юга Темирского уезда... С.30.
- 156 Там же (МКЗ. Темирский уезд... С.30).
- 157 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.36.
- 158 Там же, л.50, 54; д.967, л.8, 32.
- 159 Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание... С.80.
- 160 МКЗ. Казалинский уезд... С.48.
- 161 МКЗ. Т.5: Кустанайский уезд. Воронеж, 1903. С.18.
- 162 МКЗ. Перовский уезд... С.27.
- 163 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С.555.
- 164 ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.919, л.22.
- 165 ЦГА РК, ф.64, оп.2, д.4408, л.30.
- 166 Там же, л.35.
- 167 Там же.
- 168 МКЗ. Кустанайский уезд... С.17, 18.
- 169 Там же. С.18.
- 170 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1047, л.14.
- 171 Там же.
- 172 Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // Зап.Сев.-Зап. ИРГО. Омск, 1894. Кн.17, вып.2. С.78.
- 173 Мынбаев К. Пустыня Бетпак-Дала... С.417.
- 174 Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание... С.79.
- 175 Чермак Л. Формы киргизского землепользования... С.32.
- 176 Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста... С.58.
- 177 Hudson A.E. Kazak social structure... P.32.
- 178 Марков Г.Е. Кочевники Азии... С.175.
- 179 Чермак Л. Формы киргизского землепользования... С.32.
- 180 Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда... С.67, 68.
- 181 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.964, л.13.
- 182 Там же, д.965, л.19.
- 183 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов... С.521.
- 184 ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.919.
- 185 МКЗ. Т.3, ч.2: Акмолинский уезд... С.107.
- 186 Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области... С.15.

- 187 Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община... С.36, 37.
- 188 Шахматов В.Ф. Патриархально-феодалыные отношения в Казахстане... С.37.
- 189 ЦГА РК, ф.326, оп.6, д.49, л.6. Десятина — 1.09 га.
- 190 Там же, оп.5, д.48, л.17.
- 191 Там же, ф.74, оп.4, д.655, л.65.
- 192 Хворостанский П. Общие результаты повторного статистического обследования киргизского хозяйства и землепользования в Кустанайском уезде Тургайской области // Вопросы колонизации. 1916. №6. С.253.
- 193 Там же.
- 194 Ашмарин А. Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки // Сов. Киргизия. 1925. № 5—6. С.123.
- 195 Скалов Б. Естественноисторические условия и хозяйство киргизов южных волостей Темирского уезда // Вопросы колонизации. 1910. № 6. С.262.
- 196 Там же. С.263.
- 197 Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание... С.80,81.
- 198 Скалов Б. Естественноисторические условия и хозяйство киргизов южных волостей Темирского уезда... С.288.
- 199 Гейнс А.К. Собр. лит. трудов. Т.1. СПб., 1897. С.333.
- 200 Сидельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907.
- 201 Бларамберг И. Воспоминания. М., 1987. С.214.
- 202 Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана... С.167.
- 203 Там же. С.101.
- 204 Там же. Ссылка № 37, а именно: МКЗ. Т.12: Петропавловский уезд. Чернигов, 1908. С.3—88.
- 205 Там же. С.101.
- 206 См., напр.: Кшибеков Д. Кочевое общество: Генезис, развитие, упадок. Алма-Ата, 1984.
- 207 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.965, л.14, 17.
- 208 Там же, д.966, л.17, 18, 22, 27.
- 209 Там же, д.965, л.14, 15, 17, 18.
- 210 Там же, д.966, л.52, 53.
- 211 Там же, д.967, л.62.
- 212 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.81—83.
- 213 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.59.
- 214 Там же, д.967, л.32.
- 215 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1047, л.14, 16.
- 216 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.59.
- 217 Там же, д.964, л.11.
- 218 Там же, д.966, л.6—9.
- 219 Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда... С.64, 66.
- 220 Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи... С.181.
- 221 ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.919, л.34.
- 222 Материалы по казахскому обычному праву... С.202.
- 223 ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.919, л.29.
- 224 Сулейменов Р.Б. Формационная природа кочевого общества: Проблемы и метод // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.121.

- 225 *Масанов Н.Э.* Социальная организация кочевого общества казахов // Вестн. АН КазССР. 1984. № 4. С.31.
- 226 Там же.
- 227 Там же. С.32.
- 228 Там же.
- 229 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.91.
- 230 *Мынбаев К.* Пустыня Бетпак-Дала... С.429.
- 231 *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов... С.567.
- 232 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.19, 60, 83.
- 233 *Белявский К.* Исследование пути от залива Цесаревича... С.20.
- 234 *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов... С.545, 554.
- 235 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1047, л.14.
- 236 *Мынбаев К.* Пустыня Бетпак-Дала... С.427.
- 237 *Курылев В.П.* Кочевая группа западных казахов-адаевцев... С.87; ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.80.
- 238 Там же, д.964, л.40.
- 239 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.81.
- 240 *Мынбаев К.* Пустыня Бетпак-Дала... С.430.
- 241 Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Копальский уезд... С.103.
- 242 *Сластухин Ф.* Социалистическая перестройка кочевого казахского аула // Сов. этнография. 1933. № 1. С.82.
- 243 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.20.
- 244 МКЗ. Акмолинский уезд... С.110.
- 245 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.14.
- 246 ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.14.
- 247 *Курылев В.П.* Кочевая группа западных казахов-адаевцев... С.89, 90; ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.966, л.77—79.
- 248 *Мынбаев К.* Пустыня Бетпак-Дала... С.424.
- 249 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.73, 74.
- 250 ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.4232, л.7, 10, 28, 53, 55.
- 251 *Ашмарин А.* Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки... С.123.
- 252 *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей... С.112—114; *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы... С.109.
- 253 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1047, л.15.
- 254 *Ашмарин А.* Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки... С.117.
- 255 Там же. С.119.
- 256 ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.4408, л.26.
- 257 Там же.
- 258 Там же, л.27.
- 259 Там же.
- 260 *Букейхан А.Н.* Казаки Адаевского уезда... С.66.
- 261 Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв. ... С.71—81.
- 262 Там же.
- 263 *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы... С.109.
- 264 Там же.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБЩИННО-ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ПОЛУКОЧЕВЫХ КАЗАХОВ

Наиболее распространенным типом хозяйства у казахов было полукочевое скотоводство. Весной, летом, осенью и частично зимой казахи-полукочевники содержали свой скот на подножном корму и только в самое неблагоприятное зимнее время (сильные морозы, ветры, снега и гололед) его содержали в загонах и кормили сеном (в этом, собственно говоря, и заключался момент полустойлового содержания скота). Казахи, ведущие полукочевой образ жизни, в отличие от кочевников, заготавливали на зиму корма, т.е. косили сено. Значительная их часть наряду со скотоводством занималась и земледелием, в большинстве случаев поливным. В зимний период они жили на одном месте — «кстау», — и в связи с этим помимо традиционной переносной юрты у них были стационарные зимние жилища (от землянок и полуземлянок до домов из дерева, саманного кирпича и камня). Наряду с верблюдами, лошадьми, овцами и козами полукочевые казахи разводили крупный рогатый скот. Пашни и покосные угодья обычно располагались вблизи зимних стоянок.

Полукочевой тип скотоводства сложился в Казахстане в глубокой древности. По данным археологии такой тип хозяйственной деятельности получил широкое распространение уже в сако-усуньское время (VII в. до н.э.—III в. н.э.) в Семиречье, Центральном и Восточном Казахстане с его горными системами Тянь-Шаня и Западного Алтая.¹ Полукочевое скотоводство бытовало в разных районах Казахского края в период средневековья.²

Переходя непосредственно к исследованию земельно-общинных отношений у полукочевых казахов, остановимся подробнее на землепользовании, праве на пастбищные и сенокосные угодья, на путях (маршрутах) перекочевок.

Весьма знаменательно, что разъяснения, полученные участниками обследования Казахстана Переселенческого управления у местного населения в конце XIX—начале XX в. о процессе обособления пастбищных угодий, почти полностью со-

впадают с объяснениями, которые мы получили от казахов во время полевых исследований в 70-80-е годы. Так, в публикации по Кустанайскому уезду говорится: «Затем, когда главные роды достаточно усилились и укрепились на занятых ими местах, когда вместе с тем в составе киргизских (казахских — В.К.) стад стали преобладать лошади и появился крупный рогатый скот, когда значительно сократилась потребность в зимних перекочевках на юг и, вследствие уменьшения количества верблюдов, уменьшились и средства для далеких перекочевков, тогда и начался процесс обособления различных уже более мелких родовых групп в земельном отношении... В конце концов, получилась стройная картина размещения населения уезда, согласованная с его родовыми подразделениями. Эта стройность или правильность расселения выражается не только в том, что пять главных родов поселились пятью обособленными по землепользованию группами, но и в том, что внутри каждой такой группы землепользование различных отделений и подразделений главного рода складывалось тем же порядком. Каждая из пяти площадей, принадлежащих пяти главным родам уезда, сначала разделяется между ближайшими потомками главного родоначальника на два, три и более отдельных владений, а затем эти последние владения опять распадаются таким же образом и по тому же родовому признаку на еще более мелкие земельные единицы. Последними наиболее мелкими земельными единицами являются поземельные общины и хозяйственные аулы (аксакальства)».³ То же самое говорили нам информанты во время наших полевых исследований. Так, в Восточном Казахстане казахи на вопрос о принадлежности земли (пастбищ) отвечали, что, например, когда-то жил богатый скотом хозяин — бай Таукебай. От него пошел род Таукебай. У него была земля, полученная от отца. Теперь (до революции) все потомки, т.е. члены рода Таукебай, пользуются этой землей. То же самое можно сказать и о других родах: Тулебай, Караша, Кайка и т.д. Все эти родовые подразделения входят в большое родоплеменное объединение Найман Среднего жуза.⁴ В районе р. Чу жили казахи большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза. Пастбища между более мелкими родами этого объединения, а именно: родами Нурак, Сыйкым, Самбет, Ысты, Кокрек и другими, как рассказал информант Сауран Асылбеков (1904 г.р.), разделил его предок в пятом поколении — Байкадам, который первым среди членов

рода Нурак принял русское подданство и получил за это титул полковника.⁵ В свою очередь, эти роды делились на более мелкие социальные единицы — семейно-родственные группы, которые состояли из хозяйственных аулов, имевших в своем обособленном пользовании пастбищные земельные угодья.

У полукочевых казаков, как и у кочевников, наиболее ценным видом земельных угодий были зимние пастбища. Об этом говорят многочисленные свидетельства исследователей дореволюционного периода. «Для кочевника-скотовода самое важное в хозяйственном отношении найти и сохранить зимнее пастбище; весной, летом и осенью корма для скота достаточно почти везде, для зимы же надо иметь места с неглубоким снежным покровом и с сохранившеюся растительностью».⁶

По сообщению специалистов, овцы и козы не могут достать траву, если снега выпадает больше четырех вершков (1 вершок — 44,5 мм).⁷ Если к этому еще добавить, что в зимний период овцы должны каждый раз на ночь возвращаться в аул, а в течение короткого зимнего дня они могут пройти всего 1,5—2 версты туда и обратно, то становится понятным, что наиболее ценными зимними пастбищами для овец являются пастбища, расположенные на этом расстоянии от зимовки, вернее вокруг нее.⁸ В связи с этим под зимние пастбища выбирались, как правило, камышовые берега озер, долины рек, горные ущелья, южные (солнечные) склоны сопок, невысоких гор, опушки леса или небольшие равнинные участки меж бугристых песчаных пустынь. Ю. Шмидт, исследовавший летом 1888 и 1889 гг. южную часть Акмолинской области, сообщает, что казахи «располагаются глубокой осенью на своих кставных местах, занимая для сего по-аульно определенные урочища: речные долины, котлованы пресных озер, урочища с колодцами и с местами, обильно снабженными подножным кормом».⁹ Из работы по истории скотоводства у казахов Тургайской области, написанной А.И. Добросмысловым на основании личных наблюдений, можно добавить: «Луговые и камышовые местности считаются лучшими зимовыми местами; худшими — песчаные местности, как по более скудной растительности, так и потому, что при отсутствии в таких местностях каких-либо запасов сена, киргизы (казахи — В.К.) всегда рискуют подвергнуться неминуемому бедствию — лишиться скота».¹⁰ Однако в другом месте своей работы он отмечает, что пески относятся к местам, которые казахи также выбирают для зимовок: «Места для зи-

мовок выбираются в долинах рек или около озер, в горных ложинах или между песчаными барханами с достаточным подножным кормом в окрестности для животных и, по возможности, защищенные от ветров». ¹¹ То же самое писал А.К. Гейнс: «Зимой пески служат местом любимых стоянок у киргизов (казахов — В.П.). Гололедица невозможна вследствие того, что вода беспрерывно проходит в песок. Во впадинах скот находит себе натуральные стойла, спасающие его, равно как и хозяев скота, от буранов. На основании всего сказанного пески посещаются киргизами весьма часто. Зимой их тут много (имеются в виду пески Быйрюк, расположенные к северу от р. Уил, Западный Казахстан — В.К.), если с осени шли дожди и показалась свежая трава, или вообще, если перед выпавшим снегом трав было довольно». ¹²

Об условиях, которым должны были соответствовать зимние пастбища у казахов Павлодарского уезда (Северный Казахстан), сообщает М. Чорманов: «Для защиты от ветров и запаса сеном, — пишет он, — зимовки строятся подле лесов, камышей, гор, высоких берегов рек. Наилучшим пастбищем для мелкого рогатого скота зимой является земляная прогалина, откуда снег выдувается сильными ветрами. Для верблюдов стараются выбирать места, где в большом количестве произрастает чий, караган, кияк, кокпек и разные солонцовые травы. Киргизы (казахи — В.К.) рассчитывают, чтобы на избранных ими для зимовок местах находились изобильные пастбища для рогатого скота, чтобы были сенокосные участки, при зимовке должен быть лес или камыш, потребный для топлива». ¹³

О северо-восточных казахах сообщает С.И. Руденко: «Прежде всего зимовка должна находиться, по возможности, в местности, защищенной от ветра, в глубокой речной долине или подле участка, покрытого лесом. Вместе с тем, возле нее должны находиться хорошие пастбища, на которых снежный покров, вследствие характера рельефа и направления господствующих ветров, не глубок. В Алтае, с его открытыми степными долинами рек, зимовки располагаются обычно у подножья гор, в окаймляющих степи лесах, при горных ручьях. В степях Черного Иртыша зимовки ютятся в тополевых зарослях долин этой реки и ее притоков». ¹⁴

Все это подтверждают многочисленные материалы наших полевых исследований. Приведем пример. Так, кстау казахов рода Караша находились в горах Тарбагатай, пастбища — на

южных склонах — *кунгей*, где было мало снега и росла хорошая трава.

Овечьих пастбищ при кстау часто не хватало, особенно если скота было много, поэтому во многих районах Казахстана помимо основных зимних стоянок казахи имели запасные зимовки-пастбища. В Восточном Казахстане, например, казахи Усть-Каменогорского уезда имели обособленные участки земли, которые «представляют обычно наиболее ценное пастбище для овец, на котором, хозяин уверен, овцы всегда найдут хороший корм в самое тяжелое время зимы, когда на других пастбищах овцы не могут пастись. Такие участки, носящие название: *кой-джер*, т.е. овечья земля, *кой-булюк* — овечий особняк, *курук*, т.е. запас и т.д., охраняются от поправки не только чужим, но и своим скотом».¹⁶ То же самое наблюдалось в южной гористой части Павлодарского уезда: «Совершенно иной порядок мы находим в горах. Там в большинстве случаев у каждого аула имеется свое обособленное пастбище, так называемое *кой-булюк*, т.е. обособленное овечье пастбище, или *ата-булюк*, т.е. дедовский участок, границы которого установлены очень давно и назначение которого — служить запасом на черный день. Это то же, что запас сена; хозяин уверен, что при всяких условиях погоды на этом *кой-булюке* у него будет запас корма и потому-то так и дорожит им. *Кой-булюки* имеют вполне определенные границы».¹⁷

В Атбасарском уезде «на севере, в горном районе... отдельные группы, представляющие также родовые единицы, стремятся обособить свои земли от соседей, ввиду того, что горные пастбища представляют большое разнообразие по удобству зимней пастбы, и весьма понятно желание удержать за собой лучшее место. Особенную ценность представляют пастбища, с которых снег сдувается ветром... В горах нередко случаи, когда каждый аул имеет свое обособленное овечье пастбище, определенное пограничными признаками. Особенности зимнего содержания скота вызвали здесь образование так называемых *кельте-кстау*, т.е. побочных кстау, на которых известная часть скота содержится в течение всей зимы или только части ее. *Кельте-кстау* имеют обыкновенно богатые хозяева».¹⁸ О таких запасных овечьих пастбищах сообщали нам информанты во время экспедиционных исследований. Так, в Восточном Казахстане (Восточно-Казахстанская область, Тарбагатайский район — в прошлом Зайсанский уезд) часть казахов рода Жумук

имели «помимо основных кстау еще дополнительные, которые назывались *кельте-кстау*. Они, как правило, были расположены на южных склонах гор. Там же находились дома для пастухов и помещения для овец — *кора*». ¹⁹

Весьма интересные данные о зимних пастбищах сообщает М. Чорманов: «Киргизы (казахи — В.К.) Павлодарского, Акмолинского и Кокчетавского уездов в своих районах не имеют пустопорожних удобных мест (они все заняты другими племенами), и через это в названных уездах во время гололедицы бывают сильные падежи скота. В Атбасарском и Каркаралинском уездах в южной стороне имеются свободные удобные места: в Каркаралинском — около оз. Балхаш, а в Атбасарском — около (или дальше) Улутавской горы при р. Сарысу. В Акмолинском уезде одни Таминские волости имеют пустопорожние удобные места при р. Чу. Эти волости в прежние времена были беднее оттого, что их разоряла повседневная баранта от каратавских киргиз». ²⁰

Казахи, ведущие полукочевой образ жизни, как и кочевники, лошадей, особенно если их было много, отправляли зимой в отгон, так называемый «кос». Об этом свидетельствуют многочисленные письменные источники, архивные данные, а также материалы наших полевых исследований.

Очень четко и полно о «косах» сказано Л. Чермаком: «Итак, *косом* киргизы (казахи — В.К.) называют отгонный табун. Составляются эти косы по чисто хозяйственным соображениям. Лошадям нужны обширные пространства для пастбы, особенно зимой, когда и самый корм груб и малопитателен, да и остается его много неиспользованного, поэтому там, где лошадей много, их очень невыгодно оставлять близ кстау, ибо они очень скоро выправят все пастбища и тогда придется искать новых пастбищ и для прочего скота, совершать перекочевку, что зимой является весьма неудобным. К тому же не всегда прикставные пастбища являются достаточно удобными для лошадей, ибо в большинстве случаев они представляют горные пастбища с редкой низенькой травой. Между тем на равнинных летовках и кузеу остается обыкновенно немало травы от летней пастбы, да кроме того некоторые безводные пространства, хотя бы и с недурной растительностью, вовсе не используются летом и представляют прекрасные зимние пастбища для лошадей... Табуны, составленные из лошадей одного хозяина, встречаются редко, в большинстве случаев они сборные, причем иногда основу коса кладет многолошадный хозяин, он

договаривает пастухов и вообще все расходы по косу; прочие же присоединяют своих лошадей к этому ядру, договаривая, если это нужно, со своей стороны необходимое число пастухов и, стало быть, соединяясь с первым хозяином, ради взаимных удобств на равных началах, иногда же, присоединяя своих лошадей, они снимают с себя все заботы о косе и расплачиваются уже с хозяином коса. Бывает и так, что многолошадные хозяева сговариваются и пасут свой кос поочередно. Обычно кос составляется во время пастбы на кузеу перед выпадением снега или перед переходом к своим зимним пастбищам, распускается кос в начале весны, когда начинают жеребиться кобылы; т.е. средний период пастбы косов около 5—6 месяцев... На один кос приходилось около 500 лошадей и 3.3 пастуха, а на одного пастуха приходилось 156 лошадей».²¹ А.И. Добросмыслов сообщает то же самое: «...Если же тебенеочные места близ зимовок плохие, табуны отгоняются в другие местности, иногда на несколько сот верст от зимовки хозяина».²²

Сообщения о том, что казахи отправляли с осени до весны табуны лошадей в кос, встречаются во многих архивных документах, а также материалах полевых исследований. Приведем несколько примеров. Так, согласно карточкам переписи хозяйств в 1908—1909 гг. из восьми хозяйств аула № 4 (аксакал — Жумантай Куромбай — VIII старшинства Аксиранской волости Акмолинского уезда) шесть хозяйств отправляли лошадей зимой в кос. Любопытно отметить, что главы четырех из этих хозяйств — родные братья (судя по их фамилиям), в том числе один из них был аксакалом аула; главы двух остальных — тоже братья. Все они довольно зажиточные: у Жумантая Куромбая было 75 голов лошадей, 22 — крупного рогатого скота, 77 овец и коз, 2 верблюда. Самый бедный из них — Джумальда Куромбай владел 8 лошадьми, 17 головами крупного рогатого скота, 30 овцами и козами, 5 верблюдами. У двух других семей было также достаточно скота, а лошадей — несколько десятков. В противоположность им в двух хозяйствах, которые не гоняли лошадей в кос, было всего по одной лошади.²³

В кос отправляли лошадей многие хозяйства рода Таракты (Средний жуз), кочующие в районе р. Чу. Хозяйства семейно-родственной группы Туткушбалдары, в каждом из которых было от 10 до нескольких сот голов лошадей, зимой отгоняли в кос на 150—200 км от кстау, которое находилось на Акорале.²⁴ Другая группа родственных хозяйств от общего предка Нагая

объединяла всех лошадей и отправляла в кос в горы. Любопытно отметить, что в этой группе овец также зимой отгоняли в урочище Кызылауз, на котором было для них построено общее помещение — «кора», куда их загоняли на ночь.²⁵

Итак, зимние пастбища были самыми ценными земельными угодьями для казахских полукочевников. В чем же владении они находились?

В нашем распоряжении имеется значительная дореволюционная литература. В публикациях Переселенческого управления в той или иной степени детализации можно найти ответ на поставленный вопрос. Почти во всех без исключения в них указывается, что пастбищные угодья у полукочевых казахов разделяются на две группы: земли общего пользования, куда входят главным образом летовки — «джайляу», иногда осенне-весенние пастбища и так называемые обособленные территории, принадлежащие определенным группам хозяйств: зимние пастбища, или просто «кстау». «В настоящее время, — говорится в одной из таких публикаций, — землепользование это состоит, с одной стороны, из сравнительно небольших, обособленных территорий, главным образом, зимнего пользования, принадлежащих отдельным родовым группам хозяев (группам, состоящим иногда всего лишь из одного аула), а с другой — из обширных территорий преимущественно летнего пользования, не обособленных и не имеющих еще вполне определенных хозяев.

В состав обособленного землепользования отдельных групп входят наиболее важные в скотоводческом хозяйстве пастбища: пастбища, на которых киргизский (казахский — В.К.) скот проводит всю зиму, большую часть весны и часть осени. Здесь же, на этой территории, находятся сенокосы и усадьбы. Всю эту территорию киргизы (казахи — В.К.) обычно называют «кстау».²⁶ Об обособлении призимовочной территории (или кстау) встречаются указания и по Тургайской, Семипалатинской, Семиреченской и другим областям дореволюционного Казахстана. В отношении Семиречья (Лепсинский уезд), например, говорилось, что «фактическому обособлению в пользовании отдельных общин, прежде всего, подверглись кстау, т.е. земли, окружающие зимние стоянки киргиз (казахов — В.К.), здесь каждая община старалась закрепить границы своего землепользования и охранять их от вторжения соседей».²⁷

А.А. Боровский — участник обследования казахских хозяйств в Усть-Каменогорском уезде в 1900 г. — раскрывает механизм обособления и защиты зимних пастбищ от соседей, вернее, от их скота: «Существуют условные границы для отдельных землепользований, и границы эти существуют не только на словах. Удержать скот, конечно, нельзя, но все-таки стараются пасти скот в установленных исстари границах; для этого, когда придут на кстау, скорее начинают вытравливать пастбища по пограничным урочищам для того, чтобы таким образом разъединить соседние территории. Сразу после этого казахи пасли скот на пастбищах, расположенных в непосредственной близости от аула, так как считали, что если это не сделать, то скот все равно их вытопчет и они пропадут зря. Затем уже скот пасли концентрическими кругами, с каждым разом удаляясь от стоянки. Пасут начиная от кстау по радиусу, постепенно приближаясь к периферии, причем рассчитывают, чтобы длина радиуса не превышала того расстояния, которое овца умеет пройти в зимний день, чтобы к вечеру тем же путем вернуться домой. Киргизы (казахи — В.К.), как уже было сказано выше, определяют это расстояние в две версты. Вытравив одну полосу, на следующий день таким же порядком вытравливают другую, соседнюю с ней, и так дальше. Такой способ пользования зимними пастбищами для овец — единственно радикальный; при нем пастбища не вытаптываются без толку, чем достигается очень важный для скотоводства хозяйственный результат — экономия пастбищ. Дело в том, что там, где прошла овца, она не в состоянии уже на другой день добыть себе корма, хотя травы осталось бы и много, так как по следам снег сильно затвердевает, и его трудно уже пробить копытом... Киргизы IX старшинства Пресногорьковской волости (Петропавловского уезда — В.К.) показали, что площадь длиной в 5 верст, шириной в 175 сажень может прокормить в зиму 100 овец, 30 штук рогатого скота и 8 лошадей, а это значит, — если приравнять весь скот к овцам, — что для одной овцы в продолжение зимы требуется не менее 0.6 десятины пастбищ».²⁸

В Северном Казахстане хозяйственные аулы группы № 7 первого старшинства Полуденской волости Петропавловского уезда «живут в пределах призимовочной территории очень давно, не менее 7 поколений; все они принадлежат к роду Танрык (этот род входит в состав большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза — В.К.). Зимними пастбищами поль-

зуются совместно... С посторонними группами имеются определенные границы; весной, летом и осенью они совсем не соблюдают; но зимой чужой скот за эти границы не заходит». ²⁹ Жившие зимой на урочище Карамыс в Мендыгаринской волости Кустанайского уезда три аула семейно-родственной группы Байдаuletбалдары первичного рода Кудайберды большого родоплеменного объединения Керей Среднего жуза совместно пользовались зимними, весенними и осенними пастбищами и вместе перекочевывали на летовку. ³⁰ В общем пользовании находились зимние пастбищные угодья многих общин Атбасарского уезда. ³¹

Эти данные можно дополнить материалами наших полевых исследований. В Чимкентском уезде (Южный Казахстан) семейно-родственные группы Шатайбалдары, Оралбайбалдары, Жаилбалдары, Шокайбалдары и Курманбалдары, которые составляли вместе первичный род Касай большого родоплеменного объединения Конрад Среднего жуза, зимой располагались вокруг оз. Бухарбай — 25 км на запад от р. Сырдарьи (сейчас это озеро пересохло). Каждая группа имела в обособленном пользовании зимние пастбища. ³² В общем пользовании находились прикставные земельные угодья семейно-родственной группы Аксакалбалдары первичного рода Карамоин большого родоплеменного объединения Кипчак Среднего жуза (бывший Тургайский уезд). ³³

В Западном Казахстане у казахов Младшего жуза большого родоплеменного объединения Байұлы семейно-родственная группа Нарымбайбалдары из первичного рода Андагул, входящего в племя Шеркеш, имела зимовки на урочище Барлыкудук, причем в случае необходимости на эти пастбища пускался скот других родственных аулов, но только с согласия аксакалов, т.е. старейшин группы Нарымбайбалдары. ³⁴

На юге Казахстана у казахов, которые в прошлом вели полукочевой образ жизни, зимники находились в общем пользовании хозяйств всей семейно-родственной группы. Семейно-родственная группа Монанбайбалдары рода Бийдас из большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза (Меркенский район Джамбулской области — ранее Аулие-Атинский уезд) состояла из семи хозяйств, которые входили в три аула. Эта группа имела зимнее пастбище в общем пользовании. Два наиболее богатых хозяйства этой группы: ее аксакала Бектурсуна, у которого было 40—50 лошадей, 20 голов крупного рога-

того скота и 100—150 овец, и Токкула, у которого было 10—15 лошадей, 30 голов крупного рогатого скота, 500—600 овец (их пас наемный пастух) и 6—8 верблюдов, отгоняли зимой свой скот в пески. Все хозяйства группы имели на зимовках дома из саманного кирпича, пахотные орудия: «жерагаш» и традиционной конструкции борону — «мола». Они засевали летом 10—15 десятин зерновых на поливных пашнях, которые подвергались переделу раз в 3—4 года.³⁵

Наконец, на севере Казахстана казахи-полукочевники имели зимние пастбища в обособленном пользовании семейно-родственных групп. Так, группа Бухарбайбалдары из рода Канджигалы, входящего в большое родоплеменное объединение Аргын Среднего жуза, состоящая из 20—25 семей, имела в общем пользовании зимнее пастбище, расположенное по р. Шедерты.³⁶ Другая группа — Кипчакбайбалдары из рода Орманшы (тоже аргыны) совместно пользовались зимними пастбищами, расположенными на урочище Бюлюкадыр в горах Кызылтау.³⁷ В этих же горах, на урочище Есенасу, были расположены зимние пастбища родственной группы Тактенбалдары из аргынского рода Сюйюндук. «На кстау пасли скот все хозяйства Тактен вместе... Другим разрешали пасти, если у них что-либо случилось».³⁸

Таким образом, согласно материалам письменных источников и наших полевых исследований в районах, где жили казахи-полукочевники, зимние пастбища находились в совместном пользовании отдельных семейно-родственных групп.

Об обособленном пользовании зимних пастбищ свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении архивные данные. Так, по сообщению начальника Чимкентского уезда от 21 октября 1869 г. урочище Бур³⁹ Джер представляет собой лог длиной около 20 верст и шириной 3—4 версты. «При осмотре спорной местности, — пишет он, — найдено, что в вершине лога находятся кибитки киргиз (казахов — В.К.) рода Чимыр, родовичей Халы, ниже — род Сергали...отделения Батырлар, а затем род Чимыр отделения Тимир...».³⁹ В другом документе — прошении казахов Ирсакова и других о возвращении в их пользование зимовок, занятых казаками 8-го аула Акчалинской волости Лепсинского уезда в 1898 г. — сказано: «мы проживаем на тех зимовых стойбищах, которые остались нам от наших дедов и отцов, а именно: в урочище Кырка-Алтын-Кулат...».⁴⁰

Выражение «остались нам от наших отцов и дедов» часто встречается в документах как доказательство принадлежности того или иного участка земли просителям. Весьма интересное, правда несколько противоречивое, сообщение о правилах пользования зимними пастбищами мы находим в материалах по Перовскому уезду. «Хотя у каждого рода или родовой ветки имеются около кстау свои собственные пастбища (тогаи), но пасти скот на них может всякий. “Кто бы ни пришел, гнать мы не можем”, — говорят киргизы (казахи — *В.К.*). Если “всякий” не ходит, то благодаря лишь тому, что у всех имеются свои подходящие места. Все-таки в сознании киргиза укоренилась мысль, что каждое удобное пастбищное место закреплено за тем и тем-то родом — киргизы знают это прекрасно и спорить и прекословить не станут. Рамки собственности намечены и предпрешены и при благоприятных условиях осуществляют-ся». ⁴¹

Подобных сообщений о том, что зимние пастбища у полукочевых казахов находились в обособленном пользовании (закреплены или даже были в собственности определенной родовой ветки, родовой группы или, что встречается в литературе наиболее часто, общинно-родовой группы, общинно-аульной группы, просто общины), имеется много.

Однако есть также отдельные указания на то, что зимние пастбищные угодья (особенно так называемые «кой-булюки», «куруки» и т.п.) у полукочевых казахов находились в обособленном пользовании отдельных аулов. Так, согласно сведениям информантов, в Восточном Казахстане из обследованной нами 31 семейно-родственной группы почти половина (14 групп) имели зимние пастбища в общем пользовании. В 15 семейно-родственных группах зимники находились в поаульном пользовании. Например, семейно-родственная группа Койлыбайбалдары из экзогамного рода Караша, входящего в большое родоплеменное объединение Найман Среднего жуза, имела кстау в урочище Аудиетобе на южных склонах — «кунгей» — горы Кайтин-кора, где «мало снега и много травы. Причем эти места строго охраняли, чтобы не потравили другие». ⁴² По соседству с угодьями этой группы последовательно шли зимние пастбища других семейно-родственных групп рода Караша: Кондыбайбалдары, Джауенбалдары, Шаграйбалдары, Казыбайбалдары. Все они были в родственных отношениях, так как их ос-

нователи, а именно: Кондыбай, Джауен, Шаграй, Казыбай, так же, как и Койлыбай, имели одного отца — Шокая.⁴³

Соответствуют ли изучаемые нами во время полевых исследований семейно-родственные группы родовой ветке или группе (общинно-родовой, общинно-аульной или просто общине), описываемым в литературе, особенно дореволюционной? На этот вопрос мы попытались ответить в специальной статье, посвященной исследованию семейно-родственных групп у казахов на базе некоторых литературных источников, а также в третьей главе о кочевых казахах настоящей книги.⁴⁴ Представляется, что нам удалось доказать значительное совпадение или, по крайней мере, большую близость общинных групп с семейно-родственными. Остановимся еще на некоторых материалах, подтверждающих это положение.

Л. Чермак в статье, посвященной формам землепользования у казахов, отмечает, что у них различаются две категории земли: I — земли общего пользования, т.е. открытые для всех; II — земли обособленного пользования, доступные для ограниченного числа лиц. Он указывает, что «обычно... этой последней (т.е. обособленной земельной единицей — В.К.) является группа хозяйств, образующих несколько аулов, связанных между собой более или менее близким родством».⁴⁵ В принципе эти черты (правда, не полностью) характеризуют семейно-родственную группу.

И совершенно снимает сомнения следующее объяснение: «Различные уголья в глазах киргиз (казахов — В.К.) имеют различную ценность, на некоторые уголья существует личная собственность, другие же находятся в пользовании большого или меньшего числа хозяйств. При этом удастся установить некоторую группу хозяйств, в которой каждое хозяйство имеет равное право на известную территорию, на которой расположены кстау этих хозяйств. Обыкновенно эти хозяйства принадлежат к одному роду, «одного отца дети» («бир ата баласы») (подчеркнуто нами — В.К.), пришедшие сюда в полном составе, если группа захватила землю недавно, или же являются потомками одного или нескольких лиц, если данная территория захвачена уже давно. Таким образом, наша общинно-аульная группа представляет собой земельно-родовую единицу, владеющую известной территорией с более или менее определенными границами».⁴⁶

То же самое можно сказать и в отношении общинно-родовых групп, упоминаемых в архивных документах. В одном из них (1886 г.) говорится, что «спор этот (речь идет о земельном споре между двумя группами казахов — *В.К.*) рассматривался чрезвычайным съездом биев, которые на основании давнишних документов, совершенных еще во время ханских владычеств, между прочим, определил, что двумя третями воды должны пользоваться жители отделения Кутдык, *дети Кочкара* (подчеркнуто нами — *В.К.*), т.е. настоящие просители, а одной третью должны пользоваться жители отделения Чувалдак, *дети Сары* (подчеркнуто нами — *В.К.*)...». В этом же документе читаем: «1874 г. 3 декабря поверенный *детей Кочкаравцев* (подчеркнуто нами — *В.К.*) Кутдукского рода...»⁴⁷ Здесь под «детьми такого-то» имеется в виду семейно-родственная группа, так как из общей характеристики этой группы у казахов мы знаем, что ее обычно называют по имени одного общего предка, т.е. «дети одного (отца) — (деда)» (по-казахски — «бир ата баласы»).

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении разнообразные источники: публикации, литература (как дореволюционная, так и советская), архивные документы, материалы полевых исследований свидетельствуют, что в определенной степени зимние пастбища как наиболее ценные угодья находились в обособленном пользовании семейно-родственных групп. Однако эти пастбища были также в пользовании и более мелкой социальной единицы — аулов. Авторы главы «Пастбищные угодья» в обобщающей работе «Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков», ссылаясь на данные Переселенческого управления, считают, что «в конце XIX—начале XX в. каждый хозяйственный аул и даже отдельные хозяйства имели определенные зимние стоянки».⁴⁸ Это утверждение несколько категорично, хотя и не лишено смысла. Действительно, в нашем распоряжении есть много материалов, указывающих на то, что зимние пастбища у полукочевых казахов находились в обособленном пользовании отдельных аулов (или, как называли их в дореволюционной литературе, — хозяйственных аулов).

Группа Актобетбалдары из рода Байжигит большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза состояла из восьми аулов, каждый из которых назывался по имени одного из сыновей Актобета. Все они были богатыми, имели от 1000 до 2000 овец, от 200 до 500 лошадей, верблюдов и крупного рогатого скота. Их кстау было расположено на п-ове Актюбек,

причем на нем группа только жила, а пастбища и пашни у каждого аула были отдельные.⁴⁹ Для того чтобы не создалось впечатления, что только у богатых скотом аулов было разделение на кстау, укажем на родственную группу Котушбалдары из рода Жумук (найманы), зимние пастбища которой были расположена в предгорьях горы Манрак. Все аулы и хозяйства этой группы, кроме ее аксакала — Кайирбая, были бедными, однако зимние пастбища, расположенные в горах Манрака, находились в обособленном пользовании каждого аула. Аул Кайирбая стоял на кстау с «булаком» (родником), который назывался Кайирбай-булак. Рядом с ним, на расстоянии 2 км находилось кстау родного брата отца Кайирбая — Шалгунбая, далее — второго брата — Шадая, еще дальше — в Сенгире — кстау аула еще одного брата — Акимия.⁵⁰

Нам удалось записать процесс раздела зимних пастбищ начиная от первичного (экзогамного) рода и кончая аулом. Первичный род Бегетай входил в более широкое родовое подразделение Байжигит, которое, в свою очередь, принадлежало большому родоплеменному объединению Найман Среднего Жуза. У основателя рода — Бегетая было 9 сыновей. Весь род занимал зимой гору Орта Манас (около 20 км длиной и 15 км шириной): «Она была разделена между 9 сыновьями его, затем каждый сын разделил земли между сыновьями. Так, Мирзабай (один из сыновей Бегетая) согласно записанной нами родословной) разделил пастбище на 2 части, так как у него было два сына: Малдыбай и Шебир. В свою очередь Малдыбай разделил землю между четырьмя сыновьями: Шоншаем, Тышабаем, Жангозы и Кортаном. Шоншай разделил зимнее пастбище на две части, между своими сыновьями: Копбаем и Копэлеком. Копэлеком жил с сыновьями и земля между ними уже не делилась. Копэлеком имел около 500 овец, «бий йир» лошадей, т.е. один косяк из 15—20 голов. Род Бегетай имел на Кызылжаре пашни, орошаемые из арыка, который называется Бегетайтагам. Этот арык был проведен усилиями всех хозяйств рода Бегетай (их насчитывалось около 100) из реки Кандысу.⁵¹

В отношении северной части Восточного Казахстана (Тарбагатайский и Зайсанский районы находятся на юге — В.К.) можно сослаться на сообщение С.И. Руденко, который возглавлял этнографический отряд Казахской экспедиции АН СССР, работавшей здесь в середине 20-х годов: «Призимовоч-

ная территория везде принадлежала аулам, которые состояли из родственных семей». ⁵²

Мы имеем много данных, которые свидетельствуют, что и в других регионах Казахстана зимние пастбища находились в обособленном пользовании отдельных аулов.

Возьмем, например, Северный Казахстан (Павлодарская область). Каждый аул семейно-родственной группы Туатайбалдары из рода Каржас, принадлежавшего к большому родоплеменному объединению Аргын Среднего жуза, имел отдельное кстау в горах Кызылтау: «Зимние пастбища и покосы были у каждого аула отдельно: других не пускали». ⁵³ В Кокчетавском уезде, где обследование проводилось экспедицией Переселенческого управления в 1886 г., из 492 общин (или семейно-родственных групп, по нашему определению) 164, т.е. ровно одна треть, вообще состояли из одного хозяйственного аула. Зимние пастбища находились в обособленном пользовании этих аулов-общин. ⁵⁴

В Южном Казахстане (Джамбулская область, бывший Аулие-Атинский уезд) семейно-родственная группа Байкодамбалдары первичного рода Нурак из большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза состояла из 10 хозяйственных аулов. Зимние пастбища этих аулов были расположены по ущельям рек Киши-Жидели и Улькун-Жидели невысокой горы Кентау. Если зимой дули сильные ветры, то скот пасли в глубине ущелья, а в другое время он находился на склонах горы. Каждый аул занимал отдельный участок на расстоянии 1—2 шакрымов, куда скот других аулов не допускался. ⁵⁵

Остановимся более подробно на характеристике этой семейно-родственной группы. У основателя группы Байкадама было три сына: Сарыбай, Бяшке и Мейманкожа. У Сарыбая было четыре сына: Бейсен, Сыйкожа, Найзабек и Кенжебек. У первого из них было шесть сыновей: Асылбек (отец нашего информанта Саурана Асылбекова, 1906 г.р.), Шалбай, Маселбай, Мамалия, Сагий и Сагат. У Асылбека был один сын — Сауран, у Шалбая — три сына: Ескора, Болатпек и Саудабай. У сына Бейсена — Маселбая — не было сыновей, а у четвертого — Мамалия — два сына: Сатыбалды и Сатабай, как и у следующего сына Бейсена Сагия: Буралкы и Тамаш. У младшего сына Бейсена, который по казахским обычаям являлся его наследником и назывался «кенжебала», Сагата, был один сын —

Айнакул. У второго сына Сарыбая — Сыйкожа — было два сына: Кокубай и Сакубай. У первого из них было четыре сына: Сарсембек, Сарсембай, Ахметбек и Абубек. У Сакубая было два сына: Досумбек и Доскулу. Никто из сыновей Кокубая и Сакубая не имел потомков. У третьего сына Сарыбая — Найзабека — также не было сыновей, а у младшего — Кенжебека — один сын Копжан, который имел двух сыновей: Рыскула и Дурускула. Второй сын основоположника группы Байкадама — Бяшке — имел трех сыновей: Мопы, Сопы и Ажи. Первый из них имел одного сына — Елемеса, сыном которого был Сыдык. Один сын — Бурулшы — был у Сопы. У Ажи было семь сыновей: Сеит, Иса, Кожакасым, Мырзакасым, Кайса, Конурбай (он рано умер) и младший («кенжебала») Аркабай. Наконец, у младшего сына — Байкадама — Мейманкожи — было три сына: Абилможан с сыновьями Алтынбеком, Кожакбеком, Смагулом и Шолпанкулом. У второго сына Мейманкожа — Найманбая — было три сына: Еркимбек, Омарбек и Есиркеп. Самый младший сын Мейманкожи — Садвакас — имел одного сына Берика.

В соответствии с принадлежностью к трем сыновьям Байкадама (а именно: Сарыбая, Бяшке и Мейманкожа) группировались аулы их потомков. Пять аулов потомков Сарыбая располагались зимой вдоль левого берега р. Киши-Жидели. Богатым среди них был Мамалия, он же в середине 20-х годов нашего века был аксакалом всей группы. У него было 500 овец, 1 лошадь и 2 верблюда. Скот пас его сын Сатыбалды. Зимой скот на ночь загоняли в кора. Хозяйство Мамалия составляло отдельный аул. Второй аул имел два хозяйства: Шалбая, с которым жил его женатый, но не выделенный сын Болатпек. В семье Шалбая жил также наш информант — Сауран, так как его отец, старший брат Шалбая-Асылбек — умер в 1918 г., а мать — в 1916. Зимой 1916—1917 гг., т.е. в год «жилан жылы» по звериному стилю, был большой гололед, который вызвал «жут» — падеж скота от бескормицы. У отца Саурана тогда из 80 овец и коз осталось всего 17 голов, пали два верблюда и одна лошадь. У Шалбая было 100 овец, 2—3 коровы, 2 лошади и 2 верблюда. В этом же ауле жил его женатый старший сын — Ескора. Он имел отдельное хозяйство — 20 овец, лошадь и верблюда. Зимой весь скот аула загоняли на ночь в общее кора. Третий аул состоял из двух хозяйств: Кокубая с женатым, но не выделенным сыном Сарсембеком. В этом же ауле жили

вместе два брата: Досумбек и Доскулу — сыновья Сакубая, умершего к тому времени родного брата Кокубая. У всех у них было 150 овец, 5—6 коров и 1 лошадь. Для укрытия скота на ночь зимой в ауле была кора. Из трех хозяйств родных братьев: Маселбая, Сагия и Сагата состоял четвертый аул. У первого из них было 40 овец, верблюды и лошадь, у второго — 20 коз, 2—3 коровы и лошадь. Больше скота было у Сагата — 250 овец, лошадь и два верблюда, так как он был самый младший сын, т.е. «кенжебала», а, следовательно, наследник своего отца — Бейсена. Богатым был Копжан, живший вместе с женатым сыном Рыскулом. У них было 500 овец, 3 лошади и 20 верблюдов. Для пастбы овец они нанимали пастуха («койшы»). Это был Алиакбар Есполов из семейно-родственной группы Майасарбалдары. Родоначальник этой группы — Майасар — родной брат Байкадама. За месяц пастбы овец Копжан давал Есполову 1 барана, а также выделял ему 15—20 овец для дойки молока. Отчасти Копжан стал богатым потому, что он был единственным сыном Кенжебека, а последний, как уже отмечалось, был младшим сыном, а, следовательно, и наследником своего отца — Сарыбая.

По левому берегу р. Улькун-Жидели группировались зимой три аула прямых потомков второго сына Байкадама — Бяшке. Первый аул состоял из одного хозяйства, главой которого был Ажи — младший сын Бяшке. С ним вместе жил его женатый, но не выделенный младший сын — Аркабай, а также сын брата Ажи — Сопы, которого звали Бурулша. Совместно они владели 600 овцами, 3—4 лошадьми и 4 верблюдами. Скот зимой содержали в кора. Вместе с Ажи жил также его сын, Кайса. У него не было своего скота, поэтому он питался вместе с семьей Ажи, за что выполнял все работы по его распоряжению — обрабатывал пашню, чистил арык, пас скот. Второй аул имел два хозяйства: Сыдыка — внука Мопы, который имел 20 овец и лошадь. Главой второго хозяйства был старший сын Ажи — Сеит, который имел столько же скота, сколько и Сыдык. Животных они держали зимой в общем кора. В третьем ауле жили семьи трех сыновей Ажи: Исы, Кожакасыма и Мирзакасыма. У последнего было 150 овец, лошадь и два верблюда. У Исы и Кожакасыма было по 20 овец и одной лошади. Они также содержали ночью зимой свой скот в общем кора.

И, наконец, прямые потомки Мейманкожи, сгруппированные в два аула, имели кстау по левому берегу р. Киши-

Жидели. В первом из них жили семьи трех сыновей Абилмохана — старшего сына Мейманкожа. Старший из них — Алтынбек имел 50 овец и лошадь. По 40—50 овец, лошади и верблюду было у Смагула и Шолпанкула. Весь свой скот они зимой содержали в общем кора. Во втором ауле было два хозяйства: Омарбека и Есиркепа, которые были сыновьями Найманбая — второго сына Мейманкожа. У них тоже было по 40—50 овец, лошади и верблюды, которых они содержали в общем кора.

Как уже отмечалось, вокруг кора (зимовки каждого аула) на расстоянии 1—2 шакрымов чужой скот зимой не пускали, т.е. каждый аул имел зимние пастбища в обособленном пользовании. Все хозяйства заготавливали на зиму немного сена — один шашак, т.е. 5—6 возок его на верблюде (около 2—3 тонн). Сено скашивали вокруг своих кстау, а также на урочище Далакайнар — весенне-летнем пастбище. Летом ряд родственных хозяйств и аулов, у которых скота было не так много, объединяли овец в одну отару. Так, потомки Сарыбая: Шалбай, Маселбай, Сагий и Сагат собирали овец в одну общую отару. Кокубай и Досумбек пасли, как и зимой, скот отдельно. В другой отаре паслись овцы потомков Бяшке: Сыдыка, Сеита и Исы. Овец всех потомков Мейманкожи (Алтынбека, Смагула, Шолпанкула, Омарбека и Есиркепа) летом соединяли в общую отару. И лишь богатые хозяйства Мамалия, Копжана и Ажи летом пасли своих овец отдельно.

С 1860 г. хозяйства семейно-родственной группы Байкадамбалдары стали заниматься земледелием. Они сеяли в основном просо на поливных землях в Далакайнаре и вдоль р. Чу.

Стрижку овец производили в мае на весеннем пастбище, которое было расположено на урочищах Кызылкудук, Жалгысжиде, Алдажартаспасы. Стригли, как правило, каждое хозяйство отдельно, помогали только тем, у которых было много овец: Мамалии, Копжану и Ажи. Шерсть от весенней стрижки продавали, а из осенней делали кошмы, при этом помогали друг другу.⁵⁶

Соседями Байкадамов зимой были родственные им семейные группы. На левом берегу р. Улькун-Жидели (на правом располагались аулы Байкадамов) зимовали 12—13 хозяйств, составляющих семейно-родственную группу Майасарбалдары, а также 25 хозяйств семейной группы Байкаскабалдары. Выше по реке шли

кстау 30—40 хозяйств еще одной семейно-родственной группы — Боктубайбалдары. Соседом Байкадамов по р. Киши-Жидели была семейно-родственная группа Боктубайбалдары.⁵⁷

В другой семейно-родственной группе — Кулатайбалдары первичного рода Жанабай из дулатов — зимние пастбища были распределены поаульно между шестью сыновьями Кулатая. Их кстау было расположено по р. Чу, в урочище Аккорган. Там были могилы Тыналы — правнука Кулатая, его праправнука Рустембека и других потомков. Хозяйства и аулы этой группы, если снега было мало, отправляли скот в пески, где у них были свои колодцы: Жабашы, Жанаоймак, Сарымолда, Какпали, Айдарбек, Торт и Такыр. Однако три последних из них принадлежали только Каппай-баю этой группы, у которого было около 1500 овец, 300 лошадей, 20—30 верблюдов и 100 голов крупного рогатого скота. Пользоваться водой для водопоя скота из всех перечисленных выше колодцев зимой и летом могли только хозяйства этой группы. Хозяйства каждого аула этой группы помогали друг другу в стрижке овец. У каждого хозяйства был свой сенокос около кстау, а также поливные пашни, которые распределяли жеребьевкой.⁵⁸

Весьма любопытно сообщение А.К. Гейнса о той заботе, которую казахи проявляют по отношению к колодцам, находящимся на территории зимних пастбищ в Тургайской области: «Аулы приготавливаются к кочеванию. Там, где зимовка расположена между песчаными барханами, колодцы засыпаются до верху песком (кроме лежащих на кочевых и торговых путях); где глубокие колодцы вырыты в плотной глине, они закрываются кошмами, наверх которых насыпается земля. Если это не сделать, вода, от сильного испарения, начнет в колодцах портиться и приобретает горько-солонцеватый вкус».⁵⁹

В Лепсинском уезде Семиреченской области «в настоящее время (начало XX в. — В.К.) в большинстве случаев отдельные хозяйственные аулы имеют на приставных площадях свои обособленные участки».⁶⁰

Подобные примеры мы могли бы продолжить. П.П. Румянцев, например, писал, что под влиянием развития сенокосения и земледелия, стеснения перекочевков поселениями и роста казахского населения «группы соседних аулов стали более точно определять границы своего землепользования».⁶¹

Известный исследователь степного номадизма А.М. Хазанов отмечает, что у кочевников евразийских степей пастбища были

закреплены за определенными кочевыми группами, обычно не очень большими. Это ограничение обусловлено хозяйственной целесообразностью, так как только в этом случае можно наиболее оптимально использовать пастбища, особенно зимние. У казахов такие группы объединяли не более 8—12 хозяйств из нескольких аулов, которые всегда кочевали вместе.⁶²

Итак, в нашем распоряжении имеются убедительные данные, свидетельствующие о том, что зимние пастбища у полукочевых казахов находились в обособленном пользовании как семейно-родственных групп, так и отдельных хозяйственных аулов. Теперь мы попытаемся хотя бы отчасти раскрыть механизм обособления зимних пастбищ от семейно-родственной группы к отдельному хозяйственному аулу.

Сначала сужалось обособленное пользование в рамках отдельных аулов только по отношению к наиболее ценным зимним пастбищам для овец — «кой-булюков», «кельте-кстау» или же «куруков». Например, в Полуденской волости Петропавловского уезда общинная группа № 16 была объединена принадлежностью к одному родоначальнику — Есенкельды первичного рода Кожакельды: «У каждого аула, входящего в состав группы, имеется свой собственный “курук”, которым пользуется только он один; все остальные зимние пастбища в общем пользовании».⁶³ Две другие общинные группы, относящиеся к IV старшинству той же волости, имели общие зимние пастбища, и только небольшие площади вокруг зимовок (которые назывались «курук») были в исключительном пользовании отдельных аулов. На них зимой выпасался мелкий и захудалый скот.⁶⁴ Общинная группа № 261 Кушмурунской волости того же уезда не имела границ между кстау отдельных аулов, но «каждый аул оберегает от чужого скота только свой кой-тебень».⁶⁵ Такие же случаи можно было наблюдать в Атбасарском уезде. Из 18 хозяйств состояла общинная группа № 30, объединенная принадлежностью к общему ближайшему предку — Актайляк (т.е. к семейно-родственной группе Актайляк-балдары) первичного рода Байдары большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза. Группа находилась в III старшинстве Денгизской волости Атбасарского уезда. Ее призимовочные пастбища были в общем пользовании, а «кельте-кстау» — разграничены поаульно.⁶⁶ В Акботинской волости Каркаралинского уезда четыре хозяйственных аула из I старшинства, объединенные происхождением от общего предка —

Елкельды первичного рода Чанчар большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза, — имели в общем пользовании отдаленные призимовочные пастбища, а «кой-булюки в исключительном пользовании отдельных хозяйственных аулов». ⁶⁷ Члены общинной группы № 297 Дегеленской волости того же уезда, «кроме кой-булюков, всеми остальными пастбищами пользуются сообща». ⁶⁸

В материалах об Усть-Каменогорском уезде сказано, что пастбища при зимовках были разграничены во время заселения, причем эти границы были установлены аксакалами рода. «Особенно важную роль играют эти истари установленные границы на кельте-кстау: тут каждый знает свой клочок по известному склону горы, на которых обыкновенно бывает очень неглубокий снежный покров. Кельте-кстау в горах существовали с самого начала из-за недостатка удобных пастбищ при кстау, глубоких снегов и вытравливания с осени прикставных пастбищ». ⁶⁹

Приведенных примеров, по нашему мнению, достаточно, чтобы убедиться, что одной из ступеней перехода пользования зимними пастбищными угодьями у полукочевых казахов от более широкого социального объединения — семейно-родственной группы — к более узкому — хозяйственному аулу — происходило путем первоначального обособления наиболее ценных участков призимовочной территории, а именно: пастбищ для овец. Следующим шагом в этом направлении был, как нам представляется, раздел всех призимовочных пастбищ между аулами группы, который, однако, имел условный характер и еще часто нарушался. Такой характер, например, носило землепользование у некоторых общинных групп Усть-Каменогорского уезда. Так, в группе № 137, в которую входило восемь аулов, объединенных общим происхождением от Уйкошара рода Сарджомат большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза, призимовочная площадь была поделена между аулами. Но в экстремальных ситуациях скот мог переходить на земли соседнего аула с его согласия: «Не помнят случая, когда бы не последовало такого согласия». ⁷⁰ Так же было в общинной группе № 141. У каждого аула имелась обособленная территория, на которой пасся его скот. Чужой скот пускался только с разрешения, однако, не было случая, чтобы кто-либо отказал в этом своему соседу. ⁷¹ Каждый аул общинной группы № 366 Кандыгатайской волости Семипалатинского уезда ста-

рался пасти свой скот зимой на своих пастбищах, но можно было пасти и у соседей.⁷²

Такая же картина наблюдалась и в других уездах Казахстана. 29 хозяйств общинной группы № 65, входивших в два хозяйственных аула VI старшинства Петропавловского уезда, представляли собой семейно-родственную группу, так как были объединены одним общим предком в четвертом поколении — Есимом из рода Ак-Кийик большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза: «Земля у них издавна поделена между аулами; тем не менее, все зимние пастбища без исключения — в совместном пользовании».⁷³

Подобные примеры мы можем почерпнуть из материалов наших полевых исследований. Для краткости приведем только один. Все хозяйства семейно-родственной группы Жанкарабалдары первичного рода Карсалсак из найманов были богатыми и имели много скота. Их зимние пастбища находились на урочище Кокжира (ныне Зайсанский район Восточно-Казахстанской области). Хотя зимние пастбища этой группы считались в общем пользовании, однако каждый аул (а их было пять в группе) пас свой скот на своих участках, которые были расположены на расстоянии 1—1.5 шакрыма один от другого. Лошадей все хозяйства этой группы отправляли зимой в кос.⁷⁴

Весьма наглядно показан механизм обособления зимних пастбищ на схеме, помещенной в публикации Переселенческого управления по Каркаралинскому уезду.⁷⁵ «Графически схема киргизского (казахского — В.К.) землепользования выражается таким образом:

Условные обозначения:

--- «джаба» — мысленная граница; — — — соблюдаемая, действительная граница; - · - · - несоблюдаемая граница; о — аул; 1,2,3...9 — общинно-аульные группы.

Пояснение к чертежу: 1-я и 2-я общины имеют между собой мысленную границу и внутри территории каждой общины

пользование всеми пастбищами общее, с «кузек» граница также мысленная; 3-я, 4-я, 5-я и 6-я общины имеют соблюдаемые границы для части территории и мыслимые границы для остальной части (обычная форма для общин, где часть территории в горах, часть на равнине); 7-я община — обособленные «кой-булюки» и прочие пастбища общие; 8-я — площадь общины разделена по аулам, с «кузек» — соблюдаемая граница; 9-я — граница внутри общины существуют, но не соблюдается.

В. Остафьев считает, что обособление призимовочных пастбищ или, как он пишет, «захват зимовых стойбищ произошел 100—150 лет назад», т.е. в период второй половины XVIII в.⁷⁶

В нашем распоряжении есть материалы, которые свидетельствуют, что иногда зимние пастбища у казахов-полукочевников находились даже в индивидуальном пользовании отдельных хозяйств. Как правило, это были хозяйства, которые имели много скота.

Хозяйства семейно-родственной группы Тойшибекбалдары первичного рода Карпык большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза (Джамбулская область) до 1914 г. (по сообщению информанта Оразакбая Конкожаева) были зажиточными. Зимой они занимали под пастбища урочища Мынказан и Чошкалы. Расстояние между хозяйствами было от 1 до 5 км. Каждое хозяйство занимало свое кстау, которое «даже брат занять не мог». Правда, в зависимости от погоды скот зимой угоняли или в горы (Каскасу, Долгалан, Кызылауз), или в пески (Саркобы, Чингиз, Шошкаольген).⁷⁷

На Северном Казахстане полукочевые казахи часто имели зимовки в обособленном пользовании отдельных хозяйств. М. Чорманов пишет о полукочевых казахах Павлодарского уезда: «На зимовки киргизы (казахи — В.К.) приходят ежегодно, в самую глубокую осень, и весьма дорожат ими как наследственностью».⁷⁸ Наши полевые материалы по Северному Казахстану также подтверждают это. Например хозяйства семейно-родственной группы Калекбалдары первичного рода Косайдар из кипчаков Среднего жуза (Павлодарская область) имели обособленные зимние пастбищные угодья.⁷⁹ Отдельные зимние пастбища были у хозяйств семейно-родственной группы Байтемирбалдары первичного рода Ельбасы большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза. Они располагались вдоль р. Каратургай (юг Тургайской области).⁸⁰

На северо-западе Казахского края, по словам А.К. Гейнса, казахи «пользуются зимовками большей частью покибиточно».⁸¹ П.Е. Маковецкий на основании собранных в последней четверти прошлого века материалов по Павлодарскому, Семипалатинскому и Каркаралинскому уездам, в которых жили в основном полукочевые казахи, писал: «Осенью пастбища, зимовки и близлежащие сенокосы составляют частную собственность отдельных семейств, равно и как находящиеся на них колодцы и леса».⁸² Собственно говоря, здесь и содержится ответ на вопрос, почему так далеко зашло обособление зимних пастбищ у казахских полукочевников.

Правда, вряд ли можно согласиться с тем, что это обособление дошло до образования собственности на зимние пастбища. Такое отчуждение зимних пастбищ носило временный характер и часто нарушалось. Например, в семейно-родственной группе Айдосбалдары первичного рода Шыбыл большого рода Шапрашты было всего девять хозяйств, так как часть семьи этой группы ушли в долину р. Талас. Зимники ушедших были заняты другими хозяйствами. Кстау оставшихся находились на урочище Байтал вдоль р. Чу (раньше это место называлось Сарыозек). Они были разделены между хозяйствами. Однако в тех случаях, когда корма на своих кстау хозяйствам не хватало, они могли пасти свой скот там, где считали нужным.⁸³ В семейно-родственной группе Кенбабабалдары первичного рода Жумук большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза (Восточный Казахстан) хозяйства имели кстау в своем отдельном пользовании, иногда же 2—3 хозяйства также имели зимние пастбища в обособленном пользовании. Так, хозяйство Башая зимой располагалось на урочище Шымдыкора. На этом стойбище паслись его 30 коз, 2—3 лошади, 10 коров и 5—6 верблюдов. Скот хозяйства Байтемира — отца нашего информанта Жылкышы Байтемирова (1901 г.р.) — (100 овец, 20 лошадей, 30 коров и 2 верблюда) пасся зимой на кстау, расположенном на урочище Сыбанкстау. Оно находилось приблизительно в 7—8 км от кстау Башая. Вместе с Байтемиром пасся скот Клыша: 50 овец, 40 лошадей, 10 коров. Там же пас свой скот и Сыбан. Он был баем и у него было 500 овец, 200 коров, около 20 лошадей и 30 верблюдов. Его овец пас наемный пастух — «койшы» — из рода Йесиге. Лошадей на зиму эти три хозяйства отправляли в кос, который пас Байтемир с помощником Ырымом, тоже из их семейно-родственной группы. От-

дельное зимнее пастбище занимали хозяйства Есила и Жаныша. Правда, у них почти не было скота: Есил имел только 2 лошади и 3 коровы, в основном он занимался сапожным делом, а у Жаныша вообще не было своего скота. Он помогал другим хозяйствам в скотоводстве, земледелии и за это получал от них в «саун» (для дойки молока) 5—6 коров. Любопытно отметить, что их кстау находилось в горах, куда можно было пробраться только пешком, с перекидной сумкой «куржун», поэтому оно называлось Куржункстау. В то же время, хотя кстау и разделялись между хозяйствами, все это было условно. Так, у Башая было очень хорошее зимнее пастбище — защищенный от ветров южный склон горы. На нем пасли зимой худых и больных овец все хозяйства группы. Кроме того, у группы было кельте-кстау на урочище Каракора, находящемся в 2—3 км от их основного. Там были даже дома для пастухов и кора для овец.⁸⁴

Все хозяйства 11 аулов семейно-родственной группы Тасыбайбалдары первичного рода Жанибек большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза имели кстау на урочище Акжол (Восточный Казахстан, бывший Зайсанский уезд). «Скот зимой пасло каждое хозяйство отдельно в аулах, каждое хозяйство имело свои пастбища, и скот на другие участки не пускался. Границы определялись по деревьям и по природным предметам. Новому хозяйству пастбище давал отец, разделяя свою землю».⁸⁵ Однако, когда умер один из членов этой группы Бокай, у которого не было детей, его пастбища насильно забрали сыновья его родного брата Тюйтебая. Так же они поступили с землей Жукоя — другого брата Тюйтебая, у которого тоже не было наследников.⁸⁶

Конечно, бывали случаи, когда обособление зимних пастбищ выходило из обычных рамок. В этом отношении любопытно сообщение архивного документа — отчета о поездке из Ташкента в Аулиэ-Ата. В нем говорится: «По дороге видели большой ров, которым знаменитый меркенский богач Нурмамбет окружил свои владения. Нурмамбет страшный богач, лошадей и овец у него по 3000 голов, так что табуны его можно встретить везде и он даже не знает всех... Все здесь его страшно боятся, и он полностью хозяйничает со своими двумя братьями, захватывает у киргиз (казахов — В.К.) землю... Нурмамбет, вероятно, слышал о статистических работах, а, может быть, и о предполагаемой землеустроительной комиссии, и

отгородил себе... большую площадь земли, в надежде, что эту землю признают его собственностью и закрепят за ним».⁸⁷

Встречаются даже указания о захвате чужих земель, их аренде и покупке. Так, в Чаганской волости Семипалатинского уезда аксакал аула № 23 «арендовал у киргиза (казаха — В.К.) кстау, который по бедности живет в ауле № 7 III старшинства... Арендовал на 25 лет, заплатил 2 верблюда. Со дня арендного контракта прошлого 27 лет, но богатый арендатор не уходит и хозяина зимовки не пускает на свое место».⁸⁸

О случаях аренды пастбищ есть указания в материалах наших полевых исследований по Восточному Казахстану. Это было тогда, когда хозяйства имели много скота, а своих прикставных пастбищ не хватало и им приходилось зимой, особенно если было много снега, пасти скот на землях других и платить за это. У семейно-родственной группы Корпебалдары первичного рода Сартокай большого родоплеменного объединения Керей Среднего жуза было много скота. «У каждого аула были отдельные пастбища, даже если на пастбище одного аула выпадает много снега, то другой аул не пускает скот на свое пастбище, так как земли мало. Когда травы не хватало вокруг кстау, скот (лошадей и овец) отправляли в другие места пастись. Как правило, на земли тех, у кого мало овец и много земли, за это платили скотом и деньгами».⁸⁹ В Чаганской же волости Семипалатинского уезда «аксакал аула № 16 VII старшинства купил свое зимовое стойбище 16 лет тому назад (т.е. в 1884 г. — В.К.) у киргиза (казаха — В.К.) Мадияра Асырова за 30 рублей и 3 тохты. Аул № 1 VII старшинства купил свое зимовое стойбище у аксакала аула № 19 I старшинства 7 лет тому назад (т.е. в 1893 г. — В.К.), заплатил разным скотом... По поводу этой сделки был составлен акт, в котором говорится, что (купленная) земля досталась аулу № 1 VII ст. от предков».⁹⁰ Весьма показательно замечание о составлении акта о том, что земля была не куплена, а якобы «досталась аулу от предков». Участники этой сделки прекрасно понимали, что продажа-покупка земли законны только в том случае, если она является собственностью.

Группа родственных аулов № 107 в Павлодарском уезде в 1872 г. продала свое кстау на урочище Сункар-кия за 600 рублей другому аулу.⁹¹ В Каркаралинском уезде некоторые общины, по сообщению авторов Публикации по этому уезду, продали свои зимние пастбища. Так, в группе № 286 в Дегеленской

волости пастбища были поделены между хозяйствами. «21 хозяйственный аул арендовал на 25 лет землю у двух киргиз (казахов — В.К.) из 3-го хозяйственного аула, ушедшего на Иртыш. Одному, на земле которого зимует 21 хозяйственный аул, заплатил 120 руб., другому за урочище «Кзыл» с его окрестностью до могилы Молдаш — 45 бойдаков. Площадь обеих кусков примерно 1.5 × 3.5 кв. верст. В 1891 году об этой сделке составлен письменный договор, в котором соседи-старики удостоверяют, что сданная земля от дедов-отца перешла сдатчикам и принадлежит им. Тот же 21-й хозяйственный аул арендовал также на 25 лет зимнее пастбище у киргиза из 36-го хозяйственного аула VIII старшинства Арбалинской волости в группе № 263 за 80 тохты. Аренда хозяйственным аулом земли в трех кусках объясняется тем, что этот хозяйственный аул 9 лет тому назад вернулся с Иртыша, где долго жил. Предки этого хозяйственного аула в свое время не захватили кставных мест и он был безземельным».⁹²

Еще раз подчеркнем, что это были исключения из правила, хотя они отражали общую тенденцию ко все большему обособлению в пользовании зимними пастбищами как самыми ценными для полукочевников-скотоводов земельными угодьями.

Весьма интересно объяснение о принадлежности кстау у полукочевых казахов Кокчетавского уезда Г.И. Баскина — одного из членов экспедиции Переселенческого управления, работавшей в этом уезде в 1896 г. «Большинство существующих кстау, — пишет он, — основано очень давно, не менее 150 лет. Заложение же новых зимовок происходит обыкновенно на местах того рода, к которому принадлежит и киргиз (казах — В.П.), задумавший построить новое кстау. Поэтому домохозяева с близкими родственными связями селятся вблизи один от другого. Так как до сих пор недостатка в земле не было, то не было также и недоразумений относительно принадлежности известного пространства под кстау тому или другому домохозяину... Аксакал считает участок, прилегающий к его зимовке на известной площади, принадлежащим всему его аулу, но, по видимому, эта принадлежность участка данному аулу не служит выражением права частной собственности на землю, а является лишь только правом пользования».⁹³ О кстау казахов Кокчетавской волости одноименного уезда в этом же документе говорится: «Кстау в нынешнем виде, т.е. с определенными границами пастбищ и постройками, образовались под непосредственным влиянием родового начала; смежные кстау возни-

кали вследствие дележа зимних пастбищ между братьями и ближайшими родственниками». ⁹⁴

Напомним, что с юридически-правовой точки зрения у казахов в изучаемый нами период все земельные угодья, в том числе и зимние пастбища, не могли быть собственностью, так как реформами 1867—1868 гг. они были объявлены государственной собственностью. ⁹⁵

Чем же было вызвано наблюдаемое нами сужение рамок обособления зимних пастбищ у казахов-полукочевников? Нам представляется, причины этого явления можно разделить на две основные группы: постоянно действующие факторы и вновь возникшие в результате изменений, происшедших под влиянием присоединения Казахского края к России. К постоянно действующим относятся факторы природно-климатического (экологического) порядка. Сужение рамок обособления зимних пастбищ вплоть до отдельного скотоводческого хозяйства происходило в горных районах, т.е. там, где объективно было невозможно широкое развитие сенокосения и где отдельные, наиболее охраняемые и оберегаемые на «черный день» участки зимних пастбищ, особенно для овец (кой-булюки, кельте-кстау, куруки и т.п.), служили своеобразным гарантом, как и запасы сена. К этой же категории факторов относятся колодцы, в особенности в тех местах, где они были глубокими и требовали больших затрат на свое изготовление. В этих случаях, как мы установили, четко фиксировалась их принадлежность определенному хозяйству, аулу или же семейно-родственной группе. Это, естественно, приводило к сужению обособленных зимних пастбищ вокруг них.

С этими факторами самым тесным образом связан объективно действующий закон различия плодородия земельных участков, в данном случае зимних пастбищ, из чего неизбежно возникала нехватка самых лучших из них, и, следовательно, стремление каждого хозяйства как можно более прочно закрепить их за собой.

Ко второй группе факторов нужно отнести все более возрастающее «земельное стеснение», которое испытывали казахские полукочевые хозяйства в результате расселения на их территории переселенцев из европейской части России, сначала, как известно, казачества, а затем и крестьянства. ⁹⁶ Наконец, нельзя сбрасывать со счетов влияние, которое оказывали на

сознание казахов те порядки в землепользовании, которые бытовали среди переселенцев.

Подводя итоги по исследованию форм землепользования у полукучевых казахов во вторую половину XIX—начало XX в. на наиболее ценные для них пастбищные угодья (зимние пастбища), мы можем отметить тенденцию, которая выражалась в обособлении их во все более меньших социальных единицах: начиная от семейно-родственной группы и кончая отдельными аулами и даже одним хозяйством. Собственно говоря, перед нами своеобразное продолжение тенденции обособления зимних пастбищ от крупных социальных объединений (таких, как родоплеменные) к более мелким (первичному, или экзогамному роду и далее к семейно-родственной группе) которую мы наблюдали при исследовании форм землепользования у кочевых казахов.

Однако мы не можем проигнорировать имеющиеся в нашем распоряжении данные, которые указывают на то, что эта тенденция прерывалась. Оказывается, были такие общины полукучевых казахов, у которого границы между аулами, а тем более между отдельными хозяйствами на призимовочной территории не соблюдались, хотя и были ранее установлены. Это происходило тогда, когда земельное стеснение из-за изъятия казахских пастбищных угодий под наделы крестьянам-переселенцам и других причин достигало такого предела, при котором физически невозможно было удержать скот в рамках определенных границ. Практически уже не принимались во внимание эти границы, хотя и сохранялась память об их существовании. Так, 6 хозяйственных аулов, составляющих общинную группу, объединенную общим предком — родоначальником Искене из I старшинства Становой волости Петропавловского уезда совместно пользовались зимними пастбищами, хотя они еще предками были поделены между ними: «Совместное пользование зимними пастбищами объясняется, главным образом, большою скученностью аулов, при которой нет возможности охранять свои кстау от чужого скота».⁹⁷

Подобное явление было характерно и для других уездов Казахстана. Например, в материалах по Павлодарскому уезду говорилось: «Между отдельными кстау имеются «ата-булюк», «отцовская межа», но во владении каждого аула, находится такое незначительное количество зимних пастбищ, что об охране этих «ата-булюков» не может быть и речи». То же самое в

гр. № 181: «Между зимними пастбищами границ не существует, эти пастбища настолько мизерны, что делить нечего», и в гр. № 182: «Всеми пастбищами пользуются сообща, между кстау границ нет — земли так мало, что делить нечего».⁹⁸ Такие же сведения мы могли бы привести по Каркаралинскому, Усть-Каменогорскому и другим уездам.⁹⁹

По сути дела мы столкнулись со своеобразным парадоксом, при котором одни и те же факторы, которые стимулировали все большее сужение рамок обособления зимних пастбищ, установление все более четких границ между ними, на определенной ступени породили обратное явление: необходимость ликвидации всяких границ как физически невыполнимых из-за земельной тесноты.

Как правило, инициаторами такой «ликвидации» внутри-общинных границ выступали хозяйства и аулы, у которых было много скота. Обычно они ссылались на традиции родовой взаимопомощи.¹⁰⁰ «Более богатым многоскотным хозяевам стало тесно в прежних стариковских границах, и явилось стремление уничтожить эти границы, чтобы иметь право пользоваться свободно пастбищами бедных соседей».¹⁰¹

Это еще раз подтверждает высказанное нами ранее сообщение, что основой объединения в общину у полукочевых казахов (в области скотоводства) были семейно-родственные связи.

Перейдем теперь к исследованию форм землепользования по отношению к летним пастбищам. К ним казахи предъявляли другие требования, по сравнению с зимними. Летние пастбища — «джайляу» — должны были иметь хорошую сочную траву и непременно водные источники для водопоя скота, причем предпочитались естественные: реки, озера, родники и т.п., так как из них намного легче было напоить животных, чем из искусственных колодцев. Ч.Ч. Валиханов в статье о кочевках казахов писал, что для летних пастбищ требуются «места открытые, привольные и обильные текущими водами или озерами».¹⁰²

Упомянутый выше средневековый автор Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани так описал летние кочевки казахов: «Так как количества добра и снаряжения у них сверх всякой меры, то, само собой, всевышний и всемогущий бог пожаловал им летние и зимние становища, пространство равнинной земли в шестьсот фарсахов,¹⁰³ где нет ни одного камешка, чтобы они

могли кормить и поить скот. Это пространство покрыто речками, цветами и тюльпанами и называют его Дешт-и Кипчак (средневековое название казахских степей — В.К.). И это все — владение узбеков (узбеки, узбек-казахи, казахи — так назывались в те времена тюркские кочевые племена Дешт-и Кипчак — В.К.)... И эта обширная степь является летним становищем узбеков, и в летние дни, когда наступает зной таммуза (месяц сирийского календаря, соответствует июлю — В.К.) и время множества пожаров и сгорания, казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степи. Вследствие множества скота и нужды в пастбищах они занимают всю эту обширную степь, и каждый из их султанов имеет в своем владении и подчинении определенную местность этой области... Численность стад их овец и коров, счет табунов их лошадей никто, кроме всевышнего... не знает... Когда наступает осенняя пора, погода в той стране становится холодной и выпадают обильные снега, то, разумеется, казахи для зимовки направляются из степи на зимние стойбища». ¹⁰⁴ Так было в XV—XVI вв., так продолжалось и в последующие века вплоть до перевода казахов на оседлость в годы Советской власти. ¹⁰⁵

«Очень серьезным делом, — пишут казахские исследователи, — был выбор летних пастбищ. Определяющими признаками летовок являлись хороший травостой, прохладный климат, наличие водопоя и отсутствие комаров и слепней. Летние пастбища были в основном сосредоточены на севере и в горных районах Казахстана. ¹⁰⁶ В специальной работе, посвященной исследованию пастбищных угодий у казахов, сказано следующее: «Размеры летних пастбищ с севера на юг постепенно уменьшались, а в некоторых пустынной зоны районах были минимальны. В пустынной зоне (исключая Семиреченскую область, Чимкентский и Аулие-Атинский уезды, где высотные районы служили летовками) в результате нехватки удобных летних пастбищ многие хозяйства откочевывали на летовки далеко на север, за пределы своих уездов и даже областей. В особенно трудном положении находились казахи Гурьевского, Мангышлакского, Казалинского и Перовского уездов, имевшие очень мало удобных летних пастбищ. Не случайно именно из этих уездов летом откочевывало довольно значительное число хозяйств (как уже говорилось в предыдущей главе об общинно-земельных отношениях кочевых казахов, часть этих хозяйств вела кочевой образ жизни, особенно в Мангышлакском уез-

де — В.К.). В Букеевской орде, Уральском, Актюбинском, Кустанайском, Петропавловском, Кокчетавском, Омском, Павлодарском, Семипалатинском, Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах, а также в Лепсинском, Копальском, Джаркентском и Верненском уездах сезонные пастбища (зимовки, весенне-осенние и летовки) располагались в основном компактно, в пределах своих уездов...

На территории Темирского, Иргизского, Тургайского, Атбасарского, Акмолинского и Каркаралинского уездов, как показывают источники, летовки преимущественно находились в северной части уездов (степная зона), а зимние пастбища — в южной (пустынная зона).¹⁰⁷

В отличие от зимних пастбищ, которые в литературе, особенно дореволюционной, принято было называть землями обособленного пользования, летние пастбища обычно называли землями общего пользования.¹⁰⁸

Имеющийся в нашем распоряжении материал убеждает в том, что термин «земли общего пользования» по отношению к летним пастбищам у полукочевых казахов в изучаемое время можно принимать только условно, так как они также находились в ограниченном пользовании отдельных социальных объединений.

Рассмотрим более подробно, что собой представляли эти социальные объединения. А.И. Добросмыслов, основываясь главным образом на материалах, собранных лично во время работы в течение двух лет (1880-е годы) ветеринарным врачом в Турганской области, а также его коллег — ветеринарных врачей, писал: «При своем движении (на джайлау — В.К.) они следуют определенными путями, установленными обычным правом, основанным на давности пользования киргизскими (казахскими — В.К.) родами. На том же обычном праве основано и пользование, так называемыми, летовками (летовка по-киргизски *жайлау*), т.е. местами, которые, кроме пастбы скота, ничем другим не могут быть заняты, как, например зимовыми стойбищами, пашнями и т.п., а потому каждая летовка находится в пользовании только определенной группы киргиз, в большинстве случаев одного рода, вследствие чего и кочевать на ней может только известный род или его отделение, но не всякий киргиз, который нашел бы для себя удобным пользоваться той или другой летовкой по собственному усмотрению».¹⁰⁹

Н. Гродеков, основываясь на полевых материалах, собранных Г. Вышнегорским в уездах Сырдарьинской области в течение семи месяцев 1886 г., т.е. приблизительно в то же время, когда на севере по отношению к этой области собирал свой материал упомянутый выше А.И. Добросмыслов, сообщает: «При кочевании киргизы (казахи — В.К.) и до настоящего времени следуют древнему обычаю. Кочуют обществами одного рода, допуская в свои аулы из других родов лишь родственников по женской линии или бедняков, нанимающихся в работники. Пути кочевков определены для каждого рода. Каждый род имеет свои определенные места летних (джайляу) и осенних (куздяу) кочевков». ¹¹⁰

В 1866 г. А.К. Гейнс совершил большую поездку по Западному и Юго-Западному Казахстану. Один казах рассказывал ему: «Во время летних кочевков мы двигаемся всюду, однако не по произволу, а согласно пространству летовок, определенных обычаем для нашего рода семиродцев (т.е. относящихся к большому родоплеменному объединению Жетыру — В.К.)». ¹¹¹

Аналогичные данные были нами зафиксированы во время экспедиции 1971 г. в Кызыл-Ордынскую область со слов информанта Ш.Е. Кудаманова. Хозяйства первичного рода Жомок входили в более крупный род — Баганалы из большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза. «Летом кочуют все вместе Баганалы, но было известно, где живет летом Жомок, где — Эжем (родственный Жомоку род. Согласно родословной они были, как и еще 4 брата: Сейит, Тней, Балкышы и Кармакшы — сыновьями Актаза). Но временно допускались перемещения, особенно во время перекочевков, а когда останавливались окончательно на лето, то уже занимали свое место». ¹¹²

Весьма характерны доказательства, которые приводятся при утверждении прав на то или другое пастбищное угодье. Так, казахи пяти волостей Каркаралинского уезда подали в 1888 г. жалобу, что другие казахи стесняют их в летних кочевках по местам при речках Дугалак, Нуржау, Амантай-джар-моласы, Акмулла, Ургеньджас, Тутар, Чурубай-Нура, Байгора, Муйна-сулу, Былкылдак, Уч-койтас, Байук, Яхшы-сары-су, Аман-сары-су, Яман-узенин-бугу, которыми «с исконь века владели наши отцы и деды, что доказывается кладбищами, находящимися при этих речках, в которых покоится прах наших предков». ¹¹³ Нам приходилось не раз слышать от казахов во

время экспедиций, что наличие могил предков является существенным доказательством на обладание определенной площадью земли. В 1975 г. в Джембулской области почти на границе с Киргизией (северные склоны Киргизского хребта), в ауле Кызылсай Меркенского района информант Бедиль Сексенов рассказал нам следующее. В первой половине XIX в. эти места заняли киргизы после ухода калмыков. Они принадлежали к роду Солта, во главе которого был народный батыр Канай Тлеубердыев. Другом у него был казах Сыпатай Алибеков — очень влиятельный среди казахов рода Дулат. Жили дулаты тогда за р. Или. Земли там не хватало, и роды Суван и Албан притесняли дулатов. Канай дал казахам-дулатам здесь земли. В это время умер брат Сыпатай — Андас. Сыпатай похоронил его на холме Караболта, и «это место стало границей между киргизами и казахами». И дальше Бедель Сексенов разъяснил: «Андас был похоронен не даром, так как в дальнейшем потомки Сыпатай могли говорить, что их предки похоронены там, так что там были их земли».¹¹⁴

В Усть-Каменогорском уезде, например, границы кстау весьма разнообразны: иногда это просто ряд урочищ, разграничивающих смежные владения и используемые сообща их стадами; иногда показателями границ служат сопки, выходы камней, одинокое дерево и т.п.; иногда искусственные сооружения в виде кучи камня или ямы. Нередко также пограничными пунктами являются могилы.¹¹⁵

Четко прослеживается тенденция: чем большую ценность представляло для хозяйств пастбищное угодье, тем определеннее были его границы. Это явление отмечали еще исследователи дореволюционного периода: «Между тем и киргизские (казахские — В.К.) понятия о границах также очень условны и растяжимы. Прежде всего границы определяются у киргизов различным образом на различных угодьях. Чем нужнее известное угодье киргизу, тем определеннее границы этого угодья, и наоборот. На призимовочных угодьях границы отличаются большею определенностью, чем на угодьях летовочных».¹¹⁶ На различное отношение к соблюдению границ заметное влияние оказывало также родство. Чем ближе были родственные связи между хозяйствами, аулами и общинами, тем меньше эти границы соблюдались. «В зависимости от родственной близости с соседями отношение к соблюдению границ бывает далеко не одинаковое. С близкими родственниками эти границы являют-

ся только условными, и вспоминают о них только при ссорах; уже с более далекими родственниками, обыкновенно с соседями, принадлежащими к другому аульному обществу, пастбищные границы определеннее и строже; наиболее же определенными и строгими пастбищные границы являются для чужеродцев». ¹¹⁷ Перед нами еще один пример, доказывающий, что у полукочевых казахов изучаемого времени родственные связи имели определяющее значение.

На летовках казахи применяли оригинальный способ определения границ, который был характерен, очевидно, только для скотоводов. «Когда при обследовании площади летовок по кокчетавской волости (Кокчетавский уезд, экспедиция 1896 г. — *В.К.*) было констатировано, что площадью этой пользуется пять общинно-аульных групп и что каждая группа останавливается на определенных местах, меняясь по годам этими местами, смотря по тому, кто первым занял то или другое место; тогда естественно возник вопрос о том, каким образом разграничиваются эти пять площадей во время самого их использования. На вопрос о том, есть ли постоянные признаки границ между этими площадями, киргизы (казахи — *В.К.*) ответили “нет”, и пояснили при этом, что нет этих признаков потому, что “Бог не сделал их: не поставил курганов, не провел борозды в виде реки, не отграничил их горою или озером” и т.п. На второй вопрос: как же, однако, киргизы разбираются при этом в границах пяти описываемых площадей и кто указывает им границы? Киргизы ответили категорически: “лошадь” и пояснили ответ следующим образом. Общая площадь летовок граничит с двух сторон ясно очерченными урочищами — с запада р. Кильчакты и с востока оз. Саумалкуль. Отдельными частями, на которые делится летовка, общинно-аульные группы ежегодно пользуются по праву первой заимки. Оседают же заимщики рядами аулов по берегам с одной стороны р. Кильчакты, а с другой — оз. Саумалкуль. Первым, поэтому, приходится выпасывать скот, гоняя его в одном направлении на восток, а вторым — на запад. Так как аулы смежных общин бывают размещены линией вдоль реки и озера, то, следовательно, у каждой общины образуется площадь в виде четырехугольника, в котором одну сторону, где расположены стойбища, составляет река или озеро, две другие образуются по прямой линии вследствие того, что каждая община гоняет на пастбища лошадей в одном и том же направлении, и, наконец, последнюю четвер-

тую границу также “показывает”, по выражению киргиза, лошадь... Лошадей, преимущественно дойных кобылиц, держат днем возле стойбища, гоняя на пастьбу ночью. Вечером гонят табун по направлению от стойбища в степь... И вот те крайние пункты пастбищ, до которых доходят в течение ночи лошади, и считаются границами. Там, где лошади сходятся ночью из двух противоположных стойбищ, и должны быть границы летовки для каждой общины. Если площадь пастбищ велика и лошади различных общин не сходятся ночью, то свободное пространство выпасает третья общинно-аульная группа, располагая стойбища сбоку перпендикулярно к линиям остальных двух общин, расположенных на противоположных границах общей летовочной площади, и гоняя, следовательно, на ночь лошадей не на восток или на запад, а с севера на юг или обратно. Таким образом, границы площадей киргизского землепользования в данном случае определяются условиями выпаса скота и зависят, конечно, как от размеров площади, так и от качества пастбищ». ¹¹⁸

Одним из важнейших факторов, влиявшим на определение качества летнего пастбища, было наличие водопоя для скота. При отсутствии естественных водных источников скотоводам приходилось поить скот из колодцев. Это резко повышало трудоемкость ухода за ним. Потребность воды в день для лошади 30—40 л, крупного рогатого скота — 40—50 л, верблюда — 20—30 л, овцы — 5 л. ¹¹⁹ Из одного колодца можно было напоить строго определенное количество скота. Отсюда становится ясным желание владельца колодца (хозяйства, аула, семейно-родственной группы, первичного рода и т.д.) закрепить свои права на него, а следовательно и на близлежащие пастбища. Об устойчивом сохранении этих прав сообщает Н. Гродеков: «Если известный род вырыл арык или колодезь, с закланием животного перед началом работы, как принято, и если потом, на место этого рода, откочевавшего оттуда, сел другой род, то первый род, явившись обратно, требует свой арык или колодезь. Такие требования заявляются со стороны родни, даже в седьмом колене (как мы уже отмечали, родство в седьмом колене по мужской линии у казахов составляло первичный, или экзогамный род — В.К.). “Тут потрачен труд наших дедов” (бабамыздынг михнети), говорят в таком случае. Если ответчики откажутся под предлогом незнания о прежних владельцах, то истцам предоставляется присяга в том, что они или их предки

вырыли арык или колодезь. Если же тот род, который занял готовый арык или колодезь, употребил труды на расчистку и поправку его, то ему говорят: “Вы за это пользовались водою”». ¹²⁰

В нашем распоряжении имеется большое количество фактов, свидетельствующих, что на джайляу хозяйственные аулы одного рода располагались на своих колодцах и не допускали пользоваться водой из них хозяйствам других родов. Если же иногда и предоставляли такую возможность, то только с разрешения и в том случае, когда воды в колодцах хватало на всех. Казахи, например, Маралдинской волости Павлодарского уезда, придя на летнее пастбище, первым делом начинали чистить колодцы. На джайляу каждый их аул становился на своих родовых колодцах. ¹²¹ То же самое можно сказать по поводу многих волостей Семипалатинского уезда. Так, 13 хозяйственных аулов рода Кара-мырза Чаганской волости, насчитывающих 53 хозяйства, которые в 1900 г. были середнячками или даже зажиточными, имели на джайляу колодцы, принадлежавшие отдельным группам аулов. ¹²² В группе семи родственных аулов Коконской волости из 29 хозяйств, главы которых имели одного общего предка в четвертом колене — Сапака, каждый аул на джайляу останавливался на определенном месте, так как колодцы принадлежали отдельным аулам или группам аулов. ¹²³

В ряде случаев мы имеем данные о времени распределения колодцев между аулами. Так, в Чаганской волости Семипалатинского уезда «на восточной летовке (Курк-кудук) колодцы были распределены между отдельными кочующими здесь аулами 100 лет тому назад (если учесть, что обследование производилось в 1900 г., значит распределение колодцев произошло в самом начале XIX в. — В.К.). На западных летовках — Айнабулак, Акджарык и Караджарык — начали захватывать колодцы 15 лет тому назад, ранее здесь останавливались, как придется. Начали присваивать колодцы богатые киргизы (казахи — В.К.), стараясь при этом захватить в свое пользование лучшие из них». ¹²⁴ Вот еще один пример. В Чаганской волости на летних пастбищах, расположенных на западе — уроч. Сарапан и Тасшоки — 60 лет тому назад, т.е. приблизительно в 40-х годах прошлого века, чаганские казахи останавливались свободно, где кто хотел, до тех пор, пока богатые казахи из рода Мотыш не захватили в свое исключительное пользование некоторые из колодцев. Лет 50 тому назад, т.е. в середине XIX в., при стар-

шем султани Кунанбае (отец классика и основателя современной письменной литературы казахов, просветителя Абая Кунанбаева — В.К.), и другие казахи разобрали колодцы по аулам и группам аулов. Никто уже не имел при этом права останавливаться на чужом колодце.¹²⁵

Эти данные, собранные в начале века экспедицией Переселенческого управления, подтверждаются материалами наших полевых исследований. В Павлодарской области (б. Павлодарский уезд) хозяйства рода Айдабол из большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза кочевали летом в районе рек Оленты и Шедерты. Скот поили из колодцев-кудук, глубиной в 2—3 м. Эти колодцы копали всем аулом, также их и чистили. У некоторых баев, как например, у бая Байболта, который имел 300 голов овец, 50 лошадей, 10 верблюдов и около 50 голов крупного рогатого скота и у которого работал пастухом овец в молодости наш информант Аппас Манапов (1905 г.р.), были свои колодцы.¹²⁶

У нас есть также данные, о том, что колодцы на летних пастбищах принадлежали всему роду. Так, род Шапрашты, входящий в состав Старшего жуза, имел общие колодцы: Кушкумбай, Тлеуке, Тогус, Торт, Актау и другие в песках, где пасли скот летом середняцкие и байские хозяйства этого рода.¹²⁷ Обычно колодцы на летних пастбищах находились в пользовании первичного или экзогамного рода. В Сары-Арка потомки первичного рода Кармыс, входившего в большое родоплеменное объединение Таракты Среднего жуза, поили скот из своих колодцев, которые назывались Абеу, Алтыбай, Даулбай, Кенатай. Другие родственные первичные роды из таракты могли поить из этих колодцев скот только на время перегона.¹²⁸

Таким образом, закрепление колодцев, а следовательно, и расположенных окрестных пастбищ за определенными социальными единицами: семейно-родственными группами, т.е. общинами или первичными родами, приводило к более четкому определению границ этих пастбищных угодий.

В Казахстане в силу большого разнообразия природно-климатических условий значительно различались расстояния между зимними и летними пастбищами. В одной только Тургайской области, как писал А.К. Гейнс, полукочевые казахи двух ее северных уездов: Илецкого (Актюбинского) и Николаевского (Кустанайского) «не откочевывают в течение всего лета далее пятидесяти верст от своих зимовок», в то время как каза-

хи Тургайского и Иргизского уездов, расположенных на юге от двух первых, кочуют «за тысячу и более верст».¹²⁹ К этому необходимо добавить, что байские хозяйства уходили летом со своими стадами на более дальние, а, следовательно, и более просторные летние пастбища. Кочевой путь середняцких хозяйств, а тем более бедных, был значительно короче. Сошлемся снова на А.К. Гейнса. Он сообщает, что полукочевые казахи, которые зимовали в песках Большие Барсуки, расположенных на север от Аральского моря, где было много воды, хорошие покосы и зимние пастбища, при летних перекочевках делились на богатых и бедных скотом. «Большие перекочевки с юга на север к вершинам Илека, Ори и других рек делаются только богатыми, составляя как бы их монополию. Люди менее состоятельные не уходят так далеко и остаются гораздо южнее, например на Уиле, верховьях Эмбы и Иргиза, находя тут все средства для продовольствия своего скота».¹³⁰ Подобные же соображения мы находим в одном из архивных документов. Богатые хозяйства (или как в нем написано «многоскотные») Перовского уезда, летом ходят на джайляу в Тургайский и Атбасарский уезды. Главная причина, которая заставляет ходить так далеко, та, что скот не может выносить летние условия здешней жизни и падает. Вредят скоту мухи, затем растительность здешняя: алабота, кендыр, чермаук».¹³¹ В этом же документе было сказано, что те, кто оставался, т.е. не уходил на летние пастбища, имел лишь коз и коров.¹³²

Об этом неоднократно сообщали нам информанты во время экспедиции 1971 г. в Казалинский район Кызыл-Ордынской области (б. Казалинский уезд). Они говорили, что богатые хозяйства (особенно с верблюдами) уходили летом на джайляу далеко в Каракумы (Приаральские), а бедняки проводили лето на месте: «Весной уходили на джайляу. Бедные (джатаки) почти не уходили (1—2 км), середняки — километров на 50—60, а богатые очень далеко».¹³³ Объясняется это следующими обстоятельствами. Во-первых, когда скота мало, ему хватает пастбищ на месте; во-вторых, малоскотные хозяйства занимаются земледелием, а также сенокошением. Как правило, обрабатываемые пашни и сенокосы были расположены на призимовочной территории, поэтому откочевывать далеко нельзя. В ряде случаев казахи вообще перестают кочевать. На правом берегу р. Эмбы, по словам А.К. Гейнса, встречаются хозяйства, которые, чтобы сберечь от потравы свои покосы и зимние пастби-

ша, никуда почти не кочуют: «Хозяин юрты (в ауле на правом берегу Эмбы — В.К.), в которую мы вошли, — Чеклинского рода Джикеева отделения. Он уже давно сидит на одном месте, оберегая луга, на которых находится его зимовка. Кочует только кругом нее, и в течение сорока лет постоянной жизни на одном и том же месте отвык, как говорил, от дальних кочевок».¹³⁴ Информант Толкумбай Уркумбаев (1877 г.р., из семейно-родственной группы Тогайбалдары рода Женекей, входящего в большое родоплеменное объединение Алимұлы Младшего жуза) говорил нам, что «в группах, где есть богатые и бедные хозяйства, как правило, богатый уходит со скотом на джайляу, а бедняки остаются, обрабатывают землю свою и богатого».¹³⁵ Хозяйства семейно-родственной группы Айтымбетбалдары из рода Кыркмылтык¹³⁶ большого родоплеменного объединения Аргын (Акжоларгын) Среднего жуза были бедными, поэтому они в основном занимались земледелием, косили сено для баев. Пашня и сенокос находились у них на кстау (б. Сарытургайская волость Тургайского уезда).¹³⁷ Богатые хозяйства часто покупали сено на зиму у бедняков. Зажиточные хозяйства семейно-родственной группы Туткушбалдары, подробно описанной нами выше, сами сено не заготавливали, а покупали его у жатаков.¹³⁸ Хозяйства родственной группы Таткенбалдары рода Акбура из аргынов Среднего жуза (б. Павлодарский уезд), о котором мы также писали выше, имели близ кстау отдельные покосы на урочище Шектыколь, а также пашни. Их джайляу находилось на урочище Сарытау — в 20—25 км от кстау. Бедняки продавали сено, если своего скота было мало.

Подобные примеры мы могли бы продолжить по другим районам Казахстана, а также подтвердить материалами, почерпнутыми из дореволюционной литературы и публикаций экспедиций Переселенческого управления, проводимых в самом конце XIX—начале XX в., и архивных источников. Остановимся на некоторых примерах по Тургайскому уезду. Хозяйственные аулы аксакала Жанбая Жаукеева, в которых было 22 семьи, и аксакала Сатыбалды Жанашаева (17 семей) имели пашни и сенокосы у зимовки. 23 семьи хозяйственного аула аксакала Жанабергана Караменева Сары-Копинской волости также имели неполивные пашни и покосы вблизи своих кстау.¹³⁹ Летние пастбища всех этих аулов были расположены на расстоянии от 3 до 25 верст.¹⁴⁰ Вообще из Поаульных таблиц статистических сведений по Тургайскому уезду мы можем судить,

что летние пастбища у полукочевых казахов находились в среднем на расстоянии от 5 до 50 верст, иногда до 150.¹⁴¹ Исключение составлял хозяйственный аул аксакала Нурхана Шектыбаева Тусунской волости, у которого джайляу было расположено в 450 верстах от зимника, а также аулы аксакалов Изтуле Ниязбекова, Нумагамбета Кентова, Токпая Тлеуменова, Бисемтая Самбетова и Кенжебая Токмурзина, которые уходили летом на джайляу, отдаленные от зимников на расстояние от 250 до 650 верст. Подчеркнем, что все эти аулы были много-скотными.¹⁴²

В тех же случаях, когда скота у хозяйств и у аулов было мало, а призимовочная территория достаточно обширна, они могли вообще не перекочевывать на джайляу. Л. Чермак писал, что в иных случаях летовки, осеннее пастбище, покосы и посевы составляли одно целое с зимними пастбищами и право пользования ими принадлежало одной группе: «Обычно же этой последней является группа хозяйств, образующих несколько аулов и связанных между собой более или менее близким родством».¹⁴³ По сути дела перед нами типичная семейно-родственная группа! Особенно часто с подобными явлениями, по сведениям дореволюционных исследователей, можно было встретиться в Актюбинском уезде.¹⁴⁴

Согласно архивным данным 1925 г. у двух первичных родов: Карача (по материалам наших полевых исследований — Караша) и Тюлебай Тарбагатайской волости Зайсанского уезда (Восточный Казахстан) «вследствие малого количества скота прогонов на летовки не существует». И дальше в этом документе сказано, что «коктеу, кузеу, джайляу расположены в одном месте призимовочной территории на уроч. Конды-су, Узун-булак, Торгай-булак, Терс-Айрык, Сара-улень, Еки-ашилы».¹⁴⁵

И все-таки, как отмечал С.И. Руденко, проводивший исследования в Восточном Казахстане в 20-х годах, даже в этих случаях хозяйства как бы кочевали. «В прииртышской степи, — писал он, — впрочем, даже самые бедные на лето покидают зимняк и ютятся где-нибудь поблизости в старых войлочных кибитках или плетеных шалашах».¹⁴⁶

Наконец, среди имеющихся в нашем распоряжении материалов есть указания на то, что в ряде случаев казахи-полукочевники во второй половине XIX—начале XX в. стали устраивать зимовки на джайляу. В Павлодарском уезде «за пос-

ледние 3—4 года (обследование производилось в 1897 г., т.е. около ста лет тому назад — *В.К.*) на летовках киргизы (казахи — *В.К.*) Аккелинской волости, по совету Садывакаса Черманова, стали строить зимовки с целью закрепить за собою наиболее ценные земли... Захват под зимовки летовочных пространств общего пользования повлек за собой целый ряд драк и бесконечных тяжб». ¹⁴⁷

О недоразумениях, возникавших в связи с тем, что некоторые полукочевые казахи стали захватывать под зимовки места на летних пастбищах, сообщает также А.К. Гейнс. Он пишет, что в одном из оврагов, образующих восточные отроги Мугоджарских гор, они внезапно натолкнулись на юрты. «Старик, хозяин юрты, в которую мы вошли, тоже Кара-Башевского рода, пояснил нам, что он занял это место под зимовки, а что прежде он зимовал в Кара-Кумах, на неудобных местах. Это, прибавил он, случается весьма часто. Такими-то захватами зимовых мест на перепутки летовок, без ведома родов, кочующих здесь (из сказанного вытекает еще раз, что летние пастбища были в обособленном пользовании именно родов — *В.К.*), должно очень затрудняться само кочевание. Вероятно, подобные обстоятельства и доводят до непрерывных драк и ссор, случающихся в Оренбургской степи во время летних кочевок». ¹⁴⁸

В Павлодарском уезде значительная часть казахов была лишена зимовок, так как полоса земли в 10—20 верст шириною вдоль правого берега Иртыша была отдана царским правительством под юртовые наделы и земли войскового запаса, а также офицерские участки Сибирского казачьего войска. Так называемая 10-верстная полоса по левому берегу также отделила казахские земли от Иртыша. Эти земли представляли собой прекрасные заливные луга, на которых расположены отличные сенокосы. Лишенные зимних пастбищ и сенокосов казахи вынуждены под зимовки арендовать свои же в прошлом земли у казаков. ¹⁴⁹ Таких казахов на конец прошлого века насчитывалось 6736 хозяйств, т.е. около одной трети всех хозяйств, живущих в уезде. ¹⁵⁰ К этому необходимо добавить, что на юге уезда под казачью станицу были отданы Баян-Аульские горы, представлявшие собой наиболее ценные зимние пастбища. Об этом в середине прошлого века писал Ч.Ч. Валиханов: «Баян-Аульский округ, без сомнения, самый бедный в области сибирских киргиз (казахов — *В.К.*). Киргизы, кочующие в Баян-

Аульском округе, хотя и владеют прекрасными летними пастбищами в верховьях Нуры и Ишима, но не имеют самого важного — зимовок. Территория округа представляет холмистую и каменистую равнину, в которой растительность держится только в ложбинах, глубоко забиваемых зимою снегом. Лесистые горы Баян-Аул и Эреймень кажутся среди этой печальной равнины как бы оазисами в негостеприимной пустыне. Горы эти действительно имели для киргиз значение оазисов, они служили зимовками для всех Тортугульских волостей. Баян-Аул никогда не знал повальных упадков скота, в нем Азнабай приобрел 17 тысяч лошадей... Баян-Аул принадлежит станице; за Иртыш же, куда пригоняли наши предки часть скота на зиму, не пускают нас казаки. Таким образом, киргизы Тортугульских волостей остаются совершенно без зимовок». ¹⁵¹

Такое же положение в той или иной степени сложилось почти во всех уездах Казахстана, исключение составляли лишь полупустынные и пустынные районы края. В Кокчетавском уезде, например, в 1896 г. под казачьи, крестьянские и казенные земли было уже занято около 13% всей площади, при этом надо учесть, что это были самые лучшие участки. ¹⁵² Б. Сулейменов в работе, посвященной аграрному вопросу в Казахстане в конце XIX—начале XX в., пишет, что «крестьяне-переселенцы наделялись пригодной к хлебопашеству землей в размере 15 десятин на мужскую душу, исключая менее пригодные окрестные территории, предназначенные для выпаса скота». ¹⁵³ К 1896 г. в восьми уездах Акмолинской и Семипалатинской областей, а именно в Акмолинском, Кокчетавском, Петропавловском, Атбасарском, Омском, Павлодарском, Каркаралинском и Усть-Каменогорском уездах было образовано 43 волости переселенческого крестьянства с населением около 150 тыс. человек. В их пользовании находилось почти 1.4 млн. десятин земли; кроме того крестьяне-переселенцы арендовали у шаруа более 88 тыс. десятин земли. ¹⁵⁴

Казахи вынуждены были основывать зимовки-кстау на летних пастбищах, особенно в тех случаях, когда их лишали прежних или же им там становилось тесно. Так, в прошении выборных казахов Карамолинской волости Павлодарского уезда говорится, что на летовках, выделенных им в 1889 г. по рекам Чидерты и Уленты, «строились хутора, количество кибиток, остающихся на зиму для пастбы скота все более и более увеличивалось... Таких кибиток на летовках стало в 1898 году

196 (из разных родов) и из них был образован новый административный аул № 10. 150 хозяйств казахов Кызылтавской волости также образовали зимовки на летних пастбищах по рекам Чидерты и Уленты. Эти хозяйства в 1898 году были объединены в старшинства № 1. Организовали зимовки по реке Уленты ряд хозяйств казахов из Чакчанской волости». ¹⁵⁵ Из рапорта управляющего Чумекеевским родом подполковника султана Нурмухамеда Касимова от 1864 г. следует, что у чумекеевцев «были заняты под летовки по рекам Иргизу и Тургаю урочища Джалгувар, Чуртанле, Карачатау и Джатыкуль. Казахи рода Джагалбайлы зимой 1862—1863 годов захватили эти угодья под зимовки, так как чиновник Груздев отнял у них зимовки, которые были расположены в урочище Каракуйчуган по реке Сыр-Дарье на восточной стороне Форта № 1». ¹⁵⁶

Захват под зимовки летних пастбищ нарушал всю систему последовательного выпаса скота на сезонных пастбищах, что привело к разорению казахских полукочевников.

Подводя итоги, мы можем сказать, что во вторую половину XIX — начало XX в., несмотря на отмеченные выше различные отклонения, летние пастбища, как правило, находились в обособленном пользовании одного первичного, или экзогамного рода. В этом отношении прослеживается аналогия с формами землепользования на летние пастбища у кочевых казахов. Однако есть и отличие. Оно заключается в том, что у полукочевых казахов внутри одного рода отдельные группы аулов, образующих, как мы выяснили, семейно-родственные группы, занимали на летних пастбищах определенные земельные площади, оберегая их от других, даже родственных им групп. В хозяйственно-бытовом отношении эти семейно-родственные группы представляли собой отдельные общины.

Таким образом, у полукочевых казахов, как и у кочевников, община «теряла» на летний период право на обособленное землепользование, т.е. на использование определенных участков летних пастбищ — джайляу. Это право переходило к более широкому социальному объединению: первичному, или экзогамному роду. Однако община сохраняла в своих рамках все остальные функции, в первую очередь, хозяйственные: совместную пастьбу скота, защиту его, совместное использование водоемов, обработку шерсти (валяние кошм) и т.п. В этом заключается одна из принципиальных особенностей скотоводческой общины, так как одним из основных признаков всякой

общины есть ее право на общинное землепользование, что именно это землепользование объединяет в одно целое все домохозяйства, входящие в данную общину. Следовательно, мы вправе сделать вывод, что у полукочевых казахов, как и у казахских кочевников, все хозяйства, входящие в одну общину, были объединены на основе близкого родства их глав по мужской линии, а именно: не далее 4—5 поколений.

В то же время первичный, или экзогамный род казахских полукочевников, которому на летний период переходило право обособленного землепользования летними пастбищами, таким образом продолжал сохранять за собой определенные экономические функции, т.е. представлял собой «живой», по определению С.М. Абрамзона, социальный институт.

Нам остается рассмотреть формы землепользования по отношению к весенне-осенним пастбищам, кочевым путям с одного сезонного пастбища на другое и покосам.

Весенне-осенние пастбища у полукочевых казахов во второй половине XIX — начале XX в. находились на пути между зимними и летними пастбищами. Очень часто одно и то же угодье было как весенним, так и осенним пастбищем. «Обыкновенно весеннее пастбище *коктеу*, совпадает с осенним — *кузеу*». ¹⁵⁷ Как сообщают авторы главы «Пастбищные угодья и их сезонное использование. Водопой» порядок пользования осенне-весенними пастбищами был следующий: «Если эти пастбища непосредственно примыкали к призимовочным территориям, то они находились в обособленном пользовании отдельной семьи или небольшого аула, если же осенне-весенние пастбища располагались вдали от зимовок, то зачастую ими пользовались сообща несколько аулов или даже несколько общин». ¹⁵⁸ Сказанное соответствует действительности, однако, как нам представляется, далеко не раскрывает всего многообразия пользования этими сезонными пастбищами, а также не объясняет причин данного многообразия.

Нельзя не согласиться с мнением авторов, высказанным в публикации Переселенческого управления о казахских полукочевниках Кокчетавского уезда, что в процессе обособления сезонных пастбищных угодий весенне-осенние пастбища были обособлены во вторую очередь после зимних: «Раньше всего начал ощущаться недостаток в зимних пастбищах и зимовые стойбища были первыми отграниченными от других пастбищ площадями, поступившими в исключительное пользование от-

дельных групп населения. Позже, когда и в отграниченных таким образом зимних пастбищах стал ощущаться недостаток, к ним начали киргизы (казахи — В.К.) присоединять часть летовок, в определенных также границах. Так возникли кузеу, или осенние пастбища, на которых скот выпасывается большей частью весной и осенью». ¹⁵⁹

Такое же соображение было высказано П.П. Румянцевым, который писал, что «прежде всего у казахов произошло закрепление права пользования на кстау и прилегающей к ней территории. Затем возник вопрос об исключительном праве отдельных родов и их частей на пользование кузеу, т.е. весенне-осенними пастбищами». ¹⁶⁰

Хотя весенние пастбища часто совпадали с осенними, степень их обособления различалась, так как весной скот можно было напоить практически из луж, образованных из талого снега. «Весенняя пастыба свободна, весной нечего оберегать ни пастбища, ни воды...». ¹⁶¹

Как правило, весенне-осенние пастбища, особенно последние, находились в обособленном пользовании отдельных общин и хозяйственных аулов.

Л. Чермак, хотя и относит весенне-осенние пастбища в упоминаемой работе к землям общего пользования, но сразу же оговаривается, что пользование ими носит более обособленный характер, чем летовками, так как на них нередко находятся пашни и сенокосы. ¹⁶² Еще более категорично он говорит об этом в другой своей работе: «...он (казах — В.К.) ценит также и осеннее пастбище — кузеу — или из-за обильного источника, или по качеству корма. И бывают случаи, когда осеннее пастбище также тщательно ограничивается, как и зимнее». ¹⁶³

Эти добавления о нахождении на изучаемой категории пастбищ сенокосных или пахотных угодий, водных источников для водопоя скота и ценных кормов играли существенную роль в более четком ограничении пользования ими. В публикации Переселенческого управления по Зайсанскому уезду, хотя и говорится, что осенне-весенние пастбища, как и летовки, относятся к землям общего пользования и что в огромной своей массе коктеу-кузеу (как не представляющие собой ценных угодий) используются захватным способом (при почти полном отсутствии какой-либо регламентации), однако отмечается, что там, где на них имеются пашни, находящиеся в подворно-

наследственном пользовании, форма пользования ими больше подходит к площадям обособленного пользования.¹⁶⁴

О еще бóльшей степени обособления пастбищ этой категории в Лепсинском уезде сообщают члены экспедиции Переселенческого управления, которые пишут, что на коктеу и кузеу «обыкновенно пасется скот всей общины совместно, без разделения территории по хозяйственным аулам. Но на коктеу-кузеу, расположенных при пашнях, участки для пастбы скота нередко распределяются между группами посевщиков-соседей и тогда они стараются закрепить участок в своем исключительном пользовании и не пускать на него «чужой» скот.¹⁶⁵

П.Е. Маковецкий, специально собиравший материал по казахскому обычному праву в Семипалатинской области, отмечает, что обособление осенне-весенних пастбищ шло еще дальше: «Осенние пастбища, зимовки и близлежащие сенокосы составляют частную собственность отдельных семейств, равно как и находящиеся на них колодцы и леса».¹⁶⁶

Во время экспедиции в Восточно-Казахстанскую область (ранее Усть-Каменогорский уезд Семипалатинской области) нами было зафиксировано, что кузеу на урочище Шынрау принадлежало только одной семейно-родственной группе Кожабергенбалдары из четырех аулов, которые состояли из средних хозяйств до 1919 г. (в этом году у них погиб весь скот от эпидемии).¹⁶⁷ Семейно-родственная группа Каражанбалдары имела кузеу на урочищах Как, Карымсак и Шинган и «никого туда не пускала».¹⁶⁸ В Дельбегетейской волости Семипалатинского уезда шесть хозяйственных аулов, входящих в группу, объединенную одним общим родоначальником Кунакой, останавливались осенью каждый на своей стоянке, причем пашни (их — В.К.) находятся на кузеу, близ уроч. Кишкенеташ».¹⁶⁹

Если мы обратимся к материалам по другим уездам Казахстана, то увидим, что в них осенне-весенние пастбища в большинстве случаев также находились в пользовании отдельных общин или хозяйственных аулов. В Зайсанском уезде, например, 62 хозяйства, объединенных общим происхождением от одного предка — Джебетей, с 1900 г. арендовали под кузеу-коктеу урочища Актас и Беловск, которые были выделены в кабинетные земли, а ранее находились в обособленном пользовании данной группы.¹⁷⁰ В Спасской волости Акмолинского уезда три хозяйственных аула, составлявших группу по общему предку в шестом колене — Сармантаю, совместно кочевавших

на общих призывочных угодьях, имели на кузеу отдельные водопой и поаульные покосы.¹⁷¹ 10 хозяйственных аулов Дегенской волости Каркаралинского уезда, объединенных в одну группу общим предком — Байтумом, владели отдельно колодцами на кузеу.¹⁷² В Абралинской волости того же уезда группа аулов, объединенных общим предком в четвертом поколении — Атхожа, имели общее осеннее пастбище, находящееся в предгорьях. Однако колодцы на нем принадлежали одному или нескольким хозяйственным аулам, находящимся в ближайшем родстве.¹⁷³

Очень интересные данные в отношении пользования весенне-осенними пастбищами группой хозяйственных аулов Кентской волости того же уезда, связанных близким родством в пятом поколении: «На кузеу исключительного права пользования отдельных хозяйственных аулов не установлено, хотя по обычаю каждый из них из года в год осенью стоит на одном и том же источнике и пользуется известным пастбищем, на котором при желании могут пасти скот и соседи».¹⁷⁴

Отдельное весенне-осеннее пастбище было у семейно-родственной группы Тойшибекбалдары рода Дулат Старшего жуза на урочище Саргоу (предгорья Киргизского хребта — в прошлом Аулие-Атинский уезд). Хозяйственные аулы этой группы стояли весной на этом урочище примерно с половины марта по конец мая, а осенью — в течение сентября.¹⁷⁵ Около 50 хозяйств семейно-родственной группы Бокенбайбалдары первичного рода Даулетбай, входящего в большое родоплеменное объединение Найман Среднего жуза, останавливались осенью у колодца на урочище Жалгыскудук (в прошлом Зайсанский уезд). Это было осеннее пастбище только данной группы.¹⁷⁶ Урочища Акбастау и Бакалы с водными источниками принадлежали семейно-родственной группе Кенбабалдары первичного рода Жумук из Среднего жуза как их отдельное осенне-весеннее пастбище. Убедительным доказательством для других казахов о принадлежности этих урочищ данной группе являлось то, что на них были могилы основателя группы — Кенбаба и его потомков — Найзабая и Омара.¹⁷⁷ Десять аулов Семитавской волости Семипалатинского уезда, объединенных общим предком Тран, владели на кузеу отдельными колодцами, хотя пастбищем, как сообщают авторы публикации Переселенческого управления по этому уезду, они пользовались сообща.¹⁷⁸ Представляется, что это не совсем соответствовало дей-

ствительности, так как если какое-либо хозяйство или аул пользовались отдельно колодцем, то они, естественно, изолированно пользовались и прилегающим пастбищем. У казахов по этому поводу имеется даже соответствующее понятие — «орыс». «Тот, кто выкопал колодец, — поясняет Л. Чермак, — или благоустроил источник, тот владеет им, а следовательно и пастбищем кругом, таким образом устанавливается право на «орыс» (оріс), т.е. пространство, захватываемое скотом за день. Обычно орыс имеет значение осенью, так как летом и весной воды и травы много. Поэтому-то весной и летом кочуют большими группами, а осенью и зимой — маленькими».¹⁷⁹ Как и зимой, казахи пасли скот на пастбище концентрическими кругами, начиная от центра и постепенно удаляясь все дальше и дальше от него. Однако максимальная отдаленность от стоянки, т.е. колодца, равнялась уже не 2 верстам, а значительно больше, но не должна была превышать 7 верст.¹⁸⁰ Очевидно, это был один из наиболее рациональных приемов пастбы и его применяли многие скотоводческие народы.¹⁸¹

В некоторых случаях весенние пастбища у полукочевых казахов были в меньшей степени обособлены, чем осенние. Это было связано с тем, что весной можно было напоить скот водой, образовавшейся от таяния снега и скопившейся во впадинах, а осенью — только из колодцев. Так, в Черубай-Нуринской волости Акмолинского уезда полукочевые казахи «с джайляу переходят на осеннее пастбище — кузеу. На кузеу летние аулы дробятся. Дробление обусловлено тем, что, в большинстве случаев, источниками служат колодцы, на которых удобнее стоять небольшому числу аулов. “При тысячеголовом табуне Кияша (Кияш Санрыков — 72-летний старик — информант участников экспедиции Переселенческого управления 1896—1900 гг. в Акмолинском уезде — В.К.), ему приходится иметь 5 колодцев. Если начать поить с утра весь табун, так можно кончить к полудню (если пятеро будут черпать воду и двое подгонять косяки). Приток воды слаб. На кузеках скот ходит с пастухами, так как необходимо следить, чтобы не были вытравлены покосы и места, служащие для зимнего выпаса скота”».¹⁸²

По отношению к весенне-осенним пастбищам у полукочевых казахов необходимо отметить еще две особенности. Во-первых, в значительном числе случаев эти сезонные угодья располагались на территории зимних пастбищ. В некоторых

уездах, как, например, в Петропавловском, эти случаи преобладали. В публикации Переселенческого управления об этом уезде сказано: «Далее, кольцом идут пастбища, уже менее охраняемые (чем “кой-тебени”, “кой-булюки” или “коруки” на кстау — В.К.), но все же так или иначе оберегаемые; пастбища, на которых киргизы (казахи — В.К.) проводят большую часть осени и весны. Все эти пастбища, окружающие зимовку, которые в совокупности мы условно называем призимовочной территорией, известны у киргиз под названием *кстау*».¹⁸³

Хозяйственные аулы первичных родов Тюлебай и Карача (Караша — согласно нашим полевым исследованиям — В.К.) Тарбагатайской волости Зайсанского уезда в 20-х годах нынешнего столетия, согласно архивным данным, имели «коктеу, кузеу, джайляу расположенными в одном месте призимовочной территории на урочищах Конды-су, Узун-булак, Торгай-булак, Терс-айрык, Сара-улень, Еки-ашилы».¹⁸⁴ 156 хозяйств первичного рода Кожан в той же волости весной с апреля до июня пасут свой скот на коктеу, а осенью с сентября по ноябрь — на кузеу, которые расположены на призимовочной территории не далее 5—10 верст. Пользование этими угодьями — «единоличное» по общинам.¹⁸⁵ О второй особенности мы вкратце уже писали. Она заключалась в том, что в ряде случаев у полукочевых казахов были как ранневесенние, так и позднеосенние пастбища, использование которых отличалось от пользования обычных коктеу и кузеу.

На ранневесенних пастбищах скот пасли на проталинах, в местах, где сохранилась прошлогодняя трава. Чтобы более рационально использовать эти участки, аулы разделялись на отдельные хозяйства.¹⁸⁶ С этой же целью дробились общинные группы или даже отдельные аулы поздней осенью. Так, группа из семи хозяйственных аулов (находящихся в тесном родстве) Ишимской волости Акмолинского уезда кроме ранних весенних и поздних осенних стоянок, все время кочует вместе и имеет на границе своих кстау с общим джайляу свое отдельное по стоянкам (но общее по водопою) от соседних групп кузеу».¹⁸⁷ Поздние кузеу были также у ряда аулов Кызылтопракской, Мончактинской и других волостей того же уезда.¹⁸⁸ Наиболее четко сказано об этих земельных угодьях в материалах по Нельдинской волости Акмолинского уезда: «Поздние кузеу обособлены и по водопою, и по пастьбе от других групп, а внутри группы каждый хозяйственный аул имеет свою опреде-

ленную стоянку. Прочие же пастбища, — джайляу и ранние кузеу — в общем пользовании с другими группами». ¹⁸⁹ В Семипалатинском уезде также были случаи, когда группа родственных аулов пасла скот на поздних кузеу, обособленных от других групп в отличие от ранних осенних пастбищ, находившихся в общем пользовании. Такие группы аулов были, например, в Энрекейской, Мукурской и других волостях этого уезда. ¹⁹⁰

Разделение на ранние и поздние кузеу встречается во многих других уездах Казахстана. Например, 6 хозяйственных аулов, объединенных близким родством от одного общего предка — Есенкельды, Тайчинской волости Петропавловского уезда, имеет общее кузеу на оз. Сюлюкты вместе с рядом других, тоже родственных групп, а более поздние кузеу — на Узун-куль в пределах своей призимовочной территории. Общее кузеу — Джаулы было у группы 7 хозяйственных аулов, объединенных общим предком — Ыдыкпаем из рода Караул, расположенное на призимовочной территории. «Кроме того, у каждого аула имеется отдельное позднее кузеу возле своей зимовки». ¹⁹¹

Более четкое обособление поздних кузеу обосновано тем, что, как правило, они расположены рядом с зимним, наиболее ценным для скотовода пастбищем, а иногда прямо на нем.

Следует, очевидно, еще раз подчеркнуть, что в работах, посвященных истории земельных отношений у казахов изучаемого периода, не учитывалось разделения весенне-осенних пастбищ на ранние и поздние, а, следовательно, и на различия в их обособлении.

Подводя итоги существовавшим у казахов-полукочевников формам землепользования на весенние и осенние пастбища, мы должны отметить широкий спектр их обособления: начиная от пользования коктеу-кузеу всем первичным родом и кончая — отдельными хозяйствами. Наиболее типичны случаи обособления их отдельными родственными группами аулов (иначе говоря, общинами) или отдельными хозяйственными аулами. Основными факторами, оказывающими существенное влияние на характер обособления, было наличие на этих сезонных угодьях сенокосов, пахотных участков, а также водных источников, особенно колодцев, которые являлись собственностью общин, аулов, а иногда и отдельных хозяйств.

Сказанное выше о формах землепользования осенними и весенними пастбищами у полукочевых казахов опровергает утверждение некоторых авторов публикаций Переселенческого управления, относящих их, как и летние пастбища, к земельным угодьям общего пользования.

Итак, мы довольно подробно проанализировали основные формы пользования всеми четырьмя сезонными пастбищами у полукочевых казахов и установили, что, во-первых, все без исключения сезонные пастбища (как зимние, так и летние и весенне-осенние) находились в обособленном пользовании отдельных социально-хозяйственных единиц: первичного рода, общины, аула или даже одного хозяйства; во-вторых, в процессе обособления этих сезонных пастбищных угодий четко прослеживается общая тенденция: ограничение в пользовании ими в рамках все более мелких социально-хозяйственных единиц вплоть до отдельного хозяйства. В то же время отчетливо прослеживается доминирующее положение общины, основанной, как и у кочевников, на семейно-родственных связях. Последнее не исключает наличия глубокой социальной дифференциации внутри общины полукочевых казахов второй половины XIX—начала XX в.

Перекочевки с одного сезонного пастбища на другое, без которых было невозможно ведение как кочевого, так и полукочевого хозяйства, проводились по строго определенным, традиционным кочевым путям. В силу природно-климатических условий в Казахстане сложилось несколько типов кочевания: меридиональное, радиальное, вертикальное и широтное. Наиболее распространенным было меридиональное, т.е. перекочевки с севера на юг и обратно. В горных районах преобладало вертикальное кочевание, заключавшееся в том, что на лето скотоводческие хозяйства поднимались со скотом в горы на богатые альпийские луга. «Вся степь, — писал А. Кауфман, — как бы разбита на длинные и узкие полосы, вытянувшиеся на сотни верст в направлении либо с юга на север, либо от жарких долин на горные летние пастбища; и каждая такая полоса представляет собою обычный кочевой путь, или район кочевков той или иной родовой группы. И такое чисто фактическое обычное обособление кочевых путей и стоянок между родовыми группами при безусловной юридической свободе пользования было делом чисто хозяйственной необходимости. Отдельные кочевые аулы, состоящие обыкновенно из 2—5 кибиток и

составляющие в сущности одну большую семью, путешествуя на протяжении сотен верст по безлюдным и диким местностям, естественно, должны были придерживаться тех путей, где они чаще могли встретить или настигнуть своих родственников, которые в случае какой-либо опасности нападения могли бы оказать помощь и защиту; при обширности пространств, находившихся некогда в пользовании кочевого населения, и при относительно ничтожной численности его, интересы всех и каждого заставляли придерживаться родственные связи, как единственное средство самозащиты». ¹⁹²

Характер перекочевки весной, во время движения с юга, где находились, как правило, зимние пастбища, на север — летние пастбища в степях — в значительной степени отличается от осенних перекочевки. Дело в том, что, хотя весенние перекочевки были затруднены тем, что скот был слабым и истощавшим после зимы, не было трудностей с водными источниками, так как ими служили многочисленные лужи во впадинах, заполненные водой растаявшего снега. Осенью же скот был сытый и сильный, зато перекочевки должны были быть жестко увязаны с переходами от одного колодца к другому на кочевом пути. Вот что рассказывал об этом информант Ахметжан Карамергенов (1902 г.р.): «На джайляу уходили по аулам. Аксакалы аулов решали время откочевки. Мадыбек (он был аксакалом семейно-родственной группы Кошенбалдары из рода Таракты, зимовавшего в бассейне р. Чу — В.К.) окончательно решал, что особенно важно было, когда шли обратно, так как весной поили скот из талого снега (“как”), а осенью аулы шли строго по порядку, потому что воду для пойки только из колодцев брали». ¹⁹³ В этой фразе выражены основные положения, связанные с перекочевками. Во-первых, должен был соблюдаться строгий порядок в движении аулов на другое пастбище, чтобы на одном колодце не скопилось столько скота, для водопоя которого могло бы не хватить воды. Поэтому перед началом перекочевки аксакалы аулов и общин договаривались о порядке движения.

Хозяйственные аулы семейно-родственной группы Апайбалдары из рода Таракты, зимние пастбища которых находились на урочищах Кандарал и Кастыкты на правом берегу р. Чу, начинали откочевку, когда таял снег, т.е. в начале марта. Точную дату перекочевки назначал аксакал общины Орумбай, который принимал это решение после совета со всеми аксака-

лами аулов. Весной все аулы Апайбалдары кочевали вместе. Для водопоя скота использовали воду от талых снегов (*как*). До джайляу, которое находилось приблизительно в 700 км от кстау на урочищах Сары-су, Жамансары-су, Ата-су, Коктеуколь в Сары-Арка, т.е. на север от р. Чу, кочевой путь общины проходил в основном через пустыню Бетпак-Дала. Перекочевка занимала в среднем 40 дней. Осенью перекочевка на юг была сложнее, так как она проводилась от одного колодца к другому. У этой семейно-родственной группы, хозяйства которой в основном были зажиточные и содержали много скота, имелись собственные колодцы по всему кочевому пути в пустыне Бетпак-Дала. Это давало возможность всем аулам кочевать вместе, что обеспечивало большую безопасность. Кочевой путь лежал от колодца Батпак-су, затем к Бас ыгун, Суук-булак, Борша токун-кудук («кудук» — по-казахски неглубокий колодец — В.К.), если шли по западной стороне, или же Катын-су кудук — с восточной стороны, Ажар кудук, Апай кудук, Токе кудук, Огузтау кудук, Кулыш кора кудук, Шенгельды кудук, Жылбулак, Жангельды кудук и приходили на свое кстау. Время начала осенней перекочевки, как и весенней, назначал аксакал группы — Орумбай.¹⁹⁴ Надо сказать, что для определения времени начала перекочевки казахские скотоводы внимательно наблюдали за дикими животными, в частности за сайгаками (сайгой). Если весной их стада начинали переходить на север, — значит и казахским хозяйствам пора собираться в путь, на летние пастбища. Особенно запаздывать нельзя: могут высохнуть лужи с водой от талого снега и скот будет трудно напоить. Кроме того, движение сайги на север, в степи, означало, что там уже не будет холодов. Осенью также следили за тем, когда сайгаки начинают передвижение на юг. Это был сигнал для начала сборов для перекочевки на зимние пастбища. Мудрые аксакалы даже специально посылали джигитов следить за передвижением стад сайги.¹⁹⁵

Казахский исследователь академик К. Мынбаев писал, что пустыня Бетпак-Дала в силу своих природных условий могла быть использована как кочевой путь только ранней весной и поздней осенью при перегонах скота из Сары-Арка (джайляу) в долину р. Чу (кстау) и обратно. При этом весной казахские хозяйства пользовались для водопоя скота водой такыров, которая была даже доброкачественнее (меньшей засоленности) вод грунтовых колодцев. Кроме того они были более удобны и

доступны для водопоя большего количества скота. Осенью же в пустыне Бетпак-Дала кочевой путь пролегал от одного колодца к другому. «Колодцы в восточной части Бетпак-Далы, — писал он, — расположенные при караванных дорогах и тропах, отстоят друг от друга на расстоянии 20—40 км, а в западной части — 35—40 км. Глубина колодцев в западной части пустыни 7—20 м (редко до 30 м)». ¹⁹⁶

О необходимости устанавливать очередность перекочевков, когда кочевой путь лежал от одного колодца к другому, писал и В.Ф. Шахматов: «Несколько сложнее обстояло дело с использованием колодцами во время перекочевки в тех районах, где единственный путь лежит по редким цепям колодцев. В этом случае кочующие хозяйства (группа аулов или община) устанавливали очередность в отправке по этим путям. Однако она часто нарушалась и дело иногда кончалось столкновениями вблизи колодцев. И здесь хозяин колодца, покинув его, также не мог претендовать на какую-либо плату (или отработку), зачастую даже не зная о том, кто после него пройдет по этим пустынным местам». ¹⁹⁷

Именно этим можно объяснить, почему собственность на колодцы, лежащие на кочевых путях, в отличие от колодцев, находящихся на сезонных пастбищах, была относительной. Она носила как бы временный характер и проявлялась только тогда, когда на один и тот же колодец одновременно приходили его хозяин и отары других аулов. В этом случае хозяин колодца (будь это отдельное хозяйство, аул, община или даже род) имел неоспоримое преимущество. После того, когда хозяин колодца откочевывал от него, последним могло пользоваться любое хозяйство, кочевой путь которого пролегал здесь.

Многие имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что при перекочевках с одного сезонного пастбища на другое строго соблюдался порядок следования аулов. «Каждый род или аул следует, — писал А.Е. Алекторов, — по тем же тропинкам, останавливаясь у тех же ключей и колодцев, по которым шли и у которых останавливались их предки сотни лет тому назад... Многие аулы, зимующие всегда по соседству, летом удаляются друг от друга на целые сотни верст. Эти переходы до того регулярны и точны, что можно было заранее предсказать, где можно будет найти какой-нибудь из этих кочевых аулов в любой день в году». ¹⁹⁸

5
Хозяйственные аулы и общины большого родоплеменного объединения Кипчак Среднего жуза, зимовки которых располагались в присырдарьинских тугаях, летом откочевывали на джайляу, находившиеся на расстоянии более 200—300 км на север. Этот кочевой путь они «проходят мелкими эшелонами-аулами, снимаясь с зимовок с половины февраля и заканчивая движение к 1 мая... Спешно проходят Иски-Дарьялыкский та-кыр, пользуясь дождевой и снеговой водой, так как по этой пустыне на пути от 60 до 120 верст не имеется ни одного колодца. В оазисе озер Ащи-куль—Телекуль они подкармливают уставший и обессиленный от бескормицы скот неделю-две, а затем отправляются далее на север, строго соблюдая очереди в перекочевке эшелонов-аулов по причине скудности весенних кормов, имеющихся только вдоль линии реки Сары-су и ее притоков дельты. До уроч. Тес-Булак кочевники идут частью Атбасарским уездом, частью —Тургайским».¹⁹⁹ В этом же архивном документе дается описание трех основных кочевых путей, по которым казахи-полукочевники (в самом документе их обычно называют кочевниками — *В.К.*), зимовавшие на р. Чу, перекочевывали на лето в степи, расположенные вдоль р. Сарысу: «Сыр-Дарьинские кочевники при перекочевке на север и обратно переходят границу Атбасарского уезда в трех главных пунктах: 1) 1000 кибиток (хозяйств — *В.К.*) Чуйской волости переходят границу в низовьях реки Чу, близ урочища Биш-кулан, Букембай и др., здесь же переходят границу часть кочевников Джулекской и Сырдарьинской волостей Перовского уезда. От уроч. Биш-кулан до уроч. Джеты-конур (джайляу чуйцев по левую сторону Сарысу — *В.К.*) более 150 верст растягивается пустыня «Бетпак-Дала»; 2) до 2000 кибиток четырех кипчакских волостей Перовского уезда переходят границу севернее уроч. Телекуль-Тата и оз. Ащи-куль, двигаются до своих летовок на протяжении до 200 верст берегами р. Сары-су, прорезывающей восточную часть пустыни Бетпак-Дала (очевидно, здесь автором архивного документа допущена ошибка, так как р. Сары-су пересекает западную часть пустыни Бетпак-Дала — *В.К.*); 3) 500 кибиток других волостей Перовского уезда, пройдя по восточной части пустыни на протяжении до 200 верст от западной оконечности уроч. Телекуль-Тата через солончак Арыс-су землями Перовского и Тургайского уездов, вступает в Атбасарский уезд близ уроч. Токкум-Такан и, пройдя пустынную местность 80 верст, вступает на летовки за уроч. Маман и

Дусенбай. При движении они не должны были бы вытравлять подножный корм зимовок Баганалинцев (крупный род казахов Среднего жуза — В.К.) Атбасарского уезда и даже не пользоваться водопоями близ них... Чуйцы с трудом пересекают пустыню, хотя на их трех путях, кроме водопоев по озерам и речкам есть 22 колодца. Пустыню всегда они проходят довольно быстро, мелкими эшелонами-аулами, передвигаясь весною со своих зимних стойбищ на р. Чу на уроч. Джеты-конур в течение более двух месяцев, именно выступление первых эшелонов начинается в конце февраля и заканчивается в первых числах мая. Перекочевка ведется со строгим соблюдением очередей в движении не только аульных обществ, но и отдельных юрто-владельцев, потому что всякое замешательство в передвижении грозит гибелью скоту от недостатка воды в колодце, к которому подошло слишком много людей и скота».²⁰⁰

В свою очередь, у нас есть описание кочевого пути на летнее пастбище-джайляу самих баганалинцев, через зимовки которых, как сказано выше, проходили на свои летние пастбища казахские полукочевники с р. Чу. В публикации Переселенческого управления по Атбасарскому уезду об этом кочевом пути было сказано следующее: «Во время переходов по этому пути случаются потравы скотом вкочевывающего населения сенокосов и посевов местных жителей и т.п. Подобные случаи всегда раньше приводили, да и теперь приводят, к недоразумениям и пререканиям и вызывают меры к устранению причин, возбуждающих споры и неудовольствия. По полюбовному соглашению заинтересованных сторон, для вкочевывания с юга на север установлен обязательный кочевой маршрут. Акт этого полюбовного соглашения киргизов (казахов — В.К.) утвержден военным генерал-губернатором Акмолинской области, генерал-майором Циперовичем, 20 октября 1877 года».²⁰¹ Из этого отрывка видно, какое большое значение придавалось кочевым путям, если их даже утверждали высшие административные власти.

Насколько страшно было нарушение обычного порядка перекочевки казахов-скотоводов свидетельствует следующий факт: «Когда в 1894 году весной чуйцев и кипчаков задержали на границе уездов в причуйской и придарьинской пустынях, они потеряли в мае более 10 000 баранов от клещей, бескормицы, дурной воды и жары».²⁰² Следовательно, только при строжайшем соблюдении порядка и очередности при перекочевках та-

ких огромных масс, насчитывающих сотни и тысячи хозяйств, могла быть соблюдена их сохранность и безопасность. Поэтому аксакалы общин и аулов перед началом кочевки совещались между собой. («Перед выходом на джайляу осведомляются друг у друга о том, кто и куда именно рассчитывает идти и т.д.».²⁰³)

У нас имеются данные, позволяющие более подробно охарактеризовать кочевой путь. В Бугулинской волости Семипалатинского уезда полукошарные хозяйства, принадлежащие к родам Сак и Тогалак, сообща пользовались летними и осенними пастбищами. «Оба эти рода на джайляу кочуют одной дорогой — полосой, шириною в 7—10 верст; кочуют в юго-западном направлении; на восток от них кочуют такой же полосой киргизы (казахи — В.К.) рода Бакен-Байгара, а на западе проходит полоса кочевков родов Джувантаяк и Есполат; однако определенных границ между этими кочевочными пастбищами различных родов не существует, в исключительном пользовании каждого рода находятся только водные источники. Киргизы рода Сак кочуют более или менее мелкими родственными группами, которые — там, где позволяют водные источники и состояние кормов, — останавливаются вместе».²⁰⁴

Кочевой путь обычно представлял собой своеобразную полосу в несколько километров шириною. Хотя и говорится, что определенных границ между кочевыми путями разных родов не было, можно предположить, что они были и соблюдались, так как и в данном случае определяющее значение имели водные источники. Собственность на них приводила к ограничению пользования и самими кочевыми путями. Но в отличие от сезонных пастбищ по нему могли идти после владельцев водных источников стада и отары овец других хозяйств, правда, при условии, если оставалось достаточно подножного корма.

Согласно имеющимся у нас данным, колодцы на кочевых путях могли быть как в собственности отдельных аулов и общин, так и в общем пользовании. Выше уже говорилось, что семейно-родственная группа Апайбалдары имела на пути на джайляу свои колодцы. Семейно-родственная группа Кошенбалдары рода Таракты тоже имела в своей собственности колодцы и родники (около 70 родников в уроч. Болат-тау) как на джайляу, так и на пути к нему. Родственные аулы могли пользоваться ими только во время перекочевков.²⁰⁵ Иногда водные источники на кочевых маршрутах находились в собственности рода. Так, в Бугулинской волости Семипалатинского

уезда хозяйственные аулы рода Тама, зимовавшие на урочище Кызыл-жайма-Актюбе, вблизи оз. Большие Камкалы, при перекочевке на джайляу в Сары-Арка пользовались общими колодцами.²⁰⁶ Кочевой путь казахских хозяйств рода Дорткора (Сексекова отделения) и рода Чиклы (Джакоимова отделения) проходили через пески Малые Барсуки, где были колодцы для перекочевков.²⁰⁷

Перекочевка, особенно осенняя, значительно усложнялась, когда на кочевом пути встречались зимние стоянки и пастбища с сенокосами других хозяйств. Необходимо было тщательно следить за скотом, чтобы он не вытравил чужие пастбища, нельзя было в этих местах надолго задерживаться. Несоблюдение этого правила приводило к столкновениям между казахами. Так, например, вдоль р. Чу на расстоянии около 40 км от оз. Караколь и до Уланбель находились зимовки рода Таракты. С их восточной стороны проходил кочевой путь на летние пастбища рода Жалаир. Скот последних иногда попадал на кстау рода Таракты, что приводило к столкновениям между ними. В 1918 г. во время такой стычки был убит волостной управитель («болус» по-казахски — В.К.) Жалаиров. Решением суда биев за него был выплачен кун (плата за кровь — В.К.).²⁰⁸

О больших затруднениях, испытываемых хозяйствами полукочевых казахов при перекочевках в связи с нахождением на кочевом пути зимних пастбищ-кстау, а также поселков крестьян-переселенцев из России, сообщают авторы публикации Переселенческого управления по Петропавловскому уезду: «Позже, с успокоением края (имеется в виду успокоение казахов после подавления восстания султана Кенесары Касымова в 30—40-х годах прошлого века — В.К.) и с дальнейшим продвижением на киргизскую (казахскую — В.К.) территорию русской колонизации, свобода в кочевках на джайляу была сильно стеснена. Многим аулам для того, чтобы добраться до джайляу, приходится в течение нескольких дней кочевать по чужим кстау и вблизи русских поселков, что сопряжено с неудовольствиями хозяев проходимых земель и с большими стеснениями для кочующих, принужденных скот гнать поскорее, чтобы не потравить покосов или сохраняемых на зиму пастбищ».²⁰⁹ В Зайсанском уезде, например, уже упоминаемые выше 62 хозяйства рода Джебетей в начале апреля выкочевывали с зимовок и шли через надел села Согорного по двум дорогам: через урочище Сарыбулак на брод через реку Бухтарму-Усть-Тонор-Бу-

лак, а также через поселок Согорный на брод через реку Бухтарму, находящийся в устье реки Согорной. Их коктеу находилось на урочище Актас приблизительно в 10 км от зимовок. Здесь они оставались около месяца. Затем перекочевывали на летнее пастбище, находящееся на урочищах Токпут, Теректы и реки Тихой. Для этого им надо было пройти урочище Человна (около 25 км от коктеу), которое являлось надельной землей селения Белый. Здесь они могли останавливаться не более чем дня на три. От урочища Человна до джайляу было около 15—20 км.²¹⁰ Через кабинетные земли и земли селения Медведское пролегал кочевой путь 22 хозяйств, объединенных общим предком Колюбаем, а также другие аулы.²¹¹ Взамен за использование при прогоне скота казахов через надельные земли селений, последние выгоняют на летние пастбища казахов свой скот.²¹²

Позволим себе привести еще один пример кочевого пути в этом уезде, чтобы показать те сложности и неудобства, которые испытывали полукочевые казахи Манракской волости того же уезда при перекочевках. Кочевая дорога на джайляу трех старшинств Манракской волости шла по их весенним и осенним пастбищам на урочища Эспе, Акчий, Джаилама, Кусты, Тай-Дюзгень-тогул, Кемер-кузеу, на границу Чиликтинской волости и Манракской, на урочище Сар-булак, где они имели право останавливаться только на одни сутки. На урочищах Узун-булак и Ертенъ-булак, находящихся на пути, они также могли остановиться не более одних суток и «не имели права наносить никакого вреда находящимся здесь хлебопахотным участкам». Далее им «строго воспрещалось находиться со скотом и останавливаться на местности вблизи могилы Акмола и Менкыш-Бейт». Дальше кочевой путь идет через зимние стоянки казахов Чиликтинской волости, на которых им разрешено стоять один день. В устьях рек Чоган-оба и Кергень-тас разрешается останавливаться на двое суток.²¹³

Подобные стеснения при перекочевках наблюдались почти во всех уездах. Так, в Акмолинском уезде, Черубай-Нуринской волости скотоводческим хозяйствам «при кочевании» приходилось сталкиваться с киргизами (казахами — В.К.), устроившимися на пути кочевания, а затем и с русскими». ²¹⁴ Весьма показательное сообщение по этому поводу в отношении полукочевых хозяйств казахов рода Матай, которые в начале XIX в. заняли под кстау Колбинские горы в Усть-Каменогорском уезде

(Восточный Казахстан). Через их зимние пастбища пролегал кочевой путь казахов рода Мурун. Они «приходили с юга на летнее время сюда и дальше на север. Случались столкновения между ними и вновь пришедшими сюда матаевцами, т.к. муруновцы, проходя мимо занятых матаевцами земель, вытравляли их. Но столкновения эти кончались ничем. Сильные, многочисленные муруновцы отлупят смельчаков матаевцев, да и идут дальше».²¹⁵

Отсюда можно заключить, что кочевой путь находился в общем пользовании всего рода Мурун. Приведенные выше данные также свидетельствуют об этом. Наконец, о казахах Павлодарского уезда, которые, как известно, в основном вели полукочевой образ жизни, было сказано: «Для каждого рода или родовой группы существуют определенные кочевые пути».²¹⁶ О казахах Тургайской области А.И. Добросмыслов писал, что при своем движении летом на север, на летние пастбища, и, наоборот, зимой обратно, они «следуют определенными путями, установленными обычным правом, основанном на давности пользования киргизскими (казахскими — В.К.) родами».²¹⁷

Таким образом, данные, почерпнутые из разных источников, позволяют сделать вывод, что кочевые пути у казахских полукочевников в изучаемое время находились в обособленном пользовании родов. Иначе говоря, у полукочевых казахов в данном случае сохранились те же правила, что и у казахокочевников.

Очевидно необходимо хотя бы вкратце раскрыть технологию перекочевки.

«Уходили на джайляу по аулам, — рассказывал информант Ахмет Исаев из аула Айнаулак Зайсанского района Восточно-Казахстанской области, — причем первыми уходили те, у кого был скот вьючный (верблюды — В.К.), затем они посылали тех, кто верблюдов не имел. Причем делают так: имеющие скот проходят дневную кочевку и останавливаются. На следующий день верблюды возвращаются и забирают остальных. На следующей остановке так же поступают».²¹⁸

У казахов существовало специальное название такой перекочевки — «тасмал». Родственная группа из 2 аулов (20 хозяйств), объединенных общим предком Ельчибеком, в Арчалинской волости Семипалатинского уезда имела всего 6 верблюдов. Их джайляу находилось приблизительно в 50 км от зимовки. «Оба аула кочуют вместе, но постепенно *тасмал* — в

первый день от зимовок отправляют отау и “джук” — ящики, тюки и др. имущество, а на другой день перекочевывают прочие хозяева; так обыкновенно переходят с одной стоянки на другую, вследствие недостатка выючного скота». ²¹⁹ Это был один из самых распространенных способов перекочевков, встречался почти во всех уездах, где казахи вели полукочевой образ жизни. ²²⁰

Существовал и другой способ перекочевков в тех случаях, когда выючных животных — верблюдов — не хватало. О нем сказано в публикации Переселенческого управления по Павлодарскому уезду: «Кочуют весной в разное время, богатые раньше, бедные позже на 10—15 дней, т.к. должны сходить на летовку за скотом богатого родственника, чтобы перекочевать самим». ²²¹ По сути дела этот способ совпадает с первым: в нем также бедные хозяйства совершают перекочевку после того, как богатые уже придут на соответствующее сезонное пастбище. В том и другом случаях значительно выгадывали байские хозяйства, так как они до прихода бедняков располагались на пастбище, занимая самые лучшие участки. Это особенно важно было по отношению к летним пастбищам, которые, как мы выяснили, находились в пользовании отдельной общинной группы или же первичного рода.

По мнению ряда исследователей, именно поэтому байские хозяйства не были заинтересованы в более детальном обособлении летних пастбищ, так как если бы это произошло, то им пришлось бы ограничиваться теми участками пастбищных угодий, которые отошли бы в их непосредственное пользование. П.П. Румянцев считает, что богатые скотоводы-казахи, чтобы содержать свои огромные стада, нуждались в обширных пастбищах. Но в то же время они не были заинтересованы в обособлении этих пастбищ, так как границы между отдельными аулами, общинными группами, а тем более родами обозначены весьма приблизительно и они могут пасти свой скот по всей территории пастбища рода или группы. ²²² Еще более определенно по этому поводу высказался В.А. Тресвятский: «Пользуясь неопределенностью границ киргизского (казахского — В.К.) землепользования он (бай — В.К.) беспрепятственно пасет свои многочисленные стада по всей территории своих сородичей, часто совершенно не считаясь с их кровными интересами. Таким образом, у киргиза-богача пока отсутствует побудительный

стимул к земельному обособлению от массы киргизского народа». ²²³

С этими соображениями нельзя не согласиться. С одной стороны, летние пастбища, будучи в пользовании всей общины или целого рода, находились под их защитой, а с другой — создавалось впечатление, что их бедные скотом одноаульцы сохраняли за собой право на пользование общими пастбищами. И еще одно преимущество получали байские хозяйства от того, что первыми прикочевывали на джайляу: они беспрепятственно занимали лучшие по качеству воды и ее количеству источники для водопоя скота. Это было особенно важно при использовании колодцев.

И, наконец, последнее, на что хотелось бы обратить внимание. В северных уездах, особенно там, где кочевой путь с одного сезонного пастбища на другое был недалек, перекочевки производились не традиционным способом с помощью вьючных животных, главным образом верблюдов, а на колесном транспорте: арабах, телегах и бричках. Так, семейно-родственная группа Тактенбалдары первичного рода Акбура, входящего в большое родоплеменное объединение Аргын Среднего жуза, кстау которой находилось в урочищах Кызылтау и Есенасу, перекочевывала на летнее пастбище в урочища Сарытау и Токзак (20—25 км от кстау) с помощью двухколесных арб, в которые запрягали лошадей, быков или верблюдов. Кочевка длилась всего один день. Вместе с караваном перегоняли и скот. У отца нашего информанта Балкабека Шаймерденова (1902 г.р.) — Шаймердена — в хозяйстве было около 100 овец и баранов, 20 лошадей, 25 голов крупного рогатого скота, 2 верблюда. ²²⁴ Имущество на джайляу перевозили на четырех арбах. На арбах, бричках и на верблюдах перекочевывали с одного пастбища на другое хозяйственные аулы рода Бектоул большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза. ²²⁵ Многие полукочевые хозяйства Тургайского, Кокчетавского, Каркаралинского, Акмолинского и других уездов совершали перекочевки на телегах, арбах и бричках. ²²⁶ Одну из причин использования колесного транспорта мы уже указали: близкое расположение одного пастбища от другого. Но главная причина: отсутствие у хозяйства традиционного вьючного животного — верблюда. «Когда... вещи сложены, — писал А. Добросмыслов, — их навьючивают на верблюдов, а за неимением таковых накладывают на телеги, запряженные лошадьми или быками». ²²⁷

В публикации Переселенческого управления по Петропавловскому уезду приводятся, очевидно для сравнения, описания перекочевки на верблюдах и перекочевки на колесном транспорте: «Баганалинцы или каркаралинцы во время пути соединяются в громадные группы; в безлюдной степи тянется бесконечная цепь навьюченных верблюдов, привязанных один за другим; переднего верблюда ведет нарядная, наиболее красивая в ауле молодая женщина верхом на лошади; в стороне едут на иноходцах девушки в серебряных поясах, в шапках, отороченных бобром; сбруя иноходцев блестит серебряной насечкой. Впереди с гиком и песнями гарцуют на лучших скакунах джигиты; некоторые из них вооружены «найзами» (пиками) и даже клышами (род сабли), выдавшими, может быть, еще времена Чингиз-хана. А там, дальше тянутся бесчисленные табуны лошадей, овец».²²⁸ И совсем по-иному выглядела кочевка на арбах или телегах. Обратимся к источнику: «Кочевка Петропавловского киргиза (казаха — В.К.) не приглядна... По дороге тянется десяток немилосердно скрипящих двухколесных арб, на которых сложен незатейливый киргизский скарб, замызганный до омерзения. В каждую арбу впряжена лошадь или бык, изредка верблюд. И экипаж, и сбруя поразительны по своему убожеству. Во многих аулах не хватает арб и рабочего скота для одновременного передвижения всех хозяйств; тогда устраиваются так: часть аула рано утром отправляется в путь и затем с новой стоянки посылает арбы и лошадей за оставшимися. И так — на всем протяжении своего кочевого пути».²²⁹

Представляет интерес указание Н. Гродекова, что накануне выкочевки с зимовок казахи устраивали угощение, а затем зажигали два костра, между которыми прогоняли весь скот. Перед этим старшая в ауле женщина разбивает посуду из тыквы, приговаривая: «С разбитием этой посуды разлетелись все печали!»²³⁰ О сакральном значении проводов скота между двумя кострами перед снятием с зимовки упоминается и в одном архивном документе.²³¹

Нам остается рассмотреть последнюю форму землепользования, связанную со скотоводством, а именно: пользование сенокосными угодьями. Как уже отмечалось, сенокосение наряду с земледелием было одним из основных признаков, отличающих полукочевое скотоводческое хозяйство от кочевого.²³²

Принято считать, что широкое распространение сенокосения у казахов связано с колонизацией края переселенцами

из европейской части России, основную массу которых составляли крестьяне. Казахи, мол, непосредственно заимствовали у переселенцев методы и приемы косьбы вместе с орудиями труда — косой-литовкой и граблями, а в байских хозяйствах и машин — конных сенокосилок: «Косить сено киргизы (казахи — В.К.) начали с тех пор, как был основан Кокчетав (1824 г. — В.К.). В этом отношении повлиял пример русских жителей; до тех пор у киргиз даже не было косы».²³³

Однако заготовка травы на зиму, правда в очень мизерных размерах, буквально в виде отдельных клочков сухой травы, всегда бытовала у кочевников-скотоводов.²³⁴ В отношении Казахстана это подтверждают археологические материалы. Оказывается уже в начале 1-го тысячелетия до н.э. с развитием кочевого и полукочевого скотоводства в Западном и Центральном Казахстане наблюдалось незначительное распространение сенокосения. Большее развитие оно получило в Восточном Казахстане, в Семиречье и некоторых других районах, где преобладало полукочевое скотоводство.²³⁵

Некоторые казахи сохранили, очевидно, самый архаичный способ заготовки сена. Это можно наблюдать у полукочевых казахов Каркаралинского уезда: «В группе аулов Акботинской волости этого уезда, объединенных одним предком Турлубеком, лишь у очень немногих укос отдельного хозяйства выражается в 10 копнах, обыкновенно же накашивают 1—5 копен; на некоторых траву даже не косят, а просто рвут руками».²³⁶

А по Лепсинскому уезду мы имеем сведения, относящиеся к 1907—1909 гг., о времени начала сенокосения у казахов. Из общего числа 197 общин в десяти считали, что сенокосением они занимались давно или даже очень давно, в семи — более 100 лет, в тридцати двух — от 51 до 100 лет и т.д.²³⁷ В Караузокской волости Перовского уезда полукочевые казахи занимались сенокосением с середины прошлого века, однако сравнительно достаточные запасы стали делать в 90-х годах (после сильного джута).²³⁸

У нас имеется много данных о широком распространении сенокосения именно в это время. «Значение сенокосных запасов киргизами (казахами — В.К.) признавалось еще и в те времена, когда у них не было постоянных зимовок, когда и зимой они принуждены были кочевать. И тогда уже некоторые хозяева покупали сено. Сенокосение начинается с момента прекращения зимних кочевых, с момента образования постоянных

зимовок. Нынешние старики по крайней мере не помнят таких времен, когда бы не косили сено; помнят только, что раньше косили значительно меньше нынешнего. В настоящее же время киргизы (казахи — В.К.) выкашивают не только луговые места, но и степь. Степь стали косить в самое последнее время, в начале 90-х годов, после усиленного водворения в крае русских переселенцев, от которых и научились косить степь косами и машинами.²³⁹ В Кокчетавском уезде покосные угодья были расширены за 11 лет (с 1895 по 1906 гг.) от 1.5 до 3 раз.²⁴⁰ В Кулан-Отпес-Нуринской волости Акмолинского уезда в 1908—1909 гг. было произведено подворное обследование хозяйств. Все 256 хозяйств, карточки которых мы просмотрели, в той или иной мере занимались заготовкой сена на зиму.²⁴¹ «Каждый казак, — пишет С.И. Руденко о полукочевых (или, как он их называет, «полуоседлых») хозяйствах Восточного Казахстана, — должен запасти к зиме хотя бы небольшое количество сена. К этому чрезвычайно важно, чтобы вблизи зимовок находились сенокосные угодья».²⁴²

Однако время широкого распространения сенокосения в разных уездах Казахстана и даже в разных волостях одного уезда сильно варьировалось. Например, казахи рода Бесым из большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза, присоединившиеся к уже кочевавшим по р. Нуре, начали косить сено в 70-х годах прошлого столетия. В то же время близкие им по родству казахи родов Клуббет и Мамбет, перекочевавшие на эту территорию ранее, не знали в период этой перекочевки сенокосения.²⁴³ Приблизительно в это время, т.е. в 60—70-е годы минувшего века, начали производить заготовку сена казахи Кызылтавской волости Павлодарского уезда: «Сенокосение началось лет 30 тому назад. Косили первобытной косой, лет 15—16 тому назад вошли в употребление обыкновенные косы».²⁴⁴

Несколько слов о конских сенокосилках. Их применение в зажиточных и байских хозяйствах полукочевых казахов было связано не только с тем, что это значительно повышало производительность труда и расширяло площадь под сенокос. В степи, где преобладают ковыли, которые быстро твердеют и делаются настолько скользкими, что коса их не берет, а машинная уборка производится успешно.²⁴⁵ Все это привело к довольно быстрому росту числа сенокосилок. Так, например в Петропавловском уезде за семь лет (с 1901 по 1908 гг.) их число уве-

личилося с 48 до 459 штук, т.е. почти в 10 раз!²⁴⁶ Выгоды от применения конных сенокосилок были настолько очевидны, что даже середняцкие хозяйства приобретали их в складчину или же нанимали у крестьян-переселенцев: «Уборка производится при помощи обыкновенных кос, деревянных граблей и вил. Только степь, которую стали косить в самые последние годы, косят зачастую машинами, обыкновенно нанимая их у переселенцев; но в последние годы некоторые хозяйства стали обзаводиться собственными машинами, приобретая их компаниями. При производстве похозяйственной переписи было зарегистрировано 48 косилок, принадлежавших 85 хозяевам. Машины заводят преимущественно богатые хозяева, но и малолешадные входят в пай с богатыми».²⁴⁷

О быстром распространении сенокосилок в Тургайской области сообщает А.И. Добросмыслов: «В 1890 г. областным правлением была приобретена на остатки от земского сбора сенокосилка и передана в Актюбинский уезд буртинскому волостному управителю для ознакомления киргиз (казахов — В.К.) с усовершенствованием приемов сбора сена. В начале 1893 года киргизы (казахи — В.К.) этой волости имели уже 30 собственных сенокосилок, благодаря которым владельцы их даже и в неурожайном 1891 году собрали достаточные запасы и прокормили в тяжелую зиму 1891/2 г. как свой скот, как и помогли кормить таковой своим родственникам, да и могли еще продавать лишние запасы».²⁴⁸

Весьма интересные сведения о наличии сенокосилок и конных граблей содержатся в подворных карточках переписи хозяйств казахов Кулан-Отпес-Нуринской волости Акмолинского уезда, собранные в 1908—1909 гг.:

Калы Кочубек имел 1 конную сенокосилку, а также конные грабли. Он накопил 250 копен сена и 150 — продал. Скота у него немного: 4 лошади и 2 головы крупного рогатого скота. Однако основной его доход — торговля мясом, а также изготовление саба — кожаных мешков для кумыса. Таким образом он заработал 140 руб. в год.

В другом хозяйственном ауле, насчитывающем 18 хозяйств, его аксакал Кудаспай Тасабай владел на правах полная конной сенокосилкой, конными граблями. В его собственности находилась также одна жатка. На 2 лошади, 22 головы крупного рогатого скота, 21 овцу и 14 коз Кудаспай Тасыбай заготовил 200 копен сена.

Два хозяина этого же аула Адибай Жатпай и Кожак Сиким владели по 1/3 пая на конную сенокосилку. Первый из них накопил 300 копен сена и еще прикупил 120 копен для своих 30 лошадей, 20 голов крупного рогатого скота, 40 овец и 8 коз. А Кожак Сиким накопил 250 копен сена для 29 лошадей, 17 голов крупного рогатого скота и 13 овец.²⁴⁹

Четыре хозяйства аула № 6 (аксакал — Ахмет Тогайбай) владели на различных долях конными сенокосилками и граблями. Сатыл Ахмет, например, владел 1/3 сенокосилки и граблей. На лошадь, 14 коров, 21 овцу, 31 козу он накопил 100 копен сена и 80 купил. Ахемжан Тогайбай — брат аксакала, живущий в доме с двумя женатыми братьями и матерью, имел в своей собственности 1/5 часть сенокосилки и конных граблей. Он накопил 200 копен сена на 17 лошадей, 14 голов крупного рогатого скота, 51 овцу. По 1/4 конных сенокосилок и граблей владели Есмагамбет Мусур и Шермагамбет Бекмагамбетов.²⁵⁰

Очевидно, нет необходимости продолжать подобные примеры. Они свидетельствуют, что середняцкие хозяйства казахских полукочевников старались хотя бы на паях иметь конные грабли и сенокосилки.

Вторая причина быстрого и довольно широкого распространения среди казахских полукочевников сенокосения, заключалась в заметном «утеснении», как выражались дореволюционные авторы, в пастбищных угодьях казахов крестьянами-переселенцами из России. Так, в публикации Переселенческого управления о казахах Кокчетавского уезда сказано: «Вследствие сокращения пастбищ, постепенно отходящих переселенцам, богатые киргизы (казахи — В.К.) почувствовали земельное стеснение и вынуждены были озаботиться заготовкой зимнего корма. В качестве сильных и влиятельных хозяев они захватили постепенно значительные сенокосные площади и удерживают их в своем исключительном пользовании. Этим впервые нарушена цельность общинно-родового и введен в сферу последнего сепаративный принцип. Примеру богачей последовали и рядовые киргизы, которые тоже начали косить сено, пользуясь остатками сенокосных урочищ, не захваченных богачами. Но тут установились разные формы пользования: общинная и частная, или подворная».²⁵¹

В результате действия этих факторов сенокосение у казахско-скотоводов получило почти повсеместное распространение. По сведениям П.П. Румянцева, опирающегося на труды экспе-

дий Переселенческого управления, в десяти уездах степной полосы края (Акмолинская, Тургайская и Семипалатинская области) 89.5% всех хозяйств казахов занимались на рубеже XIX—XX вв. сенокосением.²⁵²

Еще дореволюционные авторы выделили две основные категории сенокосных угодий у казахов. К первой они отнесли сенокосы, которые были постоянными. Это — луга по речным долинам, низкие места по берегам озер и болот, урочища по степным впадинам и логам, лесные травяные поляны. Постоянными их считали потому, что на них всегда, даже в самое засушливое лето, можно было накосить сено.²⁵³ В Петропавловском уезде, например, «лучшими, но в то же время и наименее распространенными, являются сенокосы по поймам рек Ишима, Обаяна, Кундузлы, Тюмтугура. Наиболее же распространенными и типичными для уезда являются приозерные луга.²⁵⁴

Такие же роскошные луга тянутся вдоль р. Сырдарьи. Вот как описывает это И.В. Гейер, совершивший поездку в конце прошлого века для изучения условий сельского хозяйства и рыбного промысла у населения, живущего по этой реке: «Во многих местах берега (правого — В.К.) реки... тянутся длинные и часто широкие полосы земли, сплошь заросшие густым высоким пыреем. Растение это после люцерны считается одним из наиболее питательных кормов, и сплошные заросли его, длиною в 10.15 и 20 верст представляют громадное богатство для народного хозяйства. Подобные полосы пырея встречаются вплоть до впадения р. Арыса, и можно сказать без преувеличения, что при разумной эксплуатации этого богатства можно ежегодно делать запасы сена в сотни миллионов пудов. Боюсь ошибиться, но мне кажется, что этих запасов фуража с избытком должно было бы хватить на прокормление всего скота киргизов (казахов — В.К.), сходящихся по всему Сыру от Синаза до Казалинска. (Напомним, что еще в XV в. эти места считались излюбленными зимними пастбищами казахов — В.К.) Густой, высокой, почти в рост человека пырей покрывает не только берег, но и острова, где, как правило, он растет вместе с аржанцем, а по берегам островов — и с камышом. Но оба последние растения, заблаговременно скошенные, также являются хорошим сеном. Несмотря, однако, на такое приволье, дары щедрой природы эксплуатируются здесь очень слабо. Введенная русским переселенцем в обиход кочевника коса попадает редко. Номад косит сено мало, и группы косарей-

киргиз, скорее портят сенокос, выстригая траву отдельными плешинами без всякой системы и толку... Между тем в конце июня в эти места спускаются номады — овцеводы, и в течение нескольких недель вытаптывают пырей, ломая и прижимая его к земле». ²⁵⁵

Болотные сенокосы, распространенные, например, в Петропавловском уезде, только в северной, лесистой части, по характеру своему близки к озерным. В свою очередь, к болотным сенокосам близки сенокосы по низинам и западинам, в которых весной собирается снеговая вода. Такие котлованы называют — «чонкур», низины с кочками — «джарык», а менее выраженные низины — «конур». Здесь везде преобладают олюн. Лесные сенокосы расположены по полянам в березовых рощах, а главным образом вокруг этих рощ, по их опушкам. ²⁵⁶ О заливных сенокосах в Казалинском уезде сообщается в одном из архивных документов. ²⁵⁷ В другом архивном документе говорится: «Сенокосы группы Тюлебай (Тарбагатайская волость Зайсанского уезда — В.К.) расположены вдоль реки (правого берега) Канды-су на всем протяжении, кроме того имеется сенокос на уроч. Узун-булак и Торгай-булак. Сенокос преимущественно болотный. Сенокос группы Караша (там же — В.К.) вдоль левого берега реки Терс-айрак и кроме этого на уроч. Санкур, Саян-бастау, Келенчек-бастау, Дерель-бастау («бастау» — источник, ключ — В.К.)». ²⁵⁸

Материалы наших полевых исследований подтверждают эти данные. Информант Жанбурши Жангабулов (1905 г.р.) из семейно-родственной группы Кальменбалдары рода Абыз, входящего в большое родоплеменное объединение Кипчак Среднего Жуза, сообщил нам, что до революции сенокос его группы находился вокруг озера Жалдома. ²⁵⁹ Казахи семейно-родственной группы Ескорабалдары первичного рода Акша из родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза заготавливали сено вдоль р. Унгурли, текущей в горном ущелье. ²⁶⁰

О том, как казахи заготавливали сено из молодых побегов камыша, рассказал информант Оразали Шегебаев (1898 г.р.) из семейно-родственной группы Мамбетбалдары первичного рода Айкым, входящего в родоплеменное объединение Шапрашты Среднего жуза. Их кстау было расположено в урочище Кокжиде по левому берегу р. Чу. Хозяйства их группы были очень бедными и зарабатывали в основном продажей заготовленного сена из камыша. Весной, перед разливом реки, старый сухой

камыш — «камыс» сжигали. На этом месте ко времени сенокоса вырастали молодые побеги камыша около 1—1.5 м высотой. Эти побеги назывались «курак». Их и косили начиная с июня на сено для себя и для продажи. Как правило, косили те, кто принимал участие в сжигании старого камыша. Если к ним присоединялись другие — это находило осуждение среди аксакалов. Некоторые хозяйства косили сено для продажи. Так, Сапарбай из этой группы косил сено для хозяйства Тогабая, которое имело 60 лошадей, 18 верблюдов, 15 коров, более 400 овец. Ему заготавливали скирду сена — «курзе», в которой было около 3—4 тонн. За 500 снопов платили одного барана. Однако при суровой зиме уже платили одного барана за 50 снопов сена.²⁶¹

Казахи, зимовавшие вдоль берегов Сырдарьи, заготавливали сено из тростника и травы «джантак»: «Эти растения... косят и складывают в стога для подкармливания зимой».²⁶²

Ко второй категории сенокосных угодий относились сенокосы в степях. Они назывались временными, непостоянными, так как на них можно было получить сено только в хороший дождливый год. В засушливые же годы косить было нечего. На них нельзя было рассчитывать. «К временным сенокосам относятся вообще степь, пастбищные места. На хороших землях в степи трава достигает большого роста и ее свободно можно косить. В дождливые годы степь в этом отношении особенно благоприятна. Но в годы обыкновенные покосные места встречаются только на особенно хороших землях, при засухах же степь лишается и этих сенокосов, давая лишь травы низкие и быстро засыхающие, не доступные для съемки косой и даже машиной. Поэтому в степях, когда косят, а когда и нет, и рассчитывать на верный степной сенокос никто не может. Поэтому степные сенокосы считаются непостоянными, временными».²⁶³

Естественно, для полукочевника-скотовода особую ценность представляли покосные угодья первой категории, которые дают укусы сена в любой год, независимо от погодных условий: «Постоянные сенокосы в отношении урожаев трав надежнее, чем степные. На них, какой бы год ни был, всегда можно что-нибудь накосить... Поэтому постоянными сенокосами киргизы (казахи — В.К.) дорожат больше всего и готовы из-за них перессориться с кем угодно, жаловаться, судиться и драться. Сенокосы охраняются караульщиками при кстау и для пользования их хозяева приносят немалые жертвы: принимают на себя труд вымерять и делить сенокосы, отрывают молодежь

в самое хорошее кумысное время от ничегонеделанья в степи на кочевках и посылают ее косить и даже женщин снаряжают туда для помощи в работах, лишая таким образом отчасти джайлявные аулы забот этих безответных тружениц и терпя иногда от их отсутствия те или иные неудобства». ²⁶⁴ Особенно ценятся покосы, расположенные в непосредственной близости от зимней стоянки, ибо их легче сохранить от погрома чужим скотом и потом накошенное сено быстро перевезти на стоянку. И самое главное — эти участки очень плодородные, так как богато унавожены скотом. ²⁶⁵ «При каждом ауле имеются небольшие полянки унавоженных мест, служащих прекрасным сенокосом, которым каждый аул очень дорожит, как единственно ему принадлежащим и находящимся поблизости к зимовкам, наиболее доступным. Унавоживание места производится естественно, от нахождения скота около аулов». ²⁶⁶ Наконец, в некоторых гористых местах, где сенокосные места расположены отдельными небольшими участками, они особенно ценятся. Например, в Павлодарском уезде в гористых районах скашивался каждый подходящий участок земли: «Интересно, что в горах, — говорится об этом уезде, — сенокосные участки нередко носят название «корык»; очевидно это название, присущее обособленным участкам пастбища, было перенесено киргизами (казахами — В.К.) и на сенокосные участки, ввиду значения, какое они имеют в их хозяйстве». ²⁶⁷

Несмотря на относительно недавнее развитие сенокосения, казахи придавали ему настолько большое значение, что в ряде районов даже применяли меры для повышения урожайности трав. Так, например, в Акмолинском уезде устраивали запруды, чтобы хотя бы на время задержать в низинах воду от весеннего разлива рек или просто от таянья снега. В 1-м административном ауле Нуринской волости Акмолинского уезда 6 хозяйственных аулов сообща сделали в конце прошлого века запруду на р. Нуре. Вода из реки на 10—15 дней заливала сенокосные угодья, что значительно повышало их урожайность. Два хозяйственных аула II старшинства устраивали запруды для накопления снеговой воды на покосных участках. ²⁶⁸

В том же уезде и волости два хозяйственных аула III старшинства ежегодно выделяли 40—50 человек на 15 дней для ремонта и чистки арыков для орошения сенокосных угодий на площади в 2 кв. версты. Эти арыки они провели в середине прошлого века, стоимость их сооружения обошлась в одну ты-

сячу рублей.²⁶⁹ Группа хозяйственных аулов IV и X старшинств Чангызтайской волости Усть-Каменогорского уезда имела покосы, расположенные главным образом близ ключей и ручьев, водою которых они и орошались.²⁷⁰ О поливных лугах — сенокосах — в этой волости свидетельствует также архивный документ, относящийся ко второй половине 20-х годов нашего века. В нем говорится, что каждое хозяйство имело на призмочной площади от 0.5 до 1.5 десятин заливных участков, из которых одна пятая часть шла под посевы, а остальная — выкашивалась.²⁷¹ Во время экспедиции 1985 г. в Павлодарскую область нам пришлось наблюдать остатки запруды для задержания талых вод на сенокосных участках в районе поселка Жосалы Баян-Аульского района.²⁷²

И, наконец, отметим, что в некоторых районах Казахстана, там, где позволяли природные условия, казахи для заготовки корма на зиму стали разводить клеверники (вернее, люцерну). Об их разведении в Сыр-Дарьинской области рассказывает Н. Гродеков: «Участки с клевером не только арендуются, но и продаются за цену, не зависящую от потраченного пайщиком труда. В Кураминском уезде продаются участки не только с клевером, но и всякого рода».²⁷³ О посевах клевера в Сыр-дарьинской области (точнее, в Казалинском и Перовском уездах) в прошлом и в начале нашего века есть упоминания в архивных документах. Так, в отношении казахских хозяйств Перовского уезда сказано, что «в пользовании отдельных хозяйств находятся лишь их усадьба и клеверники».²⁷⁴

В донесении старшего чиновника для особых поручений Туркестанского генерал-губернаторства 7 декабря 1879 г. сказано, что в Казалинском уезде «ежегодно засеивается около 18 пудов клевера».²⁷⁵

О посевах люцерны под укусы имеются данные, собранные нами во время полевых исследований. Аксакал семейно-родственной группы Жалмырзабалдары рода Дулат Старшего жуза (ныне Чуйский район Джамбулской области) имел две десятины покоса, из них один — поливной участок, засеиваемый клевером.²⁷⁶

Еще раз отметим, что казахи называли клевером посевы люцерны. («Клеверники, о которых говорилось выше, есть не что иное, как участки, засеянные люцерной».)²⁷⁷

Разводили люцерну полукочевые казахи Семиреченской области, например, в Копальском уезде. В Лепсинском уезде

около четверти всех общин имели посевы люцерны. Обычно в одном хозяйстве засевалось от одной четверти до половины десятины, посев в 1 десятину считался уже крупным. С одного посева исключительно на поливных землях делали 1—3 укоса ежегодно в течение 10—15 лет.²⁷⁸ Причуйские казахи-полукочевники также разводили люцерну.²⁷⁹

Итак, сенокосы представляли для полукочевых казахов один из самых ценных видов земельных угодий. Более того, у нас имеются данные, свидетельствующие о том, что с переходом к сенокосению у казахов менялось представление о плохих и хороших земельных угодьях. В этом отношении весьма любопытна история казахов рода Айдабул, предки которых, жившие, по преданию, в Средней Азии, близ Ташкента, под предводительством батыра Ольджабая двинулись на север. Здесь они столкнулись с калмыками и в результате трехлетней упорной борьбы вытеснили их и поселились на освободившихся землях (Павлодарский уезд). Своему родному роду Малкозы Ольджабай выделил под зимовки Баян-Аульские горы. Дальше я позволю себе привести об этом большую цитату из публикации Переселенческого управления по Павлодарскому уезду: «При дележе земель между айдабульскими родами более сильные роды захватили, несомненно, лучшие земли, лучшие в пастбищном отношении, так как покосы в то время не играли почти никакой роли в обиходе киргиз (казахов — В.К.). Но с течением времени площадь удобных пастбищ уменьшилась и относительно (вместе с увеличением населения), и абсолютно, благодаря захвату значительной части земель казаками и киргизами из других родов. От бывшего приволья не осталось и следа. Теснота, ограниченность пастбищ временами очень тяжело отзывалась на киргизском хозяйстве. Явилась настоятельная потребность в более умелом — более интенсивном использовании пастбищ. К этому именно периоду следует отнести начало сколько-нибудь широкого развития сенокосения, и отныне наиболее ценными становятся те земли, на которых имеются покосы. Род Малкозы благодаря Ольджабаю занял земли лучшие по своему подножному корму, но с полным почти отсутствием покосов; и вот, когда часть пастбищ — Баян-Аульские горы — отошла в надел казакам, а горы Аккелин были захвачены Мусой Чермановым, род Малкозы вследствие отсутствия покосов очутился в худшем положении, чем другие роды. Ежегодно аулы из этого рода принуждены покупать сено

у киргиз, зимовья которых расположены на речке «Кожа-корук». Кожа-корук (как худшее пастбище) досталось потомкам Каракозы, нелюбимого сына Айдабула (очевидно, менее сильный по численности род); в настоящее время род Каракозы владеет богатейшими покосами; ежегодно накашивает свыше 100 000 копен хорошего сена, избыток которого продает другим родам». ²⁸⁰ В этом отрывке в сжатой форме раскрыта вся история землепользования казахов: начиная от захвата лучших пастбищ сильными родами и кончая сенокосными участками, которые стали у полукочевников наиболее ценными земельными угодьями.

Нам остается рассмотреть вопрос о местонахождении этих самых ценных, с точки зрения казахского полукочевника, земельных угодий, а также о формах пользования ими.

На вопрос о местонахождении сенокосов нельзя ответить однозначно. В большинстве случаев они располагались на территории прикставных участков, или же недалеко от них. Иногда они находились на весенне-осенних пастбищах, которые как мы выяснили, в основном сами примыкали к зимним пастбищам.

В Кальжирской волости Зайсанского уезда, в которой в конце прошлого века проживало более одной тысячи хозяйств казахов рода Кожамбет большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза, административный аул № 1 (202 хозяйства) имел зимние пастбища, расположенные «в уроч. Такыр, находящемся на западе волости и в горах Бокомбай... шириной примерно 15 верст и длиною 100 верст, из этого пространства получается для покоса уроч. Такыр в 400 десятин, на коем накашивается до 50 тысяч пудов». ²⁸¹ Второе старшинство той же волости (264 хозяйства) имело кстау по р. Кальжир, начиная от р. Черный Иртыш до урочища Токты и на восток от Кальджира до горы Жудасты. Длина зимних угодий 20 верст, ширина — 10, «из этого пространства покосом служит до 400 десятин, накашивают до 57 тысяч пудов». ²⁸² Покосы 3-го административного аула также расположены на территории зимних пастбищ, как и еще двух остальных старшинств Кальжирской волости. ²⁸³ Подавляющее большинство, точнее сказать, почти все хозяйства полукочевых казахов Петропавловского уезда имели сенокосные участки на призимовочной территории. ²⁸⁴ Мы сознательно говорим «почти», так как, если у некоторых из них и были покосы не на кстау, они были дополнительными к основным, кставным. Дополнительные покосы

располагались, как правило, на территории весенне-летних пастбищ или это был покос камыша по берегам рек и озер на летнем пастбище. Так, большая группа аулов, принадлежащая к роду Кайли-Атыгай и Рсай, имевшая кстау в Петропавловской волости, помимо сенокосных угодий на призимовочной территории, косила сено также на кузеу — урочище «Чопты-Куль». Шесть хозяйств аула (во главе с аксакалом Даутпай Бужаном) той же волости наряду с покосами на кстау имели сенокосные участки на осеннем пастбище «Сары-Куль». Группа хозяйственных аулов Пресногорьковской волости имела основные сенокосные участки на призимовочной территории, находящиеся возле болот, лесов и озер небольшими особняками. В урожайные годы они использовали для кошения сена также урочище Джилымды, которое было их осенним пастбищем. Дополнительный покос на урочище Айдарбек, которое является кузеу, имела группа хозяйственных аулов Средней волости.²⁸⁵

Приведем несколько примеров, когда сенокосы, главным образом дополнительные, находились на летних пастбищах в этом уезде.

В Петропавловской волости группа аулов, объединенная общим предком Есимом из рода Ак-Кийик, имела в общем пользовании на летнем пастбище Кумды-Кул покосы дополнительно к основным, расположенным на кстау, которые находились в совместном пользовании и ежегодно делились подворно. Однако косили на джайляу не каждый год. Четыре хозяйственных аула Пресноводской волости, совместно владевшие призимовочной территорией, имели основные покосы на кстау. С 1897 г. они стали также косить на общем джайляу Батпак-Куль, где каждый мог косить сколько может.²⁸⁶ Зачастую отдаленными покосами на джайляу могли пользоваться только байские хозяйства, так как другие не имели возможности перевезти с них сено на зимовку. 2 хозяйственных аула IV старшинства Пресногорьковской волости заготавливали сено на территории зимних пастбищ. Однако у них «есть покосы и на джайляу, возле озер: Джалтыр и Ешке-Куль. Пользуются этими покосами только состоятельные хозяйства после того, как стоящие здесь летом аулы откочевывают, и трава снова отрастает».²⁸⁷

В Кокчетаевском, Усть-Каменогорском, Перовском, Акмолинском и других уездах основные покосы, как и в Петропав-

ловском уезде, находились на призимовочной территории,²⁸⁸ а также были и на весенне-осенних пастбищах и летовках.

Мы уделили так много внимания категориям сенокосных участков (по плодородию трав и их местоположению), ибо они оказывали существенное влияние на характер обособления сенокосов у полукочевых казахов. Об этом очень хорошо сказано в публикации Переселенческого управления по Кокчетавскому уезду: «По месту нахождения надо различать собственно двоякого рода сенокосы: приаульные, находящиеся вблизи зимовок; внеаульные, расположенные вдали от зимовок, большей частью на осенних пастбищах. Разница между ними сводится к различным затратам средств на получение сена с них. С ближайшими к зимовке сенокосами киргиз (казах — *В.К.*), понятно, может легче, с меньшими затратами труда и времени, справиться, чем отдаленными. Согласно с этим, эксплуатация первого рода сенокосов регулируется более строгими правилами, чем пользование вторыми. Так, по словам киргиз хозяйственного аула № 1 IV старшинства Кутуркульской волости, сенокосы, находящиеся при кстау (зимовка), поделены между хозяевами на определенные участки раз навсегда; сенокосы же, расположенные на осенних пастбищах (кузеу), находятся в общем пользовании, так что каждый из общинников имеет право косить здесь сено; но фактически ими пользуются одни богачи, имеющие возможность перевезти отсюда к зимовкам, на далекое расстояние, сено. Киргизы хозяйственного аула № 9 VII старшинства Джиландинской волости ближайшие, наиболее ценные луговые сенокосы делят между хозяевами равными пайками, а на отдаленных степных сенокосах каждый хозяин косит траву сколько хочет».²⁸⁹ Этот пример также подтверждает большое разнообразие форм распределения и пользования сенокосными угодьями.

Следовательно, мы можем назвать несколько основных форм пользования сенокосными угодьями:

1. Подворно-наследственная, при которой каждое хозяйство имеет в своем распоряжении определенный сенокосный участок;

2. Совместная заготовка сена хозяйствами аула или группы аулов с последующим разделом его между хозяйствами (раздел производился поровну между всеми хозяйствами, по числу косивших, по количеству скота в каждом хозяйстве, по старшинству в ауле);

3. Подворная, но с ежегодным распределением общего для аула или же группы аулов сенокосного участка перед началом косьбы;

4. Смешанная форма заготовки сена, когда в ауле или группе аулов есть и подворная косьба, и совместная косьба на других покосных участках и т.д.;

5. Свободная, как правило, покос на летних пастбищах, камыша по руслам больших рек, озер и болот.

Рассмотрим более подробно эти формы пользования сенокосами по мере их распространения у полукочевых казахов в изучаемый период.

Наиболее распространенной формой пользования сенокосами была подворно-наследственная. В Усть-Каменогорском уезде, например, из 1890 хозяйственных аулов — 1555 имели в подворном пользовании сенокосные угодья.²⁹⁰ С.И. Руденко, говоря о восточных казахах, отмечает, что покосы у них принадлежат отдельным семьям: «Покосы эти являются предметом собственности, переходят по наследству от отца к сыну и передаются за более или менее значительную цену, в зависимости от качества зимовки и ценности прилегающих к ней угодий».²⁹¹ О подворно-родовом распределении сенокосов на призимовочной территории казахов родов Аралбай и Джиен, живущих в административном ауле № 7 Чингистайской волости Бухтарминского уезда, упоминается в одном архивном документе (1924—1928 гг.), где сказано, что максимальный размер сенокосного надела — 15 десятин, минимальный — 1.5 десятины, «многие хозяйства вовсе не имеют сенокоса».²⁹²

Нами во время полевых исследований также собрано много примеров подворного распределения сенокосов в Восточно-Казахстанской области. Так, семейно-родственная группа Актобебалдары из первичного рода Отеп большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза состояла из 8 хозяйственных аулов, каждый из которых обладал от 1000 до 4000 голов овец, от 200 до 500 голов лошадей, коров и верблюдов. Каждое хозяйство единолично владело сенокосными угодьями, хотя определенных границ между ними не было, в том числе и меток. Наделы передавались по наследству от отца к сыну. Сенокосы были расположены вокруг кстау на урочище Шорга. Каждое хозяйство косило себе сено отдельно и ставило из него отдельные скирды.²⁹³

Об интересной форме организации заготовки сена на зиму рассказал информант Топай Самылтыров (1888 г.р.). В семейно-родственной группе его отца Тасыбайбалдары первичного рода Жанибек большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза было 11 хозяйственных аулов, причем среди них были как довольно зажиточные хозяйства, так и бедняцкие. Например, в ауле Калышпайаулы два родных брата имели 500 голов овец, 15—20 лошадей, 5—10 коров. Глава третьего хозяйства этого аула — их дядя по отцу Тюбет — был «уста», т.е. мастером-кузнецом, ковал металлические лемехи для пахотных орудий — «*тыстемир*», подковы и т.д. Столько же приблизительно было скота в другом ауле этой группы — Ногайаулы, — состоящем из двух хозяйств. Между тем отец информанта — Самылтыр — имел всего 4 лошади, 5 коров и 10 коз и овец. Каждое хозяйство группы заготавливало сено себе отдельно: байские хозяйства — 5—6 тонн, бедняки — 1—3. Косили около зимних пастбищ. Однако байским хозяйствам сена не хватало, они прикашивали еще по берегам Каратала, а беднякам не разрешали там косить. Сами байы не косили. Они устраивали «*асар*», т.е. помощь, собирали 20—30 молодых людей из аулов группы, которые за угощение кумысом, мясом и т.п. не только косили, но и свозили сено на усадьбы хозяев. Были случаи, когда байы отбирали сено у своих родственников-бедняков.²⁹⁴

Подворно-наследственные сенокосные угодья могли быть, как уже указывалось выше, неравными по площади. Так, хозяйства семейно-родственной группы Тастемирбалдары имели 5, 10, 15 и до 20 десятин сенокоса, которые были расположены около кстау на левом берегу Иртыша. Аксакал группы Копбай имел 7 десятин покоса, его брат (отец информанта) Курумбай владел 15 десятинами, другой брат — Жоке — 10 десятинами и т.д. Когда выделялось новое хозяйство, оно получало покосный участок от отца. Отсюда, очевидно, и происходила неравномерность сенокосов у хозяйств. «Участки (сенокосные — В.К.), — как говорил информант, — распределили один раз, если у кого сена на его участке было мало, то по распоряжению аксакала ему давали косить на своих участках другие. Каждое хозяйство косило само себе».²⁹⁵

В другой семейно-родственной группе Алакбалдары бай Таныйк имел около 1000 голов овец, 50 лошадей, 150 коров, занимался также торговлей мануфактурой, перепродавал молодых бычков и т.д. Он подкупил волостного старшину — «*бо-*

луса», который своей властью отрезал от других хозяйств этой группы по одной десятине покоса и передал их Таныку. Таким образом, у Таныка стало 20 десятин сенокоса.²⁹⁶

Вот еще примеры, раскрывающие причину неравномерности сенокосов отдельных хозяйств.

Семейно-родственная группа Истемесбалдары первичного рода Акболат большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза состояла из пяти хозяйственных аулов. Их кстау было расположено на урочищах Жаманкурчум и Арал (по р. Бакасу, бывшая Манракская волость Зайсанского уезда). Сено заготавливало каждое хозяйство этих аулов на своем участке. Сенокос находился на заболоченных местах, поэтому там никто скот не пас. Размеры сенокосных участков были разные, так как в свое время аксакалы аулов собрались и разделили участки в соответствии с наличием рабочих рук в каждом хозяйстве. А затем эти участки закрепились за каждым хозяйством. При выделе в отдельное хозяйство сына отец, если у него было достаточно сенокоса, отдавал часть от своего. Если же не хватало, то просил у тех, кто сам не имел сил целиком убрать свой покос.²⁹⁷

Все 5 аулов семейно-родственной группы Жанкарабалдары первичного рода Карсалак большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза были очень зажиточными, имели от 1000 до 2000 голов овец, 150—500 лошадей, 50—300 коров, 50—150 верблюдов. Их зимние пастбища располагались на урочище Кокжира. Сено заготавливали на своих подворных угодьях. Каждое хозяйство имело 4—5 десятин покоса. Однако косили сено по очереди, помогая друг другу. Собиралось 30—40 косцов. Новому хозяйству «отау» выделили покос из размера «бир аркан» (одна веревка, аркан, длиной около 50 м — В.К.) по фронту. Глубина участка не принималась во внимание, она могла быть произвольной, до 300 м.²⁹⁸

Если сравнить казахов-полукочевников Западного Казахстана с восточными полукочевниками, то сенокосные угодья и у них, как правило, находились в подворно-наследственном пользовании. («Иное дело, — пишет С.И. Руденко, — сенокосные угодья. Они все распределены и составляют неотъемлемую собственность данного казаха, с покосом связано и кстау».)²⁹⁹

П.Е. Маковецкий, обобщая материалы, собранные в последней четверти прошлого века по Центральному Казахстану (Павлодарскому, Каркаралинскому и Семипалатинскому уез-

дам), отмечает что «кочевки отдельных хозяйств и близлежащие сенокосы составляют их частную собственность».³⁰⁰

В ряде уездов более половины заготавливающих на зиму сено хозяйств имели покосные участки в подворном пользовании. Например, в Акмолинском уезде — 55%.³⁰¹ Значительное число аулов и хозяйств Петропавловского (40.2%), Атбасарского (44.6%) и некоторых других пользовались покосами подворно.³⁰² Такая же картина наблюдалась в Семиречье: Копальском и Лепсинском уездах.³⁰³

Все покосные угодья, находившиеся в обособленном подворном пользовании (вряд ли правы авторы, как мы уже не раз отмечали, которые называют это обособление частной собственностью), относились к категории постоянных сенокосов.

Другой, также распространенной формой заготовки сена у полукочевых казахов было распределение накошенного сена на общем участке между хозяйствами. Обычно сообща косили сено хозяйства одного аула или семейно-родственной группы, т.е. общины. Накошенное сено распределяли или поровну между хозяйствами, или в соответствии с выставленными на косьбу косцами, или по количеству скота в хозяйстве, или по старшинству. В Каркаралинском уезде, например, из 3379 аулов, заготавливающих сено на зиму, 1705 хозяйств (или 50.6%) производили покос совместно, а затем делили полученное сено между собой.³⁰⁴ 44.6% аулов Кокчетавского уезда также сообща заготавливали сено, а затем делили.³⁰⁵ Хозяйства 542 аулов (или 30.9% всех аулов в Петропавловском уезде) косили сено сообща, а потом делили его между собой.³⁰⁶ Значительное число хозяйств, которые таким же образом заготавливали сено на зиму, было и в других, особенно в степных, уездах Казахстана. В Павлодарском уезде три четверти всех сенокосных угодий скашивалось сообща. «Общинники выставляют рабочих пропорционально своей доле в сенокосе и затем уже готовое сено делят по числу лиц, участвующих в уборке».³⁰⁷

В этом уезде, по словам информанта Аппаса Манапова (1905 г.р.), бай тщательно охраняли свои земли, особенно сенокосы. Косили же сено вместе, а затем распределяли его поровну.³⁰⁸ В Тургайской области многие хозяйства также делили сено после его косьбы. У семейно-родственной группы Кулшукбалдары кстау с покосами находилось в месте соединения речки Сарытургая с Каратургаем. Эти покосы им выделил волостной управитель, причем выдел производил неравномерно,

в зависимости от родственных отношений. Однако хозяйства этой группы сообща косили сено, а затем делили, причем делаж производил аксакал группы. Мерой служил выюк сена на одного верблюда.³⁰⁹

Хозяйства семейно-родственной группы Апайбалдары, которые были в основном зажиточными, а некоторые, например, хозяйство Орумбая — аксакала группы, Узбая, брата Орумбая, Нурсеита — двоюродного брата Орумбая, Омара, Мухана, Акмолды и Шашена были байскими. Сами они сено не косили, а оставляли на кстау 1—2 семьи бедняков, которые и заготавливали для них сено. За 10 верблюжьих выюков сена платили одного барана. Так как скота было много, то заготавливали сено только для верховых лошадей из расчета 5 выюков на одну лошадь на зиму.³¹⁰ Так же оставляли бедняков на призимовочной территории байские хозяйства семейно-родственной группы Кошенбалдары рода Таракты. За 6 верблюжьих выюков платили 1 барана. Один такой выюк весил около 200—300 центнеров.³¹¹

Если в одном ауле были хозяйства близких родственников (например, отца и выделенных им женатых сыновей), то часто один из них, как правило, младший, косил сено для всех хозяйств аула. Так, в упомянутой выше группе в ауле Карамергенаулы было 4 хозяйства — сына Карамергена — Рустамбека и его трех женатых сыновей: Нурлыбека, Алжана, Алимжана. Для всех косил сено четвертый Ахметжан, не выделенный, так как он был самый младший сын и должен, согласно обычаю, остаться в хозяйстве отца. В этом же ауле жил родной брат Рустамбека — Арымбек и его пять женатых сыновей: Мырзабек, Айембек, Арлыбек, Нурлыбай, Куатпай. Из них Нурлыбай косил сено для всех, а потом его делили.³¹² Около 10 человек отправляли хозяйства семейно-родственной группы Алимбетбалдары первичного рода Алибек большого родоплеменного объединения Кипчак Среднего жуза (южная часть Тургайской области — В.К.) на заготовку сена. Затем его делили все между собой.³¹³

Значительная часть полукочевых казахов Атбасарского уезда (около двух пятых всех аулов и хозяйств) производили «косьбу сена сообща и делили его потом уравнительно между косившими».³¹⁴ 192 аула из 270, т.е. одна треть, распределяли сено по числу косарей. Богатым хозяйствам предоставлялась возможность выставить по два косца и, таким образом, получать двойную долю сена.³¹⁵ Мы уже говорили о том, что в

Павлодарском уезде скошенное совместными усилиями сено делилось по количеству работавших на сенокосе.

Еще одной формой распределения накошенного вместе сена был раздел его по количеству скота в хозяйствах. Так делилось сено, накошенное вместе, в 20 аулах Павлодарского уезда, что составляло менее 8% всех косивших сообща аулов в данном уезде.³¹⁶ По количеству скота в хозяйствах делили сено хозяйства семейно-родственной группы Ескорабалдары первичного рода Акша из родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза, кстау и покосы которых были расположены вдоль горной речки Унгурлу. По сообщению информанта Катия Сауранбаева (1898 г.р.), у этой группы было четыре аула по числу четырех сыновей общего предка группы — Ескоры. Каждый аул косил сообща. Отец информанта, который имел около 100 голов овец, 5 верблюдов, 5—6 лошадей и коров, и сам Катий, женившийся в 1916 г. и получивший в «енши» (т.е. выдел) 40 овец, 2 лошади, 2 верблюда и 2 коровы, получали на это поголовье 50 копен сена.³¹⁷ Отметим, что это необычайно малое количество сена, так как по показаниям самих казахов для прокормления одной лошади в течение зимы требуется 30 копен, или 180 пудов сена.³¹⁸

У некоторых аулов Мизгильской области Кокчетавского уезда сенокосные участки не были поделены между домохозяйствами. Поэтому они косили сообща и уже сено делили. «Богатые киргизы (казахи — В.К.), имеющие значительное количество скота, получают больше сена, чем киргизы средней зажиточности и бедняки, причем последние отдают богачам часть своих пайков по согласию».³¹⁹ В отношении же Кокчетавской волости этого же уезда говорится: «Хотя все сенокосы распределены между отдельными хозяевами, но общая съемка сена и дележи последнего не равными паями применяются и там, где практикуется распределение сенокосов отдельными участками между хозяевами».³²⁰ Семейно-родственная группа из 29 хозяйств (Беркаринская волость Каркаралинского уезда), объединенных общим предком в четвертом поколении — Найманбаем, — имела покосы на оз. Тамырдыры. Сено косили сообща; в одном хозяйственном ауле его делили по количеству скота, в другом — по усмотрению аксакала, в остальных — по расходам.³²¹

Скошенное совместно сено распределялось между хозяйствами также по старшинству. Такая форма распределения се-

на была, например, в семейно-родственной группе Байкадамбалдары первичного рода Нурак большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза, которая состояла из 10 аулов (21 хозяйства). Их кстау находилось в западной части горы Сункар (Илийский хребет), вдоль берегов небольших речек Большие и Малые Жидели. На лето они уходили на урочище Далакайнар, которое примыкало к западным предгорьям Илийского хребта (несколько южнее речек Жидели). Сено заготавливали вблизи своих зимних стойбищ отдельно, а на Далакайнар, т.е. на летнем пастбище, все вместе. Каждое хозяйство выделяло для этого одного косца, а уже накошенное сено делили, причем первым из него брал, намного больше, чем другие, Сагат, так как он был «кенже-бала», т.е. самым младшим из шести сыновей Бейсена — старшего внука основателя группы — Байкадама. Как известно, согласно казахскому обычаю, младший сын был наследником своего отца. После Сагата сено брал себе Аселбек — старший сын Бейсена, затем его второй сын — Шалбай — и все другие хозяйства.³²²

Хозяйства семейно-родственной группы Жанатайбалдары первичного рода Караша большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза были довольно бедными, не каждое даже имело косу — «шалгы» — для косьбы сена. Они косили сено на кстау и около пашен совместно, а потом делили его по старшинству в аулах. Однако они учитывали, что, например, в эту зиму на кстау некоторых хозяйств снегу выпадало больше и, следовательно, там меньше можно было содержать скот на подножном корму. Таким хозяйствам сена давали больше.³²³ Три хозяйственных аула, входящих в III старшинство Джетыгаринской волости Кустанайского уезда нераздельно пользовались своими покосами и скашивали сено сообща, а потом его делили, или же делили участками ежегодно. Однако в любом случае аксакал получал больше других, при дележке участков — лучший выделялся ему. При этом аксакал так объяснял это: «Я не силой беру, а тем, что у меня всегда бывает много гостей, которых я пою и кормлю; вот в благодарность за это мне и выделяют лучшие участки».³²⁴

Итак, при данной форме пользования сенокосными угодьями, как и в первом случае, т.е. подворном, эти угодья относились, как правило, к категории постоянных сенокосов.

Следующей по распространенности у полукочевых казахов формой пользования сенокосами являлось ежегодное (а иногда

и на большие сроки) распределение сенокосных угодий общины или хозяйственного аула перед началом косьбы. Так, о казахах Атбасарского уезда об этом сказано следующие: «В некоторых общинах часть покосов находится в общем пользовании аулов или всей общины; эти покосы или ежегодно, перед началом покоса, делятся между хозяевами, или же скашиваются сообща».³²⁵ В общинной группе из 8 хозяйственных аулов (I старшинства Джаркаинской волости этого же уезда), объединенных общностью пользования весенне-осенними пастбищами и общими перекочевками, ежегодно перед началом покоса производилось распределение сенокосных угодий между хозяйствами, «причем каждому стараются дать часть хорошего и плохого сенокоса и приблизительно, на глаз, одинакового размера: если оказывалось, что какой-нибудь участок дал сена меньше других, тогда хозяину прибавляли сено из долей других хозяев».³²⁶ В Денгизской волости этого же уезда, группа из 5 хозяйственных аулов, имеющих общие призимовочные пастбища и кочевки, ежегодно переделяла покосы между теми хозяйствами, которые имели на них право. Однако среди них были и такие хозяйства, которые этого права не имели.³²⁷ Вообще же в Атбасарском уезде, согласно повторному обследованию экспедиции переселенческого управления в 1909 г., из всех 699 хозяйственных аулов в уезде 101, или около 15%, производили раздел сенокосных угодий перед косьбой.³²⁸ В Кокчетавском уезде таким же способом распределяли участки под сенокос 20% всех аулов, в Кустанайском — менее 22%, в Петропавловском — 29%.³²⁹

Подобные же данные мы можем указать из материалов наших полевых исследований. Приведем лишь один пример.

В семейно-родственную группу Тайлакбалдары первичного рода Самбет большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза входило до зимы 1916/1917 годов (когда в Южном Казахстане случился большой джунт, от которого погибло много скота и людей) 70 хозяйств. Их кстау было расположено на урочище Хантау (северные склоны Киргизского хребта). На этом урочище протекало две речки: Сункар, на которой размещалась призимовочная площадь первого сына Тайлака — Каратала, и Талды, на которой находилось кстау второго сына Тайлака — Кашкимбая. Здесь же хозяйства производили заготовку сена. Сенокосные участки делили между собой в ауле поровну, однако лучшие из них выбирались по старшинству.

Иногда в группе все вместе косили, а потом уже делили накошенное поровну. Но это делали только тогда, когда нанимали косить сено со стороны.³³⁰

Нам удалось записать порядок распределения сенокосных угодий между тремя родами: Кокурек, Сийкым и Самбет. Волостной управитель, или, как его звали казахи, «болус», собирал старшин административных аулов, и они распределяли покос между собой. Затем каждый старшина административного аула распределял доставшуюся ему часть между хозяйствами, причем делили на глаз, приблизительно. Во 2-м административном ауле Дулатской волости Пишпекского уезда, где жили казахи рода Самбет, хозяйство получило около 0.5 десятины покоса. При выделе «отау», т.е. когда отец выделил женатого сына в отдельное хозяйство, он отдал часть своего сенокосного угодья сыну.³³¹

Есть и еще аналогичные данные. Так, в северной части Атбасарского уезда одноименной волости три хозяйственных аула, объединенных общностью пользования призимовочными пастбищами и кочевками, имели отдельные аульные покосы, которые, в свою очередь, были разделены между хозяйствами. («При выделе сына покос дает ему отец».³³²)

В Усть-Каменогорском уезде в большинстве случаев при выделе нового хозяйства — «отау» — сенокос должен был дать отец. «В целом ряде общин указано, что размеры подворных участков (покосы — В.К.) установлены давно и доли отдельных хозяев отмечены различными искусственными признаками: кучами камня или дерна, ямами и т.п.; таковы общины 3, 4, 6, 11, 15, 25, 157, 158, 216, 221, 222 (а может быть, и еще многие другие, для которых просто не было отметки в существовании этих границ). В этих случаях *отау*, т.е. вновь образующееся хозяйство, получает покос от отца, по чему и доли хозяев неравные, а у иных отау и вовсе нет покоса».³³³

Приведем еще некоторые примеры пользования сенокосными угодьями при разделе их между аулами и хозяйствами.

Семейно-родственная группа Букарбайбалдары рода Каджигалы большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза располагалась зимой на кстау, которое находилось вдоль берега Шедерты. Сенокос в этой группе делили по пайкам в зависимости от поголовья скота и урожайности трав.³³⁴

В зависимости от количества скота выделяли пайки хозяйствам семейно-родственной группы Мендебайбалдары (северная часть Павлодарской области — *В.К.*).³³⁵

У полукочевых казахов Перовского уезда очень ценились тугаи, протянувшиеся вдоль берегов Сырдарьи. Они были почти у каждого хозяйственного аула, причем худшая их часть отводилась под пастбища, а лучшая — под покосы. Это разделение проводилось почти каждый год, так как неодинаковые разливы Сырдарьи ежегодно меняли количество и качество тугайных участков, («Удержаться раз навсегда установленного распределения невозможно. Это же обстоятельство служит причиной того, что сенокосные тугаи делятся, в большинстве случаев, каждый год».³³⁶)

Однако переделы покосов проводили не обязательно каждый год. Так, в Атбасарской волости одноименного уезда 10 хозяйственных аулов, объединенных общими призимовочными пастбищами и кочевкой, имели покосы, разделенные между аулами и хозяйствами. У них периодически бывали переделы покосов между хозяевами отдельного аула в соответствии с количеством скота: «Последний раз аул № 11 VIII (старшинства — *В.К.*) переделял 10 лет тому назад».³³⁷

Переделы покосов производились время от времени в связи с изменениями в поголовье скота, и, как правило, в пользу богачей. Например, в Бескарагайской волости Семипалатинского уезда 6 хозяйственных аулов (№ 5—10) VIII старшинства были объединены общностью пользования зимними пастбищами. Покосы были обособлены по аулам. «Время от времени покосы переделяются в зависимости от изменения количества скота в различных аулах и хозяйствах: так, например, 7—8 лет тому назад (1892—1893 гг. — *В.К.*) один хозяин аула № 6 очень разбогател, а в ауле № 9 в то же время один хозяин обеднел. Созван был аульный сход — «аксакалы всего старшинства», который и поравнял покосы между этими двумя хозяйствами сообразно потребности в сене каждого из них... Обычно новое хозяйство наделяется покосом из участка того хозяйства, от которого оно отделилось, — отец наделяет сына, но в тех случаях, когда отечественное хозяйство не имеет достаточно покосов, новое хозяйство наделяется покосами аульным сходом, принимая во внимание распределение покосов между аулами и хозяйствами всего старшинства».³³⁸ В Кентюбинской волости Атбасарского уезда 5 хозяйственных аулов, объединенных общими пастбищами и кочевками, в урожайные годы делили се-

Р нокос на пайки, а их распределяли по старшинству, начиная с богачей. Имевший больше скота брал себе и лучший участок.³³⁹

В ряде уездов доля общин и аулов, в которых сенокосные участки распределяли перед косьбой, — незначительна. Так, в Каркаралинском уезде регулярно перераспределяли сенокосы только в 151 хозяйственном ауле из 3379 аулов в уезде, т.е. 4,4%.³⁴⁰ В Усть-Каменогорском уезде из всех 1890 аулов занимались разделом сенокосных участков только 29.³⁴¹

В Семиречье зарегистрированы лишь отдельные случаи артельного сенокосения небольшими теснородственными группами хозяйств. Это объясняется отсутствием в Семиречье условий, допускающих широкое применение кооперации, и отсутствием огромных покрытых ковылем равнин, доступных для машинного сенокосения.³⁴² Однако, как уже говорилось, и здесь встречались общины и хозяйственные аулы, в которых производился раздел сенокосных угодий. Так, в Балхаш-Лепсинской волости Лепсинского уезда хозяйственные аулы VIII старшинства, кстау которых расположены были вдоль р. Баскан, имели покосы в общинном пользовании, с переделами в неопределенные сроки.³⁴³ В большинстве случаев переделы сенокосных участков здесь были вызваны какими-либо обстоятельствами. Например, аулы Южно-Прибалхашской волости Копальского уезда, имевшие призимовочные пастбища на урочище Кангай, ежегодно переделывали сенокосы, так как урожай трав различался в разных местах.³⁴⁴ На урочищах Тасты-арык и Бульдурген находились сенокосы хозяйства IV старшинства Чийской волости того же уезда. Обычно косили каждый у своего кстау. Когда же весенний разлив р. Каратал был так мал, что приводил к неурожаю трав, производился передел покосов. Последний такой передел был в 1902 г.³⁴⁵ При данной форме распределения сенокосные угодья относились главным образом к категории постоянных сенокосов. Однако были случаи, когда переделу подвергались сенокосы второй категории, т.е. временные, дополнительные, на которых заготовка сена производилась в зависимости от урожайности трав.

У полукочевых казахов в изучаемый период бытовала также смешанная форма заготовки сена. Она заключалась в том, что на сенокосных угодьях, расположенных на призимовочных площадях (рядом с кстау) и находящихся в подворно-наследственном пользовании, каждое хозяйство косило траву отдельно. Если же община имела покосы, например, камыща или же

в степи, то там, как правило, косили совместно, а потом готовое сено делили. Это были, в основном, временные покосы. В Кокчетавском уезде, например, такую смешанную форму пользования сенокосами применяли 298 хозяйственных аулов из 1666, т.е. около 18%.³⁴⁶ В Кустанайском уезде в 312 хозяйственных аулах (составляющих около 20%) косили сено смешанным способом, «при этом наибольший процент такие аулы составляют в Бестюбинской волости (62%) и Киньаральской (36.4%). В первой... одни и те же призимовочные покосы ежегодно делят или косят сообща, смотря по урожаю трав, а во второй — разные покосы распределяются между хозяевами различно; ближайшие разделены подворно, а более удаленные (например, расположенные на летовках) косят сообща или делят ежегодно».³⁴⁷

В Убаганской волости того же уезда все луговые покосы, расположенные преимущественно по Убагану, «были разделены подворно, а в степи каждый мог косить на земле своей общины где угодно, “захватно”».³⁴⁸ Группа из 7 аулов II старшинства Киньаральской волости, имеющих близкие родственные отношения, владела на подворных началах покосами на р. Уя, а в Усакской даче — поаульно. «На кузекке Жиеке и на летовке Ала-бутали косят все хозяева группы, выставляя от каждой кибитки по одному косцу, богачи выставляют по 2—3 косца».³⁴⁹ Три хозяйственных аула VIII старшинства Тайнчинской волости Петропавловского уезда имели покосы, поделенные между собой. У них были также покосы на урочище Каскыр-Камаган, который они ежегодно делили подворно. Также подворно делили камышовые заросли по Джельды-Узеку.³⁵⁰

Как мы уже отмечали, полукочевые казахи высоко ценили камышовые заросли, тянувшиеся вдоль берегов Сырдарьи, а также Чу, Сарысу и др. В Перовском уезде 73% всего наличного состава хозяйств имели сенокосы, причем так называемые «клеверники» находились в подворно-наследственном пользовании, а тугайные, т.е. камышовые, перераспределялись каждый год.³⁵¹

Кстау семейно-родственной группы Эльсурбалдары из рода Киргиз находилось на урочище Балганколь около р. Терсаккан (в прошлом северная часть Атбасарского уезда — В.К.). Группа состояла из 20 хозяйств, довольно зажиточных, каждое из которых имело по несколько десятков голов лошадей, владело

подворно сенокосными участками на кстау, косило сено для себя отдельно. Кроме этого свободно косили в степи.³⁵²

При данной форме распределения сенокосных угодий они уже четко разделялись на две категории по своим качествам: постоянные сенокосы, которые находились, как правило, в подворно-наследственном пользовании, и временные, дополнительные, которые периодически распределялись. Иногда на последних покос производился свободно, без ограничений.

Наконец, у нас есть данные о том, что в порядке исключения хозяйства полукочевых казахов заготавливали сено захватным способом (т.е. косил кто где мог и хотел). Уже в выше-приведенном примере указывалось, что наряду с покосами на кстау, находящимися в подворно-наследственном пользовании, хозяйства семейно-родственной группы Эльсурбалдары свободно косили сено в степи. Или, например, пять хозяйственных аулов Каракольской волости Лепсинского уезда сообща владели зимними пастбищами на урочище Чинрау: «...От кстау до кстау сплошь тянется сенокос (делят сеном и участками); или, наконец, мелкие и отдаленные от кстау участки — в захватном пользовании».³⁵³ 25 хозяйственных аулов семейно-родственной группы Кулатайбалдары первичного рода Жанабай большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза имели кстау на урочище Аккорган. Покосы их находились в подворном пользовании на территории кстау. Кроме этого они косили камыш безо всякого учета.³⁵⁴ Шесть хозяйственных аулов Пресновской волости Петропавловского уезда, входящих в общину, владеющую общими пастбищами, имели обособленные по аулам покосы на кстау. «Случается, что в иные годы косят и на джайляу, причем здесь нет никаких определенных правил в пользовании сенокосами: косят кто где успеет захватить».³⁵⁵ То же самое наблюдалось в Кокчетавском, Усть-Каменогорском и других уездах Казахстана.³⁵⁶

Остатки нерегулируемого использования сенокосных угодий встречались у полукочевых казахов Семиречья. В Копальском уезде одна из семейно-родственных групп, состоящая из 12 хозяйств, имела общее зимнее пастбище на урочище Тентебай-арал: их «сенокосы возле кстау; норм, регулирующих пользование сенокосами, нет; каждый косит, где найдет более удобным, в большинстве случаев все же возле своего кстау».³⁵⁷

По сути дела перед нами — переходная форма от свободного сенокоса к подворной (около своего зимнего стойбища).

В общем можно считать, что так называемый «захватный способ сенокосения» у полукочевых казахов был ограничен и, как правило, существовал наряду с обособленным. И если он и был, то производился только на так называемых временных покосах, расположенных в степях, где сено можно было косить, как правило, лишь с помощью конных сенокосилок.

Увеличение заготавливаемого на зиму сена шло в значительной степени за счет его заготовки на временных (в основном степных) покосах. По материалам повторного обследования в 1897—1909 гг. в Атбасарском уезде количество накашиваемого сена увеличилось более чем на 40%: «Увеличение произошло, несомненно, за счет расширения степных покосов, так как сенокосы прочих видов (речные, озерные и болотные) как постоянные угодья эксплуатировались и раньше».³⁵⁸ В Кокчетавском уезде площадь покосных угодий за 12 лет (с 1895 по 1907 г.) увеличилась, причем местами — в 1.5—2 и даже в 3 раза: «Главную роль в этом расширении сыграла сенокосилка, благодаря которой стало возможно использовать степные сенокосы в гораздо большей степени, чем можно было при косьбе литовками».³⁵⁹ В отношении полукочевых казахов Тургайской области А.И. Добросмыслов писал, что «главная масса сена собирается с заливных лугов и только в самое последнее время киргизы (казахи — В.К.) начали косить и ковыльные степи».³⁶⁰

Наряду с этим, интенсивным по своему характеру, путем повышения количества заготавливаемого сена казахи переходили к повышению урожайности сенокосных участков с помощью орошения. (Мы уже говорили об этом в связи с быстрым развитием сенокосения у полукочевых казахов.) Однако этот метод еще не получил широкого распространения. Выше мы отмечали также, что полукочевые казахи, главным образом Сырдарьинской и Семиреченской областей, разводили так называемые «клеверники» (в действительности — посевы люцерны) для уборки под сено.

Нами уже освещался также вопрос, откуда вновь создаваемые хозяйства («отау») получали сенокосные угодья. Там, где преобладала подворно-наследственная форма пользования сенокосами, отец выделял женатому сыну наряду с другим имуществом (в первую очередь, скотом) часть принадлежащего ему сенокосного угодья. Отсюда — неравномерность площадей покосов, находящихся в подворном пользовании отдельных хозяйств.

Вот несколько примеров, подтверждающих это положение. Сенокосные участки в семейно-родственной группе Жалмырзабалдары первичного рода Кожай большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза (Южный Казахстан) находились в отдельном пользовании каждого хозяйства, хотя при косьбе помогали друг другу. «Отец выделял сыну покос».³⁶¹ При выделе женатого сына отец давал ему отдельный покосный участок в семейно-родственной группе Алтыбайбалдары первичного рода Самбет большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза: «Выдел производился следующим образом. Если у отца было три сына, то он делил свой сенокосный участок на 4 части, т.е. на себя и трех сыновей. При выделе старшего сына он давал ему четвертую часть своего покоса. Также получал при выделе и второй сын. По казахскому обычному праву младший сын после женитьбы оставался в хозяйстве отца, поэтому он после его смерти наследовал как свою четвертую часть, так и часть отца. Таким образом он получал в два раза больше, чем его старшие братья».

Кстау 20 хозяйств семейно-родственной группы Тастемирбалдары первичного рода Кудагель большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза (Восточный Казахстан) находилось на урочище Марамтобек по левому берегу р. Черный Иртыш. У каждого хозяйства был свой сенокос. При выделе нового хозяйства сенокосным участком наделял отец. У отца нашего информанта Жумажана Курумбаева (1890 г.р.) было два сына: старший по имени Абикеш и сам Жумажан. До женитьбы сыновей и их выдела их отец имел 15 десятин покоса. Наш информант женился в 1920 г. и получил в надел 5 десятин покосных угодий, как и его старший брат Абикеш, а у отца осталось тоже 5 десятин сенокоса.³⁶²

Материалы наших полевых исследований по этому вопросу находят подтверждение в публикациях Переселенческого управления. Так, в типичной родственной группе Рыскулбалдары, объединявшей 14 хозяйственных аулов VII старшинства Дегеленской волости Каркаралинского уезда, «при выделе сына, отец называет его енши урочищем. Если сын станет самостоятельным хозяином и пожелает выделиться из отцовского кстау, то вступает в свои права владельца своего енши, граница которого определится уже после заселения его новым владельцем».³⁶³ Как правило, отец наделял покосными угодьями выделявшихся женатых сыновей в Атбасарском, Семипалатинском,

Кокчетавском и других степных уездах Казахстана.³⁶⁴ То же наблюдалось в Семиречье: например, в хозяйственных аулах рода Кочук IV старшинства Супатаевской волости Копальского уезда («каждый косит на участке, доставшемся от отца»).³⁶⁵

С интересным явлением мы столкнулись в Усть-Каменогорском уезде. 85 хозяйств Чангыстайской волости входили в семейно-родственную группу Кайсыкбалдары из рода Каратай большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза. В связи с колонизацией края и образованием кабинетной земли эта группа была переселена на левый берег р. Бухтармы, причем получила под кстау так мало земли, что на них разместились только покосные участки. Приходилось на зиму лошадей и овец отправлять в отгон, на арендуемые у крестьян земли с оплатой 5 коп. за овцу и 10 коп. за лошадь. В отношении же покосов было сказано, что они «находятся в строго обособленном владении отдельных аулов... Каждый кибитковладелец, т.е. платящий подати, имеет обособленный участок сенокоса в пожизненном владении; ни продать, ни завещать его он не имеет права; если же у него нет сыновей, то его покос отдается обществу. Вообще за обществом сохраняется право последнего слова — в земельных делах общество не препятствует отцу выделить сыну часть сенокоса (причина, почему участки сенокоса не равны), но принятый в дом зять не допускается обществом к получению доли в сенокосе; оно могло бы лишить его земли».³⁶⁶ В этом отрывке отметим два важных для нас момента: во-первых, здесь четко сказано, что хотя каждое хозяйство имело в обособленном пользовании сенокосный участок, этот участок находился только в пожизненном владении, а не в частной собственности (как писали некоторые авторы); во-вторых, зять — или — его жена — дочь хозяина, не могли получить в надел сенокос.

Выдел сенокосных участков женатым сыновьям производился в равных долях. Однако сыновья могли получить и неравные доли, причем последние уменьшались от старшего к младшему. Вот пример. У двух аулов Нуринской волости (№ 31 I старшинства и № 23 IV старшинства) Акмолинского уезда, состоящих каждый из шести хозяйств, кстау было общее. Сенокосы обособлены по аулам, а внутри — подворно. «Обыкновенно отец при жизни выделяет отделившимся сыновьям доли неравные, — говорится в документе, — при выделе стар-

шего сына отводится наибольшая доля, при следующих же выделениях доля все уменьшается». ³⁶⁷

Итак, новые хозяйства у полукочевых казахов получали покос в надел от отца. Однако были и другие варианты. Так, в Кустанайском уезде наблюдалось не только выделение отцом покосов при подворном владении, но и помощь в наделении сенокосными участками новых хозяйств со стороны близких родственников: «Там, где покосы разделены подворно, они переходят по наследству от отца к детям (сыновьям). Вновь образовавшееся хозяйство («отау»), не получившее по каким-либо причинам покосов от своей семьи, наделяется ими из участков ближайших родственников после совещания старейших членов аула». ³⁶⁸

В Баян-Аульской волости Павлодарского уезда покосы находились в наследственном владении отдельных хозяйств полукочевых казахов. У них также, «если отделяется отау, покос дает обыкновенно отец, но помогают и родственники, отделяя частицу своих покосов. Общий покос бывает иногда только у братьев, общего же покоса для целого аула не знают. Но и братья обыкновенно делят траву весною, перед сенокосением». ³⁶⁹ Такие же примеры есть в материалах наших полевых исследований, например, по Манракской волости Зайсанского уезда. Семейно-родственная группа Истемесбалдары рода Тартуул большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза состояла из 5 хозяйственных аулов. Их кстау, разделенное между аулами, находилось на уроч. Жаманкурчум по реке Бакасу, а покосы разделены между хозяйствами. При выделе нового хозяйства «отец давал сенокос отау, если у него не хватало (участка), то просил у того, кто не успевал себе убрать (все сено)». ³⁷⁰

Подобное наблюдалось не только в степных районах Казахстана. В Перовском уезде Сырдарьинской области «вновь выделяющееся хозяйство (отау) получает усадебный участок или от семьи, которая его выделяет, или же от своих близких родственников. Если же семья и родные сами не имеют свободной земли, то отау, с разрешения общества, ищет и находит ее самостоятельно». ³⁷¹

В Семиреченской области также покосные угодья выделял своему женатому сыну отец или близкие его родственники. Так, у хозяйственных аулов III старшинства и части аулов IV старшинства Мурзинской волости Копальского уезда покосы, расположенные на берегу р. Каратал, были давно поделены

между хозяйствами, «выделяющимся хозяйствам покос давался или материнским хозяйством (т.е. отцом — В.К.) или более или менее широкой родственной группой».³⁷²

В других случаях обязанность наделения нового хозяйства — отау — сенокосным угодьем лежала только на близких родственниках, как правило, составлявших один аул. При этом производился общий передел сенокосных участков. Сошлемся на данные по Усть-Каменогорскому уезду. Хозяйственные аулы III старшинства Кулунжунской волости имели отдельные покосы, причем пользование ими было подворное. Однако при образовании новых хозяйств — отау — покос им давался всем аулом, каждый хозяин уступал известную долю от своей части.³⁷³ Из 17 хозяйственных аулов состояло II старшинство этой же волости. Покосы у них были «отдельные у каждого аула. Каждый хозяин аула имел свой участок покоса, отмеченный кучами камня, дерна и т.д. От времени до времени, при выделе нового хозяйства (отау), или по требованию отдельных хозяйств, производился передел покосных долей, при котором доли всех одноаульцев выравнивались».³⁷⁴ Наконец, в IV старшинстве Чарской волости этого уезда сенокосы находились в подворном пользовании, «но участки подворные не определены раз навсегда, а каждый раз изменяются, когда приходится наделять сенокосами вновь образовавшееся хозяйство, новую податную единицу».³⁷⁵

Итак, у полукочевых казахов вновь образующиеся хозяйства — отау — получали сенокосные угодья в основном двумя путями: 1) от хозяйства отца; 2) от его родственников, составляющих хозяйственный аул или общину, иначе говоря, сообщинников. В ряде случаев необходимость надела нового хозяйства сенокосом приводила к общему переделу сенокосных участков всей общины.

Иногда община наделяла земельными угодьями, в том числе сенокосами, не только вновь образовавшиеся хозяйства — отау, — но и хозяйства близких родственников, по той или иной причине лишившихся своих земель. Так, казахи аула № 10 Кульдей-Джумаевской волости Копальского уезда разрешили на общем сходе близкому своему родственнику Барманбеку Куттубаеву кочевать вместе с ними. Они разрешили также его семейству, состоящему из 7 человек, «отнести... зимовое стойбище на уроч. Верховые Капалки, так же сенокос и хлебопахотный участок на уроч. Аксуйны Саласы».³⁷⁶

Как уже отмечалось, отдельные хозяйства, аулы, иногда и целые общины полукочевых казахов не имели покосных угодий или они были настолько мизерными, что даже при том, что скот зимой в основном находился на подножном корму, сена не хватало.

Чем это было вызвано?

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показывает, что были, по крайней мере, три основные причины.

Во-первых, в первоначальный период закрепления за родами, общинами и отдельными аулами земельных угодий основное внимание уделялось пастбищным, особенно зимним. В сенокосных угодьях в те времена не было надобности, так как само сенокосение находилось в зачаточном состоянии. Так произошло, как мы уже писали, в Павлодарском уезде с айдабульскими родами. В группе 189, в которой объединялись казахи, восходящие к единому родоначальнику — Стабан (Алтайская волость, Усть-Каменогорский уезд), были аулы, которые не имели покосных угодий.³⁷⁷ Ряд хозяйственных аулов IV старшинства Атбасарского уезда Денгизской волости, объединенных общим предком — Назар, рода Куандык большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза, не имели покосных угодий.³⁷⁸ Хозяйственный аул аксакала Бошек Дюйсеке (конец прошлого века) состоял из 4 хозяйств. Он входил в XII старшинство Кентской волости Каркаралинского уезда. Своих покосов эти хозяйства не имели и арендовали их у казаков.³⁷⁹ Подобные примеры можно привести почти по всем уездам Казахстана. Многие хозяйства, аулы и общины имели такие маленькие по площади покосы, что им приходилось дополнять зимние запасы сена путем его покупки или же аренды покосных участков.

Так, 27 хозяйств аула аксакала Мусылим Майсрата X старшинства Аккумской волости Семипалатинского уезда имели кстау на урочище Котёс. «Земля эта была пожалована Дюйсембаю, старшему брату деда нынешнего аксакала. Дюйсембай “первый” принял подданство России, за что был награжден халатом, шапкою и саблей и возведен в какое-то достоинство, получил грамоту, но какую именно, его потомки объяснить не могут. Получил вместе с тем на вечные времена и этот участок земли... На своей земле имеется покос, разделенный подворно; но сена не хватает, каждый хозяин ежегодно покупает у казаков пайки, а бедняки возят казакам сено исполу».³⁸⁰ Не хвата-

ло сена в первую очередь богатым байским хозяйствам, у которых было много скота. Богатые скотом хозяйства общинной группы, состоящей из 11 аулов IV административного аула Пресногорьковской волости Петропавловского уезда, несмотря на то, что имели сенокосы в подворном пользовании, также косили сено еще на джайляу у озер Джалтыр и Ешке-коль и арендовали сенокосы у казаков и крестьян на один укос.³⁸¹

Есть также указания на то, что байские хозяйства покупали сено у своих бедных родственников. Например, в семейно-родственной группе Кулатайбалдары первичного рода Жанабай большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза бедные скотом хозяйства заготавливали на зиму камыш (вдоль берегов р. Чу — В.К.) не только для себя, но и на продажу своим богатым родственникам. За 300—400 «бау» (снопы камыша — В.К.) они получали барана.³⁸² В 1915—1917 гг. семейно-родственная группа Кошенбалдары рода Таракты большого родоплеменного объединения Аргын Среднего жуза насчитывала около 150 хозяйств. Их кстау были расположены вокруг оз. Киши Камкалы (нижнее течение р. Чу — В.К.). Бедные хозяйства группы, которые летом не откочевывали на джайляу, заготавливали сено байским хозяйствам этой группы. За 6 верблюжьих व्यюков сена им платили одного барана. Кроме того, тем из неkochующих хозяйств, которые совсем не имели скота, бай оставляли на лето «в саун» (т.е. для дойки молока) 5—6 коз. Тургамбек, его братья Коркутбек и Тожигот имели всего несколько коз, 1 корову и 1 лошадь. Они продавали сено четырем хозяйствам родственного аула (Уйсунбайаулы), которые имели каждый от 100 до 300 голов овец, от 25 до 100 лошадей, 8—10 верблюдов. Продавали они также сено шести хозяйствам аула под названием Бекмолдаулы. У каждого из этих хозяйств было от 150 до 500 голов овец, 30—150 лошадей, 10—15 верблюдов. Главы этих хозяйств приходились близкими родственниками главам хозяйств аула Уйсунбайаулы.³⁸³

Однако сена в ряде случаев не хватало и бедным хозяйствам. Шесть аулов, состоящих из 45 хозяйств, из которых 12 — оседлых (IX и X старшинств Петропавловской волости того же уезда), были довольно бедными. Они даже не перекочевывали летом на свои собственные джайляу из-за недостатка упряжных животных, а пасли свой скот летом на оз. Сейтень — юртовом казачьем наделе, за что платили казакам Петропавловской волости от 2 до 5 рублей с каждого хозяйства. Покосы у них бы-

ли в виде небольших особняков при кстау, у каждого аула отдельно. Однако сена не хватало («ежегодно приходится арендовать "пайки" у казаков Вознесенского поселка»).³⁸⁴

Подобных примеров можно было бы привести много по всем уездам Казахстана. Однако представляется, вполне достаточно приведенных, чтобы убедиться в том, что при первоначальном распределении земельных угодий казахи, мало уделяя внимания заготовке сена на зиму, не придавали значения угодьям, которые представляли собой хорошие покосы. Красовский сообщает о казахах степных областей края середины XIX в. следующее: «Киргизы (казахи — В.К.) всей южной половины степи сенокосением вовсе не занимаются. В средних частях области, после нескольких джютов (джуты — падеж скота зимой от гололедицы, больших снегов и т.п. — В.К.), кажется, довольно многие стали подумывать о заготовлении зимних запасов. В северных, близ-линейных местностях покос развит сильнее, нежели во всех остальных».³⁸⁵

Перейдем к следующей (если рассматривать этот вопрос исторически) причине отсутствия у некоторых хозяйств и аулов, а иногда и целых общин, покосных угодий. Их не имели довольно часто те, кто подселялся к уже живущим, так называемые «припущенники».

В 1884 г. хозяйство Жакы Уркумбая подкочевало к аулу № 6 (VIII старшинства Кулан-Отпес-Нуринской волости Акмолинского уезда). Таким образом в этом ауле стало 6 хозяйств. Жакы Уркумбай не имел своего покоса и, как сказано в архивном документе, выпросил (у кого? — В.К.) 100 копен сена для своего стада, состоящего из 5 лошадей и 15 голов крупного рогатого скота.³⁸⁶ Два хозяйства аула № 4 (IX старшинства той же волости) были приняты посторонними. И именно они не имели своих покосных участков, поэтому сено на зиму покупали.³⁸⁷ Такая же картина наблюдалась в хозяйственном ауле № 2 VI старшинства той же волости. Здесь из 17 хозяйств — 3 были пришлыми. У них не было своих покосов, и в связи с этим сено они или покупали или же выпрашивали у других.³⁸⁸

Ситуация, при которой пришлые (подселившиеся) хозяйства или аулы не имели покосных угодий, встречалась нередко и в других районах Казахстана. В Улутавской волости Атбасарского уезда семейно-родственная группа Буранбалдары рода Саргалдак большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза состояла из 9 хозяйственных аулов. Они заняли

нынешнее свое кстау в середине прошлого века. Три из них были «безземельные и только по родству пользуются землей (аулов — В.К.) № 26—31 и кочуют вместе с ними».³⁸⁹ Семь хозяйств двух аулов (15, 16) V старшинства Айгыржальской волости Семипалатинского уезда переселились на свое кстау на уроч. Куртшашкан, арендованное у войскового участка № 56, также в середине прошлого века. Заготавливать сено они начали после джута в 1880 г. Однако покосов у них мало, поэтому сено они были вынуждены покупать у других казахов или же у казаков, живущих на Иртыше.³⁹⁰ Шесть хозяйственных аулов VIII старшинства Токраунской волости Каркаралинского уезда были объединены родством с султаном Султангазы. Они обладали лучшими покосными угодьями по р. Токраут. Однако 14 хозяйств среди них были пришлыми, несултанскими. У них покосов совсем не было и они косили сено исполу или за плату.³⁹¹

Больше всего пострадали полукочевые хозяйства казахов из-за передачи принадлежавших им некогда земельных угодий, в том числе и покосов, в распоряжение крестьян-переселенцев из европейской части России, а также казаков. Всего за период с конца прошлого века и до Октябрьской революции у казахов было отобрано под колонизационный фонд до 45 млн. га наиболее плодородных и обжитых земельных угодий.³⁹²

Исходя из размеров и видов сдаваемых в аренду покосных участков, а также формы оплаты за нее, можно выделить два основных типа аренды.

К первому относились покосы, которые сдавались казахам в аренду отдельными казаками и крестьянами-переселенцами. Как правило, это были их личные, небольшие по размерам доли — «пайки», которые они получали по жребью при ежегодном дележе общественных лугов крестьянских поселков и казачьих станиц. Эти «пайки» арендовались обычно также одним отдельным казахским хозяйством: «При этом в большинстве случаев из года в год арендуются одни и те же места, те именно, которые были захвачены казахами в первые моменты своего поселения на Иртыше и которые каждый казах в глубине своей души считает и до сих пор своей наследственной собственностью».³⁹³ В. Воронков в работе о поземельном устройстве казахов в Семиреченской области пишет о том, что районы, подлежащие колонизации, «покрыты сплошь, хотя и редкими, киргизскими (казахскими — В.К.) зимовками, около которых имеются сады, клеверники, пашни, — образование пере-

селенческих участков... сопровождается сносом того или иного числа киргизских зимовок». ³⁹⁴ Приглашенные на заседание 20 мая 1907 г. Степного генерал-губернаторства по вопросам о нуждах казахов Степного края казахи подчеркивали, что при изъятии участков для переселенцев не учитывалось, что «какие земли у казахов давнего владения», что казахи «живут по 100 и 200 лет на одном месте». ³⁹⁵ Неоднократно отмечалось также, что «из собственников земли киргизы (казахи — В.К.) превращались в арендаторов». ³⁹⁶ Недоумение вызывало и то (как отмечали казахи на совещании), что земли «отрезали переселенцам, а последние сдавали ее в аренду прежним казахам-хозяевам. Тогда зачем ее отрезали?». ³⁹⁷ И далее говорится, что иногда передавались переселенцам маленькие участки, но это как бы уничтожало «ценность всей призимовочной группы, так как выхватывалось самое ее сердце и такие питательные артерии, как доступ к водопоям, сенокосы или дорогу к ним и т.д. Например, арендуют у казахов землю киргизы (казахи — В.К.) 2-го аула Полуденской волости Петропавловского уезда, которые бросили свои зимовки после образования укрепления Орловского, в который вошли их сенокосы. Киргизам была оставлена земля, причитающаяся им по норме, но вся территория была уже обесценена». ³⁹⁸ Зимние пастбища, сенокосы и пашни семейно-родственной группы Каражанбалдары из рода Жумук большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза были расположены в горах Курпебай (вблизи нынешнего села Покровка Тарбагатайского района Восточно-Казахстанской области). «До революции, по словам информанта Канапья Имамбаева (1890 г.р.) пришли русские, отобрали пашни, не давали воду (для полива), скот забрали». ³⁹⁹ Значительная часть земель хозяйственных аулов VII старшинства Таргынской волости Усть-Каменогорского уезда в 1898 г. была отдана под Михайло-Архангельский поселок. В результате у некоторых стало так мало покосов, что им пришлось арендовать их у крестьян этого поселка. ⁴⁰⁰ Покосы и пашни 5 хозяйств, составляющих аул во главе с аксакалом Токпаем Тлеугабылом (из IV старшинства Колбинской волости того же уезда) были отобраны в 1900 г. под поселок Маринский. ⁴⁰¹ На заливных лугах находились покосы хозяйственного аула № 8 I старшинства Нуринской волости Акмолинского уезда. В 1896 г. часть их была передана поселку Романовскому. ⁴⁰² Подобные примеры наблюдались во всех уездах Казахского края.

Ко второй группе арендуемых казахами покосов относились довольно большие по размерам участки земли, сдаваемые не отдельным хозяйствам, а целым хозяйственным аулам и общинам (или, как писали в дореволюционной литературе, — «обществам»). Это явление было характерно для тех уездов, где у казахов изымались большие массивы земли — 10—20-верстные полосы вдоль обеих берегов р. Иртыш (Павлодарский, Семипалатинский и Усть-Каменогорский уезды).

Некоторые аулы арендовали земли, принадлежавшие Алтайскому горному округу, крестьянским обществам и казне (оброчные статьи), расположенным в Томской и Тобольской губерниях. Так, одиннадцать хозяйственных аулов VIII старшинства и два аула X старшинства Уруковской волости Павлодарского уезда арендовали у казны земли под кстау для сенокосения (три оброчных участка, что составляло в общей сложности 44 000 десятин). Арендная плата распределялась на общем сходе хозяев, участвовавших в аренде. Каждый хозяин заявлял на этом сходе, сколько он может платить, и сообразно с этим получал соответствующий сенокосный участок. Кто ничего не платил, тот не получал и сенокоса. Добавим, что пастбище для скота он все-таки получал, хотя и это ему могли не разрешить.⁴⁰³ В Семипалатинском уезде Малыбаевской волости хозяйственные аулы № 3 и 4 имели кстау на офицерском участке Вершинина. Каждый хозяин (вернее, аул) платил ему в год по 45 рублей. «Эту арендную плату распределяют между собой по благосостоянию, и хозяева распределяются по трем группам: в первой каждая кибитка платит 3 руб., во второй — 1 р. 50 коп. и в третьей — 50 коп. Сенокосы этого участка делятся ежегодно, причем каждому хозяину выделяется пай сообразно арендной плате; кто платит 50 коп., тот должен получить приблизительно в 6 раз меньше сена, чем тот, который платит по 3 руб. в год. В 1899 г. каждый из плательщиков по 50 коп. в год получил приблизительно 60 копен сена, копна весит 4 пуда».⁴⁰⁴ Кроме того казахи аула № 3 арендовали вместе с некоторыми другими хозяйственными аулами сенокосы на войсковом участке № 35 на урочище Джанышка-торун за плату по 40 рублей в год. Они делили этот сенокос «на 40 частей-пайков. Тот кто платил 1 руб., получал один пай, кто 2 руб. — 2 и т.д.».⁴⁰⁵ Хозяйственный аул № 5 I старшинства Уланской волости Усть-Каменогорского уезда был расположен на участке офицера Жеребятина. За аренду он платил 200 рублей в год с правом

«пасти скот, косить сено, распахивать пашню, брать дерн для построек, рубить хворост для топлива».⁴⁰⁶

В Семипалатинском уезде мы столкнулись с любопытным явлением: арендовал большой участок земли для всего аула иногда один, по-видимому, богатый, казах и от себя уже передавал мелкими долями своим одноаульцам. Так, один из казахов хозяйственного аула № 3 (I старшинства Уланской волости) «арендует участок пастбища и сенокоса за 162 рубля в год; участок этот он пересдает мелкими долями с платой от 2-х до 5-ти руб., с правом сенокосения и пастьбы».⁴⁰⁷ Можно предполагать, что делал он это не без выгоды для себя, однако прямых указаний на это у нас нет. Хозяйственный аул № 6 того же старшинства и волости арендовал с давних пор офицерский участок за 170 рублей в год. Арендатором этого участка выступал Джаксыбай: он косил сено и обрабатывал пашню. Остальные же хозяйства этого аула могли только пасти на арендованном участке скот, за что и платили Джаксыбаю по 2 рубля в год. Покос и пашню же они арендовали у других казаков.⁴⁰⁸

Подаренда земельных угодий особенно часто встречалась в Павлодарском уезде. Однако сами казахи этим, как правило, занимались редко. Так, кстау хозяйственных аулов № 1, 2, 3, 6, 7, 10 (III и IV старшинств Кызыл-Агачской волости) были расположены на офицерском участке Солнцева. Участок этот целиком арендует купец Сорокин, с правом взимать с живущих на нем казахов подушные за пастбища и покосы. Покосы Сорокин всегда сдает исполу (копна за копну), причем на пай их не делит: все сено каждый косит сколько хочет или сколько может, лишь бы было скошено все на участке; в противном случае Сорокин принуждает докашивать тех из живущих на участке, которые косили мало.

Кстау аула № 4 находится на офицерском участке Попова; покос же — у Сорокина (на участке Солнцева); кстау аула № 5 — на участке Лобановой. Аул № 8 зимует на войсковом участке, арендуемом казаком Бедриним.⁴⁰⁹

Еще несколько примеров. Кстау аула № 9 II старшинства Кызыл-Агачской волости частично было расположено на землях юртового надела поселков Каширский и Песчаный, где находились (также частично) кстау хозяйственных аулов № 1, 4, 5, 6, 8 (III старшинства) и № 9 и 11 (IV старшинства), другая часть зимних пастбищ этих аулов — «на офицерских участ-

ках», арендуемых барышниками: Сорокиным (участки Солнцева, на котором зимуют аулы № 1, 2, 3 и 5 — IV старшинства) и № 10 — III старшинства; Дорохова, где зимует аул № 9 — III старшинства; Карпычева, где зимуют аулы № 7 и 8 — IV старшинства); Сергеевым (участок Шамакова, где зимует аул № 4 — IV старшинства); Насоновым (участок Плотникова, на котором зимует аул № 12 — IV старшинства).⁴¹⁰

Подобное наблюдалось в Семипалатинском уезде. Так, казахи хозяйственного аула № 9 V старшинства Кентюбекской волости этого уезда жили на участке офицера Калмакова. Участок же арендовал Л.Ф. Сорокин (не тот ли, занимавшийся перепродажей земли в Павлодарском уезде? — В.К.), который по своему усмотрению пускал на него казахов.⁴¹¹ Казак поселка Лебяжье Трофим (по-казахски Тронке) Старков арендовал офицерский участок Кубрина и пересдавал его казахам хозяйственного аула № 5 I старшинства Кентюбекской волости. «Киргизы (казахи — В.К.) этого аула за то, что живут на участке и пользуются покосами его, платят Старкову 120 р. в год — плюс 1 р. — на водку тому же Старкову. За дерн при постройке избы платят 1 р., за топливо ничего не платят, так как топят свои печи кизяком».⁴¹² Хозяйственные аулы № 1 и 2 IX старшинства Арчалинской волости того же уезда были расположены на земле Александра Бутакова, которую арендовал семипалатинский мещанин Галимджан Баймуратов. Последний уже от себя пускал на эту землю казахов на следующих условиях: «Сенокос участка разделен пополам; одной половиной пользуются киргизы (казахи — В.К.), а другой — Беймуратов. Аренда уплачивается натурой: каждый хозяин должен скосить на половине Беймуратова и доставить ему 150 копен сена. За эту плату киргизы имеют право круглый год пасти здесь свой скот, сеять хлеб и пользоваться покосом участка, на котором накашивают для себя от 175 до 250 копен».⁴¹³

Наконец, хотя и очень редко, происходит купля-продажа земельных угодий, в первую очередь сенокосных, как самых ценных для полукочевых казахов.⁴¹⁴ Так, семейно-родственная группа Такебайбалдары, состоящая из 3 хозяйственных аулов, и семейно-родственная группа Конысбайбалдары, состоящая из 5 аулов (Дегеленская волость Каркаралинского уезда) имели ближайшие к кстау площади в исключительном пользовании отдельного аула, «который свое зимнее пастбище и покос может продавать и сдавать в аренду без разрешения других».⁴¹⁵ То

же самое сказано в отношении ряда хозяйственных аулов I и III старшинств Борлинской волости этого уезда: «Зимнее пастбище поделено между х.а. (хозяйственными аулами — В.К.) еще предками; каждый х.а. является полновластным хозяином своих зимних пастбищ: может продать их, сдать в аренду, что и бывает нередко». ⁴¹⁶ Аксакал Кулатай Белес хозяйственного аула № 51 III старшинства Берккаринской волости этого же уезда и аксакал Бейсек Бакал аулов № 53 и 55, объединенных близким родством — дедом Бакалом, купили призимовочные территории у соседних хозяйств. ⁴¹⁷

В некоторых случаях мы можем даже указать, за сколько был продан тот или иной земельный участок. Обычно плата производилась натурой, т.е. скотом. Хозяин аула № 50 I старшинства Бугулинской волости Семипалатинского уезда Кемпирбай Котебай в 1898 г. купил землю у казахов хозяйственного аула № 28 XII старшинства Чаганской волости «за пять верблюдов и одну лошадь (ат); свою же землю он продал аулу № 26 V старшинства Бугулинской волости за 10 верблюдов; для закрепления этой последней сделки был составлен акт, утверждающий, что проданная земля спокон века принадлежала покупщику, т.е. аксакалу аула № 26 V старшинства Бугулинской волости». ⁴¹⁸ Это добавление об «акте» весьма любопытно. Оно свидетельствует о том, что казахи понимали, что прямо продавать землю они не имели права. Два хозяйства Казалинского уезда Макпальской волости аула № 6 Айбалы Тенизбаева и Баскана Тактимисова купили у родственников из аула № 5 Уйсыл-Каринской волости «две зимовки и сенокосные места при них у местных киргизов (казахов — В.К.) Исенения Шуакова и Курбана Тлеубаева за 300 р. и одну лошадь». Однако потом к ним начали придирааться и аул № 5 не хотел их у себя оставлять. ⁴¹⁹

В Павлодарском уезде в Кызылтавской волости «новые зимовки основываются обыкновенно на купленной земле. Бывает так, что бедная зимовка продает половину или иную часть пастбищ, устанавливается граница, на проданной земле основывается новая зимовка. Иногда покупатель селится в старую зимовку вместе с прежним владельцем и пасет скот пополам с ним. Так как пронесся слух, что навечно продавать землю нельзя, то стали продавать на долгие сроки — 60—70 лет, зная наверное, что земля назад все равно не возвратится». ⁴²⁰

Публикация по Семипалатинскому уезду сохранила на этот счет два любопытных документа о передаче в долгосрочную аренду (точнее говоря, продаже земли), которые были составлены в конце прошлого века: «Хозяева аулов № 22, 29 и 10 сидят на арендованной земле. Вот копия продажной записи на кстау № 22: “1885 года августа 13-го дня я, киргиз (казах — В.К.) Энрекейской волости Сулиман Аймагамбетов по собственному своему желанию отдал зимовку свою с сенокосными участками и скотским выгоном в аренду, сроком на 85 лет киргизу Кандыгайттайской волости Джусумбаю Манабаеву (отец настоящего аксакала аула № 22) ценою за сто баранов; зимовка моя именуется Каракой и граничит: с одной стороны с уроч. Джаксы-салы, с одной — уроч. Кара-бийк, с одной — Сарындонгал и с одной — Уара-Тогай до источника у подножья гор. В справедливости, что отдал зимовку в аренду Джусунбаю Манабаеву Сулиман Аймагамбетов своеручно подписуюсь”. Далее “в справедливости вышеизложенного” свидетельствует: подписи и тамги выборных и подписи, печати биев, одного старшины и волостного управителя Энрекейской волости. А вот копия продажной записи кстау № 29: “1886 год, июля 20-го дня, я, нижеподписавшийся, своеручно тамгу (приложивший), киргиз Семипалатинского уезда Кандыгатайской волости Сарлыбай Джардин (аксакал аула № 9 I старшинства Кандыгатайской волости, проживающий теперь на земле гр. № 317), дал сие киргизу одной со мной волости Чатану Тактаюсупову (киргиз аула № 29) в том, (что) я по добровольному своему согласию дал ему в аренду принадлежавшую мне зимовку, находящуюся на уроч. Кара-бужур Кюнген-чилик сроком от сего числа на 80 лет за цену сто баранов, которые и получил сполна, в том при нижеподписавшихся тамгу и печать прикладствую Сарлыбай Джардин”. Далее следуют подписи волостных выборных и старшин». ⁴²¹ Отметим, что эти документы заверены подписями и тамгами волостных выборных, биев, старшин и даже волостного управителя. Однако, с юридической точки зрения, эти документы были недействительны, так как по законоположениям подобные акты находились в ведении чрезвычайных съездов биев уезда. Более того, в Зайсанском уезде был зафиксирован случай, когда продажа земли была произведена в порядке устного соглашения в присутствии свидетелей. Аул № 3 II старшинства Манракской волости «часть своих земельных угодий купил 15 лет тому назад (в

1884 г. — В.К.) за 200 баранов. Продажа была совершена по словесному договору и при свидетелях. Считают, что для укрепления такой сделки достаточно 4-х свидетелей». ⁴²² Представляется, что и в данном случае казахи понимали, что они не могли в официальном порядке совершить акт купли-продажи, а посему и основывались только на положениях своего обычного права.

Согласно этому же обычному праву у казахов запрещалась продажа земельных угодий чужим лицам. Но этот обычай нарушался и со стороны казахов признавалось право их родственников на продажу земли. Так, в хозяйственном ауле № 4 III старшинства Чарской волости Усть-Каменогорского уезда, состоящем из 4 хозяйств, каждое имело подворное владение на покосы. Границы были обозначены кустами чия, кучами дерна и т.п. «Сам хозяин волен завещать или продавать свой покос кому захочет, хотя случаев продажи не было». ⁴²³ По сообщению Н. Гродекова, в Сырдарьинской волости «участки с клевером не только арендуются, но и продаются». ⁴²⁴

Эти данные свидетельствуют о том, что в общинно-земельных отношениях у полукочевых казахов периода второй половины XIX—начала XX в. намечаются определенные сдвиги в сторону все более жесткого обособления ряда земельных угодий (в первую очередь, покосных как наиболее ценных). В ряде случаев это обособление поднялось до уровня понятия собственности, при котором казахи, вернее сказать, их общины, начали признавать за отдельными хозяйствами право на куплю-продажу земли, находящуюся в подворно-наследственном пользовании. В этом плане весьма показательны высказывание В.П. Кранихфельда: «Из общего земельного достояния киргизов (казахов — В.К.) Уральского уезда, — писал он, — надо выделить луговые сенокосы, которые давно уже на правах частного наследственного владения разделены между отдельными киргизскими семьями... Надо заметить, однако, что это частное наследственное право на луговые места далеко не полное и сплошь и рядом может быть нарушено обществом, которое, таким образом, и здесь продолжает удерживать за собой право верховного распоряжения общественным имуществом». ⁴²⁵

Отметим еще один характерный момент, связанный с общинно-земельными отношениями у полукочевых казахов в области сенокосения, который убедительно показывает, что говорить об установлении полной собственности даже на сено-

косные угодья пока еще рано. Дело в том, что случаи захвата лучших сенокосных угодий наблюдались не только на заре развития сенокосения среди полукочевых казахов, но и в течение всего рассматриваемого нами времени. Производили это, как правило, богатые хозяйства или общины. Весьма показателен в этом отношении рассказ А.К. Гейнса: «В ожидании верблюдов, — пишет он, — мы заехали в аул, принадлежащий киргизам (казахам — В.К.) Чеклинского рода Кобаковского отделения. Рассказав им, кто мы и зачем посланы в степь, мы стали расспрашивать их про поземельные отношения, подати, администрацию и т.п. Как все бедные люди, кабаковцы разговаривали с нами откровенно. Они говорили, что их зимовки находятся в Больших Барсуках (пески на северо-западе от побережья Аральского моря — В.К.), что зимуют они в юртах, что в песках есть покосы и хорошие места для скота, что воды много. При этом они прибавили, что богатые люди обижают бедных и занимают на зимовках лучшие и обширные места».⁴²⁶ В другом месте своей работы он констатирует: «На месте, где мы сегодня остановились, опять происходила драка за право пользования лугами... До сих пор не встречалось в Киргизской степи Оренбургского ведомства клочка сносной земли, за которую не происходили бы в этом году драки».⁴²⁷

В нашем распоряжении имеется довольно много архивных материалов, указывающих на борьбу казахов за земельные угодья и в первую очередь сенокосные как самые ценные для скотоводов-полукочевников. Так, в Арчелинской волости Семипалатинского уезда 43 хозяйства аула № 7, по сообщению областного землемера от 18 мая 1896 г., казахи были «люди бедные, всю жизнь состоящие в зависимости от богатых, и последние вследствие этого, как оказалось в натуре, занимали самые лучшие места для пашен и сенокосов».⁴²⁸ Согласно другому архивному документу казах Аягузской волости Сергиопольского уезда получил под зимовку урочища Баканас и Кук-Сала. «Ныне (т.е. в 1886 г. — В.К.) на означенные мои места Баканас и Кук-Сала самовольно и силою прикочевали киргизы (казахи — В.К.) Каркаралинского уезда Баканасской волости Мамбатай и Мусамбек Шир-Сейтов, которые произвели поправку, разрушили постройки, причем не допустили меня самого к этой местности».⁴²⁹

О борьбе за землю свидетельствуют и наши полевые материалы. 13 аулов семейно-родственной группы Байкаласбалдары

рода Жумук большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза были в начале нынешнего века богатыми, имели много скота. У многих было до 1000 голов овец, 200—300 лошадей, до 50 коров. Самые бедные среди них имели не менее 15—20 голов скота. Им не хватало земли, поэтому они не косили сено, из-за земельной тесноты случались драки.⁴³⁰

О захвате покосных участков богачами-казахами красноречиво свидетельствуют материалы публикации Переселенческого управления по Усть-Каменогорскому уезду: «Впрочем наиболее прочное право, это право сильного, богатого. В том же VIII ст. (Чарской волости — В.К.) один киргиз (казак — В.К.) по вопросу о границах с раздражением говорил “Какие там границы! У кого толстая камча (плеть), тот и землю имеет... вон богачи захватили себе по 2 по 3 кстау, а у нас, бедняков, и покосы отнимают и кстау”».⁴³¹

На этом мы можем закончить анализ форм землепользования у полукочевых казахов в сенокосении. Перед нами прошла необычайно пестрая палитра этих форм. Первое, что хотелось бы отметить: мы и здесь наблюдаем, причем в ярко выраженной форме, острую борьбу за лучшие сенокосные участки даже при наличии свободных земельных массивов. Видимо, при отсутствии определенных орудий производства степные сенокосы не могли быть освоены. Да и само сенокосение получило широкое распространение только после того, как казахи стали пользоваться русскими косами-литовками.

Постараемся разобраться в развитии форм землепользования сенокосными участками. Как нам представляется, основная тенденция развития этого процесса шла от различных и общих, общинных форм землепользования — к частно-семейной форме. Первоначальной формой использования сенокосных участков у полукочевых казахов была захватная, т.е. каждое хозяйство косило сено там, где хотело и где ему было наиболее удобно. Однако, как нам представляется, это весьма быстро привело к серьезным нарушениям всей системы землепользования, так как под сенокосы стали захватывать наиболее ценные для полукочевых хозяйств зимние пастбищные угодья. Это заставило, очевидно, общину активно вмешаться и установить свои, первоначально сугубо уравнилельные, порядки при сенокосении. Они заключались в совместной заготовке сена и последующего его раздела между хозяйствами аула или аулов, объединенных близким родством, т.е. общины. Уравнилель-

ность здесь нарушалась только в том случае, когда хозяйства, главы которых были старшими в ауле или же общины в целом, получали сена больше, чем другие.

Наличие в казахской полукочевой общине имущественного и социально-экономического неравенства не замедлило сказаться. Накошенное сено стали делить не поровну, а в зависимости, например, от количества скота в каждом хозяйстве (при этом, естественно, более богатые скотом хозяйства получали больше) или количества выставленных косцов (опять же байские хозяйства могли нанять косцов дополнительно, и их доля соответственно возрастала). А со временем в ряде общин право выставять дополнительных косцов закрепилось исключительно за байскими богатыми хозяйствами.

К этой форме использования сенокосных угодий в виде раздела уже накошенного сена примыкал регулярный передел между хозяйствами сенокосных участков. Такие переделы производились ежегодно, иногда через несколько лет. Смысл их первоначально заключался в том, чтобы уравнивать между хозяйствами количество получаемого сена. Однако и здесь очень скоро стало проявляться неравенство между отдельными хозяйствами аула или всей общины. Имеющие больше скота получали и больший сенокосный участок, а подчас и лучший из них. На распределение оказывало влияние и старшинство.

Дальнейшее имущественное и социально-экономическое расслоение общин привело к тому, что названные выше относительно уравнивательные формы распределения сенокосов перестали удовлетворять и богатых и бедных. И те и другие, исходя, правда, из диаметрально противоположных интересов, стремились к обособлению и закреплению за каждым хозяйством отдельных сенокосных участков в подворно-наследственное пользование. Для богатых это было необходимо, чтобы закрепить за собой определенный участок, гарантирующий им хотя бы минимум заготовленного сена. Бедному же хозяйству зачастую было трудно обеспечить необходимое число косцов при совместном укосе, а при подворно-наследственном пользовании сенокосами оно могло предоставить часть своего владения или уже накошенного сена за определенную плату своему богатому одноаульцу. Но и это подворно-наследственное пользование сенокосными угодьями было далеко не полным и могло быть нарушено общиной, которая таким обра-

зом продолжала удерживать за собой право верховного распределителя земельных угодий.

Наконец, уже можно было встретить случаи (пока исключения), когда казахи и их община стали признавать право отдельных хозяйств на распоряжение сенокосными угодьями как своей собственностью. Юридически это выражалось в их праве купли и продажи земли. Правда, эти акты не афишировались и часто прикрывались (например, отдачей в долгосрочную аренду или другими способами).

Итак, мы проанализировали различные формы землепользования у полукочевых казахов во второй половине XIX—начале XX в., связанные с их основным занятием — скотоводством. Этими земельными угодьями были четыре вида сезонных пастбищ (зимнее, весеннее, осеннее и летнее), кочевые пути с одного сезонного пастбища на другое и сенокосные земельные участки, которые в отличие от кочевого хозяйства, были присущи полукочевому скотоводству.

Наиболее общие формы землепользования у казахских полукочевников были характерны для летних пастбищ. Они, как правило, находились в общем пользовании одного первичного, или экзогамного рода, состоящего из нескольких семейно-родственных групп, т.е. общин. Здесь, как и у кочевников, мы наблюдаем любопытное явление: «потерю» казахской полукочевой общиной права на обособленное пользование летними пастбищами. В то же время первичный, или экзогамный род полукочевых казахов, которому на летний период переходило право обособленного пользования летними пастбищами, таким образом сохранял за собой определенные экономические функции. Но внутри такого рода отдельные семейно-родственные группы, или общины, постоянно занимали одни и те же урочища на летних пастбищах, оберегая их от других групп, даже других общин своего рода. Иногда подобное обособление доходило вплоть до отдельного хозяйственного аула. Такое обособление в значительной степени было детерминировано отношением к источникам для водопоя скота, особенно к колодцам.

Наиболее обособленными были зимние пастбища, как самые ценные для полукочевых казахов. Характерным было обособление в рамках одной семейно-родственной группы, представлявшей собой в хозяйственном отношении общину. Однако и здесь можно было наблюдать отклонения от основной тенденции (как в сторону еще большего обособления

пользования зимними пастбищами отдельными хозяйственными аулами и даже хозяйствами, так и более крупными, чем община, объединениями, а именно: первичными, или экзогамными родами. Необходимо подчеркнуть, что первый из отмеченных видов отклонения, т.е. в сторону хозяйственного аула или отдельного хозяйства, встречался в изучаемое время гораздо чаще, чем второй.

Промежуточную ступень между формами землепользования, характерными для летних и зимних пастбищ, представляло собой пользование весенними и осенними пастбищами, впрочем довольно часто это было одно и то же пастбище. Здесь наблюдалось очень широкое разнообразие: начиная от общего пользования данными пастбищами всем первичным экзогамным родом и кончая отдельным хозяйством. Это разнообразие определялось целым рядом обстоятельств, в первую очередь, нахождением на них водных источников, особенно колодцев для водопоя скота, других земельных угодий, таких, как пахотные и сенокосные.

Наиболее широкий спектр разнообразия форм пользования землей мы можем отметить для сенокосных порядков, несмотря на относительно недавнее широкое распространение этого вида занятия у полукочевых казахов. Возможно, в силу именно этого обстоятельства, т.е. недавнего широкого распространения у полукочевников-казахов сенокосения, формы пользования не выходили за рамки отдельной общины. Однако основная тенденция здесь, как для всех остальных форм землепользования, заключалась в переходе от наиболее общих в рамках всей общины ежегодных переделов сенокосных угодий или же совместного укоса и дележа сена (поровну, с учетом старшинства, по количеству скота в каждом хозяйстве, числа косцов и т.д.) к подворно-наследственному, а в ряде случаев даже зачатков собственности на покосы.

На фоне широкого разнообразия форм землепользования у полукочевых казахов на отмеченные выше виды земельных угодий как исключение выглядело пользование кочевыми путями. Они находились, как правило, в обособленном пользовании первичного, экзогамного рода. По нашему мнению, это объясняется спецификой использования кочевых путей. Она заключалась в том, что отдельные общины, или же хозяйственные аулы последовательно, в строго определенном порядке проходили один за другим по одному и тому же маршруту,

пользуясь поочередно одними и теми же колодцами для водопоя скота, независимо от их принадлежности определенному хозяйству, аулу, семейно-родственной полукочевой общине или всему роду.

¹ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963; Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э.—V в. н.э.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1986; История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. Т.1. С.106—112 и др.

² История Казахской ССР... С.415—417. Жолдасбаев С.Ж. Зимовки-поселения и жилища казахов Семиречья (XVI—XIX вв.) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

³ МКЗ. Т.5: Тургайская обл., Кустанайский уезд. Воронеж, 1903. С.56.

⁴ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.969, л.13.

⁵ ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.3.

⁶ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Т.1, вып.1: Лепсинский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1911. С.152.

⁷ Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П.А. Скрыплева в 1906—1912 гг. Т.1: Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911. С.70.

⁸ МКЗ. Т.1: Акмолинская обл., Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898. С.91.

⁹ Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Омск, 1894. Кн.17, вып.2. С.113.

¹⁰ Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области... С.21.

¹¹ Там же. С.18.

¹² Гейнс А.К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан... С.45, 56.

¹³ Чорманов М. Заметки о киргизах Павлодарского уезда // Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Омск, 1906. Кн.32. С.2.

¹⁴ Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков... С.3.

¹⁵ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.969, л.15.

¹⁶ МКЗ. Т.9: Семипалатинская обл., Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905. С.17.

¹⁷ МКЗ. Т.4: Павлодарский уезд. Воронеж, 1903. С.18.

¹⁸ МКЗ. Т.2: Акмолинская обл., Атбасарский уезд. Воронеж, 1902. С.17.

¹⁹ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.970, л.15.

²⁰ Чорманов М. Заметки о киргизах Павлодарского уезда... С.3.

²¹ МКЗ. Т.6: Семипалатинская обл., Каркаралинский уезд. СПб., 1903. С.57—58.

²² Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области... С.88.

²³ ЦГИА, ф.432, оп.2, д.1 (Карточки переписи хозяйств Акмолинского уезда), л.123—130.

²⁴ ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.80.

²⁵ Там же, д.1044, л.31, 32.

²⁶ МКЗ. Т.3, ч.2: Акмолинская обл., Акмолинский уезд. Чернигов, 1909. С.105.

²⁷ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Т.1: Лепсинский уезд... С.152.

²⁸ МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.68—69; Т.12: Акмолинская обл., Петропавловский уезд. Чернигов, 1908. С.147—148.

²⁹ Там же. Примеч. к пообщинным таблицам. С.3.

³⁰ МКЗ. Т.5: Тургайская обл., Кустанайский уезд. Воронеж, 1902. Примеч. к пообщинным таблицам. С.114.

³¹ МКЗ. Атбасарский уезд. Объяснительная записка. С.28.

³² ПМА 1988 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1591, л.8.

³³ ПМА 1986 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1478, л.4.

³⁴ ПМА 1972 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.965, л.82.

³⁵ ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1045, л.23—27.

³⁶ ПМА 1985 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1432, л.81, 85.

³⁷ Там же, л.29—30.

³⁸ Там же, л.6—8.

³⁹ ЦГА Республики Узбекистан (в дальнейшем — ЦГА РУ), ф.17, оп.1, д.17969, л.25.

Хотелось бы еще раз отметить высокую достоверность сведений, сообщаемых информантами. В приложении «А. Поаульные таблицы статистических сведений», содержащихся в МКЗ Т.4: Павлодарский уезд, указан аул аксакала Тактена, который принадлежал к роду Джетыбай. В наших записях 1985 г., т.е. более чем через девяносто лет (!), со слов информанта Шаймерденова (1902 г.р.), он относится к семейно-родственной группе, ведущей свое происхождение от Тактена, который принадлежал к роду Жетыбай. Ср.: МКЗ. Павлодарский уезд. Приложение А. Поаульные таблицы статистических сведений. С.154 и ПМА 1985 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1432, л.6—7.

⁴⁰ Там же, д.1639, л.11.

⁴¹ ЦГА РК, ф.232, оп.1, д.506, л.6.

⁴² ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.969, л.15.

⁴³ Там же, л.5—6.

У нас имеются материалы по многим хозяйствам родов Караша и Тулебай, собранные во время экспедиции 1973 г., а также посемейные поименные списки этих родов, относящиеся к 1925 г. (архивные документы). Мы можем еще раз подтвердить высокую достоверность сведений, сообщаемых информантами. Так, среди глав хозяйств семейно-родственной группы Абылбалдары рода Тулебай информант Азмухамбет Терликов назвал своих двоюродных братьев Бекиша и Досана, двух братьев своего отца — Хусаина и Хасаина, — а также еще несколько родственников — Загыя с двумя сыновьями (Асманом и Шошаем) и Унгулбая. Все они, и в том числе и сам Азмухамбет Терликов, есть в указанных посемейных списках. (Ср.: ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.971, л.8—9 и Гос. арх. Вост.-Казахст. обл. (г.Усть-Каменогорск), ф.568, оп.1, д.80, 1925 г.): «Посемейный именной список рода Тюлебай и Карача на уроч. Конды-су, Тере-Айрык, Джаман-Дала, Сары-Улен» (л.11, 16, 17). В другой семейно-родственной группе того же рода Мандайбалдары нами записаны главы семейств — Сабдулла Абызов, Акшаян, Касаин и Кайса Зангыровы, которые также имеются в указанных выше списках. Ср.: ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, л.34 и Гос. арх. Вост.-Казахст. обл., ф.568, оп.1, д.80, 1925 г., л.28—31. То же самое можно сказать в отношении некоторых глав хозяйств родственных групп Торгайбалдары, Балапанбалдары и др.

⁴⁴ *Курылев В.П.* Семейно-родственные группы у казахов конца XIX—начала XX в. (по некоторым литературным источникам) // *Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана*. М., 1978. С.132—143.

- 45 Чермак Л. Формы киргизского землепользования // Сибирские вопросы. 1908. № 23—24. С.3—34.
- 46 МКЗ. Т.11: Акмолинская обл., Омский уезд. Омск, 1902. С.33.
- 47 ЦГА РУ, ф.17, оп.1, д.20421, л.3.
- 48 Аргынбаев Х.А., Кауанова Х.А., Ходжаева Р.Д. Пастбищные угодья и их сезонное использование. Водопои // Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Алма-Ата, 1980. С.67.
- 49 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.971, л.40—41.
- 50 Там же, д.969, л.11.
- 51 Там же, л.46—47.
- 52 Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков... С.3.
- 53 ПМА 1985 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1432, л.42, 55.
- 54 МКЗ. Т.1: Акмолинская обл., Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898. С.63, 65.
- 55 Шакрым — мера измерения расстояния у казахов, при которой крик одного человека может быть услышан другим. 1 шакрым равен примерно 1.5 версты, т.е. немногим более 1.5 км.
- 56 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.1—3.
- 57 Там же, л.2—3.
- 58 Там же, л.48—54.
- 59 Гейнс А.К. Мотивированная временная инструкция уездным начальникам Тургайской области // Собр. лит. тр. Т.2. СПб., 1898. С.577.
- 60 Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Т.1: Лепсинский уезд... С.169.
- 61 Румянцев П.И. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем... С.128.
- 62 Khazanov A. Ecological Limitations... Р.4
- 63 МКЗ. Петропавловский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.6.
- 64 Там же. С.2.
- 65 Там же. С.86.
- 66 МКЗ. Атбасарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.38,
- 67 МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.4.
- 68 Там же. С.21.
- 69 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. Из волостных описаний. С.71.
- 70 Там же. С.26.
- 71 Там же. С.27.
- 72 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.90.
- 73 МКЗ. Петропавловский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.21—22.
- 74 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.972, л.64—67.
- 75 МКЗ. Каркаралинский уезд. С.43—44.
- 76 Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о козовом хозяйстве // Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Омск, 1895. Кн.18, вып.2. С.29.
- 77 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1044, л.73, 80—81; д.1045, л.14.
- 78 Чорманов М. Заметки о киргизах Павлодарского уезда... С.3.
- 79 ПМА 1985 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1432, л.55.
- 80 ПМА 1986 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1476, л.10.
- 81 Гейнс А.К. Дневник 1866 года... С.103.
- 82 Материалы по казахскому обычному праву... С.264.
- 83 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.61.
- 84 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.970, л.14—16.
- 85 Там же. д.971, л.83—85, 92.
- 86 Там же, л.92.

- 87 ЦГА РУ, ф.65, оп.1, д.28, л.80—81.
- 88 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.64.
- 89 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.972, л.29.
- 90 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.40—41.
- 91 МКЗ. Павлодарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.9.
- 92 МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.45.
- 93 МКЗ. Кокчетавский уезд. Приложение. С.29.
- 94 Там же. С.4.
- 95 *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей... С.103.
- 96 Более подробно об этом см. в III главе настоящей работы.
- 97 МКЗ. Петропавловский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.42—43.
- 98 МКЗ. Павлодарский уезд. С.20.
- 99 МКЗ. Каркаралинский уезд. С.23; Усть-Каменогорский уезд. С.17—18.
- 100 МКЗ. Павлодарский уезд. С.19, 21.
- 101 МКЗ. Петропавловский уезд. С.103.
- 102 *Валиханов Ч.Ч.* О кочевках киргиз // Собр. соч. Т.4. Алма-Ата, 1985. С.107.
- 103 Фарсанг (фарсах) — путевая мера длины, равная 12 000 шагов «кадам». В Средней Азии фарсах приблизительно равен 8 км, однако в различных районах он различается от 6 до 9 км и более. См.: *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С.120.
- 104 *Фазлаллах Ибн Рузбихан Исфাহани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя)... С.93—94.
- 105 *Крашенинникова И.Н.* Растительный покров и хозяйственное использование территории: Казахское хозяйство в его естественноисторических и бытовых условиях. Л., 1926. С.27—36.
- 106 *Аргынбаев Х.А., Кауанова Х.А., Ходжаева Р.Д.* Пастбищные угодья и их сезонные использования. Водопои... С.67.
- 107 Там же. С.65—67.
- 108 *Чермак Л.* Формы киргизского землепользования... С.32.
- 109 *Добросмыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области... С.15.
- 110 *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы... С.109.
- 111 *Гейнс А.К.* Дневник 1866 г. Путешествие в Туркестан... С.46.
- 112 ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.919, л.18—22.
- 113 ЦГА РК (Дело о поземельных спорах между каркаралинскими и акмолинскими киргизами), ф.64, оп.1, д.4232, л.10.
- 114 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1044, л.4—5.
- 115 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. С.16.
- 116 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.6.
- 117 МКЗ. Петропавловский уезд. С.96.
- 118 Там же. С.7—8.
- 119 *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане... С.71.
- 120 *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы... С.104.
- 121 МКЗ. Павлодарский уезд. С.88.
- 122 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.31.
- 123 Там же. С.22.
- 124 Там же. С.31.
- 125 Там же. С.42.
- 126 ПМА 1985 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1433, л.34—38.
- 127 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.61.
- 128 Там же, л.69.

- 129 Гейнс А.К. Мотивированная временная инструкция уездным начальникам Тургайской области... С.569—570.
- 130 Гейнс А.К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан... С.195—196.
- 131 ЦГА РК, ф.232, оп.1, д.50-6, л.7.
- 132 Там же.
- 133 ПМА 1971 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.918, л.2—3, 13, 17.
- 134 Гейнс А.К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан... С.171.
- 135 Там же. С.17.
- 136 Нами записана легенда о происхождении этого рода. Толек, один из потомков Мейрамсопы (аргыны) имел 40 (по-казахски — кырк, сакральная цифра у многих народов, в том числе и у казахов) сыновей. Все они были воины и имели ружья (по-казахски — мылтык). Во время одной битвы, когда джунгары начали теснить казахов, их предводитель, знаменитый батыр Джанибек, воскликнул: «Где мои сорок джигитов с ружьями!» С тех пор их род стал называться Кыркмылтык. См.: ПМА 1986 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1476, л.40.
- 137 Там же, л.42.
- 138 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.82.
- 139 МКЗ. Тургайский уезд. Оренбург, 1911, С.2—3, 104—105.
- 140 Там же.
- 141 Там же. С.265.
- 142 Там же. С.254—257.
- 143 Чермак Л. Формы киргизского землепользования... С.38—39.
- 144 Там же. С.34; МКЗ. Актюбинский уезд. Воронеж, 1903. С.16—17.
- 145 Гос. арх. Вост-Казахст. обл., ф.568, оп.1, д.80 (Материалы по землеустройству аула № 3 Тарбагатайской волости Зайсанского уезда. 1925 г.), л.6, 8.
- 146 Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казахов... С.3.
- 147 МКЗ. Павлодарский уезд. С.123—124.
- 148 Гейнс А.К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан... С.200.
- 149 МКЗ. Павлодарский уезд. С.1.
- 150 Там же. С.11.
- 151 Валиханов Ч.Ч. О кочевках киргизов... С.108.
- 152 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.42.
- 153 Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане... С.138.
- 154 Там же. С.121.
- 155 ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.988, л.20, 22, 24.
- 156 Там же, ф.385, оп.1, д.2, л.24.
- 157 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. С.20.
- 158 Аргынбаев Х.А., Кауанова Х.А., Ходжаева Р.Д. Пастбищные угодья и их сезонное использование. Водопои... С.67.
- 159 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.61.
- 160 Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем... С.53.
- 161 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. С.20.
- 162 Чермак Л. Формы киргизского землепользования... С.3—33.
- 163 Чермак Л. Киргизское хозяйство в степном крае... С.230.
- 164 Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Т.3, вып.1: Зайсанский уезд. СПб., 1913. С.45—46.
- 165 Материалы по обследованию...: Лепсинский уезд... С.167.
- 166 Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные Семипалатинским обл. стат. комитетом в 1886 г. (автор П.Е. Маковецкий) // Материалы по казахскому обычному праву. Сб.1. Алма-Ата, 1948. С.264.
- 167 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.969, л.21.

- 168 Там же, л.10.
- 169 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.36.
- 170 Гос. арх. Вост.-Казахст. обл., ф.568, оп.1, д.71 (Материалы по землеустройству аула № 8 Чингистайского района. 1924—1925 гг.), л.34.
- 171 МКЗ. Акмолинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.86.
- 172 МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.21.
- 173 Там же. С.22.
- 174 Там же. С.29.
- 175 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1045, л.14.
- 176 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.969, л.12.
- 177 Там же, д.970, л.16.
- 178 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.14.
- 179 *Чермак Л.* Киргизское хозяйство в степном крае... С.226.
- 180 МКЗ. Павлодарский уезд. Описание общих хозяйственных условий. С.119.
- 181 *Гафферберг Э.Г.* Белуджи Туркменской ССР. Очерк хозяйства, материальной культуры и быта. М., 1969. С.76.
- 182 МКЗ. Акмолинский уезд. Волостные описания. С.116.
- 183 МКЗ. Петропавловский уезд. С.88.
- 184 Гос. арх. Вост.-Казахст. обл., ф.568, оп.1, д.80 (Материалы по землеустройству аула № 3 Тарбагатайской волости Зайсанского уезда. 1925 г.), л.8.
- 185 Там же, д.79, л.9.
- 186 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.61.
- 187 МКЗ. Акмолинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.35.
- 188 Там же. С.17.
- 189 Там же. С.103.
- 190 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.77, 79, 101, 106 и др.
- 191 МКЗ. Петропавловский уезд. С.6, 15.
- 192 *Кауфман А.* К вопросу о происхождении русской земельной общины... С.8.
- 193 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.72.
- 194 Там же, д.1047, л.14—15. Необычно название этой семейно-родственной группы. Как правило, группы назывались по имени их основателя — предка в 4—5-м поколении по мужской линии. В данном же случае имя идет от термина «апа» («апай»), т.е. старшая сестра. Произошло это следующим образом. У Касыма (предка этой группы) было двое детей: старшая дочь Маржан и младший сын Рай. Маржан выдали замуж за бая из рода Жагалбайлы, однако он через год умер. Маржан была гордой и не вышла снова замуж за родственника своего мужа, как этого требовали казахские обычаи, а вернулась со скотом и имуществом к своим родителям. После их смерти она жила вместе с младшим братом Раем, который ее называл «апа» («апай»). У него было несколько сыновей, от которых и пошла в дальнейшем семейно-родственная группа, за которой закрепилось название Апайбалдары, т.е. так, как Рай называл свою старшую сестру. См.: ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.1.
- 195 Там же, д.1046, л.91.
- 196 *Мынбаев К.* За передовую сельскохозяйственную науку. Алма-Ата, 1949. С.427—430.
- 197 *Шахматов В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община... С.98—99.
- 198 *Алехторов А.Е.* Образ жизни киргизов // Оренбургский листок. 1890. № 16. С.15.

¹⁹⁹ ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.4406 (Дело о прекращении споров между казаками Туркестанского и Чимкентского районов Сыр-Дарьинской области и Сарысуйского (Атбасарского) района Акмолинской области. Ч.2, л.26—27.

²⁰⁰ Там же, л.25—26.

²⁰¹ Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. Т.4: Атбасарский уезд. СПб., 1910. С.43—44.

²⁰² ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.4408, л.27.

²⁰³ МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.46.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.69.

²⁰⁶ Там же, л.89.

²⁰⁷ ЦГА РК, ф.382, оп.1, д.30 (Дело о просьбе казахов Джакаимова отделения рода Чиклинского о выделении им в пользование озера Каракуль. 1860 г.), л.5.

²⁰⁸ ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1047, л.16—17.

²⁰⁹ МКЗ. Петропавловский уезд. С.89.

²¹⁰ Гос. арх. Вост.-Казахст. обл., ф.568, оп.1, д.37 (Материалы по землеустройству аула № 8 Чингистайского района. 1924—1925 гг.), л.40.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же.

²¹³ ЦГА РК, ф.15, оп.1, д.2277 (Дело о проведении границы между Манракской и Чиликтинской волостями Зайсанского уезда. 1903—1910 гг.), л.3—4.

²¹⁴ МКЗ. Акмолинский уезд. Волостные описания. С.114.

²¹⁵ МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. Из волостных описаний. С.67.

²¹⁶ МКЗ. Павлодарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.99; Семипалатинский уезд. С.67.

²¹⁷ *Добросмыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области... С.15.

²¹⁸ ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.971, л.61.

²¹⁹ МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.23.

²²⁰ МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.32, 80.

²²¹ МКЗ. Павлодарский уезд. Описание общих хозяйственных условий. С.127.

²²² *Румянцев П.П.* Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем... С.136.

²²³ *Тресвятский В.А.* Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Степной край. Пг., 1917. Вып.1. С.66.

²²⁴ ПМА 1985 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1432, л.8, 11, 13.

²²⁵ ПМА 1986 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1478, л.51.

²²⁶ *Добросмыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области... С.15; Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. Т.1: Кокчетавский уезд. СПб., 1907. С.41; МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.23; ЦГИА, ф.432, оп.2, д.19 (Карточки переписи хозяйств Акмолинского уезда Кулан-Отпес-Нуринской волости. 1908—1909 гг.), л.1—170.

²²⁷ *Добросмыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области... С.13.

²²⁸ МКЗ. Петропавловский уезд. С.140.

²²⁹ Там же.

Можно предполагать, что перекочевка с помощью колесного транспорта была заимствована полукочевыми казаками у переселенцев из европейской части России, в первую очередь, у русских. Как известно, казахи при перекочевках традиционно использовали только вьючных животных. Однако если обратиться к истории кочевников евразийских степей, выясняется, что в древности они использовали повозки. Об этом сообщают, например, Плано Карпини и Гильом де Рубрук в работах о средневековых монголах. См.: *Джо-*

ванни дель Пано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., 1957. С.22, с.91—92.

²³⁰ Гродеков Н. Киргизы и каракиргизы... С.109.

²³¹ ЦГА РУ, ф.69, оп.1, д.65 (Этнографическое описание казахов Казалинского уезда. 1921 г.), л.7.

²³² Курылев В.П. 1) Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов (вторая половина XIX—начало XX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; 2) Об основных типах скотоводческого хозяйства у казахов...; Симанков Г.Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX—начале XX в. // Сов. этнография. 1982. № 4.

²³³ МКЗ. Кокчетавский уезд. Общие хозяйственные условия у киргизов Кокчетавской волости. С.13.

²³⁴ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972. С.51.

²³⁵ История Казахской ССР... С.200.

²³⁶ МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.2.

²³⁷ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Лепсинский уезд... С.343.

²³⁸ ЦГА РК, ф.232, оп.1, д.50 (Сведения по экономике казахов Караузенской волости Перовского уезда), л.4.

²³⁹ МКЗ. Петропавловский уезд. С.203.

²⁴⁰ Киргизское хозяйство в Акмолинской обл... Кокчетавский уезд... С.104.

²⁴¹ ЦГИА, ф.432, оп.2, д.1 (Карточки переписи хозяйств), л.1—131.

²⁴² Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казахов... С.3.

²⁴³ МКЗ. Акмолинский уезд. Поволостные описания... С.118—119.

²⁴⁴ МКЗ. Павлодарский уезд. Описание общих хозяйственных условий... С.113.

²⁴⁵ Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. Кокчетавский уезд... С.9.

²⁴⁶ Там же. Петропавловский уезд... С.98.

²⁴⁷ МКЗ. Петропавловский уезд. С.206.

²⁴⁸ Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области... С.359.

²⁴⁹ ЦГИА, ф.432, оп.2, д.1 (Карточки переписи хозяйств), л.30, 37, 38, 42, 49.

²⁵⁰ Там же, л.59, 67, 70, 76.

²⁵¹ Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. Кокчетавский уезд... С.57.

²⁵² Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем... С.37.

²⁵³ Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. Т.4: Атбасарский уезд. СПб., 1910. С.95—96; Там же. Акмолинский уезд. С.102; Там же. Павлодарский уезд. С.171.

²⁵⁴ МКЗ. Петропавловский уезд. С.203—204.

²⁵⁵ Гейер И.В. В устье Сыр-Дарьи // Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1899. Т.7. С.56—57.

²⁵⁶ МКЗ. Петропавловский уезд. С.204—205.

²⁵⁷ ЦГА РК, ф.69, оп.1, д.65 (Этнографическое описание Актюбинской волости Казалинского уезда. 1921 г.), л.31.

²⁵⁸ Гос. арх. Вост.-Казахст. обл., ф.568, оп.1, д.80 (Материалы по землеустройству аула № 3 Тарбагатайской волости Зайсанского уезда. 1925 г.), л.7.

²⁵⁹ ПМА 1986 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1476, л.72.

Еще раз отметим факт, свидетельствующий о высокой достоверности сведений информантов. Отца нашего информанта звали Жангобыл. В его ауле, расположенном в Жалдама, было около 16 хозяйств. Аул входил в IV старшинство Каратургайской волости Тургайского уезда. В публикации МКЗ по этому уезду есть данные, что в административном ауле (т.е. старшинстве № 4

- Каратургайской волости) был хозяйственный аул с аксакалом Жангобыл во главе. Аул состоял из 12 хозяйств. Их кстау располагалось в урочище Жалда-ма. См.: МКЗ. Тургайский уезд. Оренбург, 1911. С.152—153.
- 260 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1045, л.44.
- 261 Там же, л.34—37.
- 262 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.205—206; Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Т.1: Павлодарский уезд. СПб., 1913. С.171.
- 263 Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. ... Акмолинский уезд. С.103.
- 264 Там же. Кокчетавский уезд. С.97—98.
- 265 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.112—113; МКЗ. Петропавловский уезд. С.205.
- 266 Киргизское хозяйство Акмолинской обл. ... Акмолинский уезд. С.105.
- 267 МКЗ. Павлодарский уезд. С.25.
- 268 Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. ... Акмолинский уезд. С.119.
- 269 Там же. С.120.
- 270 Усть-Каменогорский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.46.
- 271 Гос. арх. Вост.-Казахст. обл., ф.568, оп.1, д.36 (Материалы по землеустройству аула № 7 Чингистайской волости Бухтарминского уезда. 1924—1927 гг.), л.98.
- 272 ПМА 1985 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1432, л.39.
- 273 *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы... С.104.
- 274 ЦГА РК, ф.232, оп.1, д.50-6, л.6.
- 275 Там же, ф.267, оп.1, д.187, л.5.
- 276 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1045, л.57.
- 277 МКЗ. Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд. Ташкент, 1912, С.24.
- 278 Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Копальский уезд. С.121; Лепсинский уезд. С.350.
- 279 Арх. РГО, ф.65, оп.1, д.59 (*Соловьев А.* О колонизации в киргизской степи Акмолинской области и о поездке от Акмолинска до Ташкента через Голодную степь [по личным впечатлениям и литературным данным]. 1904 г.), л.80.
- 280 МКЗ. Павлодарский уезд. Описание общих хозяйственных условий. С.123.
- 281 ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.4334 (Объяснительная записка об образовании переселенческих участков в Западной Сибири и городского поселения по реке Нижний Кульжир Зайсанского уезда), л.12—13.
- 282 Там же.
- 283 Там же.
- 284 МКЗ. Петропавловский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.1—91.
- 285 Там же. С.16, 21, 62, 73 и др.
- 286 Там же. С.22, 52.
- 287 Там же. С.62.
- 288 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.122; Усть-Каменогорский уезд. С.22—23; ЦГА РК, ф.232, оп.1, д.50-6 (Справка об экономике казахов Караузякской волости Перовского уезда. 1910 г.), л.4; ЦГИА, ф.432, оп.2, д.1 (Карточки переписи хозяйств Акмолинского уезда), л.3—131.
- 289 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.122—123.
- 290 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. С.21.
- 291 *Руденко С.И.* Очерк быта северо-восточных казахов... С.3.
- 292 Гос. арх. Вост.-Казахст. обл., ф.568, оп.1, д.36, л.94.
- 293 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.971, л.40—42.
- 294 Там же, л.83—85, 92—93.
- 295 Там же, д.972, л.52, 55.
- 296 Там же, л.91.

- 297 Там же, д.973, л.6—7.
- 298 Там же, д.972, л.68.
- 299 Руденко С.И. Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза... С.9.
- 300 Материалы по казахскому обычному праву... С.264.
- 301 МКЗ. Акмолинский уезд... С.121.
- 302 МКЗ. Петропавловский уезд. С.101; Киргизское хозяйство Акмолинской обл. ... Атбасарский уезд. С.114.
- 303 Материалы по обследованию туземного русского старожильского хозяйства... Копальский уезд. С.121; Лепсинский уезд. С.168.
- 304 МКЗ. Каркаралинский уезд. С.28.
- 305 Киргизское хозяйство Акмолинской обл. ... Кокчетавский уезд. С.99.
- 306 Там же. Петропавловский уезд. С.101.
- 307 Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Павлодарский уезд. С.183.
- 308 ПМА 1985 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1433, л.37.
- 309 ПМА 1986 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1476, л.48.
- 310 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1047, л.9—11.
- 311 Там же. л.7—8.
- 312 Там же, д.1046, л.65—71.
- 313 ПМА 1986 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1476, л.22.
- 314 Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. ... Атбасарский уезд. С.112—113.
- 315 Там же. Акмолинский уезд. С.124.
- 316 Там же.
- 317 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1045, л.41, 42, 44.
- 318 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.120.
- 319 Там же. Общие хозяйственные условия. С.36—37.
- 320 Там же. С.7.
- 321 МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.63.
- 322 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.2—7.
- 323 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.969, л.40—41.
- 324 МКЗ. Т.5: Кустанайский уезд. Воронеж, 1903. С.36, 69.
- 325 Атбасарский уезд... С.9.
- 326 Там же. Примеч. к пообщинным таблицам. С.30.
- 327 Там же. С.36.
- 328 Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. ... Атбасарский уезд. С.112—113.
- 329 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.99; Петропавловский уезд. С.101; Кустанайский уезд. С.70.
- 330 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1045, л.86—92.
- 331 Там же. С.92.
- 332 МКЗ. Атбасарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.26.
- 333 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. С.21—22.
- 334 ПМА 1985 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1432, л.86.
- 335 Там же, д.1043, л.24.
- 336 МКЗ. Перовский уезд. С.24.
- 337 МКЗ. Атбасарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.26.
- 338 МКЗ. Семипалатинский уезд. С.121—122.
- 339 МКЗ. Атбасарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.29.
- 340 МКЗ. Каркаралинский уезд. С.28.
- 341 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. С.21.
- 342 Матриалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Копальский уезд. С.122.
- 343 Там же. Лепсинский уезд. С.283.

- 344 Там же. Копальский уезд. Заметки об отдельных общинах. С.27.
- 345 Там же. С.31.
- 346 Киргизское хозяйство в Амолинской обл. ... Кокчетавский уезд. С.99.
- 347 МКЗ. Кустанайский уезд. С.71.
- 348 Там же. С.43.
- 349 Там же. С.125.
- 350 МКЗ. Петропавловский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.13.
- 351 МКЗ. Перовский уезд. С.24.
- 352 ПМА 1986 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1478, л.44.
- 353 Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства. ... Лепсинский уезд. С.211.
- 354 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.48—55.
- 355 Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Копальский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.58.
- 356 МКЗ. Кокчетавский уезд. С.123; Семипалатинский уезд. С.21; Усть-Каменогорский уезд. С.8.
- 357 Копальский уезд. Заметки об отдельных общинах. С.54.
- 358 Киргизское хозяйство в Акмолинской обл. ... Атбасарский уезд. С.100.
- 359 Там же. Кокчетавский уезд. С.104.
- 360 *Добросмыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области. ... С.357.
- 361 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1045, л.57.
- 362 Там же, л.91.
- 363 МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.40.
- 364 МКЗ. Атбасарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.26; Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.53, 64, 79.
- 365 Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Копальский уезд. Заметки по отдельным общинам. С.81.
- 366 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.46.
- 367 МКЗ. Акмолинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.53.
- 368 МКЗ. Кустанайский уезд. С.14.
- 369 МКЗ. Павлодарский уезд. Описание общих хозяйственных условий. С.96.
- 370 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.973, л.5—7.
- 371 МКЗ. Перовский уезд. С.22.
- 372 Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства... Копальский уезд. Заметки об отдельных общинах. С.91.
- 373 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.31.
- 374 Там же. С.28.
- 375 Там же. С.3.
- 376 ЦГА РУ, ф.1, оп.12, д.1528, л.72.
- 377 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.37.
- 378 МКЗ. Атбасарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.43.
- 379 МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.16.
- 380 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.130.
- 381 МКЗ. Петропавловский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.62.
- 382 ПМА 1975 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1046, л.55.
- 383 Там же, л.65—71.
- 384 МКЗ. Петропавловский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.14.
- 385 *Красовский.* Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч.2. С.106.
- 386 ЦГИА, ф.432, оп.2, д.1, л.135—140.
- 387 Там же, л.233—242.
- 388 Там же, л.38—54.
- 389 МКЗ. Атбасарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.44.

- 390 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.3.
- 391 МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.86.
- 392 Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане... С.104—105, 252.
- 393 МКЗ. Павлодарский уезд. С.70.
- 394 ЦГИА, ф.391, оп.3, д.902 (Материалы по вопросу о поземельном устройстве киргизов. 24 марта 1908 г.—30 июня 1914 г.), л.11.
- 395 Там же, л.44, 45.
- 396 Там же, л.45 и сл.
- 397 Там же, л.47.
- 398 Там же, л.134.
- 399 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.969, л.10.
- 400 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.25.
- 401 Там же. С.68.
- 402 МКЗ. Акмолинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.79.
- 403 МКЗ. Павлодарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.73.
- 404 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.132.
- 405 Там же.
- 406 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.50.
- 407 Там же.
- 408 Там же.
- 409 МКЗ. Павлодарский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.70.
- 410 Там же.
- 411 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.149.
- 412 Там же. С.151.
- 413 Там же. С.171.
- 414 С юридической точки зрения это были неправомерные действия, так как все казахские земли после присоединения Казахстана к России были объявлены государственной собственностью, отданной казахам в бессрочное пользование. Однако казахи продолжали считать землю, которую они занимали, в своем обособленном пользовании.
- 415 МКЗ. Каркаралинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.45.
- 416 Там же. С.41.
- 417 Там же. С.63.
- 418 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.44.
- 419 ЦГА КазССР, ф.25, оп.1, д.3516, л.5.
- 420 МКЗ. Павлодарский уезд. Описание общих хозяйственных условий. С.110.
- 421 МКЗ. Семипалатинский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.80—81.
- 422 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.7.
- 423 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства... Зайсанский уезд. Примеч. к пообщинным таблицам. С.58.
- 424 Продеков Н. Киргизы и каракиргизы... С.104.
- 425 Кранихфельд В.П. Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде // Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 г. Саратов, 1898. С.97—98.
- 426 Гейнс А.К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан... С.195.
- 427 Там же. С.144.
- 428 ЦГА РК, ф.15, оп.1, д.2093, л.21.
- 429 Там же, ф.64, оп.1, д.4202, л.4.
- 430 ПМА 1973 г. // Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.971, л.78.
- 431 МКЗ. Усть-Каменогорский уезд. С.9.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

В Казахстане издавна сложились три основных типа хозяйства: кочевое, полукочевое и оседлое. Кочевой образ жизни вели казахи в южной, юго-западной и центральной частях Казахского края, занятых степями, полупустынями и пустынями с резко выраженной аридностью. Однако степень распространения кочевого скотоводства в этих районах была различной.

Кочевое скотоводство у казахов носило экстенсивный характер и было связано с пастбищной системой: круглогодичным содержанием скота на подножном корму. Этот основной признак кочевого скотоводческого хозяйства оказал влияние на все стороны жизни кочевников-скотоводов. Сочетание степей на севере и полупустынь и пустынь на юге определило сезонный характер пастбищных угодий (летних, осенних, зимних и весенних), а также время перекочевки с одного из них на другое. В свою очередь, круглогодичное содержание скота на пастбищах и непрерывные перекочевки оказывали влияние на состав стада и виды домашних животных. Ими могли быть только те, кто добывал зимой корм из-под снега. Это были верблюды, лошади, овцы и козы.

Наиболее распространенным типом в Казахстане в изучаемое время было полукочевое скотоводство с его характерной пастбищно-полустойловой системой содержания скота. В основном он содержался на подножном корму и только частично зимой оставался в стойлах и подкармливался сеном. Последнее вызвало к жизни сенокосение и, следовательно, новые земельные угодья — покосы. Казахские полукочевники также в той или иной степени занимались земледелием. С этими двумя обстоятельствами связано появление в составе стада полукочевника крупного рогатого скота, что привело к сокращению длины перекочевки.

Полукочевое скотоводство было широко распространено почти во всех уездах Казахстана.

Как и большинство исследователей, мы придерживаемся той точки зрения, что для Казахстана второй половины XIX—начала XX в. (как и для предыдущего периода, т.е. времени казахских ханств) были характерны феодальные, вернее сказать, феодально-патриархальные отношения. Нам представляются необоснованными утверждения ряда исследователей, что наличие свободных земельных массивов оказывало негативное

воздействие как на генезис феодализма, так и на его развитие, существенно замедляло процесс формирования крупного феодального землевладения. Некоторые специалисты даже утверждают, что при таких условиях не могла возникнуть собственность на землю, а следовательно, и сам феодализм.

В подобных рассуждениях, по нашему мнению, упущен ряд существенных моментов, которые оказывали решающее влияние на образование земельной собственности вообще и феодальной, в частности. Во-первых, необходимо иметь в виду объективно существующую ограниченность земли, что неизбежно приводило к монополии хозяйствования на ней, а также монополии владения ею. Во-вторых, необходимо учитывать различие плодородия отдельных участков земли, удобство их расположения, а также наличие в полуаридных и аридных зонах достаточного количества водных источников для орошения полей и садов при земледелии и водопоя скота при скотоводстве. Число лучших по качеству земельных угодий всегда было ограничено. Это, в свою очередь, всегда приводило к захвату лучших участков, а затем и к борьбе за них, несмотря на наличие других, менее плодородных участков. Захват же земель всегда приводил к собственности на нее. Таким образом, на генезис и развитие феодализма, а также крупной феодальной земельной собственности не могло оказывать негативного влияния наличие свободных площадей, ввиду действия объективного закона различия плодородия и качества земли.

Невозможно понять развитие форм землепользования у кочевых и полукочевых казахов без знания того, какими были феодально-патриархальные отношения, в том числе и земельные, в казахском обществе в предыдущее время. Однако среди современных исследователей, занимающихся этой проблемой, нет единой точки зрения. Большинство из них считают, что у кочевников, как и у оседло-земледельческих народов, была крупная феодальная земельная собственность, а земля (кочевья и пастбища) являлась основным средством производства и орудием эксплуатации рядовых кочевников. Другие исследователи придерживаются мнения, что при господстве кочевого скотоводства при феодализме отсутствовала частная собственность на землю, основным средством производства был скот, он же был основой эксплуатации трудящихся масс.

Все исследователи казахского кочевого общества признают, что в нем имелась определенная социальная группа, которая

распоряжалась кочевьями и пастбищами подвластных ей родов. Без этого невозможно было успешное пользование ими. Суть проблемы заключается в том, как и из каких соображений эта группа производила данное регулирование. Если это делалось только из хозяйственных соображений, исходя из нужд всего рода или общины, то тогда эта группа представляла собой родовых вождей. Если же данные лица занимались этим из своих личных соображений, политических, военных, экономических интересов, то здесь мы имеем монопольное распоряжение кочевьями и пастбищами, что фактически равно феодальной земельной собственности.

В настоящее время есть достаточно убедительное число фактов, свидетельствующих о том, что в казахских кочевых ханствах имела место земельная собственность, которая выражалась в исключительном, монопольном праве казахских феодалов распоряжаться пастбищами подвластных им родов.

Особенность феодальных земельных отношений у кочевых казахов состояла в том, что в результате конкретно-исторической обстановки, сложившейся в Казахстане в послемонгольский период, право распоряжения кочевьями и пастбищами монопольно принадлежало только высшей феодальной аристократии — ханам и султанам, т.е. потомкам рода Чингисхана.

В то же время у наиболее многочисленной группы казахских феодалов — биев и баев, представлявших родовую знать, — основой эксплуатации был скот.

Со временем право распоряжаться кочевьями и пастбищами, принадлежащее первоначально только казахским султанам-чингисидам, стали пытаться присваивать себе и представители родовой знати казахов — бии и баи. Этому в значительной степени способствовали «Семь установлений» хана Тауке (70-е годы XVII в.), которые расширили права казахских биев и баев в целях ослабления сепаратистских стремлений султанов. Еще в большей степени был поднят авторитет родовой казахской знати мероприятиями царской власти в период присоединения Казахстана к России, которая таким образом старалась укрепить свое влияние среди казахов. Реформами 1867—1868 гг. были отменены все привилегии султанов-чингисидов, в том числе и их монопольное право распоряжаться пастбищами, которые были объявлены государственной собственностью и закреплены за родами и общинами для совместного пользования.

Как же складывались и развивались эти земельно-общинные отношения у кочевых казахов в изучаемое время? Кочевое скотоводство у казахов в этот период носило экстенсивный характер и было основано на пастбищной системе, т.е. круглогодичном содержании скота на подножном корму. Это требовало различных по своим качествам и довольно обширных по площади сезонных пастбищ: зимних, весенних, летних и осенних, а также основных маршрутов перекочевков, так как сезонные пастбища были расположены друг от друга на значительном расстоянии. Казахи-кочевники занимали в основном степи, полупустыни и пустыни, т.е. полуаридную и аридную зоны Казахстана. В связи с этим важное, а иногда и решающее значение приобретало наличие как на самих пастбищах, так и на путях перекочевков водных источников для водопоя скота. Сезонные пастбища различались по требованиям, которые кочевники-скотоводы предъявляли к ним, а следовательно, и по-разному оценивались ими. Это, в свою очередь, прямым образом сказывалось на характере землепользования. Наибольшую ценность имели зимние пастбища, ибо основным условием зимнего выпаса скота была возможность добывания им корма из-под снега (тебеневание).

Анализ дореволюционной литературы о казахах-кочевниках, данных архивных материалов, а также материалов наших собственных полевых исследований позволяет сделать вывод, что зимние пастбища, как наиболее ценные, принадлежали в основном одной семейно-родственной группе, состоявшей из хозяйств и аулов, главы которых были связаны родством по мужской линии одним предком, отстоящим от них на 4—5 поколений. Собственно говоря, эта группа и была общиной у кочевых казахов, в силу чего мы предлагаем называть ее «казахской кочевой семейно-родственной общиной».

Вместе с тем необходимо отметить, что наблюдались отклонения от приведенного выше правила. Имелись случаи, когда зимние пастбища принадлежали более крупным родовым объединениям, состоящим, однако, из нескольких групп, связанных между собой родством. Иногда пастбищные угодья зимой находились в пользовании более мелкого, чем семейно-родственная группа, социального объединения — одного аула. Наконец, у некоторых семейно-родственных групп было несколько зимних пастбищ, и в зависимости от травостоя на них группа кочевала в том или другом месте.

Совсем иные требования предъявляли казахи-кочевники к летним пастбищам: они должны были изобиловать хорошей травой и водными источниками. Такие угодья находились, как правило, на севере Казахского края, в степной зоне. В изучаемое время наблюдалось большое разнообразие в пользовании летними пастбищами: они могли быть в совместном пользовании нескольких больших родоплеменных объединений казахов или же одного такого объединения, самого маленького экзогамного рода, насчитывающего, как правило, семь поколений. Превалировали случаи использования летовок более или менее ограниченно хозяйствами и аулами последнего.

Мы сталкиваемся здесь с весьма любопытным явлением: в летний период казахская кочевая семейно-родственная община утрачивала одну из своих основных функций, а именно: обособленное пользование пастбищами, т.е., иначе говоря, «теряла» землю. В то же время община сохраняла все остальные свои характеристики (оставалась общиной в тех же рамках). Право же распоряжения летними пастбищами переходило, как сказано выше, к более широкому социальному объединению — к первичному, или экзогамному роду. В таком случае последний, т.е. первичный род у кочевых казахов представлял собой не только надстроечное явление, как это принято считать, но и базисное основание, «живую» и действующую структуру, как и семейно-родственная группа — община.

В этом явлении содержится одно из существенных отличий общинно-земельных отношений у кочевников от таковых у оседлого населения.

И еще одно обстоятельство. Если казахская кочевая семейно-родственная община даже при потере одной из своих основных функций — общего землепользования — продолжала действовать в тех же рамках, то это служит убедительным свидетельством того, что основой, объединяющей все хозяйства в одну общину, были не соседско-территориальные, а родственные связи. Правда, это отнюдь не исключало того, что внутри такой общины существовала социальная дифференциация и эксплуатация богатыми хозяйствами бедных.

Весенне-осенние пастбища находились, как правило, на пути между летними и зимними пастбищами и являлись также владениями первичного, экзогамного рода.

В отношении колодцев (особенно глубоких, изготовление которых требовало много усилий) можно сказать, что они на-

ходились в собственности отдельного рода, семейно-родственной группы и даже отдельного хозяйства (всегда, правда, зажиточного). Это определяло очень часто и отношение к окружающей земле. Однако существовало обычное право, по которому даже из частного колодца могли брать воду для скота другие хозяйства, если им в этот момент не пользовался сам хозяин или же хозяйства его близких родственников.

Здесь действовало своеобразное право временной собственности, которая осуществлялась только в том случае, когда хозяин колодца пользовался им. Нам представляется, в этом заключается еще одна специфическая черта землепользования, характерная только для кочевников-скотоводов.

Таким образом, можно считать, что земельно-общинные отношения у кочевых казахов во второй половине XIX—начале XX в. имели тенденцию к обособлению в рамках все более мелкого социального объединения вплоть до отдельного хозяйственного аула.

Указанная тенденция к обособлению пастбищных угодий еще более отчетливо прослеживается при анализе форм землепользования у полукочевых казахов, особенно по отношению к зимним пастбищам. Как и у кочевых казахов, зимние пастбища («кстау») были самыми ценными из всех пастбищных угодий. Как правило, они находились в обособленном пользовании одной семейно-родственной общины. Наряду с этим наблюдалась тенденция к еще большему обособлению зимних пастбищ до уровня отдельного хозяйственного аула и даже хозяйства. Такое обособление в пользовании кстау, в первую очередь, связано с собственностью на колодцы, без которых невозможно содержание домашнего скота в условиях малоснежных полупустынь и пустынь Казахстана. Ценность зимних пастбищ повышалась еще и тем, что на них в большинстве случаев находились сенокосные угодья. В тех же районах, где сенокосов (в силу природных условий, как например, в гористых местах) не было, повышалась ценность самого зимнего пастбища как единственного источника содержания скота зимой. В некоторых районах (например, в Павлодарском уезде) были выделены специальные зимние овечьи пастбища, их особенно тщательно оберегали от поотравы.

Основные требования, которые полукочевые казахи (как, впрочем, и кочевники) предъявляли к летним пастбищам («джайлау»), состояли в следующем. На них должен быть хо-

роший травостой, водные источники, относительно прохладный климат. Летние пастбища были расположены на севере и в горных районах Казахстана. Находились они, как правило, в пользовании отдельных первичных, или экзогамных родов.

Таким образом, у полукочевых казахов, как и у кочевников, община «теряла» в летний период право на обособленное пользование определенными участками летних пастбищ. Это право переходило к более широкому социальному объединению, а именно: первичному, или экзогамному роду казахов. В то же время община сохраняла в своих рамках все остальные функции: совместная пастьба скота, его защита, использование водопоев и т.п. Представляется, что в этом заключается одна из принципиальных особенностей скотоводческой общины, так как известно, что одним из основных признаков всякой общины есть право ее на общее землепользование. Считается, что именно это землепользование объединяет в одно целое все домохозяйства, входящие в общину. Отсюда и само название общин: соседская, территориальная или крестьянская. Следовательно, у полукочевых казахов изучаемого времени, как и у казахских кочевников, хозяйства, входящие в одну общину, были объединены на основе близкого родства их глав. Иначе говоря, у полукочевых казахов, как и у кочевников, община была основана на родственных связях. Отсюда можно сделать вывод, что общины у кочевых и полукочевых казахов во второй половине XIX—начале XX в. в области их основного занятия — скотоводства — были однотипными.

В то же время род, к которому летом переходило право землепользования, представлял, как и у кочевников, социальный организм с определенными экономическими функциями.

Летние пастбища у полукочевых казахов находились, как правило, ближе к зимникам, чем у кочевников. Более того, здесь можно наблюдать социальную дифференциацию между бедными и богатыми скотом хозяйствами даже в одной семейно-родственной общине. Байские хозяйства уходили гораздо дальше на север от зимних стойбищ в поисках обильных кормов, бедным же была достаточна та земельная площадь, которая примыкала к зимним пастбищам. К тому же на этих зимниках располагались сенокосные угодья, поэтому откочевывать далеко не было смысла. Получалось, что байские хозяйства безраздельно пользовались летними пастбищами своего рода. Это, очевидно, было одной из причин, по которой байские хо-

зяйства, не были заинтересованы в обособлении для себя отдельных угодий на летнем пастбище.

В отношении весенних и осенних пастбищ можно сказать, что они в основном были расположены на пути между зимними и летними пастбищами. Во многих случаях они совпадали. Однако степень их обособления различалась, так как весной скот можно было напоить практически везде (из луж, образовавшихся от таяния снега). Осенью же источники воды для водопоя скота приобретали решающее значение. Большинство имеющихся в нашем распоряжении данных свидетельствуют о том, что несмотря на широкий спектр форм пользования весенними и осенними пастбищами (начиная от первичного, или экзогамного рода и кончая отдельным хозяйством) эти земельные угодья, как правило, находились в обособленном пользовании семейно-родственных групп или общин, а также хозяйственных аулов. Это обособление было связано с нахождением на весенних и осенних пастбищах, особенно на последних, пашен и сенокосных участков и, самое главное, колодцев. В ряде случаев имелись еще ранневесенние и позднеосенние пастбища, которые зачастую были обособлены вплоть до отдельного хозяйства с целью наиболее полного использования малейшего клочка земли ранней весной с прошлогодней травой. Поэтому нельзя согласиться с некоторыми дореволюционными исследователями, особенно авторами публикаций Переселенческого управления, относившими весенне-осенние пастбища к землям общего пользования у казахских полукочевников.

Анализ многочисленных данных убедительно свидетельствует о том, что кочевые пути с одного сезонного пастбища на другое у полукочевых казахов в изучаемое время находились в общем пользовании целых родов. Расположенные же на этих кочевых маршрутах колодцы могли быть в собственности всего рода, отдельной общины, хозяйственного аула. В то же время необходимо отметить строгую регламентацию порядка прохождения этих путей каждым аулом и общиной данного рода. Особое значение это приобретало при осенней перекочевке от одного колодца к другому, ибо из каждого из них можно было напоить только строго определенное количество скота. Здесь, как и у кочевых казахов, право собственности на колодцы было временным, т.е. пока ими пользовался хозяин. Все остальное время колодцами могли пользоваться другие хозяйства в

зависимости от степени родственной близости глав этих хозяйств к владельцу колодца.

Наибольшего обособления в пользовании земельными угодьями, связанными у полукочевых казахов со скотоводством, достигло в сенокосении, хотя последнее получило широкое распространение только во вторую половину XIX в. и в значительной степени было заимствовано у переселенцев из европейской части России, главным образом, у крестьян, как и основное орудие сенокосения — коса.

Несмотря на необычайно широкий разброс в формах землепользования в сенокосении, мы можем выделить основную тенденцию. Она заключалась в переходе от наиболее общих, общинных, в виде распределения накошенного сена между хозяйствами одного аула или общины или же ежегодного передела сенокосных участков, к индивидуальному, подворно-наследственному владению, вплоть до частной собственности в понимании казахов.

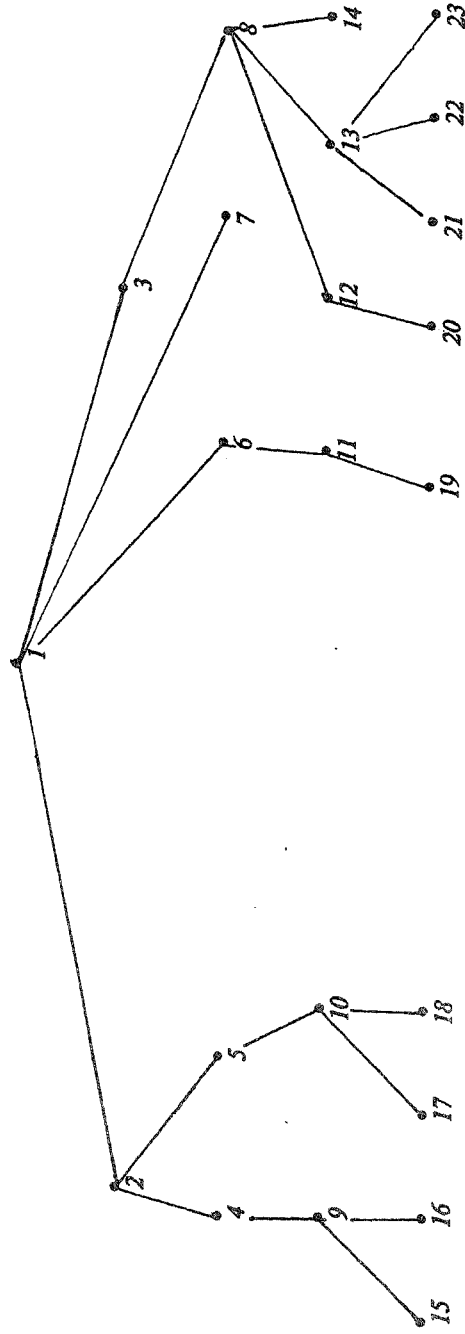
Итак, проделанное исследование общинно-земельных отношений у кочевых и полукочевых казахов второй половины XIX—начала XX в. позволяет сделать общий вывод о все более развивающейся тенденции к обособлению земельных угодий, связанных со скотоводством. Особенно ярко эта тенденция проявилась в новом для скотоводческого хозяйства характере деятельности — сенокосении, где формы землепользования иногда стали принимать характер частной земельной собственности.

В основном земельные отношения у казахов изучаемого периода укладывались в рамках кочевой и полукочевой семейно-родственной общины, основу которой составляли родственные связи. В отдельных случаях: летние пастбища, кочевые пути, весенне-осенние пастбища (у кочевых казахов) землепользователем был первичный, или экзогамный род, который сохранял значение хозяйственно-экономической единицы.

Дальнейшая большая и самостоятельная задача состоит во всестороннем исследовании общинно-земельных отношений у полукочевых и оседлых казахов в области земледелия.

**Кочевая семейно-родственная группа Лавакбалдары рода Сабытай
большого родоплеменного объединения Адай Младшего жуза:**

Адай → *Келимберды* → *Моңал* («уру» — большой род) → *Байымбет* → *Сабытай* (первичный, или экзогамный род «уру») → *Жандай* → *Сарбулат* → *Бапан* → *Лавак* (родоначальник группы *Лавакбалдары* — I)

1 — *Лавак*; 2 — *Байтанат*; 3 — *Шутеумен*; 4 — *Маман*; 5 — *Жаксыбай*; 6 — *Калдыбек*; 7 — *Нияз*; 8 — *Нурызбек*; 9 — *Зорбай*; 10 — *Өтесин*; 11 — *Имаш*; 12 — *Курман*; 13 — *Дюсен*; 14 — *Сисен*; 15 — *Сюндет*; 16 — *Алдонгар*; 17 — *Кенес*; 18 — *Домеш*; 19 — *Косынбай*; 20 — *Ашикбай* (информант); 21 — *Кокурбай*; 22 — *Казанбай*; 23 — *Шудабай* (ПМА // Арх. МАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 966, л. 55).

Аулы кочевой семейно-родственной общины Лавакбалдары
в 20—30-е годы XX в. Старейшина общины (аксакал) Дюсен

Аул Дюсена (Дюсенаулы) I Дюсен + Шулабай (200 овец, 240 лошадей и 250 верблюдов) Коктурбай (отау) Казанбай (отау) 7 хозяйств консы из Сарбулатов	Аул Курмана (Курманаулы) III Курман (300 овец, 30 лошадей и 20 верблюдов) Ашикбай (отау) (женится в 1924 г.; информант) Аделбай (консы из Тонапов) (20 овец, 1 лошадь и 4 верблюда)
--	--

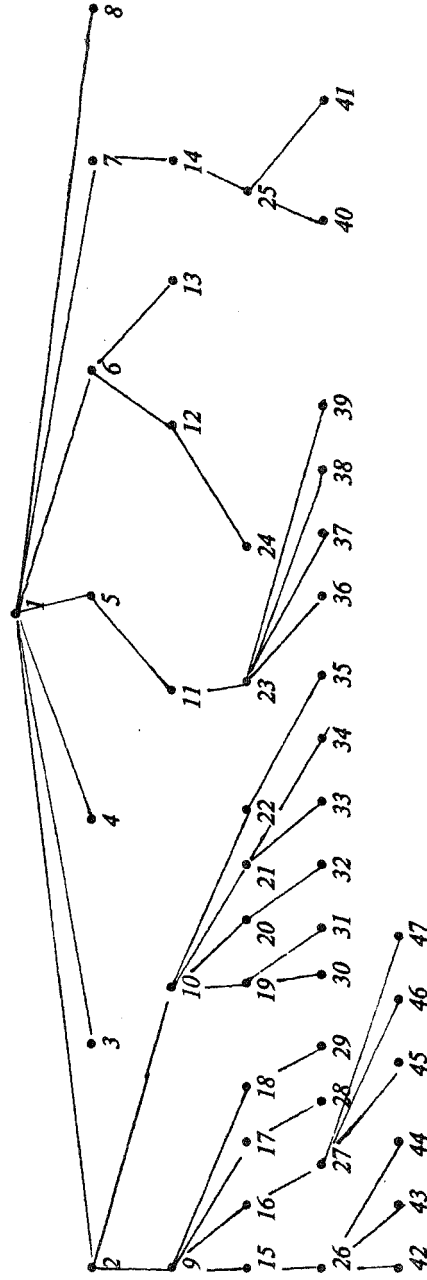
Аул Сюсена (Сисенаулы) II Сюсен (500 овец, 50 лошадей и 30 верблюдов) Отесия + Конес, Демеш, Сюнет, Алдонгар (50 овец, 1 лошадь и 10 верблюдов) Тегисбай (консы) (50 овец, 1 лошадь и 10 верблюдов)	Аул Калдыбека (Калдыбекаулы) IV Калдыбек + Имаш (500 овец, 120 лошадей и 50 верблюдов) Тасмангамбет (консы) (30 овец и 3 верблюда) Тюлесия (консы) (50 овец, 1 лошадь и 5 верблюдов) Шивжирбек (консы) (30 овец и 3 верблюда) Все они из Кельдыбаев
--	--

Условные обозначения: прямоугольники — аулы (I—IV); кружки — батраки и пастухи из дальних родственников; отау — выделенное хозяйство женатого сына. Полу жирным шрифтом выделен глава хозяйства, именина после знака «+» обозначают членов семьи, не ведущих самостоятельного отдельного хозяйства (ПМА // Арх. МАЭ, ф. К-1, оп. 2, л. 966, л. 57—58).

Приложение III

Кочевая семейно-родственная группа Туленбалдары первичного рода Утлюю
большого родоплеменного объединения Адай Младшего жуза:

Адай→Келимберды→Монал→Байымбет→Сабытай→Жандай→Жукара→Жамба→Утлюю (первичный род — «уру»)→Узак→Тулен (родоначалник группы Туленбалдары — I)

1 — Тулен; 2 — Айменбет; 3 — Ыспанбет (потомков нет); 4 — Айтмамбет (потомков нет); 5 — Коше; 6 — Сагындык; 7 — Авай; 8 — Аманжол (потомков нет); 9 — Текелеу; 10 — Мака; 11 — Суеурбай; 12 — Издас; 13 — Эбдикерим (потомков нет); 14 — Абдулла; 15 — Дюсели; 16 — Сарбеле; 17 — Сатай; 18 — Саркожа; 19 — Кадырбай; 20 — Амир; 21 — Старбет; 22 — Кулбай; 23 — Тажыбай; 24 — Марзаш; 25 — Уразали; 26 — Убайдулла; 27 — Анеар; 28 — Амангали; 29 — Ахмет; 30 — Жамагат; 31 — Бекмунда; 32 — Турганбай; 33 — Мукан; 34 — Утеп; 35 — Юзбек; 36 — Тантай; 37 — Макаш; 38 — Тойбай; 39 — Батабай; 40 — Аймокен; 41 — Дарбай; 42 — Салим; 43 — Турарбек; 44 — Аташ; 45 — Дагыстан; 46 — Серик; 47 — Мурат (Арх. МАЭ 1972 г., ф. К-1, оп. 2, д. 964, л. 8—9).

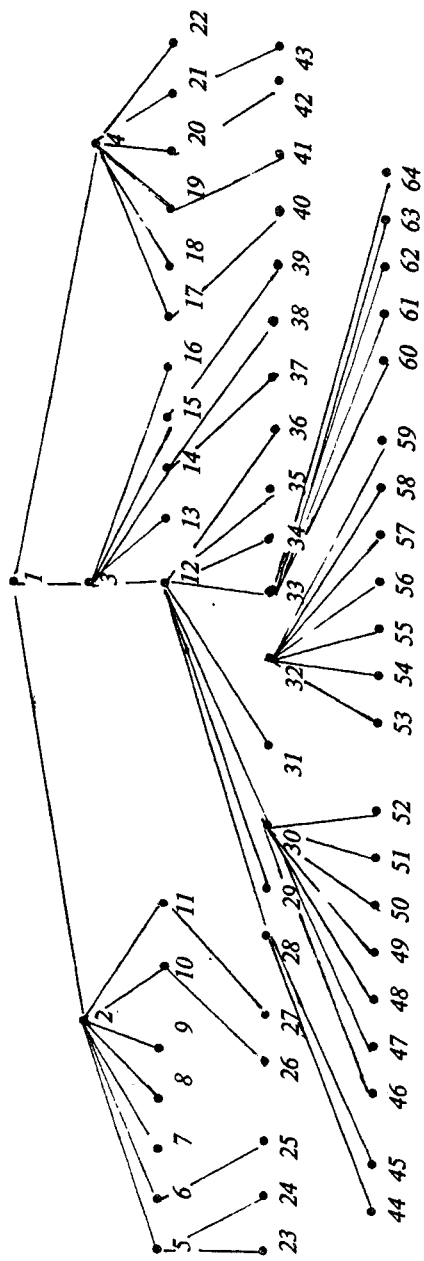
Аулы кочевой семейно-родственной общины Туленбалдары
в 20—30-е годы XX в. Старейшина общины (аксакал) Текелеу

I Аул Текелеу (Текелеуаулы) Текелеу + Сагай, Саркожа (250 овец, 25—30 лошадей и 20 верблюдов) Дюзали (отау) (100 овец, 5 лошадей и 10 верблюдов) Сарбеле (отау) (100 овец, 5 лошадей и 10 верблюдов)	II Аул Мака (Макаулы) Калырбай + Соубет (400 овец, 15 верблюдов и 15 лошадей) Амыр (100 овец, 10 верблюдов и 2—3 лошади) Кулбай (150 овец и 15 верблюдов)
III Аул Сагындыка (Сагындыкаулы) Сагындык + Эбдикерим (1000 овец, 20 верблюдов и 30 лошадей) Избас Атшайбай (пастух-койшы) (30 овец и 5—6 верблюдов)	IV Аул Абдуллы (Абдуллыаулы) Оразали + Дарбай (150 овец, 4—5 верблюдов и 10 лошадей) Аймуken (50 овец, 5 верблюдов и 5 лошадей)
Айтмембет Жунгурус (у них скот пасся вместе, было 300 овец, 10 верблюдов и 5 лошадей)	V Аул Айтмембета (Айтмембетаулы)

Условные обозначения: прямоугольники — аулы (I—V); кружки — юрты. Полу жирным шрифтом выделен глава хозяйства, имена после знака «+» обозначают членов семьи, не ведущих самостоятельного отдельного хозяйства (ПМА 1972 г. Арх. МАЭ, Ф.К-1, оп.2, д.964, л.9—10)

Полукочевая семейно-родственная группа Кожайбалдары первичного рода («ель») Караша
 большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза:

Найман→Окрош→Сугуриш→Кытай→Толегатай→Сартжумарт→Байторы→Байс→Токтаркожа→
 Байжигит→Жумук→Караша→Аман→Жолбарс→Елемес→Кожай (родоначальник группы Кожайбалдары — 1)

1 — Кожай; 2 — Айтуган; 3 — Боду; 4 — Жубатай; 5 — Конбай; 6 — Езитай; 7 — Хайрбай (потомков нет); 8 — Жаирбай (потомков нет); 9 — Акнадий (потомков нет); 10 — Бука; 11 — Суйундук; 12 — Сагирбай; 13 — Кыйы (потомков нет); 14 — Кутубай; 15 — Жанатай; 16 — Нускабай (потомков нет); 17 — Мейирбай; 18 — Бурдубай (потомков нет); 19 — Кылдубай; 20 — Атымбай; 21 — Жабек; 22 — Касым (потомков нет); 23 — Болукбай; 24 — Кинайат; 25 — Касымхан; 26 — Обрай; 27 — Баба; 28 — Абдола; 29 — Каби (потомков нет); 30 — Наби; 31 — Халел (потомков нет); 32 — Ахмет; 33 — Маден; 34 — Махмуд (потомков нет); 35 — Меселим (потомков нет); 36 — Месельбай (потомков нет); 37 — Кональя; 38 — Кашимолда; 39 — Аильмахан; 40 — Жакан; 41 — Кобентай; 42 — Жану-зак; 43 — Мукалай; 44 — Кайдар; 45 — Казкан; 46 — Муғалим; 47 — Мукаш; 48 — Бақытхан; 49 — Адилкан; 50 — Бактырахим; 51 — Халелкан; 52 — Жалелкан; 53 — Тусупкан; 54 — Насырбек; 55 — Ануарбек; 56 — Кинайтола; 57 — Акрам; 58 — Акзан; 59 — Нурелла; 60 — Селямкан; 61 — Гадилкан; 62 — Каналкан; 63 — Нургалым; 64 — Рамазан (ПМА, 1973 г. Арх. МАЭ. 1975 г. ф. К-1, оп. 2, д. 970, л. 1—3).

Аулы полукочевой семейно-родственной общины Кожайбалдары первичного рода Караша
большого родоплеменного объединения Найман Среднего жуза
в 30-е годы XX в. Старейшина общины (аксакал) Сагырбай

Конбай	○	I
Егибай	○	
Хайрбай	○	
Жаирбай	○	
Ахмадий	○	
Букка	○	
(на всех 300 овец, 40—50 ко- ров, 10 верблюдов и 40—50 лошадей)		

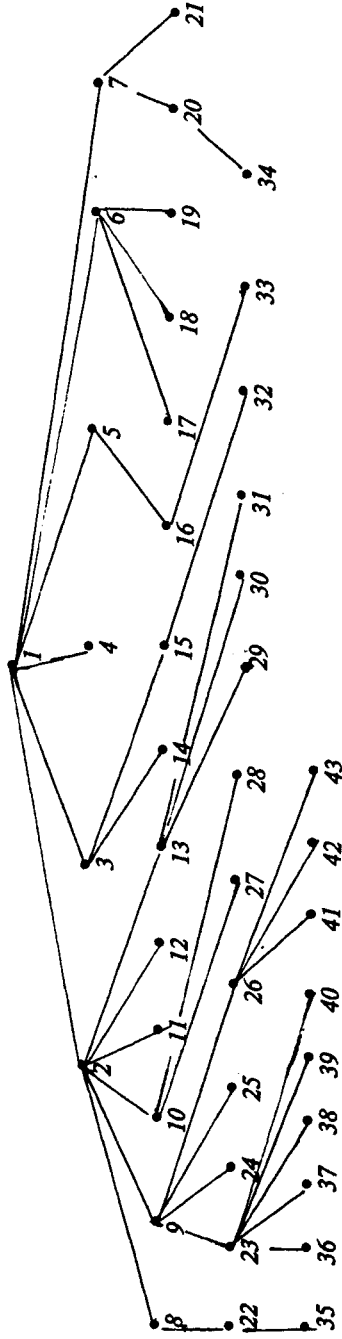
Суйундук	○	II
Сагырбай	○	
Кыйкы	○	
Кутгубай	○	
Жанатай	○	
Нускабай	○	
(на всех 500 овец, 40—50 ко- ров, 10 верблюдов и 40—50 лошадей)		

Мейирбай	○	III
Бурдубай	○	
Кылдубай	○	
Атымбай	○	
Жабек	○	
(на всех 300 овец, 40—50 ко- ров, 10 верблюдов и 40—50 лошадей)		

Условные обозначения: прямоугольники — аулы (I—III), кружки — юрты. Полужирным шрифтом выделен глава хозяйства, остальные обозначают главу семьи, не ведущего отдельного самостоятельного хозяйства.

**Полукочевая семейно-родственная группа Байтасбалдары первичного рода Утетлеу
большого родоплеменного объединения Дулат Старшего Жуза**

Дулат → Боттай → Бийдас → Мырза → Бактыгелды → Бокенчи → Айткул → Умербек → Утетлеу (первичный
род «ру») → Сарталай → Байтас (родоначальник семейно-родственной группы)

1 — Байтас; 2 — Сабанчи (от первой жены); 3 — Дюсембе (от третьей жены); 4 — Байбору (от третьей жены, потомков нет); 5 — Кирбай (от третьей жены); 6 — Аманбай (от второй жены); 7 — Ауганбай; 8 — Дурбай; 9 — Бирбай; 10 — Жуман; 11 — Сейит (потомков нет); 12 — Абдурахман (потомков нет); 13 — Халы (от второй жены); 14 — Абйир; 15 — Кожанкул; 16 — Сейитали; 17 — Джармагамбет (потомков нет); 18 — Мынрали (потомков нет); 19 — Абдрала; 20 — Джарылкасым; 21 — Джахсылык; 22 — Ержигит; 23 — Искак; 24 — Иса (потомков нет); 25 — Арынчи (потомков нет); 26 — Исмадил; 27 — Серкан; 28 — Абен; 29 — Мюралли; 30 — Оруктай; 31 — Бекей; 32 — Берикбак; 33 — Бакыт; 34 — Мукалат; 35 — Темирхан; 36 — Аблай; 37 — Ашигхан; 38 — Мурат; 39 — Чингиз; 40 — Кулугхан; 41 — Бекболат; 42 — Ерболат; 43 — Нурболат (ПМА 1975 г. Арх. МАЭ, ф. К-1, оп. 2, л. 1044, л. 68—69).

Аул полукочевой семейно-родственной общины Байтасбалдары первичного рода Утетлеу
большого родоплеменного объединения Дулат Старшего жуза
в 30-е годы XX в. Старейшина общины (аксакал) Бирбай

Сабанчи (150—170 овец, 10 лошадей, 2 верблюда и 5—6 коров)	○	Дюсенбе + Кожанкул, Бакыт (50—60 овец, 5—6 лошадей и 3—4 коровы)	○
Дурбай (10—15 овец, 2 лошади и 1 корова)	○	Абйыр (50—60 овец, 5—6 лошадей и 3—4 коровы)	○
Бирбай (25 овец, 2 лошади и 2—3 коровы)	○	Байборы (10—15 овец и коз, 1 лошадь и 2 коровы)	○
Жуман (5 коз, 1 лошадь и 1 корова)	○	Аманбай + Мамырали, Джармахамбет (20—30 овец и коз, 3 лошади и 3 коровы)	○
Сейит (1 лошадь и 1 корова)	○	Ауганбай (1 лошадь и 1 корова)	○
Искак (30—40 овец, 2—3 лошади и 2 коровы)	○	Джарылкасым (1 корова)	○

Условные обозначения: кружки — юрты; имена, выделенные полужирным шрифтом, обозначают главу хозяйства, остальные — члены семьи, не имеющие отдельного самостоятельного хозяйства (ПМА 1975 г. Арх. МАЭ, ф.К-1, оп.2, д.1044, л.70).

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Природные условия Казахстана и основные хозяйственные типы у казахов	17
ГЛАВА ВТОРАЯ. Земельные отношения у казахов накануне и в период присоединения Казахстана к России (XVIII — первая половина XIX в.)	42
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Общинно-земельные отношения у кочевых казахов	78
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Общинно-земельные отношения у полукочевых казахов	155
КРАТКИЕ ВЫВОДЫ	279
ПРИЛОЖЕНИЯ I—VIII	287

Вадим Петрович Курылев

**СКОТ, ЗЕМЛЯ, ОБЩИНА У КОЧЕВЫХ
И ПОЛУКОЧЕВЫХ КАЗАХОВ**
(вторая половина XIX—начало XX в.)

Редактор, технический редактор, корректор *И.Н. Ионина*

Художник *К.Б. Серебровская*

Обложка *А.Ю. Харитоновой*

Макет *М.П. Оняновой*

Набор *Е.С. Селиверстовой*

Подписано к печати 25.12.97. Формат 60 × 80 1/16.

18.5 печ. л. Тираж 300 экз. Заказ 331

Лицензия ЛР № 020889 от 25 мая 1994 г.

Петербургкомстат. 197376. С.-Петербург, ул. Профессора Попова, 39